

ISBN 978-5-9624-2014-1

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
VIII Международной научно-практической конференции
Иркутск, 21 февраля 2022 г.

УДК 316
ББК 74.58

Под общей редакцией
канд. филос. наук, доц. *О. А. Полюшкевич*

Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 21 февраля 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. <https://doi.org/978-5-9624-2014-1>.2022.1-309

ISBN 978-5-9624-2014-1

Исследуются теоретико-философские и прикладные аспекты конструирования институтов гражданского общества, анализируются разнообразие социально-экономические, политические и управленческие аспекты общественного воспроизводства. Также рассматриваются образовательные перспективы и вопросы идентичности и отчуждения в условиях социальной солидарности.

Предназначено для ученых в области общественных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами изменения социокультурного пространства, социального воспроизводства и социальной консолидации.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00

Издательство ИГУ, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 14.02.2022. Тираж 15 экз. Объем 14,9 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2022

ISBN 978-5-9624-2014-1

**СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы
VIII Международной научно-практической конференции
Иркутск, 21 февраля 2022 г.

ISBN 978-5-9624-2014-1

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
VIII Международной научно-практической конференции
Иркутск, 21 февраля 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Общество консолидируется.....	6
---	---

СЕКЦИЯ. ФИЛОСОФИЯ СОЛИДАРНОСТИ

Бобков А. И., Агеев А. В. Абсентеизм русского национализма в контексте философского дискурса	7
Данакари Л. Р., Ермоченко К. П., Ивентьев С. И. Духовно-нравственная консолидация российского общества	14
Кошечкина Е. А. Идеология как фактор консолидации общества	21
Лещенко Я. А. Гуманитарный кризис и вызовы времени	26
Нежкина Л. Ю., Бобков А. И. К вопросу о проблеме души в условиях технократического социума	32
Шмонин Г. Ю. Социальное воспроизводство в аспекте современной тенденции развития идей постмодернизма	35
Янгайкина Т. И. Этнические стереотипы профессионального и жизненного поведения (на примере династии семьи Чахоян)	40

СЕКЦИЯ. ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССАХ ИНТЕГРАЦИИ

Заварзина Ю. В. Социальное партнерство градообразующих предприятий и органов власти	48
Карпенко О. А. Современные институты развития гражданского общества, формирующие социальную активность	58
Ким А. С., Полюшкевич О. А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров	65
Малых С. В. Партнёрство университета и НКО	69
Сафонов С. А. О развитии кадрового потенциала как ресурса оптимизации общественно-государственного партнерства	73
Трескин П. А. НКО в условиях пандемии	76
Удалых С. К. Государство, бизнес и гражданское общество в условиях реализации в России международной «зелёной» климатической повестки	80
Фергу Ф. О., Подавайкина М. П. Гражданский активизм в Португалии: по материалам социологического исследования	87

СЕКЦИЯ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Заварзина Ю. В., Батьянова Л. Н. Международный опыт цифровизации государственного управления	90
---	----

Маркова Е. А. Социальная ответственность бизнеса как маркер построения частно-партнерских отношений в эпоху пандемии	97
Москвитина Н. В. Перспективные механизмы государственной поддержки малого и среднего бизнеса в Иркутской области по выходу из ограничительных мер в условиях пандемии	101
Скуденков В. А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе	104
Труфанов А. В. Социальная ответственность нефтегазовых компаний на примере ООО «ИНК»	109
Фальковская Т. Ю., Романова П. М. Переферия – центр: обратный билет нужен!	112
Хайдарова Х. Х. Роль социальной консолидации в управлении городскими экосистемами	115
Хошин И. С. Социальное партнерство в монгольском обществе	118
Чебунин В. П. Анализ лучших практик применения программно-целевого управления по субъектам РФ	121

СЕКЦИЯ. ИДЕНТИЧНОСТЬ, ОТЧУЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Апанина А. В. Особенности семейной межпоколенческой преемственности в духовно-нравственной сфере	125
Бибердов М. С-А., Тайсумова Х. В. Почему возникает кризис идентичности	127
Поджидаева А. Ю. Брачно-семейная адаптация и ее значение для успешности супружеской жизни	130
Попова М. В. Идентичность жителей сельских поселений как инструмент брендинга территории	140
Пряжникова О. Н. Гендерные стереотипы в контексте зеленого потребления	144
Салимашин И. Л. Концепция социальной отчужденности	148
Цемба Н. М. Социальная солидарность и отчуждение в современной России	154

СЕКЦИЯ. СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РАМКАХ КОНСОЛИДАЦИИ

Батьянова Л. Н. Особенности развития государственной политики в области культуры	160
Булуктаев Ю. О. Интеграционный аспект оптимального баланса соотношения светских и религиозных ценностей в Республике Казахстан	167
Иванов Р. В. Борьба с пандемией: анализ мирового опыта (на примере COVID-19)	174
Кривобок С. А. Социальные сети как инструмент воздействия на общественное сознание в аспекте консолидации общества	190
Полюшкевич О. А. Социальное управление через призму норм	195

Попова В. В., Московский С. С. Специфика социально-трудовых конфликтов в условиях пандемии COVID-19	199
Симашенков П. Д., Торопыгина А. А. О феномене «профессионального одичания»	206
Таскова Я. Н., Голубева Т. Б., Миронова М. В. Феномен профессионального выгорания на примере исполнителей социальных услуг	213
Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Изучение адаптационного потенциала личности к корпоративной культуре организации	220
Фальковская Т. Ю. Масленица не только для котов: социально-культурное проектирование как фактор устойчивого развития региона	225

СЕКЦИЯ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Айснер Л. Ю., Наумов О. Д. Единство системы публичной власти и перспективы развития системы местного самоуправления: анализ конституционных поправок	229
Бирюков А. Т., Мулюков Д. М., Салимшин И. Л. Демократическая консолидация в современном обществе	232
Бобков А. А. Принципы власти в контексте проблемы ее критики в условиях самоопределения социальной консолидации	238
Бовыкин К. А. Ковид-диссидентство как форма недоверия власти в РФ	245
Иванов Р. В. Провинциальные российские регионы-острова с сухопутными границами	250
Кильдюшкина И. Г. Перспективы деятельности органов власти Мордовии в решении проблем развития республики	253
Пицугин А. М., Завьялов А. В. Особенности взаимодействия федерального центра и региональных элит в России в 1990–2000-х гг.	261

СЕКЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССАХ ИНТЕГРАЦИИ

Апанина А. В. Правовое воспитание детей в школе	273
Журавлева И. А. Перспективы образования и занятости молодежи	275
Островский С. Н., Шутило М. П. Привитие ценностей обучаемым в образовательном процессе	279
Пружинин А. Н., Поджидаетова А. Ю. Анализ международного опыта устройства корпоративного образования	285
Прытков М. И. Проблемы развития модели частного образования в России	289
Решетникова Е. В., Баева Д. Е. Специфика технологий профориентации в вузах Российской Федерации в сфере социального образования (по материалам исследования)	292
Рудакова Н. В. Основные проблемы в части профессионального кадрового обеспечения детских школ искусств Иркутской области	298
Авторская справка	302

Предисловие
Общество консолидируется

21 февраля 2022 г. прошла VIII Международная научно-практическая конференция «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы». На конференцию поступило более пятидесяти пяти докладов на разные темы социальной интеграции современного социума. Помимо российских участников из Москвы, Красноярска, Хабаровска, Саранска, Волгограда, Ярославля, Екатеринбурга, Брянска, Лужи, Уфы, Самары, Казани, Грозного, Нижнего Новгорода, Старого Оскола, Ангарска, Усть-Кута и других, в работе конференции приняли участие докладчики из Украины, Португалии и Монголии, Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана.

Две трети участников имеют ученую степень доктора или кандидата наук, остальные – это магистранты или студенты младших курсов. Данное сочетание позволяет соединять идеи молодых исследователей и опыт и навыки уже имеющих исследовательский задел ученых. Поэтому конференция стала площадкой для диалога разных поколений ученых для формирования единого исследовательского поля процессов социальной солидарности с позиции социологии, психологии, политологии, экономики, философии, медицины и других сфер развития научного знания.

Тематика секций затрагивала как мировоззренческо-философские теоретические аспекты солидарности, так и конкретно-эмпирические механизмы конструирования институтов гражданского общества, способствующие процессам интеграции и дезинтеграции в социуме. Также рассматривались разнообразные социально-экономические, политические и управленческие аспекты общественного воспроизводства. Отдельно были выделены образовательные перспективы и тематика исследований, связанных с идентичностью и отчуждением в условиях социальной солидарности.

Разнообразие подходов исследователей, выбор интересных и дискуссионных тем для изучения заставляет говорить о динамически развивающейся тематике развития научного дискурса социальной солидарности. Желаем участникам конференции интересной и плодотворной научно-исследовательской деятельности и ждем на следующей конференции.

Оргкомитет

Секция
Философия солидарности

УДК 130.3
ББК 87.6

А. И. Бобков, А. В. Агеев, *Иркутск*

**Абсентеизм русского национализма
в контексте философского дискурса**

Рассматриваются идеи абсентеизма русского национализма как фактора игнорирования его потенциала в качестве идеологии консолидации российского общества. Доказывается, что причина данного игнорирования кроется в пролонгации восстания масс и абсолютизации конца социального. Показывается, что национализм является одним из фундирующих начал модерна и постмодерна, толпо-элитарная модель управления социальной консолидацией стремится заменить его симулякр квазинационализмом. Утверждается, что в противном случае на место конца социального придет конец масс, а значит придет осознание пустоты индивидуализированного общества. Более того, в условиях преодоления абсентеизма национализма в России может наконец состояться консолидация традиционного субъекта народа с модернистским субъектом наций и постмодернистским субъектом интегрированной индивидуальностью.

Ключевые слова: нация, идеология, национализм, квазинационализм, социальная консолидация, масса, абсентеизм, русский национализм.

A. I. Bobkov, A. V. Ageev, *Irkutsk*

Absenteeism of Russian Nationalism in the Context of Philosophical Discourse

The assertion of the absenteeism of Russian nationalism is a factor of ignoring its potential as an ideology of consolidation of Russian society. The reason for this disregard lies in the prolongation of the uprising of the masses and the absolutization of the end of the social. Because nationalism is one of the founding principles of modernity and post-modernity, the crowd-elite model of social consolidation management seeks to replace it with a simulacrum of quasi-nationalism. Otherwise, the end of the social will be replaced by the end of the masses, which means that the realization of the emptiness of an individualized society will come. Moreover, in the conditions of overcoming the absenteeism of nationalism in Russia, the consolidation of the traditional subject of the people with the modernist subject of the nation and the postmodern subject of integrated individuality can finally take place.

Keywords: nation, ideology, nationalism, quasi-nationalism, social consolidation, mass, absenteeism, Russian nationalism.

Национализм всегда обречен на то, чтобы быть либо принимаемым как единственная идеология консолидации современного общества после восстания масс, когда он является национализмом изобретения, либо как неприемлемая доктрина разрушения социума, когда национализм является национализмом подражания. Если в первом национализме идет процесс осмысления немыслимого, то во втором идет рассудочное приспособление. Если первый национализм создает самость нации как смысл существования подлинного творческого индивида в нации, то второй национализм прими-

тивизирует индивида до состояния животного и адаптирует его к такому состоянию, подводя массы к возможности социального самоубийства, чтобы вновь утвердить их в качестве единственного социального субъекта в конце социального.

В связи с этим речь идет о нации и квазинации. Нация изобретение механизмов социального признания, направленная на реальное преодоление могущества масс и бесперспективности индивидуализированного общества и возвращение этнокультурной субъектности через мышление.

Квазинация создаваемая подражанием элиты способной только к управлению массами, распознана К. Н. Леонтьевым¹. Ее амбиции распространяются на то, чтобы управлять массами, а значит массы не могут быть консолидированы до состояния социального субъекта. Массы – это вещи науки, они созданы для того, чтобы индивид не нашел себя там, где его создавал народ для предотвращения восстания масс. Познавать массы можно как вещи, постоянно присутствующие в социальной реальности, а можно как результат некоего конструирования в интересах властвующего субъекта. Однако и в том и в другом случае они не сопротивляются ни научному экспериментированию над собой, ни манипуляциям власти с целью ухода от ответственности. Более того, чтобы возвышенный объект идеологии состоялся для массы приготовлена абсолютно любая идеология, направленная только на то, чтобы иллюзия исчезновения противоречий была внушена. При этом противоречия не были бы устранены. Однако единоклассники примитива вело бы к тому, что нация как субъект состоялась. И не важно то, что националистическая элита была бы по стилю отказа от мышления подобна массе, а сам субъект не является собственно субъектом. Здесь возникает вопрос о механизме отказа от этнокультурной идентичности с ее народом-субъектом.

Механизм этот выглядит так. Мышление может опираться либо на логику, либо на авторитеты, либо на закономерности. Мышлению можно либо научиться, либо научить. Наученные мышлению субъекты полагают, что им передано сакральное знание, которое их отличает от простых смертных не проходивших ритуалы перехода от неученого к ученому. Поэтому народ не может быть авторитетом в силу того, что его ритуалы перехода вроде бы и основаны на научении, но без авторитетов и без ярко выраженной логики.

Отсюда следует, что масса создается отсутствием мышления и мыслителя. Испытывая потребность в идентичности, индивид ищет ее либо в мыслящем универсалистском сообществе (глобальные научные корпорации, транснациональные корпорации, транснациональные политические элиты), либо в партикуляристском сообществе, уяснившем то, что восстание масс

¹«Идея православно-культурного русизма действительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизм же во что бы то ни стало – это подражание и больше ничего. Это идеал современно-европейский, унитарно-либеральный, это – стремление быть как все. Это все та же общеевропейская революция» [3, с. 317]

является глобалистским проектом технократической буржуазии и политической элиты, отрекшейся от духовных практик этнокультурного характера. Иными словами, дискурс национализма обвиняют в том, что вместо наций он создает массы и уходит от ответственности.

Предположим, что национализм преодолевается глобализмом. Тогда возникает любопытный вопрос о том почему столь успешный модернистский проект как национализм был отвергнут, и буржуа, и политическим функционером?¹ Почему национализм был отставлен и отставлен ли он? Многим покажется, что национализм был преодолен универсализмом науки и техники. Наука, исследовавшая социальные общности и их поведение произвела на свет историю будущего, где с одной стороны в экономике появились классы, а в политике появились массы с овладевшими ими идеями. Если говорить о том, что примиряет классы в экономике и массы и элиту в политике, то это квазинационализм. В национализме нет места классам, и нет места элите и массам. В нем есть иная идея, которая овладевая массами уничтожает их. Здесь уместно говорить о национальной идее противостоящей идее квазинации. В. С. Малахов в контексте изучения концепции национализма Э. Гелнера отмечает, что методологически любой исследователь национализма оказывается перед двумя теоретико-методологическими задачами «как изменения общества влияют на изменение «идей», и то, как «идеи» (человеческие представления о мире) влияют на изменения общества» [4, с. 72].

Можно возразить на это тем, что конец социального наступает тогда, когда масса окончательно пришла путем замены заимствованных (не изобретенных) механизмов массового признания в политическую, экономическую и интеллектуальную элиту. Однако это не конец массе, а начало создания квазидеологии консолидации масс. Квазинационализм позволяет себе то, что ставшая элитой масса должна быть элитой для другой массы, чтобы быть не массой. Это все может быть выделено через идею мирового господства и навязывание массовой культуры квазинационального свойства. Иллюзия того, что массы присутствуя отсутствуют возникает тогда, когда комфортно устроившийся перед компьютером индивид смотрит на то, как очередной блогер размышляет о свободе и равенстве. При этом он демонстрирует предпочтение равенству, ибо отождествляет и то, и другое.

¹ Предательство национализма в контексте глобализаторского квазинационализма, по мнению А. С. Панарина, выглядит так: «Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что, когда говорят о глобальном мире, на самом деле имеют в виду не мир народов, а мир элит, неожиданно вышедших из-под системы национального контроля и принимающих решения за спиной местного населения. Мы никогда не разберемся ни в причинах крушения СССР, ни в механизмах приватизации, если не поймем, что главной характеристикой новой политической, экономической и интеллектуальной элиты, захватившей позиции в августе 1991 года, является то, что эта элита мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связавшая свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход этого народа стремится попасть» [5].

Квазинационализм велеречив и готов на все лишь бы искривленное сознание массы уповало на то, что социальные лифты работают только через потребление функциональных вещей и через социопатическую коммуникацию. В контексте игровой концепции социокультурной реальности торжествуют социопатические правила игры, ставшие нормой, хотя когда-то были патологией. Почему были? Они и есть патология. Только доказывать их патологический характер становится все труднее. Причина в том, что исторический и социальный идеальные типы М. Вебера настолько трудны для понимания, что принимать их в качестве нормальной модели социального развития могут лишь единицы. Поэтому сравнивать патологию не с чем, а значит, если статистическое большинство проголосовало за то, что национализм и квазинационализм синонимы, то они таковыми в массовом сознании и являются.

Только есть один важный методологический вопрос как эта синонимизация квазинационализма и национализма была внушена массе и как индивид был убежден в этом же? По всей видимости срабатывает одна научная истина, которая, по мнению В. С. Малахова заключается в том, что говоря о национализме рано или поздно любой интеллеktуал вступает на националистические позиции или на квазинационалистические¹.

Наряду с этим уходом от понимания социальной истины, может встретиться и теория отрицания существования национализма как социального или исторического идеального типа вообще. Абсентеизм национализма не является, чем-то оригинальным, но вместе с тем к нему как убеждению в том, что его нет приходит каждый добросовестный интеллеktуал, если только включает творческое инакомыслие. Как отмечает В. С. Малахов «национализма как такового не существует. Существуют различные идеологические ответы на различные политические вызовы. Эти ответы с большей или меньшей степенью условности могут быть объединены под рубрику “национализм”» [4, с. 9].

Национализм не существует. В трактовке В. С. Малахова есть националистический дискурс и не более того. Если мы утверждаем, что национализм синкретичная идеология, т. е. отсутствие в нем сущностной черты его самобытности говорит о том, что его совсем нет. Он конструируется из фрагментов идеологий и ведет к истине того, что его нет в силу того, что он не идеология. Тогда вопрос встает о том, что есть идеология. У В. С. Малахова, утверждающего отсутствие национализма содержится указание на то,

¹ «Имея дело с идеологией национализма, его исследователи не вправе забывать, что критик идеологии сам не свободен от нее. Тот, кто пишет о национализме, занимает определенную мировоззренческую позицию (либеральную, консервативную, социал-демократическую и т. д.). В этом смысле его анализ «идеологичен». Вместе с тем рефлексия на собственные допущения, их «сuspендирование», т. е. приведение в подвешенное состояние, необходимы. Это то усилие, которое отличает ученого от пропагандиста, равно как отличие науки от идеологии состоит в том, что первая, по крайней мере в идеале, нацелена на поиск истины, тогда как вторая – на обслуживание того или иного интереса» [4, с. 72].

что идеология – это обслуживание интересов. Тогда возникает закономерный вопрос о том, что тогда обслуживает национальный интерес. Если наука не знает национальной истины, то тогда ясно, что идеологии национализма нет, как нет национального интереса. Возможно тогда прав В. И. Ленин единственный из марксистов, который не предал интернационализм в угоду национализму. Но ведь и тот же самый Ленин как идеолог, утверждавший вслед за Марксом, что необходимо отмирание государства, как создающего нации, вынужден был отойти от К. Маркса и утвердить иное видение государства. Конечно, В. И. Ленин не мог утверждать переход на позиции национализма, но И. В. Сталин уже осуществил этот переход и совсем вовремя, потому что революционное государство не могло бы справиться с квазинационалистическим вызовом со стороны Германии, отрекшейся от своего культурного национализма в пользу расового квазинационализма.

Если пойти вслед за В. С. Малаховым, то мы видим смесь теории цивилизаций А. Дж. Тойнби по системе вызов-ответ с теорией науки, как матери идеологии. Наряду с этим мы должны понять то, что В. С. Малахов стремится к созданию политической науки с ее возможностью создания идеологии нормального национализма с целью предотвращения восстания масс в дальнейшем и распространения среди них квазинационализма. Он предлагает конструировать национализм исходя не из сиюминутных потребностей, а из его конструирования как должного, если в нем нет возможности найти сущее.

Отсутствие национализма как идеального социального и исторического типа признается только теми мыслителями, которые видят за национальной спецификой большую идиографичность нежели универсальность.

Признание универсальности национализма немислимо. Хотя универсальность идеологии как феномена общественного сознания не вызывает сомнений. Да и у самого В. С. Малахова зачастую возникает утверждение того, что национализм является идеологией. Значит есть национализм как идеология, но нет национализма как явления. Тогда возникает резонный вопрос о том, какой мировоззренческий сдвиг порождает национализм, как идеологию и почему не существует его как явления. При этом никто не задумывается над тем, чтобы уточнить парадокс что почему нет национализма, но есть квазинационализм?

По мнению В. С. Малахова, многие идеологии приобретают националистический оттенок, когда начинают выражать интересы нации, порожденные наукой кроме национализма, порожденного националистической практикой. «Национализм, так же как и его конкуренты и союзники (социализм, либерализм, консерватизм), не является строго определенной совокупностью теоретических положений, а представляет собой политико-идеологическую конфигурацию, содержание которой в значительной степени определяется социально-историческими обстоятельствами» [4, с. 12].

Только если брать историю идеологического развития тех или иных обществ, то необходимо признать либо восстание масс неотвратимым фактом

и концом социального, либо найти возможности для их прекращения и возрождения социального. Таким образом нам необходимо связать идеологию с пониманием того, что массы в политике живут благодаря идеологии и не могут оставаться в ней иначе, как через идеологию. Массы существуют, а национализма не существует. Значит классы, элиты и другие субъекты политики существуют как теоретические модели, а наций нет.

Тогда абсентеизм национализма подвергает сомнению утверждение том, что «Нации, в теории Геллнера, –это результат общественных движений, а не их основа, т. е. национализм порождает нации, а не наоборот» [2, с. 156].

Национализма как идеологии может не существовать в силу того, что он как раз убивает массы, а любая идеология без их существования просто не может¹. Квазинационализм же, как уже отмечалось полагает, что состояние восстания масс следует использовать, отождествляя массу и нацию, также как отождествляет массу и пролетариат коммунизм, массу и общество социал-демократия, массу и индивидуализированное общество либерализм. Только национализм не хочет отождествлять нацию с массой. Национализм концептуален и дискурсивен. Доказать, что национализм убивает массу не просто. Во-первых, необходимо доказать его существование, во-вторых его несовместимость с психологией толп, в-третьих, его технологическую направленность на мобилизацию не масс людей, а этнокультурных сообществ качественно отличающихся от масс. Отсюда можно будет найти ответ на вопрос о том, почему абсентеизм русского национализма так уверенно утверждается в нашем массовом сознании? И почему на его место усиленно пытаются вмонтировать квазинационализм?

Для этого следует обратить внимание исследователей и мыслителей на тот методологический принцип, выдвинутый В. С. Малаховым. По его мнению, рассмотреть конструктивную консолидирующую сущность национализма, как нейтрализатора масс можно, если усмотреть «отличие национализма от других идеологий не в том, что он использует понятие «нация» в качестве символа, а в том, как он использует этот символ» [4, с. 9].

Если полагать, что национализм использует нацию как символ несколько иначе чем другие идеологии, то квазинационализм использует нацию как символ, как раз как все остальные идеологии. Отсюда следует провести водораздел между ними и определить, что до тех пор, пока масса будет выгодна в качестве аморфного субъекта политики, позволяющего продолжать диктатуру власти массы до тех пор абсентеизм русского национализма будет утверждаться.

¹Как справедливо отмечает В. С. Малахов «Идеология отличается от теории прежде всего тем, что подчинена иным целям, выполняет иные функции, чем теория. Если основная функция теории – поиск истины, то основная функция идеологии – коллективная мобилизация, направление активности масс людей в ту или иную сторону. Отсюда проистекает такая особенность всякой идеологии, как подвижность и изменчивость содержания» [4, с. 11].

Использовать нацию, как символ можно в качестве вещи. Но если квазинационализм использует нацию в качестве символа производства функциональной вещи, то национализм использует нацию в качестве символа производства мифологической вещи. Нация как символ производства функциональной вещи используется теми идеологиями, которые полагают социальное сводимым к механизму или организму. Нация как как символ производства мифологической вещи сводит социальное к вечному духовному субъекту самопознания. Масса создается наукой тогда, когда наука провозглашает тот факт, что власть вещи мифологической, культурной, вещи философской непознаваемой уходит и приходит власть вещи научной или функциональной. В данном случае происходит утрата того, что позволяет делать национализм культурным, а именно утрата вещью способности к высказыванию консолидирующих практик, обозначающих присутствие нации, как этнокультурного субъекта, творящего эту вещь для решения проблемы отсутствия человеческого мышления. Превращение сакральных мифологических вещей в функциональные для квазинационализма есть необратимый процесс, а для национализма он обратим¹.

Литература

1. Бодрийар Ж. Система вещей. URL: https://royallib.com/read/bodriyyar_gan/sistema_veshchey.html#275706 (дата обращения: 21.01.2022).
2. Коротеева В. В. «Воображенные», «изобретенные» и сконструированные» нации: метафора в науке // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 154–165.
3. Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. 1232 с.
4. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие. М. : КДУ, 2005. 320 с.
5. Панарин А. С. Народ без элиты. URL: https://royallib.com/read/panarin_aleksandr/narod_bez_eliti_megdu_otchayaniem_i_nadegdoy.html#0 (дата обращения: 21.01.2022).

¹ Идею водораздела между национализмом и квазинационализмом в контексте нации как символа можно усмотреть в пояснении Ж. Бодрийара полагавшего, что «Функциональная вещь обладает эффективностью, мифологическая вещь – завершенностью. Знаменуемое ею состоявшееся событие – это событие рождения. Я – не тот, кто живет сегодня (в этом мой страх), я тот, кто уже был раньше, согласно логике обратного рождения, знаменуемого мне таким предметом, который из настоящего устремлен в глубь времени; это и есть регрессия^[1]. Таким образом, старинная вещь выступает как миф о первоначале» [1].

УДК 316.752+334.724
ББК 65.49.

Л. Р. Данакари, *Волгоград*
К. П. Ермоченко, *Брянск*
С. И. Ивентьев, *Казань*

Духовно-нравственная консолидация российского общества

Рассматривается концепт «духовно-нравственная консолидация» в связке с обществом. Основу духовно-нравственной консолидации российского общества составляют непреходящие Божественные и духовно-нравственные ценности. По мнению авторов, духовно-нравственная консолидация российского общества взаимосвязана с деятельностью души и духа каждого человека нашего общества. В указанной консолидации ключевая роль отводится воспитанию и образованию.

Ключевые слова: Бог, человек, дух человека, душа человека, духовность, нравственность, консолидация, духовно-нравственная консолидация, ценности, общество, образование, воспитание.

L. R. Danakari, *Volgograd*
K. P. Ermochenko, *Bryansk*
S. I. Iventev, *Kazan*

Spiritual and moral consolidation of russian society

This article discusses the concept of “spiritual and moral consolidation” in conjunction with society. The basis of the spiritual and moral consolidation of Russian society is the enduring Divine and spiritual and moral values. According to the authors, the spiritual and moral consolidation of russian society is interconnected with the activity of the soul and spirit of every person in our society. Upbringing and education play a key role in this consolidation.

Keywords: God, man, human spirit, human soul, spirituality, morality, consolidation, spiritual and moral consolidation, values, society, education, upbringing.

Впервые концепт «духовно-нравственная консолидация» появился в 2010 г. в системе российского образования в связи с разработкой и публикацией Концепции духовно-нравственного воспитания и развития личности как методологическая основа разработки и реализации ФГОС [12, с. 5–15].

В религиозном просвещении и образовании данное понятие используют регулярно. Духовно-нравственной консолидацией российского общества в прикладном плане давно уже занимаются мировые и национальные религии, транслируя и культивируя общечеловеческие ценности.

Духовно-нравственная консолидация многонационального народа Российской Федерации возможна и происходит благодаря базовым национальным ценностям [22].

В иерархии общечеловеческих ценностей выделяют: 1) божественные (Бог, Любовь, Божественные энергия и информация, Сотворчество); 2) духовно-нравственные (Вера в Бога, религия, мораль (нравственность), этика и творчество); 3) витальные (биологические) ценности; 4) социальные [14, с. 300–305].

Нравственность, духовность и ценность являются этимологическими составляющими понятия «духовно-нравственные ценности», т. е. того, что для человека является особо значимым и нужным [27, с. 9–12].

Современная наука духовность рассматривает в двух направлениях: 1. Внутренняя, психическая жизнь человека, связанная с нею; с общностью идей, взглядов, стремлений и т. п. 2. Связана с церковью, религией, принадлежит ей; церковный [8].

В монотеистических (авраамических) религиях духовность напрямую увязывают с верой в Бога и миром Святого духа [29, с. 186–190].

В целом под духовностью подразумевают Бога, Его характеристики, свойства и деятельность, а также человека как образ и творение Бога, природу и деятельность души и духа человека [11, с. 22–30].

Например, в лексикографическом издании Второго отделения Императорской академии наук 1847 г. имеется лексема «духовный» со следующими значениями: 1) бестелесый, бесплотный; 2) исполненный Святого Духа; 3) относящийся к духу или душе; 4) относящийся к духовенству; 5) состоящий из лица духовного звания [23, с. 379], что подтверждает трансцендентальное, божественное понимание данной языковой единицы.

Понятие «духовность» невозможно мыслить без Бога [4, с. 283–294].

Некоторые авторы духовность (переживание и оценка священного внутри или за пределами материального мира) отделяют от религии (лат. *religare* – связывать, соединять) как «структурированной системы убеждений, включающей эмоции, мораль и чувство идентичности и общности», в связи с различными структурой, практиками поиска и подходами к истине [6, с. 40–41], придавая секулярный смысл понятию, ибо духовность всегда связана с Богом (Духом), а также с душой и духом человека.

Понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную семантику [30, с. 336–353].

Понятие «духовность» справедливо не только увязывается с духом, религией и духовной культурой определённого народа, но и с душой и духом человека [2, с. 21–29].

Так, в «Словаре живого великорусского языка» 1861 г. В. И. Даль иллюстрирует семнадцать дефиниций понятия «дух» (включая душу человека), почти все с положительной коннотацией, акцентируя внимание на особенностях русской культуры. Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение) Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [2, с. 21–29]. При этом многими исследователями под последними мыслится сознание и подсознание человека.

В «Словаре древнерусского языка» 1899 г. лексема «дух» представлена 13 дефинициями, среди которых появляются новые: 1) третье Лицо Святой Троицы; 2) благодать, вдохновение, дар Божий; 3) сила души, доблесть; 4) ум, мысль; 5) бес, дьявол, демон; 6) душевное свойство человека; 7) совесть; 8) способность приводить в движение, занимать или руководить другими; 9) чувство; 10) разум. Кроме этого, выделяется омонимичная пара со значениями: 1) дух мира сего; 2) нечистый; 3) злой, лукавый [24, с. 189–190].

В «Словообразовательном словаре русского языка» представлена словообразовательная цепочка дух – духов – духовный – духовно – духовность – духовник – духовенство [18, с. 37], что свидетельствует о религиозной семантике (от др. -греч. *σπυριτικός* – обозначающий) и происхождении данных дериватов, среди которых употребляется адъектив «духовный». В важном источнике восточнославянской лексикологии XVII в., построенного на принципах толкового, этимологического, энциклопедического словарей, П. Берында в «Лексиконе Славеноросском» 1627 г. иллюстрирует дефиниции языковой единицы с сакральной семантикой «дух»: 1) знак небесный; 2) дух истины, премудрости, совести, разума, крепости, бдения, благочестия, страха Божьего; 3) ангел ветра, борьбы; 4) жизнь, дыхание; 5) блудный [7, с. 13].

Концепт «духовно-нравственные ценности» включает в себя три таких понятия, как духовность, нравственность и ценность.

Как указывает З. А. Айзатуллин, «духовность – это стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к высшим ценностям, идеалу. Она проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, строить свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. Одним из сильнейших источников духовности является совесть, а проявлением духовности – любовь. Нравственность – это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способы и приемы передачи вовне своего внутреннего духовного мира. Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие её на достижение высших идеалов» [1, с. 9–12].

Понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную семантику, которая частично была утрачена в результате либо семантической профанизации, либо десакрализации, что способствует выявлению ложных сакрализаторов в сознании русского человека и в современной национальной культуре [30, с. 336–353].

Исследуя лексикографические труды разных столетий, можно определённо сказать, что адъектив «нравственный» стабильно на протяжении нескольких столетий сохраняет устойчивую семантику, которая отражает внешнее и внутреннее состояние общества [23, с. 468; 25]. При правильном понимании лексем дух, духовный, духовность зависит семантическое проектирование на лексему нравственный.

К большому сожалению, в советское и в настоящее время реализуется идеологическое понимание концепта «духовный», выводя на первый план секуляризированное понимание, а затем божественное [19, с. 401–407].

Так называемый «Малый академический словарь» определяет взаимосвязь нравственного и духовного дефиницией «связанный с внутренним, нравственным миром человека», что связывает адъектив «духовно-нравственный» в одно ценностное понятие [25].

В соответствии с четвёртым и пятым поколениями прав человека (правами души и духа человека) душа человека относится к главной духовно-нравственной ценности человека, которая наделяется определёнными правами и свободами [5, с. 62–65].

«Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны» [12, с. 7].

С этимологической точки зрения слово «образование» восходит от слова «образ», которое является сложным и многогранным понятием [9, с. 33].

Понятие «образ» является достаточно сложным, многогранным и часто употребляемым, имеющее большое количество определений, которые формируются исходя из специфики области изучения исследователя. Многие психологи, философы, искусствоведы и другие специалисты часто оперируют данным понятием, придавая ему свой, исходя из научной области, отенок значения.

Определение данного термина этимологически восходит к словарю античной философии. Античный «эйдос» (eidōs) – термин-эквивалент понятию «образ» становится центральным в философии Платона (428/427 или 424/423 – 348/347 до н. э.), который под ним понимал совокупность внешней и внутренней формы бытия объекта, противопоставляя материальному миру, который окружает человека. «Образ», по мнению Платона, это, прежде всего, неизменность вещей материального мира. При этом понятием «образ» – «эйдос» апеллировал и Аристотель (384 – 322 г. до н. э.) [9, с. 33].

В словаре С. И. Ожегова понятие «образ» означает идеальную форму отражения предметов, а в искусстве это художественное отражение действительности. Там же понятие «образ» сводится к облику и виду [26].

В «Новом энциклопедическом словаре изобразительного искусства» образ обозначает вид, форму или изображение [21].

В психологии под образом понимается форма отражения объекта, явления в сознании, субъективная картина мира, которая создаётся на чувственной ступени познания и на уровне логического мышления. Возникающий в сознании образ зависит от всех психических явлений – воли, эмоций, установок, мотивов и т. д. Образное мышление – вид мышления, связанный с оперированием образами и сочетающий в себе чувственные и логические компоненты. Образное мышление связано с интуицией и воображением [19, с. 88].

В Библии указывается, что Бог сотворил человека «по образу Нашему, и по подобию Нашему» (Быт. 1:26). Первое: «по образу» понимают как прирожденное свойство всех форм бытия – от сотворения; второе: «по подобию» – указывает на возможность совершенствования, развития, соответственно Воле и Представлению.

В связи с этим следует указать на неоднозначность и двойственность понятия «образ». Прообраз, изображение как дополнительные смежные термины понятию «образ», может решить эту проблему. Например, прообразы вещей, которые мыслятся и представляются, существуют идеально. Отсюда принципиальный символизм человеческого мышления – способ восхождения от конкретных, частных понятий к общим, абстрактным идеям. В любом образе сочетаются конкретное и абстрактное [21]. Можно сказать, рациональное и иррациональное.

К основной форме существования внутреннего мира человека, согласно психологии, относятся метафизический и духовно-нравственный аспекты [10, с. 43–50].

Образ относится к информации и одному из способов передачи информации [15, с. 237].

Понятие «образ» связан не только с материальным миром, но и духовной сферой человека.

Издравле человек владел наукой образности, которая позволяет человечеству управлять информацией (знаниями) в своих образах и мыслях [15, с. 267].

Слово «образ», являясь синонимом слова «идея» (по-гречески *idea* – вид, образ), означает отражение действительности в сознании [20, с. 82–83], а под идеей в свою очередь понимается зрительный и наглядный образ [28, с. 170].

Понятие «образ» обладает сакральным и трансцендентным замыслом. Следовательно, процесс образования можно отнести к важному сакральному действию [13, с. 53–61].

С философской точки зрения образование – это своего рода духовный облик человека, составляющими которого являются моральные и духовные ценности, из которых он и складывается [17, с. 226].

Таким образом, система воспитания и образования формирует внутренний (духовно-нравственный) и внешний облик человека, используя знания / информацию. В этом и заключается ценность и важность воспитания и образования.

Сегодня образ представляет собой совокупность всех мыслей человека или группы людей о каком-то предмете, другом человеке, ситуации, в частности сегодня большое внимание ученых и исследователей уделяется понятию «образа» образования как результата совокупности социальных условий образовательного пространства, которое ориентировано на модель сегодняшнего дня.

В процессе и воспитания и образования задействована духовная сущность человека – душа и дух человека [11, с. 22–30].

В пункте IV.6 Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека отмечается, что сравнение и уподобление Богу в добродетели – это цель земной жизни человека. В связи с этим образование перестает быть только средством приобретения знаний, оно также выполняет воспитательную функцию: развитие личности по замыслу Творца.

Важность процесса воспитания и образования заключена в том, что через него происходит передача от поколения к поколению знаний о духовном и материальном мире, духовно-нравственных ценностях человеческой цивилизации [16, с. 107–108].

Современная российская система образования состоит из духовного (религиозного) и светского образования [16, с. 107–109].

Духовное образование базируется на религии, морали и нравственности, а основу светского образования составляют наука и светская этика [16, с. 107–109]. При этом фундаментом всей системы образования выступают ценности.

Одной из главных ценностей религиозного образования выступают Бог и Любовь, а также Божественные ценности.

Основу светской системы образования составляют духовно-нравственные ценности, среди которых особое место занимают мораль (нравственность) и творчество.

Система воспитания и образования не обходится без Любви, доброты, человеколюбия, альтруизма, жертвенности ради других, искренности, сочувствия, дружелюбия, толерантности и других проявлений любви и доброты. В христианстве Бог есть Любовь (Библия, 1 Ин. 4:16).

Таким образом, из вышеизложенного следует, что современная российская система воспитания и образования базируется на непреходящих и фундаментальных общечеловеческих ценностях, основанных на любви, доброте и творчестве.

Обществу необходимо целенаправленно приобщать молодых людей к духовно-нравственным ценностям и существующим нормам нравственности и поведения [3, с. 283–294], что позволит правильно формировать единую ценностно-смысловую сферу подростков и молодёжи, т. е. консолидировать их в духовно-нравственном и социальном плане, а значит, объединить наше общество.

На духовном плане человечество объединено единством человеческих душ, скрепами которого выступают Бог и Любовь.

Российское общество консолидируют Божественные и духовно-нравственные ценности, а также единая многовековая история.

Таким образом, основу духовно-нравственной консолидации российского общества составляют непреходящие Божественные и духовно-нравственные ценности.

Литература

1. Айзатуллин З. А. Роль духовно-нравственных ценностей Ислама в поликультурном обществе. URL: <http://islam.ru/content/obshchestvo/44258> (дата обращения: 25.01.2022).

2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа, 21.05.2020 / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 21–29.

3. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект экстремизма // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 24–26.11.2020 / отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 283–294.
4. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодежи и общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 15.02.2021 / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 401–407.
5. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека : материалы Второго науч. симп., 11–12.10.2019, Таганрог / отв. ред. В. П. Рыжов. Таганрог : Тип. Ступина С. А., 2019. С. 62–65.
6. Бабаева Э. А. Духовность и религия. Тождество и различие // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе : сб. ст. / под общ. ред. Н. А. Саркаровой. Махачкала : АЛЕФ, 2020. С. 40–45.
7. Беринда П. Лексикон Славенороский и именъ глъкованіе. Відп. ред. К. К. Цілуйко. Киев : Вид-во АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні, 1961. 272 с.
8. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 544 с.
9. Гончарова Н. Ю. Общетеоретические основы изучения понятия «Образ» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3–2. С. 33–37.
10. Гостев А. А. «Миры образов» в интегральном образе реальности: некоторые духовно-нравственные и метафизические аспекты // Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов : материалы Всерос. юбил. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16.10.2009 / отв. ред.: А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. М. : Ин-т психологии РАН, 2009. С. 43–50.
11. Данакари Л. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственная интуиция и виртуальное пространство // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20.09.2021 / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 22–30.
12. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Социальная педагогика. 2010. № 2. С. 5–15.
13. Данакари Л. Р., Ермоченко К. П., Ивентьев С. И. Духовно-нравственные ценности как основа системы образования // Социально-политические и экономические проблемы современной России : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Мусаева Э. Ш. Махачкала : АЛЕФ, 2021. С. 53–61.
14. Ивентьев С. И. Современные духовно-правовые ценности // Законность и правопорядок в современном обществе : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. С. 300–305.
15. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография. Новосибирск : Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 357 с.
16. Ивентьев С. И. Духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина. Образование // Современность и психолого-педагогические науки. Современность и лингвистические науки. Современность и юриспруденция : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. интернет-конф. / под общ. ред. В. С. Курчеева и Т. В. Сидориной. Новосибирск : ЦПИ – Изд-во СИБПРИНТ, 2010. С. 107–112.
17. Кисленко С. В. Философско-этимологический анализ понятия «Образование» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2008. № 2 (8). С. 225–227.
18. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М. : Русский язык, 1986. 1136 с.
19. Конюхов Н. И. Словарь-справочник по психологии. М., 1996. 160 с.
20. Краткий философский словарь. М. : Политиздат, 1950. 322 с.

21. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. Т. 6. Н – О / отв. ред. В. Г. Власов. СПб. : Азбука-классика, 2004. 590 с.
22. Попова Г. П. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания толерантной личности в РФ. URL: <https://edu-ikt.ru/files/master-klassy/28/6.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).
23. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847.
24. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию / под ред. Ф. Миклошичу, Ф. Х. Востокову, Я. И. Бередникову и И. С. Кочетову. СПб., 1899. 950 с.
25. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М. : Русский язык, 1985. Т. 1 : А – Й. 696 с.
26. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеол. выражений / под ред. Л. И. Скворцова. М. : Оникс : Мир и образование, 2011. 736 с.
27. Утяшев М. М. Права и свободы человека и общечеловеческие ценности // История государства и права. 2010. № 7. С. 9–12.
28. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 2009. 570 с.
29. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1, т. 1 : Гуманитарные науки. С. 186–190.
30. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 2. С. 336–353.

УДК 32.019.5
ББК 60.52

Е. А. Кошечкина, *Луга*

Идеология как фактор консолидации общества

Рассматривается идеология как необходимый фактор развития общества и государства в условиях вызовов современности. Утверждается, что гармоничное развитие Российского государства возможно только на основе консолидации общества вокруг идеалов, поддержанных большинством населения. Также характеризуются модели возможного развития российской государственности в современных условиях.

Ключевые слова: идеология, конфедерация, унитарное государство, федерация, патриотизм

E. A. Koshechkina, *Luga*

Ideology as a factor of consolidation of society

The article considers ideology as a necessary factor in the development of society and the state in the context of modern challenges. From the author's point of view, the harmonious development of the Russian state is possible only on the basis of the consolidation of society around the ideals supported by the majority of the population. The models of possible development of Russian statehood in modern conditions are also characterized.

Keywords: ideology, confederation, unitary state, federation, patriotism.

История нашей страны традиционно делится на пять эпох: киевская государственность, период разрозненных государств, предпочитавших самостоятельное движение по разным моделям развития, так называемое московское царство с последующим преобразованием его в российское государство, советский период развития и, наконец, то, что принято называть Россией после распада СССР [5]. Все эти эпохи объединяет одно. Неважно, будь то русская или российская государственность, она получала импульсы

развития через так называемые «вызовы». А их было довольно много. Самыми известными считаются – вызов, связанный с выбором государственной религии (как известно, мы выбрали православие, поскольку именно оно в наибольшей степени отвечало интересам развития нашего государства); нашествие монгол и обретение независимости от них; Смутное время; вызов петровской эпохи (необходимость приведение государственности хотя бы внешне на один уровень с европейскими державами); необходимость модернизации России в начале XX столетия и последующий революционный взрыв, ну и наконец, распад единого советского пространства тоже может считаться вызовом. Все это события минувших дней. Наша государственность, так или иначе отвечала на эти вызовы. И периоды относительной демократизации и регионализации в развитии государства сменялись периодами ужесточения государственной власти.

Что же происходит сейчас? Россия, как и большинство стран мира, столкнулась с вызовом новой эпохи – эпохи глобализации. И вызов этот – не только экономическая глобализация, но и культурная. Чем ответит российская государственность на вызов нового времени? Ответы, предлагаемые современными специалистами, можно в целом, «уложить» в три основные модели.

Модель первая – «конфедерация». Эта идея варьируется от полного распада единого государства до максимальной регионализации страны [1; 10]. Эта идея, безусловно, самая радикальная. Ибо развитие по этому пути будет означать признание полного краха «имперской» России в любом ее воплощении. Это отказ от прошлого, перечеркивание всего, что казалось важным и правильным в течение многих веков. Однако есть и свои положительные стороны. Если принять вариант максимальной «регионализации», это означает, что российская государственность будет представлять собой нечто вроде «общегития» для многочисленных этнических образований. И это позволит развивать различные стратегии, как в области экономики, так и в области политики. Но есть одно большое «но». При данной модели практически отсутствует «связующая нить». Каждый «регион» будет стремиться развивать свою культуру, свои традиции, свою идеологию. И не факт, что она совпадет с идеологией и традициями «соседей». А это в дальнейшем может привести к распаду, казалось бы, единого пространства. И хорошо, если данный процесс будет мирным, и не будет сопровождаться кровопролитными гражданскими конфликтами.

Модель вторая – «унитарная». Получила довольно широкое распространение в последнее время, как в среде политиков, так и в среде интеллигенции [3]. В этом есть как свои плюсы, так и минусы. Отрицательными сторонами, безусловно, можно назвать усиление авторитарных тенденций вплоть до превращения страны в некое подобие восточной деспотии, что повлечет за собой максимальное ограничение прав и свобод граждан. Среди положительных аспектов можно назвать устранение сепаратизма регионов и модернизацию экономики под патронажем государства. Как показывает

опыт исторического развития России, наше государство из кризисов выходило всегда путем усиления центральной власти и ужесточения политики в отношении окраин. Можно осуждать эти тенденции или принимать их, но как показывает история, наша страна «вырывалась вперед» именно в те периоды, когда авторитаризм власти был максимальным. Плюсы данной модели понятны, но на сегодняшний день совершенно понятны и минусы. Перед нами яркий пример Украины, которая пошла по данному пути, создав унитарное государство с попыткой распространения единой идеологии (относительно ее правомерности или же напротив преступности можно дискутировать очень долго, но эта дискуссия находится вне поля данной статьи) на все регионы без учета их своеобразия. А так как Украина, по сути, представляла собой «лоскутное одеяло» регионов, которые отличались исторически, конфессионально, национально и пр., то унитарная модель рухнула, спровоцировав многолетний военный конфликт, окончания которого пока не предвидится.

Модель третья. Условно ее можно назвать «федеративной». Это развитие России в рамках уже существующей федеративной структуры, но с некоторой ее модернизацией. Вариантов, предлагаемых политологами много, были даже довольно «экзотические» предложения по «этнизации» российской государственности, вплоть до создания Русской республики наравне с иными национальными образованиями в рамках Российской Федерации (несмотря на то что такие проекты предлагались непосредственно перед распадом СССР, и возобновились в середине 1990-х гг., идея жива до сих пор). Однако большинство политологов склонялись к иной идее – идее укрупнения субъектов федерации. Но в отличие от предыдущих лет, предлагалось укрупнение субъектов не на административной основе, а на основе экономической [2; 5]. Процесс укрупнения регионов, как известно, произошел. Насколько он был оправданным, сказать сложно. Однако «укрупненные» регионы не стремятся к разрушению вновь созданных границ.

Экономически, несмотря на сложности лет, последовавших за распадом СССР, Россия остается мощной промышленной державой. Большие пространства РФ позволяют развиваться регионам относительно самостоятельно, российская государственность сохраняет в себе как черты авторитаризма, так и содержит элементы демократии. Сохранение этих тенденций возможно только в условиях федеративного устройства. Мы можем сколько угодно критиковать авторитарные тенденции в России, но это непреложный факт, и это, как ни странно, залог развития нашего государства, сохранения единого пространства, но лишь в случае разумного развития, без отклонения в сторону деспотии.

Но для успешного развития помимо экономического благополучия и сильной власти необходим еще один фактор – идеологический. Это залог консолидации общества. В истории нашего государства были: и концепция «Москва – третий Рим», и «теория официальной народности», и «строительство светлого коммунистического будущего». Все они были критикуемы и

во время своего существования, и после того, как были отринуты. Но, безусловно, одно – они были важны именно как связующий фактор для разрозненных частей нашей Родины.

Единое пространство СССР обеспечивалось помимо экономических интеграционных связей еще и единой, обязательной для всех идеологией. Однако кризис идеологической системы ценностей, провал проекта по созданию гражданской общности (советский народ) неизбежно привел к идеологическому вакууму, что в условиях всеобщего кризиса способствовало заполнению этого вакуума националистическими идеями, что в свою очередь неизбежно – к сепаратистским тенденциям. Национальные республики поспешили отделиться от СССР, но и внутри России оставалось немало регионов с национальной спецификой.

Государство в лице Б. Н. Ельцина предоставило регионам максимальную самостоятельность («Берите столько суверенитета, сколько сможете унести»). С одной стороны, это было признание бессилия центральных властей и отсутствие каких-либо механизмов контроля за регионами. Причинами подобной политики были объективные обстоятельства: Советский Союз распадался на глазах. Страна находилась в затяжном экономическом кризисе. Новое руководство встало перед необходимостью ликвидации жестко централизованной советской системы управления. При перечисленных условиях центральная власть просто не имела возможности контролировать регионы. С другой стороны, именно такая «попустительская» политика позволила не допустить распада вновь образованного Российского государства. Регионы воспользовались представившейся возможностью сполна. Автономные республики (Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская) уже в середине 1991 г. получили статус национальных республик в составе РСФСР. О чем были внесены уточнения в действующую тогда Конституцию 1977 г. Кроме того, четыре автономных области также получили статус национальных республик (Адыгейская, Горно-Алтайская, Карачаево-Черкесская и Хакасская), тем самым резко повысив свой статус. В 1992–1993 гг. ряд областей и республик были переименованы, а Чечено-Ингушская республика в 1992 г. распалась на две самостоятельные республики – Чеченскую и Ингушскую [4].

В итоге сформированное пространство Российской Федерации получилось очень «пестрым» во всех смыслах. Регионы сильно отличались между собой экономически, политически и культурно. С момента распада СССР до сегодняшнего дня случались и национальные конфликты, и укрупнение регионов, и изменение взаимоотношений между Центром и регионами. Но именно теперь со всей очевидностью встает вопрос о необходимости консолидации внутри страны, чтобы противостоять новым вызовам современности. А значит, нужно выработать новую идеологию.

В последние годы все больше говорят о патриотизме как о необходимом условии дальнейшего развития. Вопрос о воспитании патриотических чувств можно найти в различных государственных документах. Так, например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. В редакции 2020 г. в ст. 2 были внесены изменения, согласно которым обязательным становится создание условий для формирования «духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства... чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества... бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [8].

Можно обратиться к такому документу, как Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и стартовавшему с 1 января 2021 г. Федеральному проекту «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование» [6; 9], а также к Указу о национальных целях развития России до 2030 года, в рамках которого обязательным является создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций [7].

Станет ли патриотизм новой идеологией или будет заменен какой-то новой идеей, сказать на сегодняшний день сложно. Можно даже отметить, что в отношении идеологического развития мы продолжаем оставаться в кризисе. Но, безусловно, одно. В китайском языке слово «кризис» означает одновременно «опасность», но и «возможность». Нам стоит прислушаться к этой мудрости и использовать все имеющиеся ресурсы как политические, так и экономические, культурные, и найти оптимальный путь и стратегию развития, чтобы противостоять новым вызовам современности и вывести Россию на первые позиции в мировой цивилизации. А самое главное, сплотить общество и предотвратить распад единого государственного пространства.

Литература

1. Арин О. А. (Алиев Р. Ш.) Двадцать первый век: мир без России. М. : Альянс, 2001. 352 с.
2. Дегтярев К. Экономическое развитие России. Новая стратегия. URL: http://www.kulturolog.narod.ru/degt_econstr.htm
3. Железнов Б. Л. Укрепление федерализма или тихая унитаризация? // Казанский федералист. 2002. № 2. С. 80–83.
4. Кошечкина Е. А. Основные направления региональной политики РФ : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2014. 138 с.
5. Пастухов В. Культура и государственность в России: эволюция Евразийской цивилизации / Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как субъект. М. : Аргус, 1995. С. 149–178.
6. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666. URL: <https://rg.ru/2018/05/08/presidentukaz204-site-dok.html>

7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <https://tg.ru/2018/05/08/presidentukaz204-site-dok.html>

8. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/

9. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». URL: <http://brprcrb.ru/site/pub?id=2988>

10. Филиппов В. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация политики? // Казанский федералист. 2002. № 1. С. 17–35.

УДК 316.73+316.75+316.77
ББК 60.524

Я. А. Лещенко, *Ангарск*

Гуманитарный кризис и вызовы времени

Рассмотрены особенности современной культурной политики и состояние культуры в целом в современной России. Показано, какие ценности, суждения и поступки доминируют или весьма распространены в обществе, особенно среди молодежи. Сделан вывод о кризисном состоянии культуры, гуманитарном кризисе, обусловленном утратой идеалов и принципов, играющих роль духовных оснований, а также потерей собственных ориентиров развития. Кризисные явления в культуре, духовном здоровье, отсутствие консолидирующей идеологии указывают на неготовность общества отвечать на вызовы времени.

Ключевые слова: кризис культуры, этическая система, духовные основания общества, жизненные ценности

Ya. A. Leshchenko, *Angarsk*

Humanitarian Crisis and Challenges of the Times

The article discusses the features of modern cultural policy and the state of culture in general in modern Russia. It is shown which values, judgments and actions dominate or are very common in society, especially among young people. The conclusion is made about the crisis state of culture, the humanitarian crisis, caused by the loss of ideals and principles that play the role of spiritual foundations, as well as the loss of one's own development guidelines. Crisis phenomena in culture, spiritual health, the absence of a consolidating ideology indicate the unpreparedness of society to respond to the challenges of the time.

Keywords: crisis of culture, ethical system, spiritual foundations of society, life values

В последние десятилетия многие российские и зарубежные аналитики рассуждают о том, что современная цивилизация находится на пороге некоего фундаментального поворота в своём развитии, причём оценки сущности и последствий этого поворота часто носят весьма негативный и даже апокалиптический характер.

Российский ученый, писатель Сергей Белкин высказался по данной проблеме следующим образом: «Поворот, хоть и глобальный, всего лишь смена направления движения. Мы же приближаемся к ситуации, когда опора под нами исчезает, ориентиры беспорядочно мелькают в тумане, а стрелки компасов безумно вращаются. Это – не поворот. Это такая встряска, из которой можно вообще не выйти. Мир, похоже, находится в преддверии именно такой всеобщей встряски, водоворота истории, куда будут затянуты все. А когда и какие обломки стран и народов «река времен» выбросит в нижнем течении, мы пока не знаем. И, скорее всего, заранее

знать не можем. Но вот «правила выживания» в водовороте истории мы обязаны попытаться понять. И следовать им – коль скоро мы не утратили собственной воли» [1].

В контексте указанной проблемы нас интересует, прежде всего, то, как она может быть охарактеризована применительно к России, и какие основные факторы её формируют. Эту же мысль высказывает и Сергей Белкин: «Есть ли у России собственная воля? Или мечта? Что с нами: государством, страной, народом, – будет, если мы ничем в этой сфере, пространстве идей и образов будущего, не объединены? С чем мы вступаем в грядущий водоворот истории?» [1].

Если попытаться описать идеологическое состояние российского общества, то придётся использовать такое понятие, как «аморфность» или близкие к нему, указывающие на невозможность структурирования по идеологическим параметрам. Если же попытаться описать общество на языке ценностей, предпочтений, ожиданий и т. п., то можно получить вполне определённую картину.

Иерархия ценностей, как и сами ценности, существует всегда, во всех культурах, на любых стадиях их развития. Осознание ценностей и их иерархии – неотменяемый закон жизни. Выдвинутый Дональдом Трампом во время своей предвыборной кампании в 2016 г. лозунг Make America Great Again! («Сделай Америку снова великой!») – это предельно ясно, кратко сформулированная иерархия ценностей.

Когда в обществе, попавшем в силу каких-то кризисных явлений в точку бифуркации (полифуркации) начинается жестокая схватка интересов, конкуренция целей, то это всегда свидетельствует о противоборстве ценностей. А ценности и интересы лежат, главным образом, в двух основных сферах – экономической и духовной. Выразителями этих ценностей и интересов становятся вполне определённые субъекты, которые, придя к власти, немедленно вооружаются инструментами воздействия на общество – силовыми и интеллектуальными. При этом интеллектуальные средства воздействия – это идеологии, этические системы, вероучения.

Если пришедший к власти новый политический (и экономический) класс (например клан олигархов) начинает отрицать и радикально менять действовавшую в обществе на протяжении многих лет идеологию, демагогически маскируя связанные с новой идеологией возможные издержки и угрозы, то, как поясняет С. Белкин, «на самом деле идёт формирование жесточайшей иерархии ценностей, желанной этому манипулятору: ценности действительно размываются внутри объекта манипуляции, водворяемого в свою социальную нишу» [1].

Существует ли среди членов общества осознанный выбор той или иной идеологии. По-видимому, такое бывает лишь в редких случаях. Борис Шапталов считает, что в обществе имеют возможность эффективно воздействовать на массовое сознание лишь слои, обладающие реальной силой. Такой силой обладает властная элита. Именно она определяет, какой идеологии

должен придерживаться народ [11]. Шапталов совершенно прав, поскольку в подчинении у государственной власти находятся вся мощь госаппарата и основные средства массовой информации.

Если в условиях возникшей социально-политической нестабильности некие социальные группы смогли захватить власть и присвоить себе крупные сегменты общенациональной собственности (как это произошло в России в 1990-е годы), то едва ли не главной их заботой становится сохранение этих богатств. Для этого нужны соответствующие законы, выстроенное под эти законы государство, а также специально психологически и ментально настроенное на принятие такого положения вещей население. Настраивать же таким образом население призваны ангажированные люди и социальные институты в сферах политики, образования, культуры, СМИ. По мнению С. Белкина «такой подход, реализованный в России после развала СССР, оправдал себя (с точки зрения власти) полностью. Богатство перераспределено в пользу «реформаторов и их друзей», социальная активность общества надёжно регулируется – причём так, что само общество этого не чувствует и не замечает, пребывая в уверенности, что «борьба идей» и даже «проектов» продолжается...» [1].

Учитывая вышеизложенное, обратимся к особенностям современной внутренней политики, особенно важнейшей её составляющей – культурной политики. Как известно, практическая политика – это управление обществом для достижения тех или иных целей. Причем у любых целей есть этическое измерение. Достичь поставленной цели можно только воздействуя на исторически присущее данному этносу ценностно-этическое мироощущение. Следовательно, в основе политики, осуществляемой в интересах конкретного общества, должна быть его этическая система.

В своё время Евроатлантическая цивилизация сформировала культуру героев, возродив традицию античности. Героями провозглашались личности, достигшие больших результатов в своей сфере: полководцы, политики, мореплаватели, изобретатели, а также художники, музыканты, писатели. Таким образом, культура задавала жизненные ориентиры молодому поколению. Такой же была культурная парадигма и в СССР.

А каковы особенности современной культурной политики, и, вообще, культуры во всех ее ипостасях в современной России. В условиях господства неолиберальных взглядов и ценностей на бытовом уровне получила массовое распространение субкультура общества потребления, радикально повлиявшая на изменение, переформатирование массового сознания. Среди молодого поколения особым почетом стали пользоваться деятели сферы развлечений, становящиеся кумирами масс. Ведущей является тенденция к возвеличиванию героев шоу-бизнеса. Фигура шоумена (развлекателя) стала центральной в искусстве общества потребления. Этим объясняются феноменальный уровень их доходов и масштабы общественного внимания к их личной жизни. Остальные знаковые (в традиционном обществе) лица – ученые,

конструкторы, крупные производственники, представители «героических» профессий (космонавты, летчики, моряки) отходят на второй и третий план.

Следует упомянуть о некоторых веяниях в современном российском театральном искусстве. Уже четверть века (время, за которое формируется новое поколение) в России идут процессы маргинализации театра, подмены аморальными постмодернистскими мотивами традиционных ценностей. Нередко на ведущих ролях в российских театрах оказываются такие, с позволения сказать, «новаторы», кто сделал себе имя на скандальности, аморальности, провокационности [2]. Писатель, председатель Координационного комитета Общественного совета при Министерстве культуры Свято-слав Рыбас предложил руководству Министерства начать координировать деятельность государственных театров, ввести госзаказ и в ответ услышал заявление, что «у нас нет цензуры», а есть «свобода творчества» [5].

И что же мы видим в повседневной действительности, какие ценности, суждения и поступки доминируют или довольно распространены в обществе, особенно среди молодежи, которая будет формировать будущее страны. Средства массовой информации переполнены шокирующими сообщениями: о 19-летнем студенте, справившем нужду на стенд с портретом ветерана войны; о юных блогерах, совершивших акции с раздеванием на фоне музеев и храмов; о школьницах, истязавших свою одноклассницу; о других подобных случаях, и несть им числа. Молодой человек на видео в TikTok сказал, что не знает, когда началась Великая Отечественная, поскольку эта информация ему в жизни «не пригодится». Ему вторит популярный в значительном сегменте молодежной среды рэпер Моргенштерн, признавшийся, что не понимает праздника Победы, которая состоялась 76 лет назад [7]. Становится ясно, что с патриотическим воспитанием дела обстоят из рук вон плохо. Как и с культурной политикой в целом.

О некоторых важных причинах такого положения высказался публицист и переводчик Дмитрий Пучков, известный в интернет-сообществе под ником Гоблин. «Вот подросток, он выращен в вашей школе, на ваших образовательных программах. Какое внимание в нынешних учебниках истории отдано Великой Отечественной войне, если Сталинградская битва там занимает пол абзаца, а дальше вы рассказываете про кровавый советский режим? Может, для кого-то это открытие, но наша война была войной нацистов с коммунистами, во главе которых стояли главный коммунист Иосиф Сталин и Компартия Советского Союза. Это была ее победа – как образующей и направляющей силы. Но об этом рассказывать нельзя, потому что сущность государства у нас – это отрицание всего советского... Подростки... не смотрят телевизор и прочий государственный официоз..., эти дядьки, которые там что-то своё обсуждают, им неинтересны... Подросток ведь всё отрицает: мама у него, как он думает, дура, папа – неудачник, они никакого успеха в жизни не добились. Но есть гражданин Моргенштерн, который – чик, и вот он уже весь в шоколаде, трясет пачками бабла, а вокруг прыгают голозадые девки. Вот это, я понимаю, успех! У мамы и папы денег нет, а у Моргенштерна есть. Значит, равенние на него» [7].

По мнению писателя, публициста Лидии Сычевой «привитие безобразного лишает народ, страну жизнестойкости. В духовно разрушенной стране можно делать все что угодно» [6].

С. Рыбас считает, что в стране идет гуманитарная революция. Но, по нашему мнению, правильнее говорить о кризисе культуры, гуманитарном кризисе. «Кризис культуры – культурологическое понятие, фиксирующее ситуацию, возникающую в результате разрыва между культурой со всеми ее институтами и структурами и резко изменившимися условиями общественной жизни. На судьбе культуры сказывается столкновение духовно-нравственных идеалов с реальной жизнью. Иссякает энергия культур, ценностей, творческий дух покидает культуру, неспособную утолить духовный голод общества» [10].

Приведем еще высказывания Д. Пучкова: «историю надо знать, чтить и уважать предков. Но если вы в школе преподаёте им «власовца» Солженицына, а в телевизоре у вас идёт какая-нибудь «Зулейха открывает глаза» или прочая антисоветчина, и это у вас образец для наполнения детских голов знаниями – ну, поздравляю. Дети смотрят и читают такое про родную историю и думают: кем были их предки? Уродами, проигравшими прекрасному цивилизованному Западу? А что им ещё остаётся думать?.. Всё кино, песни, музыка, пляски, которые нравятся детям, – из-за бугра... В итоге ваших детей воспитывают американцы» [7].

О том к чему приводит приверженность современной российской властной элиты идеологии неолиберализма, недвусмысленно высказался известный израильский политолог (и бывший наш соотечественник) Яков Кедми: «Опасность либерализма в том, что он отключает у молодежи критический ум. То, что происходит на Украине в связи декоммунизацией, – это великолепная иллюстрация того, как общество само себя загоняет в тупик и клоаку» [3].

Следовательно, одним из наиболее мощных факторов негативного воздействия на формирование массового сознания и духовного здоровья сейчас является комплекс информационно-психологических воздействий, расшатывающий, разрушающий имманентную обществу культуру.

Состояние культуры, духовное здоровье и консолидация общества – важнейшие индикаторы способности государства выстоять в весьма вероятных жесточайших противостояниях и войнах, как это не раз было в нашей истории.

По выражению А. Тойнби, «глубинным источником кризиса культуры является потеря внутренней самодетерминации общества, т. е. утрата значимости идеалов и принципов, играющих роль его духовных оснований. Вследствие потери собственных ориентиров развития возникает потребность общества в инокультурных образцах, ценностях, заимствованных из других культур. Кризис – это потеря способности общества к творчеству, культурная исчерпанность. Основой творческой дегенерации становится культурно-цивилизационная диаспора. Элита, прежде обеспечивавшая производство и сохранение смысловой значимости жизненных ценностей, де-

вальвируется» [8]. В результате возникают интенсивные процессы охлократизации и варваризации культуры, о чем писали Х. Ортега-и-Гассет [4], Й. Хейзинга [9] и другие мыслители.

Таким образом, кризис культуры определяют внутренние причины и противоречия: переоценка, ломка этноисторических ценностей и традиций, духовная деградация общества, разрушение имманентной идеологии и замена ее на идеологию, противоречащую культурно-цивилизационному коду этноса, дезориентацией в культурном пространстве и т. п.

Из всего вышесказанного можно заключить, что кризисные явления в культуре, духовном здоровье, снижение значимости традиционных идеалов и принципов, идеологически обоснованных национальных ориентиров указывают на неготовность (или слабую готовность) общества отвечать на вызовы времени.

Литература

1. Белкин Сергей. Мечты прагматика. Идеи и ценности в водовороте истории. URL: http://zavtra.ru/blogs/mechti_pragmatika (дата обращения: 15.03.2020)
2. «Драмкружок при психбольнице». Писатель Юрий Поляков о современном театре // Аргументы и факты. 2021. № 28.
3. Мудрая цитата Кедми о том, как надо относиться к коммунизму. URL: https://zen.yandex.ru/media/psidovod/mudraia-citata-kedmi-o-tom-kak-nado-otnositsia-k-kommunizmu-5fc478ce39eab6574d952065?utm_campaign=dbr.26.11.2021 (дата обращения: 25.01.2022).
4. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост. и общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Весь Мир, 1997. 704 с.
5. Страна нераскрытых книг. Нечитающее общество не готово к вызовам времени. Аргументы и факты. 2021. № 27.
6. Сычёва Л. А. Мы всё ещё русские. М. : Вече, 2018. 320 с.
7. «Типичная подростковая дурь». Д. Пучков (Гоблин) – о молодёжных ценностях // Аргументы и факты. 2022. № 3.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории : сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. 2-е изд. М. : Айрис-пресс, 2002. 640 с.
9. Хейзинга П. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
10. Хоруженко К. М. Культурология: энциклопедический словарь. Ростов н/Д : Владос, 2003. 640 с.
11. Шапталов Б. Н. Деградация и деграданты: История социальной деградации и механизмы ее преодоления. М. : ЛЕНАНД, 2014. 256 с.

УДК 159.9.01
ББК 88.52

Л. Ю. Нежкина, А. И. Бобков, *Иркутск*

К вопросу о проблеме души в условиях технократического социума

Обсуждается актуальный вопрос утраты человеком своей духовности под воздействием стремительно развивающейся информационной техникой. Анализируются процессы технократического социума и способы проявления души и душевности в жизни человека и общества.

Ключевые слова: душа, образование, мышление, технократизация.

L. Yu. Nezhkina, A. I. Bobkov, *Irkutsk*

To the question of the problem of the soul in a technocratic society

The article discusses the topical issue of the loss of a person's spirituality under the influence of rapidly developing information technology. Computerization, information technologies are rapidly moving towards the replacement of a person in the performance of activities and life. Technology literally changes a person's thinking, taking him away from feelings, love, kindness, self-sacrifice, the meaning of life, taking him away from his soul. All these processes, on the other hand, stimulate the development of existential views that determine the development of human spirituality.

Keywords: soul, education, thinking, technocratization.

Проблема будущего человеческой природы в условиях технократического трансгуманизма в какой-то степени уже предопределена. Человек все больше становится придатком искусственного интеллекта, впадающим в состояние носителя клипового сознания. Тотальная информатизация концептуального, исследовательского и обыденного сознания приводят к тому, что человек утрачивает духовные практики самопознания, а значит приобретает проблему души. Она становится непонятным феноменом, который заменяется рационалистическим, научным подходом к пониманию мира и себя в нем. В технократическом социуме человек привязан к технике и рассматривается как ее деталь, которую можно использовать. Техника выглядит прогрессивно, при этом разрушает духовность человека, лишает его собственной ценности, вызывает страх оторваться от нее, беспомощность и пассивность. Мышление современного человека пришито к системе массовой информации и лишено культурологических, этнических, индивидуальных особенностей. Сетевое, клиповое мышления современного человека, по сути, лишает его самостоятельности ему не до смыслов, не до обдумывания, не до воображения.

Казалось бы, еще вчера образование невозможно было представить без взаимодействия педагога и обучающегося, без их диалога, дискуссии, содействия. Между ними происходило разное взаимодействие, была и сопричастность души с душой, помогающая молодому человеку сформировать мышление, как понимание окружающей действительности, в которой ему предстоит проявить себя.

Сегодняшнее образование тщательно старается разорвать шов, сшивающий мышление с поэзией и любовью. Современная образовательная среда

все больше становится виртуальной, а молодой человек в ней одиноким и теряющим навыки социализации. Молодой человек, обладающий активностью и самостоятельностью в мышлении, эмоционально восприимчивый обречен на то, чтобы тщательно скрывать свои эмоции, выражение своей души и духовное творчество. При этом новый креативный класс, стремится не к тому, чтобы покончить с примитивно мыслящей душевно пустой и духовно обанкротившейся массой, он стремится к продолжению шоу к тому, чтобы толпа убивала душу.

Технократизация диктует современному человеку социальные закономерности, которые могут быть постигнуты только рациональными способами, блокирующими эмоциональное социальное взаимодействие, навязывая волевое, интеллектуальное, атеистическое мировоззрение без души. И. С. Аксаков писал: «Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода – деспотизмом и рабством. Совлекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет, – уже совлекает с себя и образ человеческий, и взревнует об образе зверином» [1, с. 216].

Идеи экзистенциалистов выступают против обездушенной технократической реальности. Они направлены на развитие творческого самобытия и самораскрытие человека, на его внутренний мир и мир внешний, который означает, что человек непосредственно взаимодействует с другими людьми и собой, этот контакт и есть экзистенция. Находясь на пересечении этих двух миров, с одной стороны человек в мире с другой не в мире – одновременно. А. Лэнгле отмечает, что без обмена, без диалога, без переживаний, через которые человек приходит к смыслам, происходит ощущение потерянности и отчуждения.

С. Л. Франк сказал, что человек как первичное существо реальности «я», чье «...переживание есть по существу нечто большее, чем субъективное «душевное» состояние: оно есть именно духовное состояние, как единство жизни и знания. «Пережить», «прочувствовать» что-либо – значит знать объект изнутри, в силу своей объединенности с ним в общей жизни...».

Преодоление трансгуманистических идей возможно новыми экзистенциальными перспективами, обращенными к вопросам о душе человека:

- Как твоя душа выражает себя?
- Когда в последний раз ты плакал от радости?
- Писал стихи?
- Танцевал под дождем?
- Рисовал что-нибудь?
- Гулял на восходе солнца?
- Беседовал до зари?
- Общался с природой?
- Искал Бога?
- Когда ты сидел один в тишине, путешествуя по глубинам своей души?
- Когда говорил своей душе привет?

Такие вопросы помогают человеку осознать, что он присутствует в своей жизни и в мире. Они помогают ему найти себя и приобрести внутреннее согласие с тем, что он делает. Тогда человек может почувствовать, что живет своей жизнью, и только он несет ответственность за свои поступки. Если человек не получает внутреннего согласия с тем, что он делает, тогда возникает вопрос: «А ты присутствуешь в своей жизни?» Внутреннее согласие и есть Я. Без вовлеченности в жизнь, без непосредственного общения с людьми, без переживаний чувств и преодоления внутренних и внешних преград у человека не может состояться самореализация, тогда человек ощущает некоторую потерянность в жизни, ее бессмысленность. Поэтому важно обсуждать с собой такие экзистенциальные вопросы как:

- В каких отношениях я состою со своей жизнью?
- На что в жизни я обращаю внимание?
- Чему я удивляюсь?
- Рассказываю я об этом и кому?

Человеку важно говорить о своей жизни, понимать ради чего он живет, к какому результату движется, какую ценность и добро создает, что полезного делает для других людей. Это помогает человеку ощущать и переживать свое присутствие в жизни, чувствовать свою душу. И никакая техника не может заменить, компенсировать, объяснить эти внутренние значимые переживания, помогающие человеку становиться и реализовывать свои способности. Техника в руках человека должна быть инструментом для созидания и преображения окружающей действительности, а не являться инструментом манипулирования и создания иллюзий общения, дружбы, любви, жизни, поскольку отсутствие человека в своей жизни и мире может привести к необратимым катастрофам и прежде всего духовной.

Литература

1. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины : учеб. пособие по апологетике для духов. школ. 5-е изд., испр. и доп. М. : Сретен. монастырь, 2004. 432 с.
2. Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика // Национальный психологический журнал. 2015. № 1(17). С. 26–38.
3. Франк С. Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. 261 с.

УДК 7.038.6
ББК 87.6

Г. Ю. Шмонин, *Иркутск*

Социальное воспроизводство в аспекте современной тенденции развития идей постмодернизма

Показывается, что социальное воспроизводство современного общества с учетом актуальной популяризации постмодернизма состоит из кульминации и развязки. Доказывается, что, подходя к своей кульминации, общественные отношения сталкиваются с проблемой самоистребления. Также анализируется эволюция общества, проблемы его воспроизводства и пути решения прогнозируемой социокультурной развязки.

Ключевые слова: постмодернизм, общество, социальное воспроизводство, чайлдфри, индивидуализм.

G. Y. Shmonin, *Irkutsk*

Social reproduction in the aspect of the modern trend in the development of postmodern ideas

The social reproduction of modern society, taking into account the current popularization of postmodernism, consists of a culmination and denouement. Approaching its climax, public relations face the problem of self-destruction. The article analyzes the evolution of society, the problems of its reproduction and ways to solve the predicted socio-cultural denouement.

Keywords: postmodernism, society, social reproduction, childfree, individualism.

Социальное воспроизводство современного общества, с учетом актуальной популяризации постмодернизма (Ф. Лиотар), состоит из кульминации и развязки. В данном аспекте под кульминацией социальных отношений (любых социальных проявлений) понимается попытка тотальной унификации лично-общественных потребностей и возможностей. Под социокультурной развязкой понимается прогностическая эффективность и результативность такой социальной квазиреальности под фактором проявления постмодернизма.

С одной стороны, прослеживается парадокс, заключающийся в явном противоречии западной¹ современной философии, выражающую антитезу модернизму, нашему семантическому определению кульминации социальных отношений. Дело в том, что актуализированная попытка подмены антропологических социальных функций (задача по преобразованию общественных благ) общества заключается в унификации таких определений, т. е. попытка приведения социальных проявлений к единообразной системе может означать переход на коллективистские начала, но не являющиеся таковыми. Напротив, речь идет о завязке общественных функций на тотальной инструментализации жизни человека. Другими словами, общество, отвечая требованиям и вызовам современности, сознательно пересматривает

¹ Критерий территориального деления современной философской мысли на западную и отечественную традицию актуальной философии служит предубеждением зависимости русской мысли от западных тенденций. Напротив, русская философия отличается автономностью и уникальностью проблем определения бытия, тем не менее, систематическое навязывание традиций западноевропейских культур имеет значение на развитие национальной идеи.

вопрос соответствия своей социализации IT-технологиям. Однако речь идет не только о подчиненности (сознательной зависимости) общества факторам научных достижений, крайне упрощающих бытийное течение жизни, а также о синтезе постмодернизма, кульминации и индивидуализма.

Примером такого соотношения может являться направление идеологии неоллиберализма, конкретнее, сведение человеческих отношений к конкуренции. Такой подход отправляет социальный институт на периферию эгоцентричной автономии. В целом, данная мысль обусловлена. В ходе формирования гуманистической мысли, этическая самокритичность общества пришла к определению социальной ориентации. В социальной ориентации индивидуализм опосредует оптимизацию общечеловеческих отношений [5]. Индивидуализм опосредует дегуманизацию общества, тогда как коллективизм составляет подлинное развитие личной свободы человека, развитие общества в целом.

Прототип социальной реальности постмодернизма, пришедший на смену классических, традиционных систем общества, завязывает человеческие отношения на подчиненности общепризнанным супероснованиям, как попытки унификации. На современном этапе, некоторыми из супероснований сплочения общественных масс являются: транснациональный капитал (капитал), группы меньшинств, IT-технологии, социальное воспроизводство, COVID – 19, идеология и международно-правовые коалиции (ООН, БРИКС, НАТО). Объединение людей или попытка их унификации приводит к сплоченности перед общей бедой, определенным объектом, общей потребностью или любой формой проявления небезопасности. В свою очередь, попытку унификации или ее подмены стоит рассматривать в двух направлениях: как прогнозируемо продуктивный метод консолидации общества и как формально-мнимый институт профилактики актуального эгоцентризма. В первом случае речь идет о результативности и эффективности введения превентивных практик против оскудения личности, в плане тотальной зависимости от супероснований; оздоровления солипсизма. Во втором случае поднимается проблема соответствия консолидации общества современным авторитетным установкам супероснований, т. е. замена эгоцентризма унификацией перед общей проблемой не приводит к оптимизации человеческих отношений, формированию коллективно заинтересованного общества. Как бы термин «унификация» употребляется в смысле метода приведения к желаемому результату, т. е. результативность, в свою очередь термин «подмена» употребляется как замена одного фактора другим, не обязательно антитезисом.

Важной чертой западного постмодернизма, как и любого противоречия соотношения классических и принципиально новых воззрений общества (мораль, право, философская школа и др.) является нигилистический подход, т. е. непринятие идеи, не желание сознательного подчинения. Инакомыслие в данном аспекте выступает в качестве революционной позиции по

отношению к существующему институту и методам консолидации общества (к примеру, советские диссиденты, аполитичные граждане, чайлдфри движение и др.). С одной стороны, порождается убежденность в собственной истине, проявление все того же солипсизма, выражаясь словами Е. А. Евтушенко: «твердили пастыри, что вреден и неразумен Галилей, но как показывает время, кто неразумен тот умней» [2], что создает реальную проблему существующему устройству системы. С другой стороны, дает основание убедиться в авторитетности либеральных идей, утвердившихся в современном обществе. В целом, как и сложилось в обществе, инакомыслящий и изгнанник стали взаимодополняющими терминами.

По поводу прагматичной стороны кульминации общества, т. е. унификации и соответственно результата внедрения превентивной практики консолидации общества приведем примеры такой реализации. На данный момент являющаяся резонансным историческим фактом, существовавшая в СССР систематизированная концепция воспитания подрастающего поколения [4], воплощенная в многоступенчатый институт: октябрята/пионеры/комсомольцы/партийные граждане; была продуктивным методом консолидации общества. Социализация и воспитание граждан, приобщенных к славным вехам коммунистического строительства, являлись супероснованием социальной реальности. Систематизированная концепция существовала за счет сложившейся совокупности государственно-правовых предписаний, в том числе государственной пропаганды (идеологии) [3], как подтверждение значимости данных оснований. Другим примером может служить «Великая депрессия» (1929–1933/39 гг.), когда сплоченные общей бедой (глубокий экономический кризис) сенаторы Конгресса США совместно с президентом Ф. Рузвельтом были вынуждены работать в интенсивном порядке над реформированием законодательства для вывода страны из экономического кризиса.

Социологические критерии соответствия человеческих потребностей реализации актуальных установок современного общества отражаются на социальном воспроизводстве. Мы рассмотрели некоторую систематизацию соотношения современных течений в философии (постмодернизма), кульминации общества и индивидуализма, тем самым обозначив главные угрозы социального воспроизводства общества.

К конкретным проявлениям создавшейся современной проблематики социального воспроизводства следует относить популяризированное чайлдфри движение. Идеология сознательного отказа (нежелания) иметь детей сама по себе носит парадоксальную почву, т. е. для существования государства, общества или же конкретной нации жизненно необходимы человеческие ресурсы (рождаемость превышает уровень смертности), то сама по себе идея такой идеологии является крайне неоправданной с физиологической точки зрения человека. Пренебрежение современными тенденциями развития проблем социального воспроизводства является чуждой, аморфной сознательной позицией. Чайлдфри движение – одна из немногих форм

тупикового развития человеческих отношений, осознающей свой исход, а именно идеологии на полпоколения, т. е. будущее вымирание, одновременно с тем, игнорируя процессы социализации и консолидации общества на базе человеческого фактора, имеет популярный современный аспект.

Более того, идеология чайлдфри движения в контексте непосредственной угрозы и детерминанта сознательного согласия на вымирание, т. е. бездействия, порождает и другую проблему. Такой инфантилизм в обществе, учитывая привязку социальных функций к тотальной инструментализации (IT-технологии) общественных отношений складывается монистически, т. е. индивидуализм общества и современные традиции западноевропейской философии сводятся к единому началу. Такой совокупный (системный) подход к определению социальной реальности, заключенный в рамки тотальной системы жизнеустройства современного общества («попытка унификации») и фактического контроля над реализацией человеческих отношений, т. е. такое общество, наделяется определенными, дозволенными ему правами, обязанностями и функциями в той мере, которой от него требуется, существует неразрывно по отношению к общественному прогрессу. Общество отдает часть своих функций информационным технологиям, в последующем, уже не зависящих от него, и далее, заключает себя в критерий соответствия научному потенциалу. Научный потенциал, постиндустриальное общество, страны первого мира – критерии определения социальной пригодности человеческих отношений (маркировка обществ). С другой стороны, такой органический институт (чайлдфри, информатизация и постмодернизм) отправляют человека на периферию социальных противоречий (конкуренция, соответствие уровня науки современным потенциалам). В данном аспекте складывается следующая социальная реальность: популяризация отмирания обществ, тотальная инструментализация и формально-мнимая форма кульминации всего общества. На данный момент (сущности наших воззрений) общество действительно движется к своей кульминации. На наш взгляд прогностическое отношение к продуктивности и эффективности такой институционализации современного общества является экстремистским путем антропологического развития, в прямом смысле этого слова.

Следует отметить вопрос ригидности личности и общества. С реализацией сексуальной революции в западных странах, с изменением сексуальной жизни общества, преобразованием сексуальных ценностей и ориентаций, в обществе образовались разного рода сексуальные меньшинства. Подрыв института брака, материнства и детства, воспитания подрастающего поколения обусловил антропологический переворот и обострил проблему социального воспроизводства.

Отличительной (уникальной) чертой российского общества является аполитичность, ригидность и самобытность русской философской мысли. Исторически сложилось, что некая автономия русской национальной идеи, определенная свобода духа позволяет абстрагировано рассматривать социально-экономические аспекты формирования общественных отношений.

Так, Н. А. Бердяев упоминает, что «русский народ – самый аполитичный народ» [1]. Политическая воля и сознание русской культуры заключены в рамки самоопределения, в рамках плюрализма всех общественных проявлений, в том числе русской философской мысли, общественного сознания. Таким образом, русская национальная идея выступает в качестве самостоятельной вехой формирования общественных отношений, кардинально отличающихся от современных традиций западноевропейской мысли.

Монистическое существование общества, подверженного современным основаниям и традициям формирования человеческих отношений, составляет парадоксальную сущность содержания таких концепций и порождает «пороховую прокладку» под социализацию, консолидацию и бытие общества, в целом. С одной стороны, постмодернизм развивает индивидуализированное, эгоцентричное общество, с другой, используя формально-мнимые практики кульминации, производится попытка унификации этого же общества.

Разобрав прогностическую реализацию современного направления развития общественных отношений, рассмотрим вопрос определения социокультурной развязки современного общества. Современное общество, подходя к своей кульминации, руководствуясь традициями постмодернизма, заложило непродуктивный эволюционный ход развития общества, напротив, регрессивный. Институционализация современного общества, монизм человеческих отношений, сводят его к экстремистскому пути самоистребления. В свою очередь, русская национальная идея, сохраняя свою традиционность, так или иначе, уязвима от характера и темпов развития западноевропейских обществ. В целях сохранения оков русской мысли, самостоятельности по отношению к современным проявлениям формально-мнимых практик попыток унификации общества, предложим пути решения. Не стоит отбрасывать накопленный социокультурный потенциал превентивной практики оптимизации общества. Антитезисом индивидуализированного общества является коллективизм, опосредуя собой консолидацию современного российского общества. Становление и развитие институтов социализации человека, государственная идеология, коллективистские начала воплощают идею плюрализма превентивных практик формирования общественных отношений. Авторитетность ригидности русской национальной идеи, некой свободы духа служат оплотом формирования продуктивной развязки социального воспроизводства.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Изд-во АСТ, 2004. 333 с.
2. Евтушенко Е. А. Мое самое-самое. М. : ХГС, 1995. 27 с.
3. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 39–60.
4. Макаренко А. С. Пед. соч. В 8 т. Т. 3. М., 1984. 508 с.
5. Черемных Л. Г. Генезис индивидуализма и коллективизма в истории отечественной и западной культуры // Наука: прошлое, настоящее, будущее. 2017. № 3. С. 45–51.

УДК 39.308
ББК 63.63.5(1)

Т. И. Янгайкина, Саранск

Этнические стереотипы профессионального и жизненного поведения (на примере династии семьи Чахоян)¹

Статья посвящена уроженцу Армении, жителю Грузии и Мордовии Д. Х. Чахояну, профессиональному штукатуру-облицовщику, который внес значительный вклад в визуализацию достопримечательностей г. Саранска. Рассматриваются, в частности, пилон Дома Советов, камень-гранит полов Мордовской республиканской картинной галереи им. Ф. В. Сычкова*, фонтанный спуск (от Советской площади до Пушкинского парка) и другие объекты.

Ключевые слова: портрет на фоне, история, профессия, интервью, Родина, культурные ценности, вероисповедание, семья.

T. I. Yangaikina, Saransk

Ethnic stereotypes of professional and life behavior (on the example of the dynasty of the Chakhoyan family)

The article is dedicated to a native of Armenia, a resident of Georgia and Mordovia, D. K. Chakhoyan, a professional plasterer-facer, who made a significant contribution to the visualization of the sights of the city of Saransk, in particular, the pylon of the House of Soviets, the stone-granite floors of the Mordovian republican painting of the gallery yard named after F. V. Sychkov*, fountain descent (from Sovetskaya Square to Pushkinsky Park) and other objects.

Keywords: portrait on background, history, profession, interview, homeland, cultural values, religion, family.

25 сентября 2019 г. в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Историческая память как основа сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эрзянского) народа», приуроченная к VII съезду Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. В ходе заседания пятой секции были затронуты аспекты семьи в качестве социального медиатора воспроизводства и транслятора культурного кода этноса. Особый интерес присутствующих вызвало обсуждение традиций интернациональной семьи Чахоян, озвученных автором данного исследования [1].

В настоящее время в Республике Мордовия уделяется повышенное внимание изучению межэтнических и межнациональных вопросов, что обусловлено потребностью познания их ментальности, «*выявления и объяснения новых стереотипов поведения различных этносов России*» [2], и свя-

¹ Огромную благодарность автор выражает организатору встреч, вдохновителю данной публикации, другу семьи Чахоян – Егназаряну Сааку Артаваздовичу.

² В 1960 г. Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи (МРМИИ) был открыт в г. Саранске как Мордовская республиканская картинная галерея имени Ф. В. Сычкова, преобразованная в МРМИИ (1978 г.). В 1995 г. музею присвоено имя скульптора С. Д. Нефедова – Эрзи.

зано с указанным феноменом, в том числе в среде армян. Актуальность подобной публикации вызвана необходимостью запечатлеть в истории России, Мордовии людей, чей труд внес яркий, теплый и добрый след в облик городского пространства. Исследование опирается на интервью экс-мэра городского округа Саранск И. Я. Ненюкова, отметившего значимость Д. Х. Чахояна в развитии строительной индустрии и архитектурных ансамблей Республики Мордовия. В автобиографию оппонента вошли также воспоминания директора фирмы «Витема» (Ассоциация «Росреставрация») В. С. Еделькина, его детей, внуков, материалы из личного архива документов и фотоиллюстраций.

Волей судьбы армянский народ разбросало по всем уголкам и всям огромной России. Так сроднился армянский штукатур Джанибег Хачатурович Чахоян с двумя Родинами, двумя республиками – большой Арменией и малой Мордовией. Отец Джанибега, Хачатур Саркисович был родом из г. Карс* (Турция). Мама, Софя Сениковна – местная жительница Армении. Из общения с Зоей Хачатуровной Оганян (в девичестве Чахоян), кровной сестры героя нашего повествования, узнаем: *«Далеко до войны в 1931 г. в мартовский день в селении Чивтали Гукасянского района Республики Армения семья Чахоян (Хачатур Саркисович и Софя Сениковна) ждали первенца»*** [6]. В середине месяца армянская родня отметила радостное событие – рождение Джанибега, будущего каменщика-печника с «золотыми» руками.

В 1940-е гг. семья Чахоян переезжает в пос. Бакуриани, расположенный практически в центре Грузии, где юноше достается довольно тяжелая ноша жизненных испытаний. В поисках работы отец отправляется на заработки по водной артерии р. Натанеби, забирая с собой 14-летнего подростка. В одном из грузинских селений армянского мальчика приходится оставить в семье грузин за кормежку за его детский труд (без дополнительной оплаты). Через 3 месяца непосильной для ребенка работы, к тому же в дали от родного дома, стен, и думая, что его оставили в этом месте навсегда, Джанибег убегает разыскивать Хачатура Саркисовича. Но поиски оказываются тщетными. Чтобы как-то выжить и прокормиться в этих условиях, юноша устраивается помощником пекаря, получает заработную плату в виде хлебобулочных изделий. И в один из погожих дней в булочной появляется молодой армянин, по силуэту и голосу которого подросток узнает в нем своего отца. Оба, расплакавшись от счастья и охватившей их радости, с той поры больше старались не разлучаться.

* Карс – город с многовековой историей. Расположен в восточной части Турции, недалеко от границы с Арменией. В ходе русско-турецких военных компаний неоднократно отражал продолжительные осады, пока в 1828 г. не пал под натиском русских войск. С середины XIX в. до 1917 г. находился под властью Российской империи, после Первой мировой войны на непродолжительное время становится частью Армении, а с 1921 г. окончательно провозглашается турецким.

** В многодетной семье Чахоян было 11 детей. Сестры Зоя и Маруся живут в Армении, здоровствует и брат Масберд (Михаил). Два кровных брата (Джанибег и Аветик) покоятся в г. Саранске.

Шли годы... Джанибег продолжает трудиться в пекарне. Примерно в 1950 г. молодой человек встречает свою будущую жену Пегег, армянку по национальности, воспитывавшуюся в строгой грузинской семье. В 1951 г. юношу призывают в Армию (Черноморский флот, г. Одесса). Вернувшись в родное село в 1954 г., помогает родителям, родным братьям и сестрам. Через два года у влюбленных появляется очень смысленный малыш Ишхан, а в 1958 г. в отделе ЗАГСа Грузинской ССР г. Махарадзе*** регистрируется брак Джанибега Хачатуровича Чахояна с Пегег Григорьевной Кушкян (ей к тому времени исполнилось 28 лет от роду). По словам дочери Джейран Джанибеговны: *«Папа очень гордился своими сыновьями – Ишханом и Самвелом. Когда его в чайной плантации спрашивали: „Кого родили?“, – он отвечал: „ჩემი ბი“ („Как я, как я“)*» [7].

Кстати, Джанибег в профессиональном плане искал себя долгие, долгие годы, однако талант его полностью раскрылся лишь в Мордовии. Первые записи в трудовой книжке видим в 1963 г., когда паренек устраивается рабочим в Самтредское РСУ треста «Чай-Грузия». В 1966 г. его берут каменщиком в Махарадзевский С. Т. К., в 1969 г. принимают рабочим-строителем в Махарадзевскую чайную фабрику (Грузинская ССР). Строчки трудовой летописи Д. Х. Чахояна за 1975 г. указывают и на то, что он числился там рабочим в тресте Махарадзевского РСУ «Грузпищчеремстрой». Поскольку многие его товарищи в тот период начинают практиковать приезд в столицу Мордовии для подзаработка, то в 1976 г. и Джанибег Хачатурович из-за нищеты и голода его семьи покидает свою любимую Грузию и приезжает в «Солнечную Мордовию». С 1977 г. он пробует себя в качестве штукатура-облицовщика специализированного управления № 8 «Отделстрой».

Для описания его трудовых подвигов на мордовской земле приведем интервью достопочтенного автора с И. Я. Ненюковым (фото И. Я. Ненюкова).

Т. И. Янгайкина: Давайте начнем с того, когда вы первый раз встретили Джанибега?

И. Я. Ненюков: Это было давно... где-то... в 1973–75-м годах.

Т. И. Янгайкина: В 1975 г. он как раз приехал в Мордовию.

И. Я. Ненюков: Я в то время работал начальником участка на стройке. Строили Дом Быта, стадион, который позже снесли, нынешний Музыкальный театр (на том месте был Дом политпросвещения). Вот там они и работали втроем – Эдик, Миша и Джанибег, облицовывали камнем. Да, еще в Картинной галерее музея Эрзы они тоже занимались кладкой на декоративной, фасадной, штукатурке. Когда все это они закончили, Миша подался по другим «шабашкам», заказам, а Эдик, если не ошибаюсь, занялся обувным делом, ремонтом обуви, и так остался в этой сфере трудиться. А вот Джанибег на некоторое время уезжал обратно в Грузию, где, по его словам, побыл, чтобы могилы поправить, а позже опять вернулся, и продолжил работать с

*** Озургети – город (с 1840 г.) на западе Грузии, на берегах р. Натанеби. С 1934 по 1989 г. в честь грузинского партийного деятеля Филиппа Махарадзе именовался Махарадзе.

камнем и декоративной штукатуркой (т. е. штукатурить с камешками). Здание редакционно-издательского корпуса Мордовского университета тоже эти ребята делали. В этот самый период мы с Джанибегом и познакомились, общались и позже. Жил он не богато, скромно, один. На Юго-западе Саранска у него проживала дочь (не помню, как ее зовут).

Т. И. Янгайкина: Джейран.

И. Я. Ненюков: Да. Не знаю, дочь с мужем там снимала квартиру или без него, но своего жилья у них не было. Я уже работал в парткоме, потом перешел сюда замом (имеется в виду – заместителем Председателя Пролетарского райисполкома, Саранского горисполкома. – Т. Я.), после предриком. Джанибег ко мне обращался как-то по поводу улучшения жилищных условий... И на Юго-западе города мы ему определили какое-то нежилое помещение. Он сказал, что не беда, сделает все, только дайте (я уже был в то время главой города). Я ему это помещение отдал, а он его восстановил и стал там жить с семьей. Джанибег и тут вот у меня участие принимал. Просился, нанимался поштукатурить в моем доме, помогал мне, в общем. Последний или не последний раз я его видел, когда погиб мой... сын (в 2005 г.), он у меня был, ночевал со мной, соболезнавал мне. 14 лет тому назад или позже (не помню точно, когда) я услышал, что Чахоян, якобы, умер [5].

Т. И. Янгайкина: Это случилось в 2011 г.

И. Я. Ненюков: Да, в 2011 г., когда ему было под 80?

Т. И. Янгайкина: 83.

И. Я. Ненюков: Да, Джанибег уже был старенький, но такой рассудительный. Отмечу Вам его основные черты характера: уравновешенный, добрый, разумный, очень работоспособный и трудолюбивый. Ну все-таки оттуда, с Армении (из Грузии. – Т. Я.) их гнала нужда, нужно было зарабатывать, выживать... В Мордовии они своим трудом получали в то время приличные деньги, даже весьма приличные. По сравнению с нашими специалистами, они выполняли те же самые работы, но получили в 10 раз больше. Этому человеку, честному и добросовестному по природе, можно верить, на него можно положиться. Я был доволен тем, что знал его, общался с ним... Зачастую мы с ним даже вместе трудились на стройке. Когда Джанибег Хачатурович приходил, всегда почтительно обращался. Если что-то и просил, то без моих к нему претензий (ни денежных, ни личных; он не предлагал, а я не просил, и не брал!). Однажды припоминаю, он приехал оттуда (из Грузии, по всей видимости. – Т. Я.), принес апельсинов и еще какие-то фрукты в ящичке... В тот период было весьма трудно достать апельсины и мандарины в наших магазинах, практически невозможно было встретить... Ну а я чего? Только снабжал его работой и делами, ну и иногда, если на него кто-то нападал неразумно, то защищал как мог, так как он достоин был защиты и уважения. Вот такой он был, по моему мнению, Большой человек Труды с Большой буквы.

Да, еще Джанибег Хачатурович лояльно относился к религии. Армяне – православные. Очень доброжелательно говорил о могилах, с великим почтением обо всех церковных, христианских делах. Вот только не знаю я, ходил ли он молиться, или нет? По-моему, он даже не ругался матом. Чахоян был весь седой в то время уже. Я с большим удовольствием подписался бы под портретом этого достойного человека. Он был не напрасным на этой Земле. Вот так вот! [5].

Т. И. Янгайкина: Иван Яковлевич! В одном из газетных интервью («Мордовский Черномырдин» Иван Ненюков // Известия Мордовия. 2017. 28 июня) Вы поведали своим читателям, что этот дом (интервью у экс-мэра И. Я. Ненюкова автор брала в доме бывшего градоначальника. – Т. Я.) Вы построили собственными руками, ну и еще друзья Вам помогали. Можно ли отнести Джанибега Чахояна к кругу Ваших друзей?

И. Я. Ненюков: Да, я не возражаю. Он был в кругу моих друзей. Как-то однажды ребята готовили шашлык у здания Дома политпросвещения (они, не скроешь, могут это делать), и мне пришлось там присутствовать, шашлычка поест. Хотя они зарабатывали достойно, но во всем видны были скромность и аскетизм. Отвечали вместе шашлычка, поговорили, посмеялись... [5].

Ко всему сказанному И. Я. Ненюков добавил: Д. Х. Чахоян являлся штукатуром «от Бога», что дом его отштукатурил и внутренние откосы, которые относятся к особенно сложному виду деятельности в строительных работах. Будучи хорошим, добрым, мудрым человеком, понимающим и знающим жизнь, Иван Яковлевич, с большим уважением произносил эти слова в дань светлой памяти Джанибега Хачатуровича: *«И когда он уже был дедком, загнутым от старости лет, руки его работали как могучая шлиф-машина, потому что много трудились в жизни»*. Сравнивая, в частности, уровень проведенных строительных работ во время декоративной штукатурки на фасадах городских зданий, И. Я. Ненюков вспоминал, что наши, мордовские, строители зарабатывали только по 200 руб., а они, приезжие рабочие издалека – по 3 тыс. руб. Да и трудились первые кое-как, с 8.00 до 17 часов вечера, а вторые – с пяти часов утра до 20.00, обеспечивая при этом высокое качество работ. При этом экс-чиновник Саранска описал скандальный случай в Мордовской республиканской картинной галерее во время кладки полированной мраморной плитки на лестнице, которая ведет на второй этаж (второй уровень), когда строителю Мише брошенной вниз плиткой разбили голову, и кровь парня в граните осталась. Эдак местные работяги, только пьющие вино, хотели выгнать из Мордовии армян-трудяг [5].

В 2019 г. большое интервью с императивом восстановления отдельных биографических данных о Д. Х. Чахоян мне удалось записать со слов В. С. Еделькина, директора фирмы «Витема» (Ассоциация «Росреставрация»). Приведем некоторые любопытные факты той беседы.

Придя на встречу с Владимиром Степановичем, я положила на стол старую, пожелтевшую от времени, фотографию, где, сгруппировавшись, стояло несколько мужчин в военной форме. На мой вопрос: *«Владимир*

Степанович! Кто этот человек?» (фото Д. Х. Чахоян), последовал мгновенный ответ: «...Помню его, он, ведь, для меня – Хачатурович, я его помню с 1987–1988 гг. Мы тогда были моложе, разговорились. Он сказал, что работает в ССК Колхоз-строя. Оказалось, совпало, мы тоже там трудились, бетон таскали, а они там всеми строительными делами занимались». Всмотриваясь в снимок, В. С. Еделькин продолжает: «Вот смотрите, на фотографии он в центре – это показатель. Есть ефрейтор на карточке, но рядовой Хачатурович в середине кадра. Вот и в жизни он таким состоялся. Он – в фокусе внимания, а вокруг него – группа тех людей, кому он доверял, с кем хотел общаться. Это от большого уважения к нему» [4].

Повествуя о профессиональных качествах Хачатуровича, как его по-свойски назвал В. С. Еделькин, интервьюируемый привел следующий пример. В 1990-е гг. потребовалось что-то изменить в качестве строительства. Подтверждение тому – имеющиеся в каждом жилом доме, и ремонтирующиеся ежегодно весной городские торговые точки и крыльцо к ним с отдельным входом. Они осыпаются, разваливаются, плитка отходит. В 1991 г., возводя здание Мордовской филармонии (напротив партшколы, где в настоящее время находится Национальный театр), по причине слабого козырька в том месте было обнаружено, что крыльцо постоянно разрушалось. Вот и к армянам у него с тех пор сложилось особое отношение, как к профессионалам, которым он доверял. Владимир Степанович в разговоре добавил о слухах в Мордовии, что есть, мол, такой старый аксакал Хачатурович (по-доброму смеется собеседник), и его (В. С. Еделькина. – Т. Я.) начальник потребовал разыскать, пригласить, чтобы устранить обрушение крыльца (хотя у В. С. Еделькина есть диплом о высшем образовании, он работает с бетоном, сначала мастером, впоследствии главным инженером. – Т. Я.). Медленный, уравновешенный Хачатурович в итоге нашелся и рассудительно, спокойно ответил: *«Знаете, в любом деле надо знать не только сверху, но и глубже, в проблему надо вникнуть... Ведь просто у вас в Мордовии песок везут из Березников или Смольного, а он (песок) с глиной, все смешивают и раствор делают хороший, но мягкий, который прекрасно работает со штукатуркой. А, значит, и ухаживать за ним нужно соответственно, а на плитку, подготовку и стяжку такой строительный материал не идет. Нужен песок другой, хороший. Понимаете, бетон имеет крепкую марку. Ты хочешь, к примеру, положить ступени и крыльцо из базальта еще крепче, тяжелее, а раствор у тебя будет из березниковского песка, т. е. неподходящий он для таких работ. Поэтому в этом случае нужен раствор из гравмассы* который следует просеять. И будет тогда мелкий, промытый песок, а раствор получится твердый, как камень. И помню, что по его*

* Гравмасса (ОПГС – обогащенная песчано-гравийная смесь) состоит из нескольких компонентов, включая большие крупные зерна гравия и песок. Смесь применяют для строительства дорог, выравнивания территории при проведении ландшафтных работ. Масса гравия соединяется

подсказке мы соорудили крыльцо. Примерно в 2010 году снесли здание, а крыльцо так ни разу и не пришлось с тех времен ремонтировать за 20 лет, так как плитка не разлетелась (на фото справа Д. Х. Чахоян). Это стало одним из первых уроков профессиональной практики в строительстве для нас. Что примечательно, вроде у Хачатуровича не было высшего образования, а я с дипломом строителя и в это сам не вник!?» [4].

По заключению В. С. Еделькина, Д. Х. Чахоян выступал для них, начинающих строителей, отличным наставником. К слову сказать, талант каменщика-гранитчика «Хачатуровича» передался внуку Джанибега Хачатуровича – Ашоту Ишхановичу Чахояну, который в настоящее время трудится в столице Мордовии, осуществляя резку, обработку и отделку камня для памятников. Обобщить вышеизложенное хотелось бы воспоминаниями его внучки – Марии Дanelия, которая с большим трепетом и теплом произнесла следующее: «Дедушка был прямолинейным, но с большим сердцем человеком, обладал железной силой воли и невероятной трудоспособностью. Кроме того, он имел острый ум, и не был лишен чувств юмора. Очень любил жизнь и с открытым сердцем принимал все ее успехи и провалы» [3]. Джанибег Хачатурович достойно провел свою линию судьбы. Благодаря мудрости, умению дружить и честно работать удостоился почета и уважения не только друзей и родных, но и со стороны высшего истеблишмента государственной и исполнительной власти Республики Мордовия. К его мнению прислушивались коллеги по работе, его учитывали во всех без исключения профессиональных делах, с него учились, с него брали пример.

Список литературы и полевого материал автора

1. Кадерова Т. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Историческая память как основа сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эрзянского) народа» в рамках подготовки к VII съезду Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4. С. 233.
2. Минасян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии : дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2016. С. 4.
3. ПМА: Дanelия Мария Зурабовна, 03.03.1995 г. р., г. Саранск, Республика Мордовия (записи 2021 г., г. Саранск).
4. ПМА: Еделькин Владимир Степанович, 29.05.1951 г. р, д. Ичалки, Ичалковский район (записи 2019 г., г. Саранск).
5. ПМА: Ненюков Иван Яковлевич, 29.06.1947 г. р., с. Краснофлотец Ельниковского района Республики Мордовия (записи 2019 г., г. Саранск).
6. ПМА: Оганян Зоя Хачатуровна, 29.04.1937 г. р., с. Зуйгахпюр Ашотского района, Республика Армения (записи 2021 г., Н. Базмаберд).
7. ПМА: Чахоян Джейран Джанибеговна, 06.11.1959 г. р., г. Махарадзе, Республика Грузия (записи 2019 г., г. Саранск).
8. ПМА: Чахоян Ишхан Джанибегович, 12.09.1956 г. р. г., г. Махарадзе, Республика Грузия (записи 2020 г., г. Саранск).
9. ПМА: Чахоян Самвел Джанибегович, 25.05.1962 г. р., г. Махарадзе, Республика Грузия (записи 2020 г., г. Саранск).

с водой и определенным видом цемента, далее образуя строительный раствор, который применяют для производства бетона.

Приложение

В центре Х. Д. Чахойян

Х. Д. Чахойян

Экс-мэр Нелюков

Секция
**Институты гражданского общества
в процессах интеграции**

УДК 332.53
ББК 65.32

Ю. В. Заварзина, *Иркутск*

**Социальное партнерство градообразующих
предприятий и органов власти**

Рассматриваются особенности формирования социального партнерства в моногородах. Анализируются стратегии работы градообразующих предприятий и органов местного самоуправления. Выявляются схожие модели и уникальные формы развития территории.

Ключевые слова: территория, развитие, градообразующее предприятие, социальное партнерство

Yu. V. Zavarzina, *Irkutsk*

Social partnership of city-forming enterprises and authorities

The article discusses the features of the formation of social partnership in single-industry towns. The work strategies of city-forming enterprises and local governments are analyzed. Similar models and unique forms of territory development are identified.

Keywords: territory, development, city-forming enterprise, social partnership

В научном сообществе существуют различные подходы к определению понятия градообразующего предприятия. В современном экономическом словаре градообразующее предприятие представляет собой организацию, где трудится большая часть работающих жителей поселка, города.

Предприятие существенным образом оказывает влияние на занятость, а также участвует в формировании инфраструктуры города и решении его социальных проблем. Некоторые авторы определяют градообразующее предприятие как единственное предприятие, которое обеспечивает население занятостью, поддерживает социальную инфраструктуру, что в целом обеспечивает благополучие города. При этом подчеркивается, что градообразующие предприятия берут на себя обеспечение коммуникационной, социальной и транспортной сферы жизнедеятельности муниципалитета.

Градообразующее предприятие можно рассмотреть как открытую социально-экономическую систему, которая подвержена как внутреннему влиянию, так и внешнему влиянию, обусловленному действиями со стороны конкурентов, клиентов, поставщиков, муниципалитета и т. д. (Д. А. Изотов, В. В. Колмаков, М. В. Попова и др.) [6; 7; 9].

Эффективное взаимодействие менеджмента хозяйствующего субъекта и администрации моногорода должно способствовать повышению его социальной ответственности, а также достижению устойчивого развития монопрофильного муниципального образования. В современных условиях на территории моногородов функционируют более 319 градообразующих предприятий. Из них 227 градообразующих предприятий находятся в ведении Минпромторга России [8].

Исследование информации о численности работающих вышеуказанных 227 организаций позволило установить, что почти треть из них не отвечают требованиям, указанным в региональных и федеральных документах. Структуризация градообразующих предприятий по численности занятого населения приведена в табл. 1.

Таблица 1

Доля численности работников градообразующих организаций в общей численности занятого населения в разрезе отраслей промышленности

Отрасль промышленности	Доля численности работников градообразующих организаций в общей численности работников монопрофильного муниципального образования			
	0–11 %	11–20 %	20–25 %	26 % и выше
Авиастроение	0	1	1	1
Автомобилестроение	7	5	1	2
Деревообрабатывающая промышленность	6	7	1	3
Добыча алюминий содержащего сырья	0	1	0	0
Добыча металлических руд	0	5	1	3
Железнодорожное машиностроение	2	5	1	2
Лесозаготовительная промышленность	3	0	0	0
Лесопильное производство и деревообрабатывающая промышленность	1	0	0	0
Машиностроение и металлообработка	9	4	1	0
Медно-никелевое производство	1	3	3	4
Металлообработка	0	0	1	0
Металлургическое производство	2	1	0	0
Приборостроение и электротехническая промышленность	2	5	0	0
Производство алюминия	2	1	0	0
Производство машин и оборудования	4	0	0	0
Производство медицинской техники	1	0	0	1
Производство редких и драгоценных металлов и алмазов	1	0	1	1
Производство строительных материалов	1	1	0	0
Производство стройматериалов	6	7	4	6
Стекольная и керамическая промышленность	1	0	0	0
Стекольная промышленность	1	1	0	1
Судостроение и судоремонт	1	0	1	1
Текстильная и швейная промышленность	5	3	1	1
Химическая промышленность	4	7	2	5
Химическое производство	2	1	0	0
Хлопчатобумажное и текстильное производство	1	0	0	0

Окончание табл. 1

Отрасль промышленности	Доля численности работников градообразующих организаций в общей численности работников монопрофильного муниципального образования			
	0–11 %	11–20 %	20–25 %	26 % и выше
Цветная металлургия	2	2	0	3
Целлюлозно-бумажная промышленность	3	8	4	1
Черная металлургия	9	12	4	6
Итого	78 (34,4 %)	80 (35,2 %)	28 (12,3 %)	41 (18,1 %)

*Источник: составлено по Ю. В. Заварзина, М. В. Москвитина, В. В. Тарасенко [5; 10]

Современные требования эффективного хозяйствования, цифровая экономика, автоматизация и роботизация бизнес-процессов приводят к совершенствованию технологических процессов, и, как результат, к оптимизации численности работников. В этой связи в настоящее время необходим инструмент определения статуса градообразующих предприятий, выявления их градообразующих функций в социально-экономическом развитии моногорода.

Вместе с тем градообразующим предприятиям могут быть обеспечены следующие преимущества:

- согласно ст. 245 Налогового кодекса РФ в целях налогообложения принятие фактически произведенных расходов на содержание объектов социальной инфраструктуры;
- участие в реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильного муниципального образования;
- предоставление государственной субсидии;
- предоставление различных форм поддержки на уровне региона.

В существующей практике регионального управления существуют различные подходы к систематизации градообразующих предприятий исходя из принадлежности к монопрофильному муниципальному образованию, а также по ряду других признаков (промышленный потенциал, отраслевой признак, географическое расположение, время создания, перспективы развития), что позволяет учитывать их многообразие при организации форм государственной поддержки.

Государственная поддержка как один из инструментов повышения эффективности функционирования градообразующих организаций является неотъемлемой частью системы управления их развитием. Так, управление их развитием как сложный многофакторный процесс обеспечивает экономическую устойчивость и конкурентоспособность, приобретает особое значение в условиях функционирования в монопрофильных муниципальных образованиях. Так, изучение феномена градообразующего предприятия и особенностей его развития позволяет изучить теоретические основы управления ее развитием.

В настоящее время основная проблема муниципальных образований не в их монопрофильности, а в недостаточной эффективности управления градообразующим предприятием. В свою очередь эффективное управление развитием градообразующих предприятий, по нашему мнению, будет способствовать, как повышению эффективности результативности деятельности организаций, так и устойчивому развитию монопрофильного муниципального образования, региона и государства в целом.

Развитие хозяйствующего субъекта в современной экономической науке рассматривается не просто как физический рост, но и как качественное изменение, обеспечивающее его переход от одного состояния к другому в целях достижения устойчивости развития экономики, которое обеспечивается в результате реализации принятой стратегии.

Особенности градообразующих предприятий, «развитие градообразующих предприятий» – это качественное преобразование как социально-экономической системы, которой она является в краткосрочной и долгосрочной перспективе, на основе повышения ее конкурентоспособности, и эффективного взаимодействия с монопрофильным муниципальным образованием, оказывающим благоприятное воздействие на социально-экономическое положение региона в целом.

В этой связи управление их развитием требует полного раскрытия аспектов «управления развитием». Управление в общем смысле выражает динамическую связь между субъектом управления и объектом управления, при котором субъект управления формирует цели функционирования объекта управления и определяет инструменты, с помощью которых будут достигнуты поставленные цели.

Управление развитием организации – это сознательное и целенаправленное регулирование деятельности объектов в целях улучшения параметров их развития. Принимая во внимание, что градообразующие организации, как открытые социально-экономические системы, подвержены влиянию, которое обусловлено различными изменениями внутренней и внешней среды, управление их развитием целесообразно обеспечивать принятием управленческих решений как на уровне менеджмента организации, так и на уровне администрации муниципалитета, что способствует повышению эффективности развития города и смягчает последствия влияния внешних факторов [1,2].

В осуществлении управления развитием требуется системный подход, где в процессе разработки механизма управления развитием градообразующих предприятий (далее – механизм) учитывается накопленный опыт. Существующая в настоящее время практика управления не может рассматриваться как сформированный устойчивый механизм, поскольку механизм представляет собой совокупность инструментов, направленных на повышение результативности ее функционирования, включающий в себя комплекс

методов воздействия на организацию и структуру промышленных предприятий в целях обеспечения поддержки параметров их функционирования в диапазоне устойчивости развития.

В настоящее время государственными и муниципальными органами управления создаются институциональные основы, которые позволяют им оказывать определенное воздействие на развитие моногородов, которые опосредованно влияют и на экономику градообразующих организаций. С 2010 г. функционирует рабочая группа по модернизации моногородов. В данную комиссию входят представители институтов развития, федеральных органов исполнительной власти, общественных организаций и других заинтересованных сторон.

Вышеназванная Рабочая группа осуществляет деятельность по поддержке монопрофильных муниципальных образований, в том числе, и градообразующих организаций посредством реализации соответствующих инструментов развития. Во-первых, это открытие Фонда развития моногородов в 2014 г. Во-вторых, это открытие Фонда развития промышленности в 2014 г., основной задачей которого является предоставление займов промышленным компаниям на льготных условиях в целях развития импортозамещающих и экспортноориентированных производств.

В-третьих, принятие закона «О промышленной политике в Российской Федерации». Кроме вышеуказанных институтов в управлении развитием градообразующих организаций, опосредованно, принимают участие: автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».

Финансирование инвестиционных проектов в моногородах способствует расширению внутреннего рынка конструкционных и строительных материалов, продукции машиностроения и металлообработки, пищевой и легкой промышленности. При этом, безусловно, меняется отраслевая структура муниципальной экономики, вплоть до ослабления монозависимости.

Рабочей группой разработан «Единый перечень мер поддержки моногородов» [3], косвенно затрагивающий и интересы градообразующих организаций, который представлен в табл. 2.

В Едином перечне мер поддержки моногородов также зафиксированы конкретные меры поддержки Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерства РФ по делам Северного Кавказа, Министерства культуры РФ, Министерства спорта РФ, Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Внешэкономбанка, АО «ЭКСАР», АО «РОСЭКСИМБАНК», что в целом также способствует развитию промышленности России, расширяя ее внутренний рынок.

Таблица 2

Инструменты реализации механизма управления развитием моногородов

Наименование инструмента развития	Краткое описание содержания инструмента	Результат реализации	Основы реализации инструмента на развитие градообразующей организации
Минэкономразвития России			
Создание ТО-ЭСР (территория опережающего социально-экономического развития)	Применение в моногородах системы льготного налогообложения	По состоянию на 2020 г. создано 82 ТОЭСР в моногородах	Улучшение инвестиционного климата в городе. Повышение платежеспособности населения. Повышение спроса на продукцию градообразующей организации.
Поддержка инвестиционных проектов	Проектное финансирование	Государственная гарантийная поддержка предоставлена по 41 проекту (общая стоимость – 343,9 млрд руб., кредитные ресурсы – 2333 млрд руб., государственные гарантии – 58,3 млрд руб.)	Реализация инвестиционного проекта, полная стоимость которого определяется как «сумма всех затрат по инвестиционному проекту, за исключением процентов по кредитам, составляет не менее 1 млрд руб. не более 20 млрд руб.»
Некоммерческая организация «Фонд развития моногородов»			
Софинансирование расходов регионов и моногородов	Обеспечение инвестиционных проектов объектами инфраструктуры, создание новых рабочих мест	Объем инвестиций в экономику моногородов 98 051,44 млн руб. до 2022 г. Новые рабочие места до 2022 г. – 21 242	Улучшение в моногороде объектов инфраструктуры. Строительство и реконструкция объектов будут способствовать повышению спроса на продукцию градообразующей организации (или развития смежных отраслей)
Финансирование инвестиционных проектов.	Форма участия Фонда развития моногородов осуществляется посредством предоставления процентного займа, входящего в капитал компании инициатора (нс более 49 %)	Общий объем инвестиций по реализуемым проектам – 30495,5 млн руб.	В реализации инвестиционного проекта градообразующее предприятие может оказывать услуги и реализовать продукцию до 50 % ежегодной выручки инвестиционного проекта
Минпромторг России			
Субсидии для участников промышленных кластеров для возмещения части затрат по совместным проектам	Субсидирование организаций посредством перечисления денежных средств на лицевые счета юридических лиц.	Созданы 32 кластера, в том числе с высоким уровнем организационного развития – 2, со средним – 8, начальным – 22.	Градообразующие организации могут быть инициаторами создания промышленных кластеров на базе собственного производства.
Субсидии для технопарков	Формирование условий для благоприятного развития производства в научно-технической сфере	В настоящее время созданы 35 технопарков, из них 18 действующих, на стадии создания – 17	На базе градообразующих организаций могут быть созданы технопарки, где будут проводиться НИОКР

Окончание табл. 2

Наименование инструмента развития	Краткое описание содержания инструмента	Результат реализации	Основы реализации инструмента на развитие градообразующей организации
Минтруд России			
Мероприятия, направленные на повышение занятости	Предусматривается реализация опережающего профессионального обучения и стажировки.	На постоянной основе осуществляется субъектом Российской Федерации и администрацией муниципалитета	Снижает нагрузку в части дальнейшего трудоустройства работников, которые были сокращены.

В числе мер, реализуемых напрямую в целях развития градообразующих организаций, можно назвать инструменты Фонда развития промышленности, представленные в табл. 3, а также предоставление субсидии по линии Минпромторга России промышленным предприятиям.

Таблица 3

Инструменты развития градообразующих организаций,
оказываемые в рамках поддержки моногородов

Наименование инструмента развития	Краткое описание содержания инструмента	Результат реализации	Влияние реализации инструмента на развитие градообразующей организации
Фонд развития промышленности			
Целевые займы под 5 % годовых	Предоставление на конкурсной основе займа на реализацию проектов по внедрению передовых технологий	Всего профинансировано свыше 130 проектов различных отраслей народного хозяйства, свыше 10 % которых являются проектами градообразующих организаций	Займы выдаются от 50 до 500 млн руб. сроком на 5 лет. Софинансированы со стороны градообразующей организации должно быть >50 % бюджета проекта
Лизинговые займы	Предоставление от 10 до 90 % первоначального взноса лизингополучателя, составляющего от 10 до 50 % от стоимости приобретаемого оборудования	Всего Фондом профинансировано 6 проектов. В настоящее время среди них отсутствуют проекты градообразующих организаций	Предоставляет возможность градообразующим организациям получать лизинговые займы.
Займы с региональными фондами	В рамках этой программы льготное заемное финансирование предоставляют федеральный и региональные фонды развития промышленности совместно	В рамках этого инструмента всего профинансировано 3 проекта. В том числе 2 проекта моногородов Магнитогорска Челябинской области. Набережные Челны Республики Татарстан (но. проекты не градообразующего бизнеса)	Реализация инвестиционного проекта в моногородах будет способствовать повышению спроса на градообразующие организации

Окончание табл. 3

Наименование инструмента развития	Краткое описание содержания инструмента	Результат реализации	Влияние реализации инструмента на развитие градообразующей организации
Минпромторг России			
Специальные инвестиционные контракты (СПИК)	Специальный инвестиционный контракт – соглашение между инвестором псубъектом Российской Федерацией, в котором обязательно фиксируется	Всего заключен 21 специальный инвестиционный контракт. Среди которых – 9 федеральные СПИК. 12 реглокальные СПИК. В том числе, 2 региональных СПИК заключены в моногороде Магнитогорск Челябинской области. Оба проекта градообразующего бизнеса.	Специальные инвестиционные контракты гарантируют градообразующей организации меры государственной поддержки на региональном и федеральном уровнях. стабильность налог ового режима. законодательства.
Субсидии российским организациям автомобилестроения в целях возмещения затрат процентов по кредитам. полученные на осуществления инвестиционных и инновационных проектов	Субсидирование на основе договора между организациями автомобилестроения и Министерства промышленности и торговли России. Субсидии предоставляются в размере 0,9 % ставки рефинансирования	В 2017 г. Выделены бюджетные ассигнования в размере 7 400 000 тыс. руб.	Градообразующие организации машиностроения в случае получения кредита в 2009–2010 гг. и обеспечения государственными гарантиями Российской Федерации могут использовать данный инструмент
Субсидии предприятиям автомобилестроения в целях перевозки автомобилей. произведенных Дальневосточном федеральном округе	Субсидирование организаций автомобилестроения.	Субсидировано 100 % провозной платы за перевозку 36 514 автомобилей, произведенных в Дальневосточном федеральном округе, в другие регионы страны	На субсидию могут рассчитывать градообразующие организации данной отрасли расположенные в Дальневосточном федеральном округе

Также по линии Минпромторга России осуществляются субсидирование бизнеса, выплаты процентов по кредитам, компенсация части затрат на осуществление НИОКР, возмещение части затрат на обслуживание кредитов для предприятий таких отраслей, как лесопромышленный комплекс, химическая промышленность, тяжелое машиностроение, легкая и текстильная промышленность, фармацевтика, авиационная промышленность, многие из которых являются градообразующими.

Субъекты Российской Федерации на основании регионального законодательства в целях предотвращения банкротства градообразующих организаций и стимулирования их деятельности применяют различные меры, к которым можно отнести:

- предоставление государственных гарантий градообразующим организациям в пределах общей суммы предоставляемых гарантий;
- предоставление субсидий для градообразующих организаций из государственного бюджета на безвозмездной и безвозвратной основе в целях возмещения выплат процентной ставки по банковским кредитам;
- оказание мер по применению превентивных мер по отключению от источников энергоснабжения;
- реструктуризация задолженности по сборам, налогам;
- предоставление рассрочек и отсрочек по обязательным платежам в областной бюджет;
- предоставление инвестиционного налогового кредита;
- поддержка ходатайств и обращений в органы государственного управления о применении в отношении градообразующих организаций режима наибольшего благоприятствования;
- интеграция градообразующих организаций в прогнозы и программы социально-экономического развития региона краткосрочный и среднесрочный периоды;
- выделение инвестиций из государственных источников финансирования;
- участие администрации муниципалитета совместно с градообразующей организации в учреждении новых юридических лиц в случаях и порядке, предусмотренными действующим законодательством;
- освобождение от уплаты налога на имущество, направляемый в областной бюджет, при условии использование этих денежных средств на пополнение оборотных средств и др.

Важным условием предоставления той или иной меры поддержки градообразующим организациям является соблюдение критериев, указанных в региональных нормативно-правовых документах. В частности, это сохранение численности персонала, содержание в надлежащем состоянии объектов, находящихся на балансе градообразующей организации, жилищно-коммунального хозяйства, социально-культурной инфраструктуры, осуществление платежей в бюджет и другие.

В настоящее время применяется практика заключения соглашения между градообразующей организацией и администрацией муниципалитета для решения социальных вопросов, и, как правило, данное соглашение не учитывает результативность развития организаций.

Со стороны менеджмента градообразующей организации механизм управления развитием осуществляется в стратегическом управлении посредством реализации стратегии, которая направлена на достижение долгосрочных и среднесрочных целей развития организации. Существующие

подходы разработки стратегии развития градообразующих организаций осуществляются на общепринятых мировых практиках, с учетом специфики деятельности организации [4].

Подводя итог рассмотрению теоретических и нормативно-правовых основ взаимодействия местного самоуправления и градообразующих предприятий, отметим, что градообразующие организации, выполняя важную роль в развитии отраслей народного хозяйства, являются крупнейшими игроками на рынках товаров и услуг, рынке труда, а также нередко обеспечивая функционирование объектов социальной инфраструктуры, определяют развитие монопрофильной экономики территории присутствия. Градообразующим организациям характерна высокая социальная ответственность, включая все ее уровни.

Анализ федерального и регионального законодательств в отношении определения статуса градообразующих организаций позволил установить, что в настоящее время отсутствует единый нормативно-правовой документ, определяющий статус градообразующих организаций, виды оказываемой поддержки со стороны государства, а также регулирующий формы взаимодействия с органами муниципального и государственного управления.

Установлено, что в настоящее время складывается практика управления развитием муниципальных образований, косвенно воздействующая на уровень производственного потенциала градообразующего бизнеса. Равно как и менеджмент градообразующих организаций, с согласия собственников бизнеса, прикладывает определенные усилия для поддержания имиджа социально ответственного субъекта муниципальной экономики.

Выявлено, что в настоящее время формируется механизм оценки эффективности деятельности органов государственного и местного самоуправления, однако, в утвержденном Правительством РФ перечне оценочных показателей отсутствует критерий, отражающий характер взаимоотношений между специалистами администраций муниципалитетов / региональных органов государственного управления и менеджментом градообразующих организаций.

Литература

1. Борисова Ю. В. Социальное партнерство как процесс и результат развития предпринимательства // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы IV Всерос. науч. интернет-конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Кармадина, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. С. 90–96.
2. Борисова Ю. В. Социальное партнерство: провозглашенный и реальный мир отечественного предпринимателя // Социология. 2013. № 4. С. 28.
3. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации от 15.04.2016 № 9154-СН // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» – URL: <https://base.garant.ru/71999366/#friends>. (дата обращения: 02.01.2022).
4. Заварзина Ю. В., Батьянова Л. Н. Инновационное предпринимательство в иркутской области: вопросы социального моделирования // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 226–243.

5. Заварзина Ю. В., Москвитина Н. В. Совершенствование инструментов государственного регулирования инновационного предпринимательства в Иркутской области // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 387–399.

6. Изотов Д. А. Градообразующие предприятия и моногород // Регионалистика. 2015. Т. 2, № 3. С. 18–38.

7. Колмаков В. В. Взаимодействие моногорода и градообразующего предприятия / В. В. Колмаков, А. Г. Полякова, С. В. Карпова, А. Н. Головина // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 270–284.

8. Моногорода и градообразующие предприятия сферы деятельности Минпромторга России // СПС «Гарант». URL: http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/monog_list.pdf. (дата обращения: 30.08.2021).

9. Попова М. В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // Социология. 2018. № 3. С. 118–125.

10. Тарасенко В. В. Территориальное развитие. Семь инструментов управления. М. : Альпина Диджитал, 2015 134 с.

УДК 364.017

ББК 60.561.7

О. А. Карпенко, Самара

Современные институты развития гражданского общества, формирующие социальную активность

Рассматриваются понятия «волонтерство», «сотраотничество», «добровольчество», «социальная работа», «социальное служение» и «социальная взаимопомощь», а также задачи, особенности и примеры деятельности этих институтов развития гражданского общества. Приводятся определения, проводится сравнение указанных понятий. Делается вывод о высокой роли данных институтов, начиная от эффекта социальной пользы и до глобальных положительных изменений в жизни отдельных граждан и всего общества.

Ключевые слова: волонтерство, сотраотничество, добровольчество, социальная работа, социальное служение, социальная взаимопомощь.

O. A. Karpenko, Samara

Modern institutions of civil society development that form social activity

The paper examines the most important and currently developing institutions of civil society development: volunteering, co-working, volunteerism, social work, social service and social mutual assistance. Definitions are given, concepts are compared, their characteristics are given, and features are studied. The tasks of each institute are considered, examples of such activities are given. As a result, the conclusion is made about the high role of these institutions, ranging from the effect of social benefits to global positive changes in the lives of individual citizens and the whole society.

Keywords: volunteering, co-working, volunteering, social work, social service, social mutual assistance.

Современная молодежь в своем развитии и деятельности начинает все больше ориентироваться на истинные духовные ценности: самореализацию, поиск своего предназначения и миссии, помощь ближним и улучшение жизни людей. Особое развитие в этом плане получило религиозное молодежное движение, молодежное добровольчество и волонтерство, а также сотраотничество и социальное служение, развитие и реализация общественных и социальных проектов, направленных на решение существующих проблем.

Актуальность этого возросла в настоящее время, когда в связи с последствиями пандемии у многих семей произошла потеря работы и частичное снижение дохода. Кроме того, введение дистанционного обучения и режим удаленной работы серьезно повлияли на образ жизни и психологическое здоровье людей, изменились условия режима труда и отдыха, привычное поведение и образ жизни, произошел пересмотр, смещение и искажение ориентиров и ценностей [5].

Для смягчения социальной напряженности в обществе, профилактики психического здоровья граждан, повышения психологической устойчивости и формирования позитивного образа настоящего и будущего, необходимо развитие этих институтов гражданского общества, необходимо привлечение людей, особенно подростков и молодежи, и вовлечение в процессы общественной деятельности, сотрудничества и добровольческой (волонтерской) деятельности и т. п.

Разберем подробнее каждый социальный институт развития гражданского общества, благодаря которым возрастает социальная активность и общественная осознанность в обществе: 1) волонтерство; 2) сотрудничество; 3) добровольчество; 4) социальная работа, социальное служение и взаимопомощь; 5) волонтерство

Волонтерство – это добровольная безвозмездная деятельность на благо общества и отдельных граждан. Волонтерство – это бесплатная работа для того, чтобы помочь всем, кто в этом остро нуждается.

В русский язык термин «волонтерство» вошел в 1990-е гг., когда в России стали появляться первые социально ориентированные некоммерческие организации (НКО), главная задача которых – не получение прибыли от своей деятельности, а благотворительность и просветительская работа. До этого времени все, что сейчас подразумевают под волонтерством, называлось добровольчеством [7].

1. Основные направления волонтерства

Российское законодательство четко определяет цели добровольческой деятельности:

- помощь социально незащищенным гражданам – малообеспеченным; одиноким старикам; безработным, инвалидам, детям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях;
- подготовка людей к преодолению последствий чрезвычайных ситуаций: промышленных катастроф, пожаров, стихийных бедствий – и помощь пострадавшим в них;
- поддержка деятельности в сфере образования, экологии, культуры, науки, здравоохранения, спорта, творчества, патриотического и духовного воспитания молодежи, укрепления семьи и социальной защиты материнства и детства;
- охрана архитектурного и природного наследия;
- защита животных;

- бесплатная юридическая помощь;
- создание социальной рекламы.

Закон отделяет волонтерство и благотворительность от предпринимательства и социальной политики – любая поддержка коммерческих и политических организаций не может называться волонтерством [7].

Волонтерскую деятельность принято делить на пять основных направлений: социальное; экологическое; культурное; спортивное; медицинское.

Волонтерство является достаточно длительным трендом общественного и социального развития. Практически во всех социальных проектах и мероприятиях современности присутствуют волонтеры как из числа подростков и молодежи, так и из взрослых людей.

2. Соработничество

Соработничество буквально означает «совместная работа».

Соработничество – это тренд последних лет, оно набирает обороты сейчас, в период пандемии, когда многие люди работают на удаленке и испытывают дефицит общения, имеют пониженную двигательную активность и хотят приносить больше пользы обществу. Оно распространено в обще-домовой, внутриподъездной, соседской среде, в семейной среде, в кругу родственников и друзей, в корпоративной среде в кругу коллег, в дружеской и в досуговой сфере общения.

Если волонтерство может быть как групповым, так и единичным, то соработничество – это только групповая деятельность и групповое общение. Оно имеет более ярко выраженную социальную и общественную направленность.

3. Добровольчество

Добровольчество – это добровольческое движение, развитое во многих странах мира, направленное на улучшение жизни и является важной частью для построения гуманного гражданского общества.

Доброволец – это человек, добровольно взявший на себя какую-либо работу.

Добровольчество стремится к достижению двух важных результатов: помощь в создании стабильного и сплоченного общества и дополнение услуг, предоставляемых правительством (и бизнесом – когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу) [1].

В соответствии с целями и задачами добровольчества, доброволец – это человек, который, работая безвозмездно, стремится внести свой вклад в реализацию социально значимых проектов.

Добровольцы – люди, работающие в какой-либо области по своей воле, согласно, а не по принуждению, а добровольческие движения – это свободные союзы людей, объединённых каким-либо интересом. В России большинство добровольческих движений направлено в своей деятельности на профилактику и борьбу с наркоманией, алкогольной зависимостью, с ВИЧ/СПИДом, на пропаганду здорового образа жизни, оказание помощи

детям-сиротам и престарелым гражданам, на сохранение чистоты окружающей среды и многое другое.

Можно вовлекать добровольцев в те сферы деятельности, которые не оплачиваются, но остаются важными для достижения целей программы. Например, посещение больных в больницах, доставка продуктов старикам, которые уже не могут выходить из дома, работа с детьми в школе или привлечение внимания к историческому памятнику и т. д. Любая работа может выполняться добровольцами. Доброволец – это не только помощник или социальный работник, заботящийся об окружающих. Он может быть и учителем, специалистом по компьютерам, политиком, инженером или дизайнером.

К добровольческой деятельности относятся:

- посадка цветов, кустов и деревьев;
- помощь таким социальным категориям граждан как: престарелые, беспризорные дети, молодежь и студенты, бездомные, люди с ограниченными возможностями (инвалиды), мигранты, беженцы, бывшие заключенные и др.;
- благоустройство и обустройство дворов, участков, городских улиц;
- помощь животным, добровольная помощь зоопаркам и заповедникам;
- просветительские беседы, направленные на профилактику наркомании, СПИДа, подростковой преступности;
- благотворительные концерты и театральные выступления;
- экологические марши, уборка мусора и загрязнений;
- пропаганда здорового образа жизни;
- интернет-добровольчество.

Таким образом, добровольцы – не только альтруисты, они работают ради приобретения опыта, специальных навыков и знаний, установления личных контактов. Часто добровольческая деятельность – это путь к оплачиваемой работе, здесь всегда есть возможность проявить и зарекомендовать себя с лучшей стороны, попробовать себя в разных сферах деятельности и определиться с выбором жизненного пути.

4. Социальная работа, социальное служение и взаимопомощь

Определение социальной работы, принятое Международной ассоциацией школ социальной работы и Международной федерацией социальных работников 27 июня 2001 г. в Копенгагене: «Социальная работа – это профессиональная деятельность социальных работников, которая способствует общественным изменениям, решению проблем человеческих взаимоотношений; содействует укреплению способностей к функциональному существованию в обществе и освобождению людей в целях повышения их уровня благополучия. Используя теории поведения человека и общественных систем, социальная работа способствует взаимодействию людей с их окружением. Принципы прав человека и социальной справедливости являются фундаментом социальной работы» [2].

Объектом социальной работы является сама система социальных отношений и человек как элемент этих общественных отношений.

Социальная работа – это задача государства и зона его ответственности. Это финансируемая государством сфера с особой структурой.

Что необходимо с точки зрения государства: создание условий для предупреждения крайнего обнищания людей и предупреждение беспорядков.

Существует три уровня социальной работы: [2]

1) социономический – профессиональная деятельность социальных работников;

2) социосферный – социальная деятельность помогающих профессий;

3) социоэнтальный – деятельность всех членов общества.

Третий случай и рассматривается нами, как возможность проведения такой работы любым человеком в свободное время.

Термином «социальное служение», как правило, обозначают деятельность, осуществляемую общественными организациями, в отличие от социальной работы, выполняемой государственными организациями.

Социальное служение – это исторически сложившаяся совокупность организованных форм социальной деятельности религиозных организаций, являющаяся неотъемлемой частью практической реализации вероучения, заключающаяся в актах милосердия и благотворительности в отношении конкретных лиц как носителей образа и подобия Божия.

Социальное служение рассматривается как один из каналов распространения религиозными организациями своих воззрений, в том числе среди неверующих либо последователей иных религий, т. е. миссионерской работы.

Служением принято называть определенный род человеческого делания, которое может осуществляться в любой человеческой деятельности, но отличается по внутреннему содержанию, идеологии и мотивации.

Принцип служения был всегда известен в человеческом мире и означал выполнение человеком предусмотренных определенной процедурой действий, более или менее вынужденных по необходимости для другого лица, высшего по иерархическому, имущественному, возрастному и т. п. признакам.

Наиболее конкретным видом социального служения является обычная человеческая взаимопомощь. Самые простые виды помощи имеют тот же самый вектор, что и любые виды подвижнического служения.

Во-первых, потому, что в них проявляется сердечное отношение к другому лицу, которое можно считать начальным выражением любви.

Во-вторых, потому, что он, забыв о себе, видит перед собой лицом к лицу человека другого и его нужду.

В-третьих, потому, что сердце его, часто помимо всякого рассуждения, стремится исполнить нужду этого человека и помочь ему, послужив необходимым образом.

Характеристики социального служения: [6]

1) православное социальное служение – это «служение любви»;

2) совершая социальное служение, христианин жертвует собой, страдает, сочувствует, помогая понять тайну страдания – «поллюбить свою болезнь» больным;

3) дела милосердия – общие совместные дела всех членов;

4) служение осуществляется в тайне, «не пиаром, а подвигом».

Существуют отличия социальной работы от социального служения.

Во-первых, у социальной работы и социального служения разные даты рождения. Церковное социальное служение возникло с рождением Церкви.

Во-вторых, есть отличия в целях, способах и методах.

Третье – источники. Гуманистические и демократические идеалы не являются предпосылками православного социального служения, а только социальной работы, хотя и радикально не противоречат ему.

В-четвертых, церковные социальные работники, не могут ограничить цели нашей деятельности достижением всяческого благополучия адресатами служения.

Церковное социальное служение – это деятельность, являющаяся неотъемлемой стороной жизни Церкви. Задача этого служения – практическая помощь людям в несении их жизненного креста, вне зависимости от их отношения к вере.

Другая задача – активное участие в «благих делах, направленных на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира», – подчинена целям Миссии Церкви и направлена на деятельное свидетельство о вере Церкви перед окружающим миром.

Самостоятельной цели у церковного социального служения нет. Его деятельность подчинена общецерковным целям, которые сводятся к главной – спасение человечества в целом и отдельных людей – в частности.

Также важно отметить и еще одно, пятое отличие. Критерием практической эффективности социальной работы, как профессиональной деятельности обычно служит общественная польза. В случае церковного социального служения помимо общественной пользы может иметь значение нравственное благо. Эти две категории друг другу не противоречат, но и не идентичны.

В-шестых, отличаются также подходы к адресатам социального служения и клиентам социальной работы. Социальная работа, как профессиональная деятельность, часто использует персональный подход к клиенту, т. е. такой подход, когда адресат социальной работы рассматривается исключительно как конкретная личность с конкретными проблемами и запросами. Эти проблемы и запросы занимают основное внимание социального работника, решение проблем и удовлетворение запросов составляет задачу его работы. Хорошо, если личность подопечного при этом не упускается из виду, это во многом зависит от личности социального работника, от его нравственного лица, культурного уровня.

В отличие от светских социальных работников, церковное служение воспринимает адресат социального служения, прежде всего, с архитипиче-

ской точки зрения и в подопечном обязаны в первую очередь видеть «меньшего брата». Социальные работники – профессионалы не успевают или не ставят своей задачей видеть в человеке глубины, которые открываются христианину. А когда можно увидим в человеке образ Божий, архитипический подход уже может уступить место персональному.

В настоящее время важно развивать и возвращать в людях культуру социально-осознанного поведения, социального служения и взаимопомощи, соратничества, добровольчества и волонтерства, а также осознанного отношения к окружающему пространству: бережно относиться к окружающей среде, к своему двору, к детской площадке, к спортивным объектам, к окружающим людям. Важно, чтобы родители собственным примером показывали детям, что каждый может внести свой вклад в общее дело. Ведь дети до 10 лет обучаются только на личном примере родителей, склонны к подражанию им, и метод личного обучения здесь является весьма значимым для будущего ребенка. И совместная деятельность по волонтерству и добровольничеству, социальная деятельность вместе с родителями является залогом подобного подхода к деятельности у детей в будущем. А соратничество для создания общего блага с членами своей семьи укрепит взаимоотношения в ней, с соседями – повысит взаимоуважение, с друзьями и другими людьми – позволит создать новые связи и превратиться в дружеское общение [3].

Общественная и социальная активность формируется на основе рассмотренных институтов развития, которые не только служат социальным целям развития общества, но и развивают духовные качества самого человека, меняют его в лучшую сторону, в сторону служения Богу и людям, отчего, соответственно, происходят положительные изменения в его сознании и в его окружающем пространстве, а затем – в жизни, в профессиональной деятельности и в дружеской или семейной сферах [4]. Следовательно, роль данных институтов развития гражданского общества поистине трудно переоценить, начиная от эффекта социальной пользы, они приводят к глобальным положительным изменениям как в жизни каждого отдельного человека (принимającego добро, и делающего его), так и всего общества.

Литература

1. Добровольчество URL: https://kurilsk-lib.shl.muzkult.ru/media/2019/10/24/1265989428/Buklet_Dobrovol_chestvo.Ponyatie_sushhnost_osnovny_e_xarakteristiki.pdf (дата обращения: 06.01.2022)
2. Зольцман Т. В. Социальная работа и социальное служение в жизни общества // Материалы кафедры социальной работы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. URL: www.themegallery.com (дата обращения: 17.01.22)
3. Карпенко О. А. Трансформационные процессы в современной общественно-экономической системе под влиянием интеллектуального и духовного развития человека // Управление развитием социально-экономических систем : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2020. С. 105–114.
4. Карпенко О. А., Карпенко Т. А. Трансформация общественно-экономических отношений под влиянием НТП и усиление роли духовности в экономике будущего // Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 30–37.

5. Карпенко О. А., Макушева С. В. Обзор основных тенденций развития экономики и общества будущего // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2019. С. 73–77.

6. Пантелеимон еп. Орехово-Зуевский Четыре особенности церковного социального служения. Доклад на пленарном заседании Первой региональной конференции по церковному социальному служению «Новая эра милосердия». URL: <http://sluzhenie.tomsk.ru/?p=2608> (дата обращения: 16.01.22)

7. Что такое волонтерство и кто такие волонтеры. URL: <https://www.profguide.io/article/chto-takoe-volonterstvo-i-kto-takie-volontery.html> (дата обращения: 09.01.2022)

УДК 374.54

ББК 74.56

А. С. Ким, *Хабаровск*
О. А. Полюшкевич, *Иркутск*

Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров

Рассматривается процесс формирования социальной солидарности среди гражданских активистов и волонтеров. Показывается воздействие просоциальных практик на социальную солидарность как внутри сообщества, так и за его пределами. Приводятся результаты экспертного полуструктурированного интервью, позволившие выделить четыре типа просоциального поведения, способствующего социальной солидарности: альтруистическая, инструментальная, активистская, добровольно-принудительная.

Ключевые слова: социальная солидарность, просоциальные практики, гражданские активисты, волонтеры, типы просоциального поведения.

A. S. Kim, *Khabarovsk*
O. A. Polyushkevich, *Irkutsk*

Social solidarity through pro-social practices of civil activists and volunteers

The article deals with the process of formation of social solidarity among civil activists and volunteers. The impact of pro-social practices on social solidarity both within the community and beyond is shown. The paper presents the results of an expert semi-structured interview, which made it possible to identify four types of prosocial behavior that promote social solidarity: altruistic, instrumental, activist, voluntary-compulsory.

Keywords: social solidarity, prosocial practices, civic activists, volunteers, types of prosocial graying.

Вопросы социальной солидарности усиливаются при совместной деятельности. Объединение через финансовые стимулы консолидирует на базовом уровне, но далеко не всегда может сподвигать людей к эмпатии и соучастию, активизации просоциальной деятельности. Чего нельзя сказать о волонтерской деятельности и гражданском активизме, они опираются на внешние и внутренние формы социального взаимодействия, которые приводят к действиям, направленным на соблюдение интересов других (иногда, в ущерб собственных).

Они относятся как к публичной, так и приватной сферам социального взаимодействия. Волонтерство и гражданский активизм в публичной сфере обладает более высокой социальной значимостью, социальным капиталом, позволяет выстраивать сети взаимодействия, т. е. способствуют внешнему позиционированию и развитию социальных коммуникации. В приватной же

сфере они направлены на реализацию конкретных действий, стимулов и проектов, которые позволяют изменить ситуацию у человека, группы людей или конкретной проблемы.

В большинстве теорий, гражданский активизм и волонтерство трактуется как неоплачиваемая работа, которая опирается на ценности индивида или группы людей (К. А. Урсулenco [6], И. А. Халий и О. В. Аксенова [7]). Другие ученые говорят об этих сферах – как формах досуга и тут акцент делается на отсутствие морального принуждения при осуществлении этой деятельности (О. А. Полошкевич [1; 2], О. А. Симонова [3; 4], О. А. Смирнова [5]).

Методика исследования

Мы провели 23 полуструктурированных интервью с участниками волонтерского движения и гражданскими активистами в области защиты прав человека, женщин и детей, испытывавших насилие, заключенных, инвалидов, мигрантов и т. д. Из опрошенных 13 женщин и 12 мужчин в возрасте 26–65 лет, имеющих опыт работы в волонтерстве или гражданском активизме от трех лет и более, их деятельность в теории и на практике является просоциальной.

В ходе интервью мы просили рассказать о своем прошлом и настоящем опыте волонтерства и гражданского активизма и ожидаемых перспективах в данной сфере деятельности и в целом в жизни. Анализ интервью проводился методом контент-анализа и трансимволического анализа.

Анализ результатов исследования

В результате мы выявили несколько типов просоциальной деятельности: альтруистической, инструментальной, активистской, добровольно-принудительной.

Альтруистическая просоциальная деятельность (26,6 %). Участие в волонтерском движении, акциях гражданских активистов для этой группы выступает актом щедрости, «маленьким добрым поступком», которые совершается во благо и во имя других. Представители этой группы чаще других говорят о личной и общественной ответственности, альтруизме и эмпатии.

Для этой группы – просоциальное поведение – это поведение, направленное на интересы других, на интересы общества, для общества. Но также это возможность что-то новое узнать, научиться чему-то интересному, новому, познакомиться с интересными людьми, найти увлекательных собеседников, это возможность преодолеть собственные внутренние страхи.

Я хочу быть полезным кому-то. Знать, что мои знания и опыт могут изменить чью-то жизнь – это дорогого стоит. Также мне всегда интересно перенимать чужой опыт, интересные моменты социального и личного развития, примерять это на себя. М. Ю., волонтер студенческого добровольческого движения, 22 года.

Мы все ответственные за то общество, в котором живем. Поэтому каждый должен делать то, что может лучше всего на благо всех. Без готовности делать что-либо во благо других не будет развития, прогресса и общественной эволюции. Т. А., волонтер центра помощи детям-инвалидам, 21 год.

Инструментальное просоциальное поведение (25,9 %). Это такое поведение в рамках волонтерства и гражданского активизма, которое строится на личной выгоде. Представители этой группы занимаются просоциальными практиками, чтобы улучшить свое резюме, чтобы усилить свой личный социальный капитал и в будущем более перспективную работу или же решить личные проблемы. Но им не чужд такой взгляд на просоциальные практики, которые позволяет им видеть свой собственный вклад в общем деле.

Я работаю волонтером в добровольческом центре донорства крови. Это доброе дело, которое отлично скажется на моем резюме, когда я закончу университет. Это мой личный социальный капитал, который работает на меня. О. Л., волонтер добровольного центра донорства крови, 21 год.

Я помогаю мигрантам адаптироваться в принимающем обществе. Это хорошее дело чисто по-человечески, но также это поможет мне при подаче документов на стипендии и гранты, а также при рассмотрении резюме на стажировку в один из европейских вузов. Думаю, и при последующем трудоустройстве не последнюю роль сыграет. О. А., волонтер студенческого волонтерского движения Ирида, 20 лет.

Активистские просоциальные практики и просоциальное поведение (27,4 %). Участники данной группы стремятся проявить свою активную гражданскую позицию, выступив в виде коллективной силы для решения общественной проблемы (локального или глобального уровня. Например, защищают питомник для животных, который хотят закрыть или протестуют против принятия закона. Или же, благодаря просоциальной деятельности формируются условия для изменения установок общественного мнения по конкретным вопросам: отношения к мигрантам, представителям другой религии или нации, неизлечимых больных и т. д.

Я участвую в подготовке и реализации акций, направленных на просвещение населения и повышения информированности о ВИЧ-инфицированных и больных СПИД-ом, выступаю против дискриминации и стигматизации этих социальных групп. Р. А., волонтер благотворительного центра профилактики ВИЧ и СПИД, 28 лет.

Религиозная нетерпимость – это бич современности. Я работаю несколько лет по просвещению и повышению толерантности и терпимости по отношению к представителям других конфессий. Провожу встречи и организую социокультурное пространство по взаимодействию и снятию межнациональной и межрелигиозной нетерпимости. Н. Н., волонтер центра по профилактике экстремизма и терроризма, 28 лет.

Добровольно-принудительные просоциальные практики (20,1 %). Это действия в интересах других, но совершаемые под давлением руководства или как наказание за проступок в виде общественных работ. Примером этого могут быть субботники по очистке города или прибрежных территорий, лесов от мусора.

Для некоторых данный вид просоциальных практик становится стимулом к началу другой жизни. Для других так и остается трудовой неоплачиваемой повинностью, совершаемой в интересах общества или отдельных его социальных групп или сфер.

В нашей компании есть социальные программы, и каждый сотрудник должен вносить свой вклад в это общее дело. Мы участвуем в акциях по поддержке детских домов, помимо тех детских домов, которые являются нашими по обеспечению, каждый сотрудник по мере своих сил и знаний вносит свой посильный вклад. Одни учат детей тому, что умеют, другие организуют походы для них, третьи разучивают песни. И не делать этого нельзя – так как есть обязательства перед компанией. О. А., Иркутская нефтяная компания, 38 лет.

Мне назначили общественные работы по очистке города за то, что я разрисовывал стены города, типа это были акты вандализма. Но я предложил не просто очистку города сделать, а город или хотя бы отдельные районы сделать элементами стрит-арта, разрисовывать картинами стены и заборы в районах города. Это стало не просто хобби, это моя жизнь – я рисую сам и учу других. И сейчас даже с администрацией заключаем соглашения, а начиналось все как наказание, а продолжается (пока не заканчивается конечно) как способ получения известности и признания. И. А., руководитель волонтерского движения улицы-арт по граффити на улицах городов, 34 года.

Таким образом, в любом из представленных типов просоциальных практик, способствующих развитию волонтерства и гражданского активизма присутствует сочетание индивидуальных и коллективных мотивов. Просоциальное поведение может закрывать как личностные потребности, так и решать общественные задачи. Просоциальные практики – это полноценный вид деятельности, которая выступает не случайной занятостью, а запланированной деятельностью, а потому и может считаться инструментом целенаправленного формирования социальной солидарности.

Литература

1. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, 2021. С. 20–23.
2. Полошкевич О. А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
3. Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 12. Вып. 4. С. 12–27.
4. Симонова О. А. Моральные эмоции и социальные объединения // Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / под общ. ред. Н. Е. Покровского, М. А. Козловой. М. : Унив. кн., 2015. Гл. 7. С. 137–155.
5. Смирнова О. А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: основные направления исследований // Социологический ежегодник. 2011. № 1. С. 95–142.
6. Урсулenco К. Социальная солидарность: Развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации // Социология: Теория, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 151–155.
7. Халий И. А., Аксенова О. В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М. : Новый хронограф, 2010. С. 222–249.

УДК 364.53
ББК 60.65

С. В. Малых, *Иркутск*

Партнёрство университета и НКО

Рассматриваются перспективы социального партнерства университета и социально ориентированных некоммерческих организаций. Обозначаются правовые рамки формирования данного взаимодействия, приводятся результаты экспертного интервью студентов-волонтеров 2020–2021-х гг., выявивших три блока мотивации и понимания студентов: зачем они идут в волонтеры, что там делают и что хотят получить в итоге. Эти блоки раскрываются в когнитивных выводах и аргументах, аффективных эмоциональных стратегиях и деятельностном восприятии, конкретных действиях, направленных на результат.

Ключевые слова: университет, некоммерческие организации, партнерство, социальное развитие, социальная ответственность, просоциальность, эмпатия, добровольчество, волонтерство

S. V. Malykh, *Irkutsk*

University-NGO partnership

The article examines the prospects for social partnership between the university and socially oriented non-profit organizations. The legal framework for the formation of this interaction is considered, and the results of the expert interview are also presented. Students-volunteers, taken in 2020–2021, who identified three blocks of motivation and understanding of students why they go to volunteers, what they do there and what they want to get as a result. These blocks are revealed in cognitive conclusions and arguments, affective emotional strategies and activity perception, concrete actions aimed at the result.

Keywords: university, non-profit organizations, partnership, social development, social responsibility, prosociality, empathy, volunteering, volunteering

Современные реалии общественного развития показывают, что многие социальные проекты более эффективны и значимы при реализации партнерства разных субъектов гражданского общества. Университет как центр интеллектуально-образовательного потенциала региона и как центр консолидации молодых, активных, креативных молодых людей выступает ресурсным центром для волонтеров в общественные организации.

Для некоммерческих организаций партнерство с университетом дает возможность получать активных и усердных волонтеров при реализации их проектов, которые могут повысить качество реализуемой работы по проектам и внести существенный вклад в социальное развитие.

Данное партнерство становится взаимовыгодным, так как университет получает дополнительную базу практик для студентов, студенты получают возможность получить новые компетенции и навыки в рамках своей специальности или в целом личных интересов, некоммерческая организация получает человеческие ресурсы, которые могут эффективно, быстро, качественно выполнить поставленные задачи. Некоммерческие организации, которые выступают поставщиками социальных услуг – могут выступать партнерами социального взаимодействия и реализации социального партнерства с университетом – реализуя проекты волонтерства или добровольчества.

Данное взаимодействие уже юридически закреплено в нашем государстве. Это закреплено в распоряжении Правительства РФ от 25 июля 2018 г.

№ 1535-р повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта [1]. На федеральном уровне для реализации этих целей и укрепления позиций социально ориентированных НКО в обществе принята Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, где поставлена проблема вовлечения населения в волонтерские практики для решения социальных задач на местном уровне [2].

Также, механизмом социального развития выступает эффект партнерства – соединения ресурсов университета и НКО, а это не просто удваивает их ресурсы, а делает их более весомыми в десятки раз. Этот эффект называется синергия возможностей, поэтому партнерство приносит не только очевидную, просчитываемую, наглядную выгоду, но и неочевидные бонусы, которые могут положительно сказаться на социальном развитии как университета, так и НКО и особенно на социальном капитале студентов – волонтеров. Так как в процессе взаимодействия с НКО они получают не только навыки и компетенции, которые им могут помочь в будущем, но и знакомятся с новыми людьми, вовлечены в социальные практики, которые меняют их представления, ценности, ориентиры и их жизненный мир, их жизненный путь меняется.

Особый вклад в анализ работы некоммерческих организаций внесли такие авторы как И. В. Мерсиянова, Н. В. Иванова [6], Е. Р. Ярская-Смирнова, О. А. Бодрова [13], П. А. Трескин [11; 12], П. А. Пружинин [10] и другие. О партнерстве вуза с другими институтами гражданского общества говорится в ряде работ автора [3–5].

Социальный капитал данного партнерства можно рассматривать достаточно долго. В интервью, что мы брали у волонтеров, работающих в рамках партнерства университета и НКО (всего за 2020–2021 гг. 36 человек опрошено в возрасте от 18 до 22 лет). В результате мы выявили три ключевые сферы эффективности социального партнерства университет – НКО: когнитивная, аффективная, деятельностная. И именно они определяют качество и критерии формирования приоритетного развития молодых людей в рамках данного партнерства.

Большая часть молодых людей, участвующих в волонтерской деятельности делала акцент именно на символической составляющей, которая формируется на четком когнитивном понимании своих жизненных перспектив и возможностей (37,6 %). Безусловная польза своего участия в подобных организациях оценивается ими весьма взвешенно и обдуманно, они обозначают свои жизненные перспективы и возможности социального моделирования своего будущего развития, реальные перспективы своей работы, профессиональной и личной реализации.

Во время работы волонтером я познакомился с ребятами из других университетов, с некоторыми завязались дружеские отношения. И это помимо того, что я думаю, что не буду работать по специальности – мне

очень понравилась социальная активность в сфере экологического просвещения и свое будущее я хотел бы связать с этой сферой. Хотя базовое образование юриста, что я сейчас получаю, безусловно мне помогает – быть более компетентным и профессиональным, знающим тонкости законодательства. (И. О., студент-юрист, волонтер, 21 год).

Работая волонтером – я увидела, где уже могу оттачивать свои навыки психолога. Люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, нуждаются в поддержке и внимании как никто другой. И работа волонтера-психолога может для них стать тем лучиком надежды, что изменит жизнь к лучшему. Сейчас я хочу постоянно помогать в центре волонтером, а после того, как получу диплом – то хотела бы работать официальным сотрудником в кризисном центре в качестве психолога. (О. А., студент-психолог, волонтер, 20 лет).

Вторым по значимости аспектом был аффективный эмоциональный уровень (32,2 %). Он состоял из двух равнозначных составляющих. Первая – это эмоциональная включенность в общее дело, ощущение себя важным членом сообщества, и то, что реальные действия приносят пользу всем. Второй – это эмоциональная связь между такими же волонтерами. И этот фактор выступал формой просоциального партнерства и эмпатического поведения в условиях социальных ограничений (пандемия) и социальных трансформаций, последовавших за ним.

Эти вопросы подробно исследованы в работах О. А. Полюшкевич [7–9], где выявлены эффекты просоциальных практик, которые сплачивают общество на низовом уровне, никакие формы директивного приказа, санкций сверху так не будут интегрировать общество, как единые и слаженные действия, подтверждение эмоциональной близостью и эмоциональным откликом тех, на кого они направлены.

Если бы вы видели, как смотрят с благодарностью на нас те, кому мы помогаем! Тут и денег не надо – такую отдачу от людей, такое участие и сопричастность чувствуешь, что понимаешь, что не зря ты тут, не зря устаешь, не зря до последнего стараешься сделать все как надо. Кому нужна помощь, и он ее получает и при этом искренне тебя благодарит – так хорошо становится после этого. А когда осознаешь, что не один такой – и нас миллионы по всей стране то начинаешь вдвойне гордиться тем, что вовлечен в единое волонтерское движение всех студентов. (А. В., студент-социальный работник, 20 лет).

Социальная общность волонтеров – это пространство безусловной помощи и поддержки. Я такого никогда не получал ни от одноклассников, ни от школьных друзей. Думаю, это потому, что мы все объединены общим добрым делом. Я участвую в проекте волонтеров «Добрые дела», и мы не просто оказывают помощь тем, кому она необходима, мы каждый раз, день за днем все более солидарны между собой. Вместе – мы сила! Это однозначно. (Р. А., студент-политолог, 21 год).

Третьим по значимости был деятельностный уровень (30,2 %). Студенты-волонтеры, участвующие в социальном партнерстве университета и НКО, ориентированные на реальные действия, а не последствия, которые они получают в виде рациональной выгоды социального капитала или эмоциональной поддержки и соучастия. Они скорее акцентируют свое внимание на настоящем, готовы к реальным действиям и деятельность в конкретный момент времени. Это можно назвать просоциальными действиями, которые вписаны в практики некоммерческих организаций, и они фактически конструируют социальную основу реализации проектов третьего сектора совместно с университетом.

Я пришел в волонтеры для того, чтобы своими действиями изменить ситуацию, помочь тем, кому нужна помощь, делать что можно и что нельзя, чтобы ситуация изменился. (С. В., студент-физик, 19 лет).

Быть волонтером – значит нести ответственность за себя, своих товарищей и то дело, чем вы заняты. Только действия нас определяют. Я пришла именно для этого. (Т. А., студент-социальный работник, 18 лет).

Таким образом, социальное партнерство университета и НКО наполняется множеством индивидуальных и социальных смыслов, которые встраиваются в рамки нормативного регулирования социального порядка. В будущем, перспективы сотрудничества вуза и НКО будут только возрастать, поэтому, нам лучше мониторить и знать особенности социального взаимодействия внутри добровольческого движения, чем руководствуются студенты, при начале работы в волонтерах, какие ожидания оправдываются, а какие нет.

Данное партнерство станет для многих университетов и социально ориентированных некоммерческих организаций точкой социального развития на новом уровне. И чем качественнее и многоаспектнее это взаимодействие, тем лучше показатели эффективности партнерства университета и НКО.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ «О внесении в Госдуму законопроектов о государственном социальном заказе» от 25 июля 2018 г. № 1535-Р. URL: <http://government.ru>.
2. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf>
3. Малых С. В. Механизмы конструирования репутации ИГУ в общественном сознании жителей региона // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 523–529.
4. Малых С. В. Репутация вуза как условие развития территории // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, 2020. С. 69–73.
5. Малых С. В. Формирование репутации регионального вуза (на примере ИГУ) // Социология. 2020. № 4. С. 191–196.
6. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340–361.

7. Полошкевич О. А. Доброта как практика просоциального поведения // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 228–230.
8. Полошкевич О. А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
9. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, 2021. С. 20–23.
10. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 137–141.
11. Трескин П. А. Некоммерческие организации как ресурсы социального развития регионов // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 147–151.
12. Трескин П. А. Факторы организации межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 317–322.
13. Ярская-Смирнова Е. Р., Бодрова О. А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24(1). С. 45–78.

УДК 316.334.4
ББК 66.34

С. А. Сафонов, *Красноярск*

О развитии кадрового потенциала как ресурса оптимизации общественно-государственного партнерства

Рассмотрена проблема реализации сбалансированной кадровой стратегии за счет консенсусных взаимодействий основных социальных институтов гражданского общества. Подчеркнута необходимость «диалога» между участниками общественно-государственного партнерства для усовершенствования кадровой политики.

Ключевые слова: кадровый потенциал, организация, общественно-государственное партнерство, консенсус.

S. A. Safonov, *Krasnoyarsk*

On the development of human resources as a resource for optimizing public-public partnership

The article considers the problem of implementing a balanced personnel strategy through consensual interactions of the main social institutions of civil society. The author emphasizes the need for a «dialogue» between the participants of the public-public partnership to improve personnel policy.

Keywords: human resources, organization, public-public partnership, consensus.

На сегодняшний день перед многими государственными органами актуализируется вопрос об укреплении кадрового потенциала как одного из ресурсов развития данных структур. В эпоху глобальной бюрократизации и переосмысления многих аспектов управленческой деятельности данный вопрос является одним из ключевых. Современный этап развития общества характеризуется не только человекосберегающими концепциями, но и кардинальной сменой теоретических подходов к оценке экономического бла-

госостояния организации или всего общества. Одним из таких фундаментальных подходов является большая ориентация на человеческий капитал производства. Если раньше за основу оценки брались по большей части материальные средства производства, то на сегодняшний день, главным критерием становятся нематериальные факторы: информация, знания, наука, а самое главное носитель такого интеллектуального капитала – человек.

Понимание главной роли человека в развитии национальной экономики на сегодняшний день являются базовой идеей социологии и экономики, которая продолжает развиваться в данном междисциплинарном поле. Однако перед многими теоретиками и практиками стоит важный вопрос, кто должен брать на себя функции обучения управленцев? Они должны быть именно экспертами той или иной отрасли, в которой планируют свою дальнейшую работу или же главным критерием является наличие профильного управленческого образования.

Для начала можно выделить те моменты, которые помогут нам грамотно решить нашу проблему теоретически. В первую очередь следует отметить то, что первоначально мы работаем с определенными идеальными типами. «Чистый» профессиональный управленец – профессионал, который имеет исключительно знания о социотехнической деятельности. Как отмечает Г. П. Щедровицкий, социотехническая деятельность появляется в тех случаях «...когда в качестве материала деятельности, преобразуемого в продукт, выступает деятельность других людей, а иногда и сами люди» [2]. «Чистый» специалист – профессионал, который владеет исключительно научно-методическим знанием, т. е. знаниями об объекте и об алгоритмах, предписаниях для действий с этим объектом. Справедливо будет отметить, что социотехнические знания так же являются научно-методическими, только в качестве объекта выступает либо деятельность человека, либо сам человек. Однако для чистоты рассмотрения мы пока что исключим их из научно-методических. На практике мы очень маловероятно можем столкнуться с первым или вторым типом в чистом виде. Кроме того, некоторые виды знаний и навыков порой сложно четко отнести к одной или другой категории. Однако сама постановка вопроса подталкивает нас к такой вынужденной идеализации, к которой мы и прибегаем.

На практике вряд ли возможно управление, где научно-методические знания вообще никак не используются, так же как и где используются исключительно научно-методические знания. То есть встаёт вопрос о том, какие знания первичны для руководителя, а какие носят дополняющий характер, который полностью «укомплектовывает» его как управленца. С одной стороны, мы имеем профессионального управленца, который получает хотя бы минимальные научно-методические знания о сфере деятельности, с другой – специалиста в данной сфере, который имеет лишь часть знаний о социотехнической деятельности или осуществляющий управление интуитивно, с помощью личностных качеств. В общем и целом, можно выделить по крайней мере некоторые свойства, которые присущи этим двум типам управленцев.

В первую очередь хотелось бы отметить потенциальное различие в постановке целевых приоритетов и ранжировании задач, в связи с этим. Профессиональный управленец, который зачастую не имеет достаточно знаний в предметной области своей организации, работает с ней как с целым и формулирует такие цели и задачи, которые выражаются лишь в итоговом результате. В этом выражается негативная, «менеджерская» черта профессиональных управленцев, которые зачастую нацелены исключительно на выгоду, эффективность и результативность, упуская некоторые важные детали и нюансы. С другой стороны, управленец-специалист зачастую, как подсказывает нам народная мудрость, за деревьями леса не видит. Внимание к деталям, излишняя дотошность порой не позволяют взглянуть на деятельность организации «свысока», определить стратегические задачи и долгосрочную перспективу развития. Как заявляет Г. П. Щедровицкий: «При этом я подчеркнул, что организация, руководство и управление есть деятельность над деятельностью» [2, с. 21]. Однако, по нашему мнению, индуктивное восхождение от частных и деталей к общей картине совершить легче, нежели чем дедуктивное схождение вниз. Это связано с тем, что интуитивное освоение предметного поля деятельности организации несколько сложнее, нежели чем вывод общей картины из деталей с помощью знаний об этом поле. В этом плане мы отдаём предпочтение управленцу-специалисту.

В связи с потребностью властного регулирования социальных процессов на местном уровне, мы предполагаем дальнейшее формирование региональной кадровой модели развития на принципах стратегического и взаимовыгодного партнерства различных субъектов профессионального, интеллектуального и властного сообществ. Данная система позволит более сбалансировано подходить к вопросу кадрового обеспечения не только профессиональных управленцев, но и настоящих экспертов в своей отрасли. Вовлечение основных институциональных единиц предоставит стартовую площадку для подготовки таких кадров, их распределения и дальнейшего повышения квалификации на её базе.

Основным институтом общественно-государственного партнерства в вопросах кадрового обеспечения государственных органов может стать постоянно действующий диалог между данными институтами. Данный процесс может быть представлен в различных правовых формах, начиная от нормативно-правовой регламентации и других документов о партнерстве в той или иной сфере, так и заканчивая консенсусными инструментами в виде дискуссионных площадках и других инструментов коммуникации [1]. Формирование и оформление в будущем такой новой стратегической формы кадрового обеспечения государственных органов позволит сделать процесс взаимодействия общества и власти более сбалансированным и выгодным для всех участников. Достигаться это будет, прежде всего, за счет подготовленных кадров, которые отвечают текущим запросам современности.

Таким образом, мы сформулировали проблему, которая заключается в проблематичности определения первичности статуса профессионального

управленца и управленца специалиста. В целом сложилась довольно противоречивая картина, которая указывает на то, что в разных аспектах деятельности организации позитивное влияние имеют разные типы управления и управленцев соответственно. По нашему мнению, лишь непосредственное взаимодействие гражданского общества, власти и бизнеса, позволит определить существующий заказ на управленца-специалиста. Лишь обсуждая общие потребности и интересы всех участников партнерства, можно сформировать наиболее сбалансированную кадровую политику региона, отвечающую динамично развивающейся современности.

Литература

1. Сафонов С. А. Общественно-государственное партнерство как способ достижения социального консенсуса // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 459–466.

2. Щедровицкий Г. П. Организация, руководство, управление <https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2015/01/ОРУ-Г.П.-Щедровицкий.pdf> (дата доступа 12.01.22)

УДК 314.64

ББК 60.73

П. А. Трескин, *Нижний Новгород*

НКО в условиях пандемии

Проводится анализ деятельности третьего сектора в условиях пандемии. Анализируются общие закономерности, условия развития и формы адаптации к новым условиям работы. Приводятся результаты экспресс-опроса руководителей успешных НКО.

Ключевые слова: некоммерческие организации, пандемия, социальная адаптация, успешные стратегии, управление НКО

P. A. Treskin, *Nizhny Novgorod*

NGOs in a pandemic

The article analyzes the activities of the third sector in a pandemic. General laws, conditions of development and forms of adaptation to new working conditions are analyzed. The article presents the results of an express survey of leaders of successful NGOs.

Keywords: non-profit organizations, pandemic, social adaptation, successful strategies, NGO management

Развитие некоммерческих организаций проходит не простой путь социального становления. При этом условия пандемии создали неоднозначные условия для третьего сектора: с одной стороны, уход на дистанционную занятость, увеличение виртуальных услуг привели к тому, что часть некоммерческих организаций не смогла адаптироваться к новым условиям и закрылась. С другой стороны, у некоммерческих организаций появились новые рычаги и возможности развития, принципы качественно нового формирования сетевого взаимодействия, которое приводит к интеграции сообществ и развитию нового поля развития третьего сектора и гражданского общества в целом.

Анализируя работу активно функционирующих НКО, можно выделить их эмоциональную включенность в социальное развитие общества и решение конкретных вопросов социального взаимодействия и помощи конкретным группам населения. Это деление максимально общее, но является базовым в определении перспектив социального взаимодействия и формирования гражданского общества.

Первый пункт строится на трансляцию положительных примеров влияния НКО на человека, ситуацию или группу людей, которая заключается в кейсе по данной проблеме, что тиражируется в СМИ, сети Интернет, социальных сетях и т. д. Это формирует положительную эмоциональную окраску сотрудников НКО и самой деятельности третьего сектора.

Второй пункт нацелен на решение вопросов социальной помощи, которые не может решить государство. НКО выступают либо подрядчиками органов власти или грантодающих организаций, либо самостоятельными акторами, работающими в определенной нише социального развития.

Динамика социального моделирования развития некоммерческого сектора строится на новых принципах строительства социальных коммуникаций, взаимодействия с общественностью и новых принципов социального воспроизводства, которые формируют и внедряют в работу других социальных институтов и инфраструктур именно представители третьего сектора. Важным инструментом в данном процессе выступают условия формирования межсекторного партнерства между НКО и другими институтами гражданского общества (власть, бизнес, СМИ, университет, общественность), для которых ключевым фактором выступает социальное взаимодействие.

Условия пандемии еще более сфокусировано поставили точки на приоритетных направлениях работы любой некоммерческой организации: формирование социального имиджа, публичности, экспертности и качества предоставляемых услуг. Это выступает основой развития НКО в новых условиях в период и после пандемии.

Можно утверждать, что современный этап развития НКО периода пандемического общества является переходным от старых типов некоммерческих организаций, работающих в социальной сфере к современному, некоммерческих организаций, работающих со своим комьюнити, выстраивающим четкий диалог с властью и бизнесом, активно лоббирующим свою нишу в обществе через социальную рекламу и целенаправленно работающий над своим имиджем, уровнем доверия и эмпатии.

Это разные сферы комплексного развития современной некоммерческой организации. Те из них, кто не может соответствовать предъявляемым требованиям и программам относятся к аутсайдерам и долго не могут продержаться на рынке. Те же, кто четко пристраивают свою стратегию, видит перспективы социального роста и развития, готов меняться, адаптируется к новым условиям, формам и моделям коммуникации – находятся в ТОПе известных организаций третьего сектора, получающих грантовую поддержку Фонда президентских грантов, входят в реестр социально ориентированных

некоммерческих организаций (пользующихся повышенной поддержкой и вниманием органов власти) – своего рода социальный капитал НКО, который преумножает ее возможности в настоящем и будущем.

Методология исследования и анализ результатов

В 2022 г. мы провели экспресс опрос руководителей НКО, активно работающих в период пандемии и сравнили с периодом 2019 г. (их личное сравнение). Критериями активности выступали: публикации в СМИ (печатные и телепередачи) об осуществляемой работе, трудностях и победах общественной деятельности. Критериями активности также стало количество волонтеров, работающих в организации, количество проектов, размеры финансирования. В опросе приняло участие 286 руководителей НКО из разных субъектов РФ и разных сфер деятельности. Но все они на рынке более трех лет, включены в социальные сети взаимодействия и влияют на формирование институтов гражданского общества у себя в регионе.

Таблица

Сравнительный анализ средних показателей деятельности НКО в период пандемии (в шт.)

Критерии сравнения активности	2019 г.	2021 г..
Количество публикаций в печатных СМИ	25	56
Количество сюжетов по ТВ	3	31
Количество публикаций на собственных сайтах и социальных сетях	25	298
Новые услуги офлайн за год	1	7
Новые услуги онлайн за год	1	24
Количество волонтеров	12	345
Количество проектов, осуществляемых организацией	6	31
Размер финансирования	120 000	1 230 000

Каждая строка показывает серьезную динамику. Количество публикаций в печатных СМИ выросло в два раза, сюжетов по ТВ в десять раз. Публикация материалов на собственных сайтах в 2019 г. осуществлялась в среднем два раза в месяц, то в 2021 г. несколько раз в неделю (по 3–4 публикации).

Количество новых услуг в 2019 г. появилась только одна в среднем на организацию, в 2021 г. – в шесть раз больше (7 услуг). Рост услуг онлайн в 24 раза – с 1 в 2019 г. до 24 в 2022 г. В целом количество проектов, осуществляемых организаций в 2019 г. составляло 6, в 2022 г. возросло в 5 раз и составило 31.

Количество волонтеров возросло практически в 29 раз. Это вызвано социальной рекламой, конструируемым социальным имиджем и общественным одобрением.

Размер финансирования от 120 000 возрос в 10 раз – 1 230 000 руб. Это как правило грантовые суммы. И мы указали средние показатели среди ответов опрошенных.

Иными словами, те общественные организации, что активно работают на рынке труда достаточно преуспели в период пандемии, те же кто в новых

условиях увидел проблемы и преграды либо закрылись, либо переqualificировались. Но мы полагаем, на социально активный третий сектор пандемия сыграла стимулирующее.

В условиях пандемии трансформации третьего сектора стали показательными в плане адаптации и мобильности, использований гибких технологий социальной рекламы, повышения уровня доверия и узнаваемости, социальной активности и ответственности. Да, условия выживания стали более жестким, но при этом расширился спектр допустимых технологий, готовность пробовать новое и учиться новому – стало залогом социального, экономического, коммуникативного прорыва, а это стало возможно в том числе и благодаря виртуальным процессам социального развития общественного сектора.

Общество уже не вернется к прежним стандартам, впереди только новые цифровые технологии и платформы развития третьего сектора и те, кто готовы учиться и меняться – будут на передовой и смогут стать фарватерами перемен. Но социальное обслуживание, что лежит на плечах некоммерческих организаций, даже в новых условиях останется прежним и в новых условиях третий сектор будет рычагом мягкого социального моделирования.

Литература

1. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
2. Полюшкевич О. А. Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором // Социология. 2019. № 5. С. 179–188.
3. Полюшкевич О. А. Просоциальное поведение в межсекторном взаимодействии (на примере женских социозащитных организаций) // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов : материалы Всерос. конф. ; под науч. ред. А. П. Суходолова, И. С. Карпиковой. Иркутск, 2019. С. 114–119.
4. Полюшкевич О. А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2019. С. 128–134.
5. Полюшкевич О. А. Условия взаимодействия: межсекторное партнёрство женских НКО // Женское движение в России в XXI веке: уроки и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иваново, 2021. С. 64–73.
6. Попова М. В. Гражданское общество: основные подходы // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 126–129.
7. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 137–141.
8. Трескин П. А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
9. Трескин П. А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 115–122.

УДК 338.2+351.82+304
ББК 65.6+65.49+60.8

С. К. Удалых, *Иркутск*

Государство, бизнес и гражданское общество в условиях реализации в России международной «зелёной» климатической повестки

В связи с изменениями климата рассматриваются проблемы устойчивого развития экономики и общества, энергетического перехода и вхождения в «зеленую» экономику. Исследуются вопросы отказа от традиционных источников энергии и замены их возобновляемыми ресурсами. Особое внимание при реализации в России климатической повестки уделяется обязательному развитию социальной сферы, сохранению экологической обстановки и повышению уровня жизни населения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, климатическая повестка, зеленая экономика, энергетический переход, цели устойчивого развития (ЦУР), парниковые газы, ископаемые энергоресурсы, возобновляемые источники энергии, ESG-принципы

S. K. Udalykh, *Irkutsk*

Government, business and civil society in the course of the implementation of the international “green” climate agenda in Russia

In connection with climate change, the problems of sustainable development of the economy and society, energy transition and entry into the «green» economy are considered. The issues of abandoning traditional energy sources and replacing them with renewable resources are being investigated. Special attention in the implementation of the climate agenda in Russia is paid to the mandatory development of the social sphere, the preservation of the ecological situation and the improvement of the standard of living of the population.

Keywords: sustainable development, climate agenda, green economy, energy transition, Sustainable Development Goals (SDGs), greenhouse gases, fossil energy resources, renewable energy sources, ESG principles

Текущий период и предстоящие 2–3 десятилетия оцениваются как долговременный отрезок времени по реализации почти всеми странами мира так называемой «климатической», или «зелёной» повестки («Повестка-2030»). Эта повестка носит универсальный, всеобъемлющий и преобразовательный характер; она возникла в виде программы многолетних действий мирового сообщества в связи с изменениями глобального климата, приводящими, в частности, к постепенному потеплению планеты. Подобные изменения объясняются накоплением в верхней атмосферной части планеты огромного слоя различных газов от деятельности человека, который создает пагубный «парниковый» эффект для населения планеты.

Мировое сообщество в виде Организации Объединенных Наций (ООН) уже несколько лет призывает все государства обратить внимание на климатическую угрозу и приняло ряд решений по климатической повестке. Одним из мощнейших рычагов предотвращения глобальных климатических изменений является переход к «зеленой» экономике, т. е. отказ от использования в экономике и социальной сфере традиционных ископаемых источников энергии (уголь, нефть) и замена их другими более экологичными возобновляемыми ресурсами (атомная, солнечная, ветряная, приливная энергии). Основная цель замены состоит в том, чтобы сократить использование

углеродосодержащих ресурсов, уменьшить углеродные выбросы и тем самым снизить образование парниковых газов.

Подобный переход также назван как «энергетический» переход. Мировая замена источников энергии коренным образом изменит производственно-хозяйственную, социальную и культурную обстановки в каждой стране. При этом предполагается получение определенных эффектов на разных уровнях (планетарном, межгосударственном, отдельных стран и территорий), но и одновременно ожидается наступление большого перечня рисков. В состав рисков входят: огромные финансовые вложения в диверсификацию практически всей производственной сферы, закрытие массы предприятий, задержка с созданием новых энергетических отраслей и их инфраструктуры, сокращение рабочих мест, увольнение массы работников, снижение финансирования социальной сферы, снижение жизненного уровня населения, социальное напряжение и т. д.

По мнению отечественных экспертов, для минимизации указанных рисков в России необходима профессиональная и плановая комплексная энергетическая политика государства и бизнеса; от гражданского общества требуется народная и деловая поддержка, а от отдельных людей ожидается активное личное участие в реализации «зеленой» повестки на местах работы, проживания и отдыха.

Цель исследования. Выявить для России наиболее эффективные направления и прогнозные результаты реализации климатической повестки и перехода к «зеленой» экономике. При этом принять во внимание особенности национальной экономики и социальной сферы, в том числе имеющиеся на территории страны огромные разведанные и потенциальные после геологической разведки запасы различных энергетических ресурсов. Определить также, что одним из важных результатов энергоперехода обязательно должны произойти существенные положительные преобразования в социальной сфере, рост реальных доходов и повышение жизненного уровня населения.

Результаты исследования

1. Мировое сообщество в лице 193-х стран-членов ООН, в том числе России для достижения устойчивого развития и поддержания глобального климата приняло 25.09.2015 г. в рамках «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Повестка-2030») 17 уникальных ЦУР; в указанной повестке сформирован 15-летний план по достижению этих целей. Перечень ЦУР включает нижеследующее: Цель 1 – ликвидация нищеты; Цель 2 – ликвидация голода; Цель 3 – хорошее здоровье и благополучие; Цель 4 – качественное образование; Цель 5 – гендерное равенство; Цель 6 – чистая вода и санитария; Цель 7 – недорогостоящая и чистая энергия; Цель 8 – достойная работа и экономический рост; Цель 9 – индустриализация, инновации и инфраструктура; Цель 10 – уменьшение неравенства; Цель 11 – устойчивые города и населенные пункты; Цель 12 – ответственное потребление и производство; Цель 13 – борьба с изменением климата;

Цель 14 – сохранение морских экосистем; Цель 15 – сохранение экосистем суши; Цель 16 – мир, правосудие и эффективные институты; Цель 17 – партнерство в интересах устойчивого развития [1]. ЦУР и связанные с ними задачи являются глобальными по своему характеру, универсально применимыми и при этом обеспечивают учет различных национальных условий потенциала в уровнях развития и уважение национальных стратегий и приоритетов.

2. Для реализации ЦУР в развитие ранее принятых мировых программных документов (Конференция ООН по окружающей среде, г. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 1992 г. и Киотского протокола по климату, г. Киото, Япония, 1997 г.) рядом государств было подписано Парижское соглашение по климату (принято 12.12.2015 г. на 21-й сессии Конференции ООН об изменении климата). Россия также официально приняла это соглашение, что стало одним из важнейших событий в рамках глобальных усилий по борьбе с изменениями климата и достижению ЦУР в мировом масштабе [5]. Стратегическая цель Парижского соглашения – удержание прироста глобальной средней температуры. Соглашение объединяет в едином формате усилия государств и сочетает в себе коллективную цель по сдерживанию глобального потепления с определяемыми на национальном уровне вкладами стран по снижению выбросов. Дальнейшее разработка мер по защите планеты о потепления осуществлена странами мира на Климатической конференции ООН в Англии (г. Глазго) в ноябре 2021 г.

3. Российское государство и бизнес, следуя решениям ООН по климатической повестке, активно включились в конкретную работу, связанную с энергетическим переходом и ускоренным движением экономики и социальной сферы к «зеленой» экономике. Так, российским государством в течение последних лет принят целый пакет директивных документов в рассматриваемой сфере, в том числе следующие:

- федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» [7];
- указы Президента РФ: «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [2], «О сокращении выбросов парниковых газов» [6], «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4];
- постановления Правительства РФ «О принятии Парижского соглашения» [5] и «Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в России» [3];
- распоряжения Правительства РФ: «О целях и основных направлениях устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации», «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года», «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», «План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением COVID-19», «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», «Программа развития угольной промышленности России на

период до 2035 года», «Долгосрочная программа развития сжиженного газа в Российской Федерации», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2035 года» и др.

Указанные государственные документы своевременны, необходимы и вполне достаточны для планового осуществления климатической повестки в целом по стране и в регионах; в этих документах прописаны основы и общие методы принятия решений, главные направления, задачи, цели и сводные целевые показатели энергетического перехода и вступления в зеленую экономику. Вместе с тем все «приземленные», т. е. конкретные видимые и осязаемые для гражданского общества, трудовых коллективов и отдельных людей технологические, технические, экологические и социальные достижения происходят на уровне реального производства. Поэтому в реализацию в России «зеленой» повестки и конкретных ЦУР с самого начала их принятия активно включился ряд российских крупнейших корпораций и компаний – Русал, Норникель, Сбербанк, Роснефть, Газпром, Лукойл, Новатэк, Полус, Северсталь, Татнефть и др. Перед многими российскими системообразуемыми (т. е. крупными) предприятиями (их насчитывается до 500 субъектов) также стоит первоочередная задача проведения подготовительных работ и принятие масштабных мер по переходу к зеленой экономике [8].

Большинство предприятий и организаций малого и среднего бизнеса страны пока отстает от рассматриваемой зеленой повестки, так как реализация мер и достижения целей устойчивого развития предполагает формирование у менеджмента твердого понимания сущности зеленой экономики и объективной необходимости энергоперехода, требует вложения определенных инвестиций и внедрение новых технологий и форм организации производства; при этом также обязательно необходимо решение социальных проблем, в том числе повышение жизненного уровня работников. Малый и средний бизнес в большинстве случаев не имеет достаточных ресурсов для внедрения на своей территории и в своей деятельности осязаемых мер по продвижению к зеленой экономике (как показывает практика, малые и средние фирмы ограничиваются пока мелкими мерами – экономия бумаги, электроэнергии и других ресурсов, перевод автомобилей на газовое топливо, незначительное повышение заработной платы сотрудникам и т. п.).

Осуществлению климатической повестки в 2020–2021 гг. серьезно навредила пандемия, которая создала экстремальные условия производства и жизни; во многих случаях она внесла серьезные изменения в общий порядок производственно-хозяйственной и социально-экономической деятельности всех отраслей экономики и социальной сферы. Как известно, государству (федеральной и региональной властям) в последние два года приходится вместо планомерного освоения климатической повестки в конкретных ситуациях срочно находить ресурсы для укрепления здравоохранения, целевой поддержки бизнеса и населения, для устойчивой деятельности регионов, поселений и отдельных предприятий.

4. Россия в процессах энергетического перехода, по нашему мнению, работает «на опережение», и поэтому находится в весьма выигрышной ситуации по сравнению с другими странами, в том числе США, Канада, Франция, Германия, Англия, Япония. В связи с наличием больших запасов разнообразных энергетических ресурсов и развития уникальных технологий их углубленной переработки проблемы энергетического перехода решаются в России чаще всего комплексно и весьма успешно. Российское опережение связано, по нашему мнению, также с выбором весьма правильной стратегии национальной экономики в области энергетической безопасности, в том числе перехода к «зеленой» энергетике.

5. Энергетический переход означает серьезные технические и технологические преобразования почти на всех предприятиях и организациях различных размеров, форм организации и собственности; вместе с тем нельзя игнорировать и забывать социальное и экологическое содержание этих преобразований. В связи с этим в рамках следования климатической повестке и достижения ЦУР крупнейшие и крупные компании, а также некоторые малые и средние фирмы осуществляют ответственную деловую практику на основе ESG-подхода, использующего ESG-принципы. В мире активно развивается новое направление в менеджменте, в том числе в инвестициях, которое имеет аббревиатуру ESG. Расшифровка каждой буквы означает следующее: E, или Environmental – окружающая (экологическая) сфера; S, или Social – социальная сфера; G, или corporate governance – сфера управления. Поэтому понятие ответственной деловой практики, или ответственного подхода к ведению бизнеса основывается на ESG-инвестициях, т. е. это вложение денег в компании, которые ведут бизнес на принципах экологичности, социальной ответственности и высокого качества корпоративного управления. В этом случае увязываются интересы всех сторон компании: социума (гражданского общества, трудовых коллективов, отдельных граждан), партнеров, государства и природной среды.

Выводы и предложения

1. К настоящему времени среди руководителей стран, корпораций и отдельных специалистов сложилось несколько мнений относительно «зеленой» экономики и энергетического перехода. Среди них можно выделить, как минимум, четыре наиболее существенных мнения:

- накопление парникового слоя связано с производством энергии и другой продукции углеродистых ресурсов, поэтому необходима замена их другими ресурсами, не содержащими углерод;
- проблемы изменения климата из-за накопления парниковых газов являются надуманными и выгодными для ряда компаний, которые имеют цель изменить существующую глобальную политико-экономическую ситуацию;
- проблемы необходимости сохранения климата рядом стран поддерживаются, но при этом они продолжают увеличивать добычу угля, строить угольные электростанции и наращивать выброс парниковых газов;

– специальное мнение России: необходима реализация комплексной программы, которая предусматривает, с одной стороны, дальнейшее развитие добычи, переработки и обеспечения себя и стран мира нефтью, газом и углем; при этом предполагается внедрение новейших технологий в области глубокой переработки этих ископаемых ресурсов, и, с другой стороны, развитие производств и применения возобновляемых видов энергии, которые несут минимум или не имеют совсем углеродного следа.

Представляется, что более удачным является выбор России, реализация которого позволит России стать мировым универсальным центром обеспечения стран и континентов как различными видами традиционных энергетических ресурсов (углем, нефтью и газом), так и безуглесодержащими ресурсами (гидравлическая, атомная, солнечная, ветряная и приливная энергии).

2. Рекомендуются следующие направления комплексного развития российской энергетики и перехода к «зеленой» экономике: дальнейшее развитие нефтегазовой отрасли, в том числе глубокой переработки нефти и газа; дальнейшее развитие атомной энергетики и на основе ее водородной энергетики; дальнейшее развитие гидроэнергетики и теплоэнергетики; дальнейшее развитие топливной (угольной) отрасли; развитие ветряной и солнечной энергетики; коренная перестройка управления лесным хозяйством и использования лесов с целью развития поглощения углекислого газа. Эти направления уже частично реализуются: в стране строятся десятки крупнейших энергетических проектов.

3. Рекомендуется распространение ответственной деловой практики, т. е. развитие и расширение значимых социальных и экологических проектов ведущих российских компаний, которые уже в больших масштабах следуют по пути энергоперехода и освоения зеленой экономики. Одним из примеров являются проекты, осуществляемые в Иркутской области, крупнейшей российской международной компанией En+Group. Для создания условий для эффективной деятельности на территории области своих основных активов (алюминиевые заводы, ГЭС и ТЭЦ) эта компания уже вложила значительные капитальные вложения и в ближайшие годы еще направит огромные инвестиции в социальное развитие г. Иркутска и территории Иркутской области (строительство больниц и жилых домов в городах Шелехово, Тайшете и Братске; построение своего центрального офиса в г. Иркутске, создание современной набережной р. Ангара с прогулочными зонами и велодорожками; запланировано также сооружение инженерно-сетевых и архитектурных объектов, строительство жилого квартала и др.).

4. Необходимо дальнейшее наведение подлинного порядка в лесном хозяйстве страны (в том числе на природной байкальской территории), что может быть осуществлено на основе скорейшего освоения бизнесом принятых в 2020–2021 гг. существенных изменений в Лесном кодексе РФ. Россия – огромная страна, известная относительно низким уровнем управления лесным хозяйством, где слабое лесовосстановление, неэффективная охрана

лесных массивов, крупномасштабные лесные пожары, незаконные и истощительные рубки до недавнего времени были почти нормой. Одним из эффективных направлений повышения климатической устойчивости планеты является управляемое использование поглощающей парниковые газы способности лесов. В России находится свыше 20 % всех лесов планеты, и российские леса играют огромную роль для климата и природы всей земли. По мнению отечественных экспертов и отдельных зарубежных специалистов российские леса имеют решающее значение для смягчения последствий глобального климата путем мощного поглощения накапливаемых парниковых газов.

5. В стране разработаны стратегии и долгосрочные программы развития отдельных видов энергоресурсов до 15–25 лет вперед, однако эти документы не увязаны между собой и расчеты в них не сбалансированы. Поэтому необходима разработка единой «Комплексной долгосрочной программы развития в России разных видов энергетических ресурсов».

6. Предлагается осуществить сбор информации от компаний, присутствующих в регионах БПТ, о их корпоративных планах социального и экологического развития, и с учетом федеральных отраслевых программ осуществить разработку «Стратегического плана социального и экологического развития регионов Байкальской природной территории». Подобный сводный документ будет впервые разработан для большой природной территории, который будет содержать задачи, цели и целевые показатели развития социальной сферы (жилье, здравоохранение, наука, культура и др.) и направлений развития экологии (охрана окружающей среды, очищение атмосферы, сокращение выбросов парниковых газов, ликвидация вредных промышленных отходов, лесоустройство и лесовосстановление, и пр.).

В заключение необходимо отметить, что Россия активно и всесторонне включилась в «Повестку-2030». Кроме технической и технологической составляющих повестка таких преобразований в России должна иметь глубокое социальное и экологическое содержание. Преобразования, например, области социальной сферы должны привести к росту инвестиций в эту сферу и к увеличению ввода в действие жилья; ожидается, что возрастет строительство объектов здравоохранения, образования, науки, культуры и спорта.

Литература

1. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2020 год / ООН. Нью Йорк, 2020. URL: unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения: 20.01.2022).
2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию/Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440. URL:www.kremlin.ru/acts/bank/ 1996 (дата обращения: 20.01.2022).
3. Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587. URL:government.ru/docs/43320 (дата обращения: 20.01.2022).

4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 URL:www.kremlin.ru/acts/news/63728 (дата обращения: 20.01.2022).

5. О принятии Парижского соглашения : постановление Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228. URL:government.ru/docs/37917 (дата обращения: 20.01.2022).

6. О сокращении выбросов парниковых газов : указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 URL: www.kremlin.ru/acts/bank/45990 (дата обращения: 20.01.2022).

7. Об ограничении выбросов парниковых газов : федер. закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ – URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031 (дата обращения: 20.01.2022).

8. Перечень системообразуемых организаций. URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70764844 (дата обращения: 20.01.2022).

УДК 314.64
ББК 60.32

Ф. О. Фергу, *Португалия, Фаро*
М. П. Подавайкина, *Украина, Харьков*

Гражданский активизм в Португалии: по материалам социологического исследования

Анализируются процессы становления и развития гражданского активизма в Португалии. На материалах официальной статистики и данных собственного исследования выявляются приоритетные сферы и формы социальной активности, новых стратегий социального активизма и социокультурной динамики португальского общества.

Ключевые слова: гражданский активизм, общественные организации, исследование, социальная активность, социальная включенность

F. O. Fergu, *Portugal, Faro*
M. P. Podavaykina, *Ukraine, Kharkiv*

Civic activism in Portugal: based on sociological research

The article analyzes the processes of formation and development of civic activism in Portugal. On the basis of official statistics and data from our own research, priority areas and forms of social activity, new strategies for social activism and the sociocultural dynamics of Portuguese society are identified.

Keywords: civic activism, public organizations, research, social activity, social inclusion

Современная Португалия – страна с трансформирующимися устоями жизни. Меняется все: от экономики и политики до культуры и искусства. Сфера социальных смыслов португальцев меняется под воздействием виртуализации и вестернизации общества. Мир меняется, жизнь меняется и далеко не все социальные слои португальского общества могут принять перемены и тем более с ним адаптироваться и социализироваться.

Сфера социальной активности достаточно многообразна и строится на актуальных вопросах – обустройства социальных услуг и качества жизни, а также вопросов адаптации мигрантов в португальском обществе. Об этом более подробно можно узнать в русскоязычных работах О. А. Полюшкевич [1] и Н. М. Яковлевой [2,3].

В данной работе мы представим краткий обзор ключевых сфер гражданского активизма, который был реализован через работу общественных

организаций и публичных акций, организованных активистами с 1975 по 2019 г. Мы не брали в расчет 2020 и 2021 гг., так как показатели их будут не однозначны из-за пандемии и связанных с ней ограничений, которые существенно снизили показатели социальной активности населения как на организованном уровне работы некоммерческого сектора, так и на личных инициативах граждан Португалии.

В работе использованы официальные данные службы статистики¹ и результаты собственного исследования, в котором приняли участие 118 активистов и членов общественных организаций, которые включены в общественные инициативы и в целом в гражданскую активность. Их стаж в этом секторе экономики составляет от трех лет и более. 60 % женщины и 40 % мужчины в возрасте от 27 до 65 лет. Все являются гражданами Португалии.

Общественные организации стали появляться после революции гвоздик 24 апреля 1974 г. Но серьезно заявлять о себе стали в нулевые годы. Этому способствовала социально-экономическая, культурная и политическая интеграция португальского общества в европейское сообщество.

Если в 1975 г. некоммерческих организаций в Португалии было 8, то каждые последующие десять лет их количество возрастало: 1985 – 26, 1995 – 57, 2005 – 113, 2015 – 328, 2019 – 543.

Большая часть из них касалась социальной защиты населения, на втором месте были права человека (в том числе политические права), а с 1990 г. добавились и вопросы защиты прав мигрантов из стран бывших колоний Португалии (Капо-Верде, Ангола, Гвинея Бисау, Восточный Тимор, Гоа, Макао, Мозамбик, Сан-Томе, Принсипи, в меньше степени Бразилии). В таблице представлено процентное соотношение основной тематики общественных организаций Португалии за рассматриваемый период.

Таблица 1

Сферы социальной активности общественных организаций Португалии
с 1975 по 2019 г. (в %)

Сферы*	1975 г.	1985 г.	1995 г.	2005 г.	2015 г.	2019 г.
Уровень образования	21,5	38,2	45,1	56,3	58,3	63,4
Доступ к культурному наследию	5,5	16,3	29,2	36,8	45,5	52,2
Социальные льготы	7,3	12,6	19,3	29,7	38,2	44,2
Равные права	10,2	22,8	32,5	37,4	48,7	69,6
Гендерное равноправие	3,8	14,3	25,6	44,6	47,3	51,9
Адаптация мигрантов	2,5	13,7	19,8	44,5	63,5	68,7
Сохранение здоровья и доступ к лечению	5,3	9,4	16,5	27,1	38,2	44,3
Религиозная толерантность	6,8	17,2	22,2	29,8	36,5	52,1
Иное	3,1	15,1	17,9	19,3	21,7	22,3

*Сферы выделены на основе уставных документов общественных организаций, выложенных в открытом доступе

¹ <https://www.cne.pt>

Как видно из таблицы, после нулевых годов увеличилось количество проектов, которые реализуются в рамках основной деятельности общественных инициатив и некоммерческих организаций. Больше всего встает вопрос о равных правах, уровне образования и адаптации мигрантов. Это то, на что устремлены гражданские инициативы – где по мнению руководителей общественных организаций заложены основные проблемы общественного развития.

Если люди не имеют достаточного образования чтобы защищать себя и свои права – то они легко могут стать пешками в чужих манипуляциях. Наши проекты направлены на повышение уровня образованности среди малоимущих слоев общества. Доменико Азари, руководитель католического просветительского центра, Фаро.

Большое количество мигрантов из бывших стран колоний Португалии, а также из стран СНГ привело к тому, что перетрет типичного португальца стал меняться. Но вместе с тем и обострились вопросы качества жизни, уровня образования, условий жизни и так далее. Это повседневные мелочи, которые дают нам вкус жизни. Мы работаем над тем, чтобы люди сохраняли интерес к своей культуре, знали историю, чттили традиции и создавали новое социокультурное пространство той страны, где они живут и работают. Ведь не просто так Португалия стала для них родиной. Диего Сальвадоре, руководитель межнационального центра адаптации мигрантов, Лиссабон.

Разрозненность социальной политики и тщетность усилий активистов и представителей общественных организаций уже в прошлом. Сейчас, третий сектор в Португалии представляет собой реальный вес в социальной динамике общественного развития. К нам приходит больше молодежи, больше небезразличных активных граждан, поэтому, институты гражданского общества хоть и медленно, но интенсивно развиваются. Моника Луиза Тереза Сартасса, руководитель некоммерческого культурно-образовательного центра для женщин, Албуфейра.

Социальные оценки качества развития институтов гражданского общества руководителями общественных организаций Португалии достаточно позитивны. Конечно, все требует усиленного внимания и регулярной работы. Пандемия внесла существенные изменения в работу всех институтов, но не уничтожила третий сектор. А это означает, что после снятия санкций и ограничений, Португалия сможет активизировать свой потенциал в развитии социальной защиты и социального воспроизводства основных социальных институтов.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. 2012. № 12 (344). С. 66–71.
2. Яковлева Н. М. Португалия: кризис постреволюционной модели и поиск нового вектора развития // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 3 (7). С. 35–49.
3. Яковлева Н. М. Португалия в преддверии президентских выборов // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8, № 3 (29). С. 89–100.

Секция

Социально-экономические трансформации в условиях социальной консолидации и дезинтеграции

УДК 342.64
ББК 67.35

Ю. В. Заварзина, Л. Н. Батьянова, *Иркутск*

Международный опыт цифровизации государственного управления

Исследуются основные международные стратегии цифровизации государственного управления. Обсуждаются использование различных цифровых платформ и стратегии виртуальной коммуникации, основанные на новом формате услуг.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, цифровые платформы, цифровые коммуникации.

Yu. V. Zavarzina, L. N. Batyanova, *Irkutsk*

International experience of digitalization of public administration

The article analyzes the main international strategies for the digitalization of public administration. It analyzes how various digital platforms are used, as well as virtual communication strategies based on a new service format.

Keywords: digitalization, public administration, digital platforms, digital communications.

Цифровые технологии являются перспективными технологиями для трансформации государственного управления. Рассмотрим возможные направления их использования в процессе качественного и современного государственного управления. В ряде работ автора и коллег рассматриваются вопросы цифровизации государственного управления (Т. А. Герасимова, О. А. Полюшкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина и др.) [1; 2 ;4; 6–8].

Одним из основных инструментов цифровых технологий на первоначальном этапе (этапе определения цели) является анализ big data (так называемых «больших данных»), включая применение предиктивной аналитики и машинного обучения. Результаты анализа big data, с помощью предиктивной аналитики, необходимы на следующем этапе – планирования результатов.

Данные анализа big data широко используются для тактического планирования и принятия решений. Например, Федеральное агентство по труду Германии использует данные анализа количества безработных граждан, динамику и качественный состав, что позволило эффективно разработать

меры помощи по трудоустройству. Эффект от разработанных мер выражается отразился не только на безработных, которые смогли более быстро найти новую работу, но и на финансовой экономии – удалось получить экономию на содержание данного агентства (около 10 млн евро ежегодно), что показывает многомерную эффективность использования данных анализа «big data» [9].

Примером использования цифровых технологий при планировании результатов (на этапе выработки государственной политики) является внедренная в Великобритании онлайн-платформа Predictiv, позволяющая проводить поведенческие эксперименты в режиме реального времени (рис. 1).

Рис. 1. Варианты использования платформы Predictiv

В среднем время проведения одного испытания занимает около 2 недель, что позволяет органам власти получить качественные ответы на вопросы, которые требовали многолетних исследований еще несколько десятков лет назад.

Цифровые платформы, которые позволяют в режиме реального времени следить за отношением граждан страны к ее политике, приведут к появлению цифрового правительства, в котором будет реализована возможность более гибко реагировать на внешние факторы и предугадывать требуемые изменения.

Развитие аналитических инструментов, связанных с использованием big data, позволяет существенно повысить качество прогнозирования политических и экономических процессов, что расширяет управленческие возможности государства в цифровую эпоху. Так, в США с 2012 г. реализуется инициатива, направленная на изучение и внедрение методов обработки big data в деятельность органов государственной власти (рис. 2).

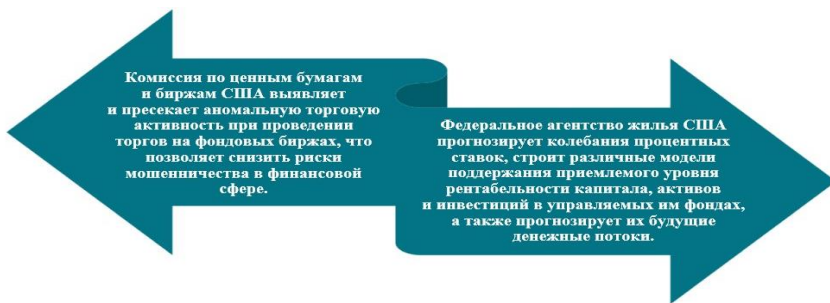

Рис. 2. Примеры использования аналитических инструментов в США

В части технического применения алгоритмов работы с большими данными в США особое внимание было уделено разработке программно-аналитических комплексов, которые устанавливаются в федеральных органах власти и дают возможность оперативного анализа и принятия необходимых стратегических решений» [5].

Цифровые технологии могут существенно трансформировать и процессы мониторинга и оценки достигаемых результатов. В этом смысле представляют интерес международные инициативы по использованию «big data» для целей официальной статистики (в том числе в качестве альтернативы традиционно используемым методам). В 2014 г. при Департаменте статистики ООН была создана Глобальная рабочая группа по «big data», призванная разработать стратегическое видение, направление и глобальную программу по использованию «big data» для целей официальной статистики, поддержать практическое использование источников «big data» в статистических целях и выработать решения на вызовы, связанные с их использованием, а также поддерживать развитие потенциала и обмен опытом по данному вопросу. В состав Глобальной рабочей группы вошли двадцать стран и девять международных организаций.

В 2014–2015 гг. Глобальная рабочая группа провела значительную работу по сбору и систематизации информации о проектах, направленных на использование «big data» в официальной статистике. Соответствующая база данных опубликована на сайте организации (рис. 3).

Большинство проектов по использованию «big data», реализуемых национальными статистическими органами и иными заинтересованными органами власти, посвящены вопросам экономической и финансовой статистики, демографической и социальной статистики, а также данным о ценах (инфляции). Так, проекты по использованию «big data» в сфере статистики цен были реализованы в разных странах (см. рисунок 4), а также на уровне Евростата; основными источниками этих проектов выступали данные сканеров в супермаркетах о фактических ценах на потребительские товары, данные о ценах на продукцию, опубликованные в интернете.

Рис. 3– Сайт с официальной статистикой Глобальной рабочей группы

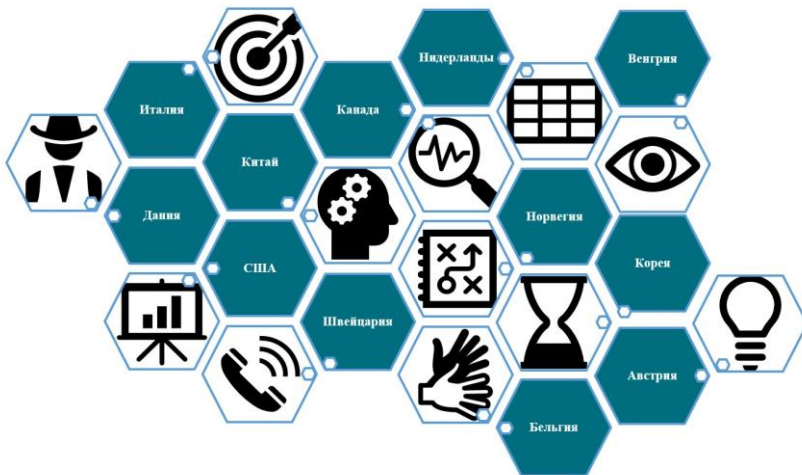

Рис. 4 – Страны, реализующие проекты по big data

Для мониторинга и оценки результативности и эффективности деятельности органов государственной власти в зарубежной практике зачастую используются цифровые платформы, особенно в части мониторинга и оценки качества предоставления государственных услуг.

Так, на платформе результативности правительства Великобритании [<https://www.gov.uk/performance>] представлены значения о показателях, характеризующих оказание государственных услуг, оцениваемых по 4 показателям (рис. 5).

Рис. 5. Показатели оценки государственной услуги в Великобритании

Для оценки предоставления государственных услуг на платформе результативности в Австралии используются те же самые показатели [https://dashboard.gov.au/dashboards/2-performance-dashboard-dashboard].

Главным источником получения данных об уровне удовлетворенности качеством оказания государственной услуги является активный гражданин, который осознанно и достоверно ответил на вопросы онлайн-опроса, проводимый в основном в конце оказания государственной услуги. Поэтому точность полученных данных зависит не только от количества респондентов, но и от качества ответов, полученных от опрошенных.

На этапе оценки важную роль играет внедрение механизмов разработки государственной политики, «основанной на доказательствах», предполагающих проведение оценки результативности программ.

Оценка государственных программ уже невозможна без применения цифровых технологий, необходимых для проведения детального анализа. Например, для проведения оценки программ в США в качестве одного из критериев требуется наличие нескольких уровней доказательств результативности программ, устанавливающих требования к методам исследования эффекта от выполнения программ (рандомизированным контролируемым испытаниям либо надежному источнику для проведения категоризации). Т.

е. эффективность программы необходимо доказать количественными показателями, получить которые без использования «big data» невозможно. Анализ результативности программ также применим к государственным программам и может использоваться на этапе оценки(коррекции) исполнения соответствующих государственных функций.

Рассмотрим применение современных мобильных технологий для оценки качества работы сотрудников органов власти на примере Австралии (рис. 6).

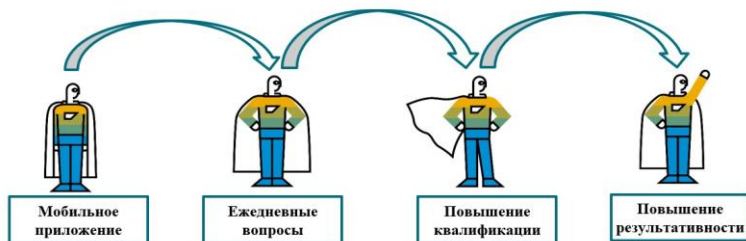

Рис. 6. Использование мобильного приложения для оценки деятельности госслужащих в Австралии

В США также используется специальное программное обеспечение (USA Performance) для оценки результативности профессиональной служебной деятельности федеральных государственных служащих [<https://www.opm.gov/services-for-agencies/technology-systems/usa-performance>]. USA Performance обеспечивает внедрение управления по результатам в соответствии с индивидуальной траекторией служащего органов государственной власти (служащие могут относиться к разным звеньям структуры государственного органа). Программное обеспечение позволяет автоматизировать процесс планирования, мониторинга и оценки результативности профессиональной служебной деятельности на всех этапах управленческого цикла (рис. 7).

В качестве вывода можно отметить важную роль цифровых технологий в изменении традиционных подходов к планированию деятельности, мониторингу достижения показателей и оценке результатов государственных органов. Внедрение цифровых технологий позволят государству более качественно выявлять и решать острые проблемы здесь и сейчас, прогнозировать и своевременно реагировать на проблемы будущего.

Вместе с тем Россия сталкивается с такими же проблемами, как и другие страны на пути цифровизации, но решение этих вопросов пока недостаточно эффективно. Поэтому изучение международного опыта является приоритетной отраслью цифровизации государственного управления.

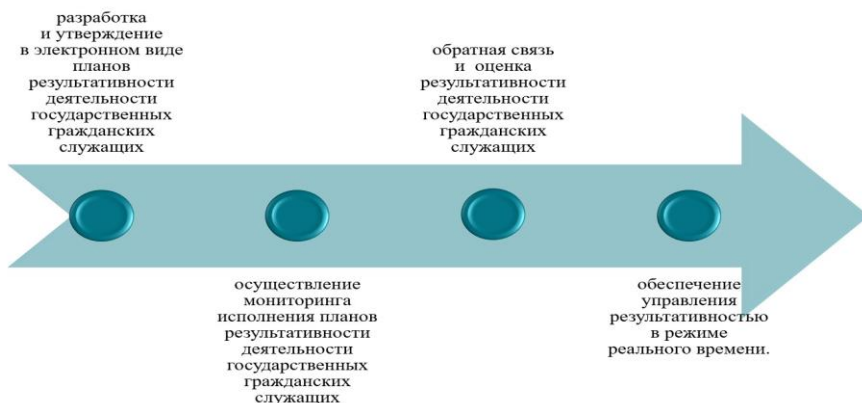

Рис. 7. Процесс управления планом результативности деятельности государственного служащего в США

Литература

1. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 65–69.
2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 310–315.
3. Журавлева И. А. Качество государственного управления через инструменты цифровизации // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 13–20.
4. Журавлева И. А., Тетерин В. В. От электронного управления к цифровому управлению: теоретический аспект // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 110–115.
5. Клилэнд Д. Управление заинтересованными сторонами в проекте // Управление проектами / под ред. Дж. К. Питера. М. : Питер, 2004.
6. Москвитина Н. В. Качество жизни и цифровизация государственных услуг после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : МГУ, 2020. С. 109–110.
7. Москвитина Н. В. Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4. С. 114–128.
8. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учеб. пособие / О. А. Полошкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск, 2020. 163 с.
9. Landefeld, S. Uses of Big Data for Official Statistics: Privacy, Incentives, Statistical Challenges, and Other Issues. 2014. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/beijing/Steve%20Landefeld%20%20Uses%20of%20Big%20Data%20for%20official%20statistics.pdf>.

УДК 316.422.4
ББК С 55-4

Е. А. Маркова, *Иркутск*

Социальная ответственность бизнеса как маркер построения частно-партнерских отношений в эпоху пандемии

В работе проанализированы процессы социальной ответственности бизнеса в условиях развития институтов гражданского общества. Представлены основные концепции корпоративной социальной ответственности. Изучено изменение уровня социальной ответственности бизнеса в условиях пандемии. Выделены основные направления корпоративной социальной ответственности для российского бизнеса. Рассмотрено взаимодействие государства и бизнеса в контексте корпоративной социальной ответственности.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, бизнес, государство, предпринимательство, социальная ответственность бизнеса, организация.

Е. А. Markova, *Irkutsk*

Social responsibility of business as a marker of building private partnerships in the era of the pandemic

This paper analyzes such trends as the development of corporate social responsibility and the interaction of social organizations of business and the state. The paper presents the main concepts of corporate social responsibility. The analysis of changes in the level of social responsibility of business in the conditions of a pandemic is carried out. The main directions of corporate social responsibility for Russian business are highlighted. A factor analysis of the interaction between the state and business in the context of corporate social responsibility is carried out.

Keywords: corporate social responsibility, business, government, entrepreneurship, social responsibility of business, organization.

Сегодня в бизнес-индустрии актуальность набирает исследование феномена «социальная ответственность бизнеса». Говоря о корпоративной социальной ответственности, необходимо отметить, что данная тенденция в бизнес-индустрии подразумевает под собой реализацию в процессе предпринимательской деятельности таких действий и мероприятий, которые ориентированы на общественное благо [3]. Независимо от уровня и сферы деятельности бизнеса концепция корпоративной социальной ответственности включает в себя следующие ключевые элементы: корпоративная этика, корпоративная социальная политика в отношении общества, политика в сфере охраны окружающей среды, поддержание здорового климата в организации, соблюдения прав человека, отношения с потребителями, политика в отношении персонала [3]. Однако в России довольно долгое время реализация социальной ответственности бизнеса заключалась лишь в реализации двух составляющих – благотворительность и спонсорская активность.

Стоит отметить, что в современных условиях социальная ответственность бизнеса основана не столько на реализации личных интересов предпринимателей и организаций, сколько на значимости непосредственно достигнутых результатов и их социальных последствий для общества в целом. Организации, занимающиеся социальной ответственностью, помимо общественного признания, также получает повышение уровня положительного имиджа в глаза целевой аудитории; увеличение объемов выпускаемой продукции и оказываемых услуг; развитие и укрепление корпоративного

бренда; заключение новых актуальных партнерских соглашений; укрепление связей с другими представителями бизнеса, государства, с гражданскими организациями и объединениями.

Современное общество ждет от бизнеса добровольного отклика на актуальные проблема социума, тем более такой вид деятельности в сфере бизнеса стал еще более актуальным в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией. Многие крупные и малые организации оказывали поддержку как государству, так и отдельным категориям граждан в ходе борьбы с пандемией. В Российскую модель корпоративной социальной ответственности «COVID-2019» внёс достаточно большие коррективы и новшества. Это связано с тем, что в условиях развития пандемии от всего общества требуется консолидация усилий для решения возникших проблем и угроз [5]. В условиях пандемии несмотря на возникшие экономические проблемы, многие российские предприятия оказали значительную помощь в реализации и осуществление социально значимых проектах. Примерами реализации социальной ответственности отечественными организациями являются следующие примеры банк «Открытие» выделил 100 млн руб. на доплаты врачам, «Сбербанк» выделил 3 млрд руб. на создание вакцины, респираторов и СИЗ больницам Подмосковья, также «Сбербанком» было отправлено в регионы 700 тыс. защитных масок и 50 тыс. пар одноразовых перчаток, международный интернет магазин Wildberries выделил 1 млн защитных масок для медиков в 85 регионов страны [5].

Ранее бизнес в России полагал, что корпоративная социальная ответственность заключается лишь в благотворительности, спонсорстве и поддержании здорового климата внутри организации, но в условиях, связанных с распространением коронавирусной инфекции, многие российские компании также стали заниматься такими видами корпоративной социальной ответственности как прием на работу людей с ограниченными возможностями, социальный маркетинг, корпоративное волонтерство, спонсирование грантов на социальные инициативы, экологический маркетинг. На сегодняшний день многие российские организации осознают, что прибыль не является главной составляющей в видение бизнеса, сегодня индустрия российской бизнеса переходит в активную стадию развития корпоративной социальной ответственности.

Рассматривая такую тенденцию современного общества, как корпоративная социальная ответственность, необходимо уделить внимание также взаимодействию бизнеса и государства. Стоит отметить то, что взаимоотношения между бизнесом и правительством имеет несколько подходов. Первая точка зрения заключается в том, что взаимоотношения бизнеса и правительства сходятся к минимизации степени вмешательства правительства в функционирование рынка, а также к снижению затрат, связанных с государственными налогами, ограничением, регулированием как для бизнеса, так и для экономики в целом. Такой подход актуален для

классического направления в экономической теории, когда для функционирования экономики лучше всего подходят свободные рынки с минимальной ролью государства [4].

Следующий подход заключается в том, что правительство благоприятно влияет на бизнес. То есть в рамках данных отношений государство занимается стимулированием и инвестированием в деятельность бизнеса. Такой подход к взаимоотношению бизнеса и государства связан с тем, что государство осознает то, что именно бизнес создает рабочие места, занимается разработками и внедрением инновационных технологий, способствует благоприятному климату как в экономике, так и в обществе в целом. Государство, осознавая необходимость участия бизнеса в экономической составляющей страны, со своей стороны начинает активно его поддерживать с помощью различных грантов, налоговых кредитов и субсидий [4].

И последняя точка зрения заключается в том, что государство и бизнес должны находиться во взаимоотношениях только при решении общественных проблем. Здесь стоит отметить то, что данный подход является противоположным по отношению к подходу, где правительство выступает в роли регулятора, цель которого заключается в том, чтобы бизнес занимался корпоративной социальной ответственностью [4].

Тем не менее, говоря о различных подходах к взаимоотношению правительства и государства необходимо отметить и то, что данные подходы не являются взаимоисключающими. То есть, бизнес может получать от государства различные виды поддержки, к примеру, налоговые кредиты, субсидии, и при этом работать с правительством в партнерских отношениях для реализации различных социальных проектов. Но, на наш взгляд, наиболее удачным взаимодействием государства и бизнеса являются такие отношения, когда отношения строятся в ответ на возникшие проблемы в обществе, а не на идеологическом ответе о надлежащей роли правительства в условиях свободной рыночной экономики [4]. И для оценки эффективности реализации таких подходов, на наш взгляд, необходимо подключать ресурсы образовательных организаций. Так, обучающиеся вузов, находясь на практике, могут проводить исследования при знакомстве с деятельностью социальной организации, чтобы в дальнейшем взаимодействие не ограничивалось только партнерскими кратковременными отношениями, а позволяло расширять кластерные взаимодействия в рамках всей ниши, включая масс-медиа, где с результатами такой деятельности (как промежуточными, так и итоговыми), будут знакомиться участники и профессионального сообщества, и социума в целом.

В России взаимодействие государства и бизнеса сводится к тому, что государство, в какой-то мере, осознает необходимость поддержки бизнеса в реализации различных социальных проектов, но, к сожалению, поддержка социально ответственного бизнеса осуществляется в нашей стране далеко не на высоком уровне. Если для некоммерческих организаций у государства

имеется довольно большой объем различных субсидий, то говоря о бизнес-индустрии, отмечаем, что таких субсидий значительно меньше.

Таким образом, в нашей стране сложилась следующая ситуация с развитием корпоративной социальной ответственности: бизнес осознал необходимость участия в различных социально значимых проектах. Отмечено, что при этом на сегодняшний день корпоративная социальная ответственность характерна не только для крупных организаций, но и для малых, на наш взгляд, такая тенденция связана с тем, что современное поколение диктует новые правила видения бизнеса, которые основаны в большой степени на их мировоззрении. К сожалению, одного желания в осуществлении корпоративной социальной ответственности для организаций, в частности, для малого бизнеса, является недостаточным стимулом. Даже несмотря на то, что социальная ответственность бизнеса обеспечивает организациям бесплатную рекламу, признание в глазах целевой аудитории и непосредственное поднятие уровня положительного имиджа, компании все равно не готовы исключать из приоритетных целей своих организации получение прибыли и начинать активное участие в социальных проектах. На наш взгляд, это связано с тем, что организации нуждается не только в потребности признания, но и в материальных потребностях со стороны государства. Поэтому государство должно не только говорить о значимости участия бизнеса в социально значимых проектах, но и активно организовывать со своей стороны как можно больше материальных и коммуникационных вариаций стимулов для социально ответственного бизнеса.

Литература

1. Аблязова Н. О. и др. Культура и социальная ответственность Российского предпринимательства // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 2. С. 3–8.
2. Аношина Ю. Ф. Модель корпоративной социальной ответственности: условия формирования // Российские предприниматели-благотворители и меценаты. 2020. № 2. С. 10–17.
3. Кожаяев Ю. П., Гужин А. А. Развитие социальной ответственности в предпринимательской деятельности в России // Российские предприниматели-благотворители и меценаты. 2020. № 1. С. 103–111.
4. Мантаева Э. И., Голденова В. С. Взаимодействие государства и бизнеса при реализации социальной ответственности // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности. 2021. № 2. С. 332–337.
5. Маркова Е. А. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как новая реальность формирования социального благополучия граждан // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. 2021. № 3. С. 175–176.

УДК 353.2
ББК 65.04

Н. В. Москвитина, *Иркутск*

Перспективные механизмы государственной поддержки малого и среднего бизнеса в Иркутской области по выходу из ограничительных мер в условиях пандемии

Рассматриваются основные проблемы и возможности развития малого бизнеса в условиях пандемии и определяются основные направления государственной поддержки малого и среднего бизнеса в Иркутской области.

Ключевые слова: государственная поддержка, регион, пандемия, малый и средний бизнес.

N. V. Moskvitina, *Irkutsk*

Promising mechanisms of state support for small and medium-sized businesses in the Irkutsk region to overcome restrictive measures in a pandemic

The article discusses the main problems and opportunities for the development of small businesses in a pandemic and identifies the main areas of state support for small and medium-sized businesses in the Irkutsk region.

Keywords: state support, region, pandemic, small and medium-sized business

На сегодняшний день уровень развития малого и среднего бизнеса, занимающего львиную долю экономики России, отражает и уровень развития государства как на межрегиональном, так и на международном уровнях, выступая активным импортером и экспортером товаров и услуг. Поэтому, малый и средний бизнес нуждается в постоянной поддержке государственных органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, особенно в условиях выхода из ограничительных мер в период пандемии.

Безусловно, существуют принципы развития бизнеса, которые модернизируются в соответствии с изменяющейся экономикой региона, государства, мировых тенденций, требованиями общества. Однако общество и бизнес развиваются все быстрее, законодательство не успевает применить нововведения вовремя, в результате чего происходят накладки при ведении бизнеса.

Проведенный анализ показал существующие проблемы и возможности развития малого и среднего бизнеса в условиях пандемии в регионе.

Можно выделить некоторые направления, которые требуется оптимизировать уже сейчас, в условиях выхода из ограничительных мер в связи с пандемией:

- модернизировать процесс регистрации юридических лиц малого и среднего бизнеса;
- стимулировать кооперации малого и среднего бизнеса: объединение нескольких предприятий одной или нескольких отраслей создаст большой финансовый и промышленный оборот, как следствие, произойдет рост ВРП региона повысится устойчивость к изменяющимся условиям ведения бизнеса и конкурентоспособность на инвестиционном рынке;

- вовлечь в сферу малого бизнеса больше технологий по привлечению инвестиций: на данном этапе развития малый и средний бизнес привлекают инвестиции за счет собственных сил тогда как представители крупного бизнеса используют инструменты привлечения как отечественного, так и иностранного капитала через участие в различных форумах, инвестиционных проектах, экономических сессиях, проводимых для крупных компаний намного чаще с более обширными тематиками [4];

- ознакомить предпринимателей с новыми методами заимствования: в настоящее время малый и средний бизнес мало перенимают опыт западных коллег не так качественно,

- внести изменение в законодательство в сфере ведения бизнеса, сделав его более понятным и доступным для начинающих предпринимателей, а также приведя в соответствие современным условиям развития рыночной экономики;

улучшить поддержку кредитования малого бизнеса: упрощение процедуры кредитования, что позволит развиваться малому бизнесу намного быстрее и положительно повлияет на рост экономики и наполняемость бюджета субъекта и государства в целом и облегчит проблему доступа к финансам субъектам малого и среднего бизнеса образование кредитных союзов [2; 3].

Таблица 1

SWOT-анализ мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях пандемии на территории Иркутской области

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Отсрочка на уплате налогов. 2. Мораторий на плановые проверки субъектов малого и среднего бизнеса. 3. Выдача микрокредитов. 4. Финансирование предприятий для осуществления основных выплат. 5. Консультирование фирм по основным вопросам поддержки бизнеса. 6. Отсрочки по лизинговым выплатам 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Накопительная система налоговых платежей. 2. Отсутствие полноценного информирования бизнеса по мерам государственной поддержки. 3. Низкий уровень финансово-кредитного регулирования бизнеса. 4. Зависимость наполнения бюджета региона от налоговых поступления малого и среднего бизнеса
Возможности (O)	Угрозы (Т)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Усиление нормативно-правовой основы функционирования малого и среднего бизнеса. 2. Упрощение системы выдачи кредитов и займов организациям малого и среднего бизнеса. 3. Увеличение независимости муниципального и регионального бюджетов от налоговых поступлений со стороны бизнеса. 4. Оптимизация систем информирования малого и среднего бизнеса о появлении новых мер поддержки и внедрении новых технологий 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Длительный процесс согласования новых мер поддержки. 2. Сокращение/прекращение финансирования организации в случае изменения приоритетов распределения бюджетных средств. 3. Несвоевременная подача документов на получение поддержки. 4. Высокий уровень коррупции в органах власти. 5. Стагнация в экономике

Помимо решения финансового аспекта ведения малого и среднего бизнеса необходимо обратить внимание на его страховую сторону:

- построение благоприятной правовой среды, способной отвечать требованиям развивающегося бизнеса, оперативная подготовка документации;
- предоставление государственных гарантий при индивидуальном страховании малых предприятий;
- формирование и развитие обществ взаимного страхования [5; 6].

Удаленность Иркутской области от западной части России делает подобные ей ограничительные меры менее применимы для субъектов малого и среднего бизнеса региона ввиду специфики его ведения: меньший финансовый и производственный оборот, отличающиеся отрасли экономики, низкий уровень платежеспособности целевой аудитории являются основополагающими факторами, препятствующими качественному развитию субъектов малого и среднего бизнеса [1]. Также государственным органам исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне в целях повышения конкурентоспособности малого и среднего бизнеса необходимо оптимизировать информационное обеспечение в сфере развития бизнеса, появления нововведений, внедрения технологий, поиска потенциальных партнеров, инвесторов и клиентов.

Таким образом, несмотря на пандемию, затормозившую деятельность малого и среднего бизнеса, он продолжает развиваться. Однако у него на пути есть масса ограничений: отсутствия полного информирования о нововведениях в бизнесе, устаревшие принципы в законодательстве, узконаправленность финансово-кредитной политики. Недостатки нормативно-правовой базы проецируются на остальные аспекты ведения бизнеса, начиная от регистрации и заканчивая возможностью объединения в более крупных партнеров отрасли. Системный подход по решению этих задач позволит развить малый и средний бизнес, поднять на более высокий уровень качество оказываемых услуг и производимых товаров, а также в целом оптимизирует экономику, преобладающей частью которой и является малый коммерческий сектор.

Литература

1. Багайников М. Л., Москвитина Н. В. Геоэкономический аспект проблемы развития региональных хозяйственных комплексов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 6 (128). С. 70–76.
2. Заварзина Ю. В., Батянова Л. Н. Инновационное предпринимательство в Иркутской области: вопросы социального моделирования // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 226–243.
3. Заварзина Ю. В., Москвитина Н. В. Совершенствование инструментов государственного регулирования инновационного предпринимательства в Иркутской области // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 387–399.

4. Москвитина Н. В. Влияние пандемии как фактора развития цифровизации бизнеса // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 259–262.

5. Основы цифровизации государственного и муниципального управления учеб. пособие / Полошкевич О. А., Журавлева И. А., Дружинин Г. В., Москвитина Н. В. Иркутск, 2020. 163 с.

6. Щеглов В. Ю., Скворцов А. О. Проблемы государственной поддержки малого предпринимательства в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2018. № 1. С. 31–36с.

УДК 316.54
ББК 60.84

В. А. Скуденков, *Иркутск*

Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе

В статье анализируются процессы изменения экономических притязаний представителей разных поколений под влиянием современных трансформаций социальной реальности. Доказывается, что виртуализация становится пространством изменения экономических притязаний россиян. Показывается, что виртуальная визуальная культура выступает критерием, формой и условием формирования желаемого образа. Результатом происходящих перемен является формирование человека нового типа: обладающего отличающегося от всех предыдущих поколений формой мышления и новых по смыслу значимых образов достижения и желаемых притязаний.

Ключевые слова: экономические притязания, виртуальность, современное общество, новое мировоззрение, ценности, образы, символы.

V. A. Skudencov, *Irkutsk*

Economic Claims: Effects of Transformation in Modern Society

The article analyzes the processes of changing the economic aspirations of representatives of different generations under the influence of modern transformations of social reality. It is proved that virtualization is becoming a space for changing the economic aspirations of Russians. It is shown that virtual visual culture acts as a criterion, form and condition for the formation of the desired image. The result of the ongoing changes is the formation of a person of a new type: possessing a form of thinking that is different from all previous generations and meaningful new, meaningful images of achievement and desired aspirations.

Keywords: economic claims, virtuality, modern society, new worldview, values, images, symbols.

В современном обществе действует множество внешних условий, которые трансформируют уже сложившиеся формы развития экономических притязаний. Виртуализация мира, распространение коронавирусной инфекции усилили процессы перестройки рабочих механизмов социального восприятия, добавив много визуального и виртуального воздействия на социальные притязания.

Традиционные формы конструирования притязаний, такие как передача семенных ценностей из поколения в поколение, воздействие менталитета территории или города на своих жителей, национально-культурные или религиозные факторы воздействия на то, что хорошо, к чему стоит стремиться, на основании каких критериев можно сказать, что жизнь удалась,

успешна и продуктивна – перестали иметь определяющее значение. Их роль остается лишь как косвенный фактор, как дань традиции.

Например, в советском обществе – критериями материального успеха в жизни были вполне понятные категории – квартира, машина, дача, гараж, телевизор, холодильник, позже магнитофон. Сегодня эти элементы являются обыденными и говорить о том, что они являются показателями материального успеха – не приходится. Но сегодня формируются другие материальные символы успеха – как часто ты меняешь машины (и чтобы каждая последующая была более дорогостоящей чем предыдущая), где и с кем ты живешь (в каком районе квартира, сколько квадратов), где и с кем и как часто ты отдыхаешь за границей и т. д. Критерии материальные те же, но включился эффект соревновательности, так как каждый год появляются новые модели машин, ноутбуков, телефонов, появляются все новые места для отдыха, более дорогостоящие аксессуары и если мы говорим об экономических притязаниях, то включаемся в эту бесконечную гонку более дорого (не факт что лучшего), но более модного товара, который и является критерием экономического успеха и благополучия индивида или целых социальных групп.

Виртуальность еще более усилила эти процессы социальных трансформаций, позволив не тратить время на поездки в магазины или на обучение, или на работу. Следствием этого стало даже не фактическое предъявление материального достатка, а виртуальная картинка, которая транслируется через социальные сети. Картинка, которая показывает кто ты, как выглядишь, что делаешь, где и как живешь и т. д. Это серьезная трансформация для сознания современников – от предъявления реального материального положения, к виртуальному, придуманному, нереальному образу.

Данные изменения касаются представителей всех поколений, но больше всего более молодого поколения, так как их социализация проходит в этих условиях, тогда старшие поколения лишь адаптируются к ней, вбирая в себя лишь отдельные элементы. Когда нынешние подростки и молодые люди станут основной работающей социальной группой нашего общества, то реальность станет принципиально другой, так как их мечты и амбиции будут воплощаться на практике. Только эта практика еще более виртуальной будет, нежели чем современный мир.

Ну а пока, мы наблюдаем процессы перестройки социальной системы, отсечения старых не работающих схем и формирования новых механизмов развития и адаптации новых практик, которые подготавливают сознание отдельных людей и коллективное сознание общества к новым векторам социального воспроизводства. Эти механизмы исследовались разными учеными. Например, в работах О. А. Полюшкевич [11,12,13] исследуются процессы адаптации россиян к новым условиям, Р. В. Иванова [3,4,5,6] как стратегий объяснения новой реальности, И. А. Журавлевой [1,2] и С. В. Малых [7,8,9,10] как новых форм обучения и преподавания. Эти все работы указывают на комплексность решаемых вопросов, неоднозначность суждений и

многовариантность прогнозов социального развития. Экономические и социальные притязания также трансформируются, подчиняясь общим социальным трансформациям [14,15,16,17,18].

Наше исследование стало одной из таких точек социального моделирования будущего общественного воспроизводства, которое закладывается уже сегодня, через понимание и интерпретацию происходящих событий в сознании современников. Для этого мы опросили 1200 человек через платформу опросов www.google.com, в исследовании приняло участие 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных регионах РФ и имеющих различный социально-экономический статус.

Происходящие трансформации разные поколения оценивают неодинаково: чем старше, тем больше скептического отношения к виртуализации и способом предъявления экономических притязаний через визуальные виртуальные формы и чем младше. У последних более освоена данная практика и воспринимается как естественная и нормальная (табл. 1).

Таблица 1

Оценки разных поколений предъявления экономических притязаний
 через виртуальные визуальные образы (в %)

Категории	Условно младшее поколение (18–35 лет)			Условно среднее поколение (36–55 лет)			Условно старшее поколение (55–75 лет)		
	Да	Нет	Затрудняюсь	Да	Нет	Затрудняюсь	Да	Нет	Затрудняюсь
Я считаю нормальным, когда моя жизнь полностью транслируется в социальных сетях	47,8	44,3	7,9	31,4	56,6	12	20,8	76,3	2,9
Я не вижу проблем в том, чтобы меня снимали как реалити-шоу	42,7	46,7	10,6	35,5	59,9	4,6	21,8	75,8	2,4
Я дорожу оценками моих друзей, знакомых и незнакомых людей, которые выражаются в лайках и комментариях к моим публикациям и историям	64,3	25,5	10,2	33,1	62,3	4,6	2,6	68,9	28,5
Я допускаю тот момент, что мог/ла бы зарабатывать на том, что другие смотрят мою жизнь через социальные сети	51,1	36,6	12,3	36,5	65,5	2	12,4	73,5	14,1
Я могу выразить себя через трансляцию своего опыта в виртуальном мире	61,2	33,2	5,6	35,1	58,8	6,1	3,7	76,9	19,4
Я могу получить все, что мне нужно для жизни (навыки, знания, опыт) в виртуальном мире и потом там же его использовать	62,2	33,7	4,1	32,2	62,2	5,6	5,6	79,9	14,5

Данные результаты фиксируют большую подвижность изменения социальных представлений среди молодежи, их готовность адаптироваться под новые условия более активно и многосторонне. Ригидность старших поколений вполне понятна, она замедляет их процессы синхронизации с происходящими изменениями виртуализации общества. Но при этом мы наблюдаем сложности в принятии адаптации к новым условиям формирования экономических и социальных притязаний разных поколений на когнитивном, аффективном и деятельностном уровне (табл. 2).

Таблица 2

Сложности адаптации разных поколений к новым условиям формирования экономических и социальных притязаний (в %)

Категории	Условно младшее поколение (18–35 лет)	Условно среднее поколение (36–55 лет)	Условно старшее поколение (55–75 лет)
Когнитивный уровень	54,2	20,2	35,6
Аффективный уровень	23,2	57,7	7,9
Деятельностный уровень	22,6	22,1	56,5

Но стоит отметить, что качество происходящих перемен также отличается. Например, старшее поколение больше пугает, вызывает непонимание и отторжение то, что нужно что-то делать по-новому (т. е. осваивать новые действия, за которыми по факту – нет понимания и именно это вызывает тревогу). У старшего поколения деятельностный уровень не подкреплен ни пониманием зачем это делать, ни как это делать. Возможно, в этом кроется одна из причин непринятия и сопротивления новым условиям жизни.

Для представителей среднего возраста наибольшее беспокойство вызывает аффективный уровень – который помогает отвечать на вопросы и дает эмоциональное подкрепление того, что ты делаешь все правильно / не правильно. Нет четкого понимания- как должно быть и что по этому поводу нужно чувствовать. Размывание понимания «успешный человек» приводит к тому, что нет ориентиров – куда и к чему стремиться, что брать за норму и как это можно реализовать в жизни отдельного конкретного человека.

Для молодежи – наибольшие сложности вызывает когнитивный уровень – понимание, что я не все могу понимать из-за того, что слишком быстро происходит обновление информации. Я не все знаю, но вынужден действовать в новых условиях, находить механизмы воздействия и реализовывать себя на деятельностном уровне (конкретные дела), эмоциональном (чувства и эмоции что я испытываю по поводу происходящего). А вот на когнитивном (понимание того, что происходит) – наступает коллапс, так как нет понимания того, а что происходит, почему и что с этим делать.

И этот момент стал очень важным для нашего исследования, так как более старшие поколения также не понимают, что происходит, но чтобы не впадать в полную апатию или депрессию, они концентрируются на других сферах и сторонах жизни, отвечающих за экономические и социальные притязания в условиях виртуализации. Но понимания того, что происходит и

как это понимать, нет ни у кого. Но только молодежь готова в этих условиях действовать (зачастую не обдуманно и безрассудно), что приведет к печальным последствиями.

Вероятно, это сказывается опыт адаптации к другим социальным трансформациям, происходившим в жизни более старших поколений. Для молодежи новые условия виртуализации жизни стали изначально новой реальностью, но не значит, что стало понятно, как в ней жить и реализовывать себя. Мы полагаем потому, что старшие поколения не смогли передать навык жизни в этих условиях, нет преемственности – поэтому есть внутреннее непонимание как это объяснять для самих себя, что с этим делать. При том, что именно молодежь лучше адаптируется и реализуется в новых условиях – выходит на поверхность глубинный страх – непонимания того, что происходит и как это понимать.

Экзистенциальный кризис понимания жизни. Полагаем, что в будущем он будет только расти и мы будем вынуждены искать ответы на старые вопросы – в чем смысл жизни, но уже в новых условиях виртуализированного мира.

Если нет понимания, то и анализировать процессы, точки риска, варианты развития невозможно. Без четкости оценки настоящего нет возможности прогноза будущего. Это реальность наших дней. Каждый берет от жизни то, что может понять, принять и действовать в соответствии понятными и принятыми условиями. Если этого не произошло, то наступает период разрушения как внешней системы, так и внутренних ценностей. Перспективы этого достаточно печальны для всех сторон. И чтобы это предотвратить или хотя бы смягчить, необходимы лонгитюдные исследования социального самочувствия представителей разных поколений, анализ их ценностей и социальных притязаний, экономических возможностей и условий социальной адаптации к новым формам социального воспроизводства.

Литература

1. Журавлева И. А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 368–372.
2. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 361–363.
3. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 161–165.
4. Иванов Р. В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
5. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М., 2020. С. 44–46.
6. Иванов Р. В. Стратегии социально-психологической адаптации в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 70–73.
7. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф.. Иркутск, 2020. С. 29–34.

8. Малых С. В. Виртуальность в сознании современников // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 118–121.
9. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–316.
10. Малых С. В. Цифровизация обучения в университете: социальные эффекты и риски // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 412–413.
11. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 303–307.
12. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
13. Полошкевич О. А. Репрезентация молодежи: приватное и публичное в социальных сетях // Диалоги о культуре и искусстве : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Пермь, 2020. С. 122–126.
14. Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. Иркутск, ИГУ. 2020. С. 316–318.
15. Скуденков В. А. Экономические притязания молодежи в условиях перехода к виртуальному миру // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 214–218.
16. Скуденков В. А. Экономические притязания россиян до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с междунар. участием : сб. материалов. М., 2020. С. 177–178.
17. Скуденков В. А. Экономические притязания: инструменты предъявления в цифровом мире // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 163–165.
18. Скуденков В. А. Экономические притязания и социальные статусы в выборе виртуальных профессий в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 302–306.

УДК 341.461
ББК У292.34я73

А. В. Труфанов, *Усть-Кут*

Социальная ответственность нефтегазовых компаний на примере ООО «ИНК»

Рассматривается социальная поддержка компании ООО «ИНК» на территориях присутствия Иркутской области.

Ключевые слова: благотворительная помощь, социально-экономическое сотрудничество, социальная ответственность, территория присутствия, грантовая поддержка.

A. V. Trufanov, Ust-Kut

Social responsibility of oil and gas companies on the example of LLC “INC”

The social support of INC LLC in the territories of the Irkutsk region presence is being considered.

Keywords: charitable assistance, socio-economic cooperation, social responsibility, territory of presence, grant support.

Корпоративная социальная ответственность – это обязательство бизнеса осуществлять добровольный вклад в развитие общества, включая социальную, экономическую и экологическую сферы, принятое компанией сверх того, что требует закон и экономическая ситуация [1].

Группа компаний ИНК разрабатывает и реализует социальные и благотворительные программы, направленные на повышение качества жизни населения и ускорение экономического развития территорий своего присутствия, тем самым способствуя их устойчивому развитию.

В рамках реализации программ ИНК тесно взаимодействует с региональными органами власти и органами местного самоуправления. Так 31.12.2010 компанией и правительством Иркутской области было заключено соглашение № 05-72-80/10 о социально-экономическом сотрудничестве. Предметом настоящего соглашения является определение основ сотрудничества в области реализации социальных, промышленных, финансовых программ, способствующих комплексному развитию Иркутской области. Приложением к соглашению является перечень мероприятий на год, выполняемых за счёт средств общества ООО «ИНК» для социально-экономического развития Иркутской области. Так затраты на финансирование социальных мероприятий в 2021 г. составили 79 900 тыс. руб. [2]

Серьёзность намерений в области социальной политики подтверждает тот факт, что в структуре компании действует департамент по региональной политике и взаимодействию с органами государственной власти. Разработана инструкция «Оказание благотворительной помощи (спонсорской) помощи И.02.3». Наличие департамента говорит о серьёзности намерений и стратегического планирования на территории присутствия.

Помощь ориентирована для тех групп населения и организаций, которые больше всех в ней нуждаются. Компанией определены приоритетные направления социальной поддержки, на которые делается акцент; Сотрудничество с Российским детским фондом, поддержка культурных проектов, грантовые конкурсы, помощь спортивному движению, волонтёрский совет, экологические акции, взаимодействие с коренными малочисленными народами Севера, взаимодействие с заинтересованными сторонами, сотрудничество с научными и образовательными учреждениями, благотворительный фонд Марины Седых. Информация о социальных и благотворительных программах находится в открытом доступе на официальном сайте компании.

Руководство компании воспитывает культуру ответственности среди всех работников группы внутри компании, вовлекая к проводимым акциям на территориях присутствия. Примером к этому служат экологические мероприятия: «Чистые воды Прибайкалья», «Пластик в дело» и другие.

Отдельной строкой хочется упомянуть взаимодействие ООО «ИНК» с некоммерческими организациями (НКО). Так в районе при содействии компании с организациями территориально общественного самоуправления (ТОС) выстроена положительная практика продуктивных совместных мероприятий. Обустройство дворов и детских площадок; в посёлках Карпово и Ручей, группа домов в границах ТОС «Номер Один», площадка микрорайона Мостотряд и. т. д. Спонсорская помощь ТОСам делает территорию для проживания комфортной. Это тот момент, когда проделанную работу можно увидеть глазами подойти пощупать. А когда результат деятельности

виден глазами включается человеческий потенциал, проделанная работа становится примером для подражания для жителей соседних дворов.

Как же повезло местной муниципальной казне от присутствия в районе такой крупной организации как ООО «ИНК». В незначительном количестве сэкономленные средства от проведения социальной политики, выраженной в конкретной спонсорской помощи поселениям и НКО района, можно перенаправить на другие статьи расхода. Муниципалитету в трудные моменты всегда можно на прямую обратиться к руководству компании за помощью. Другим районам можно только завидовать.

Расширение производственных мощностей Усть-Кутского района требует привлечения квалифицированных специалистов с других регионов страны. В самом городе строится микрорайон и социальные объекты в котором будут жить работники с семьями будущего завода полимеров. Помимо хорошей заработной платы людям нужны хорошие социальные условия. Генеральный директор правления Яков Гинзбург в газете «Вестник ИНК»; «Неотделима от бренда работодателя и тема развития территорий присутствия, прежде всего Усть-Кута. Нам предстоит серьезно поучаствовать в повышении привлекательности города, чтобы люди со всей России сюда приезжали работать и жить, создавали здесь свои семьи и видели будущее для своих детей».

Для компаний, которые зашли в регион на долго и позиционируют себя в роли градообразующего предприятия очень важно общественное мнение, положительные инициативы создают положительный имидж и способствуют коммерческой успешности предприятия.

Итоги многолетней практики социальной поддержки особенно ярко себя проявляют в Усть-Кутском районе, где ИНК зарекомендовала себя как компания с человеческим лицом. Большинство жителей выразило свою поддержку градообразующей компании на муниципальных выборах 2020 г., на которых победу за кресло мэра Усть-Кутского района одержал сотрудник ООО «ИНК» Анисимов Сергей Геннадьевич. Также на выборах 2020 г. два мандата депутатов представительного органа УКМО получили сотрудники ИНК проживающих в г. Усть-Куте.

На примере ИНК социально-ответственные компании способствуют снижению социальной напряженности общества, выступают надежными партнерами государства в реализации его социальных программ. Главное, чтобы подобные примеры формировали положительный образ и проводили свою политику с максимальной пользой для общества, на территориях присутствия.

Литература

1. Лазаренко В. А. Корпоративная социальная ответственность крупного бизнеса в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-krupnogo-biznesa-v-rossii> (дата обращения: 19.01.2022).
2. Иркутская нефтяная компания. URL: <https://irkutskoil.ru/sustainable-development/> (дата обращения: 21.01.2022).

УДК 65.35+33.465
ББК 65.42

Т. Ю. Фальковская, П. М. Романова, *Иркутск*

Периферия – Центр: обратный билет нужен!

Предлагается методика трансформации городов и формула устойчивого развития. Анализ проводится с позиции устойчивого территориального развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, трансформация городов, методология трансформации, креативные профили городов, реализация человеческого потенциала, формула устойчивого развития.

T. Yu. Falkovskaya, P. M. Romanova, *Irkutsk*

Periphery-Centre: a return ticket is needed!

The article proposes a methodology for the transformation of cities and a formula for sustainable development. The analysis is carried out from the perspective of sustainable territorial development

Keywords: sustainable development, urban transformation, transformation methodology, creative profiles of cities, realization of human potential, sustainable development formula.

Социально-экономическая проблема, имеющая статус перманентной, характерная для периферийных городов – это неуклонные потери человеческого капитала вследствие внутренней миграции: миграционные потоки имеют устойчивое направление от периферии к центру и устойчивые качественные характеристики: высокий уровень образования, высокий уровень квалификации, фертильный возраст (уезжает креативный класс!). В таких условиях достижение стратегических целей регионального развития, как то, развитие креативной экономики, реализация концепции устойчивого развития, становится невозможным. Решение тактических задач также не улучшает ситуацию, лишь истощает бюджет. Разворачивается жесткая конкуренция городов за людей; периферия, провинция в этой борьбе проигрывает, выигрывают только столичные города, региональные мегаполисы, которые обладают необходимым набором конкурентных преимуществ: доступное и качественное здравоохранение и образование, комфортная городская среда, насыщенный событийный ряд, возможности профессиональной и личностной самореализации.

Однако центры притяжения миграционных потоков, которые концентрируют человеческий капитал, также испытывают побочные негативные эффекты: перегруженность социальной и транспортной инфраструктуры, системные экологические проблемы. На решение этих проблем направлена стратегия «Город 5.0»: эмерджентное проникновение цифровизации во все сферы жизни существенно влияет на антропогенный ландшафт (цифровые двойники физической среды и физических объектов, рост качества проектирования процессов и продуктов). Идея и реализация стратегии Общества 5.0, которую в марте 2017 г. на выставке CeBIT в Ганновере представил публичке премьер-министр Японии Синдзо Абе, уже захватила существенную часть человечества. Взрывной рост численности населения, возрастающий

спрос на электроэнергию, перегруженность мегаполисов вызывают спрос на технологии Smart City. Общество 5.0 – это новая социальная парадигма, подразумевающая тотальное распространение IoT (Интернета вещей), применение Big Data (технологии работы с огромными массивами данных) и AI (искусственного интеллекта) для параллельного развития экономики и решения различных социальных проблем. Пилотными странами для реализации этой стратегии стали Япония, США и Германия. Smart City Нью-Йорк делает ставку на безопасность: видеокамеры, сенсоры, реагирующие на выстрелы; в ОАЭ, г. Мастер smart технологии задействованы для использования энергии ветра и солнца, для регулирования доступного бесплатного общественного транспорта. Smart City Псков, где технологическая концепция реализуется по Федеральному проекту Минстроя «Умный город», использует единую платформу ЖКХ, единую сеть городского транспорта.

Фактором трансформации городов в города 4.0 и 5.0 является НТП; НТП – это объективный процесс, который повышает качество жизни в городах, решает ряд проблем, но имеет свои побочные эффекты. Самый масштабный эффект и негативное социально-экономическое последствие – это высвобождение человеческих ресурсов: колоссальные, беспрецедентные масштабы безработицы. Очевидно, что для оптимизации трансформационных процессов, т. е. для минимизации побочных негативных эффектов (хотя потеря людьми рабочих мест и потеря источников существования и смысла жизни, вряд ли можно называть побочным эффектом: смысл и цель трансформации – в улучшении качества жизни и удовлетворении потребностей людей) необходима специальная универсальная методология трансформации.

Суть методологии заключается в определении профиля региональной экономики в контексте креативной экономики: именно отрасли креативной экономики призваны абсорбировать высвобождающийся человеческий капитал. Креативные профили городов могут быть самые различные: крипто-города, креативные города, гостеприимные города, здоровые города, цифровые города, умные, туристические, спортивные, традиционные, гастрономические и т. д. Девелоперы территорий нуждаются в концепциях устойчивого развития для своего бизнеса: определенный региональный профиль станет вектором развития и ядром концепции. Определение креативного профиля города поможет выйти на мировой рынок продуктов и услуг, даст толчок к росту качества жизни. Жители городов создают ценности, формируют предложение, туристы создают спрос. Реализация профиля возможна через меры интегрированной экономической и социокультурной-политики, через создание соответствующей профильной инфраструктуры. В соответствии с профилем формируется пул событийных операторов, событийный ландшафт. Роль государства сводится к развитию базовой социальной и производственной инфраструктуры и к созданию профильной инфраструктуры; к формированию событийного ландшафта, к стимулированию акторов регионального пространства к различным активностям. Администрации территорий должны быть чувствительными к запросам местных сообществ,

поскольку смысл и цель трансформации в удовлетворении потребностей людей. Однако такая социально-экономическая система не должна превратиться в моногород, она должна сохранять баланс, чтобы быть жизнеспособной и развиваться в соответствии с концепцией устойчивого развития: это города с развитыми инфраструктурами и гибкой институциональной средой, устойчивые за счет базовых отраслей, но флагманом, драйвером региональной экономики становятся наиболее конкурентные профильные отрасли креативной экономики.

Для определения креативного профиля экономики города/региона предварительно необходим экспертный анализ, выявление профильных конкурентных преимуществ: развитое сельское хозяйство гастрономические традиции, развитая сфера культуры, дешевая энергия криптогород, криптоинвесторы, и по старому доброму принципу сравнительных преимуществ. Анализ сопровождается картированием региональных акторов креативной экономики. Затем разрабатывается концепция и стратегия ее внедрения. Концепция определяет смыслы и ценностные ориентиры трансформации города и городской экономики, направления развития. Стратегия определяет видение перспектив, место конкретной территории в мировом ландшафте, измеримые цели, схемы коллаборации и креативизации для отдельных территорий и отраслей. По такой же схеме можно осуществлять трансформацию отдельных бизнесов. Такую работу по сопровождению трансформации городов могут осуществлять межрегиональные лаборатории «Новые города», которые ангажируют креативных экспертов, аккумулируют эффективные кейсы и практики, селекционируют их, генерируют креативные схемы.

Конкуренция городов за людей продолжается. Центры притяжения миграционных потоков перегружены несмотря на внедрение технологий smart; это не способствуют размеренному, осмысленному проживанию жизни; жители мегаполисов испытывают на себе нарушение экологического баланса, гуманитарный кризис.

Каждый город должен ответить на два вопроса: зачем здесь жить и зачем сюда приезжать? Жить, чтобы реализовывать личностный потенциал и жизненную стратегию; быть причастным к увлекательной, осмысленной деятельности, к сообществу; иметь возможности реализации и признания в соответствующих личностному профилю сферах. Приезжать, чтобы обогащать и наращивать потенциал, расширять персональную событийную историю. У периферийных городов большой потенциал в плане удовлетворения гуманитарных, человеческих потребностей; грамотная трансформация городов может развернуть миграционные потоки и разрешить проблемы развития территорий.

Глубокое понимание устойчивого развития, а именно как социально-экономической системы, нацеленной на удовлетворение потребностей человека, выводит на понятие и понимание в этой цепочке креативной эконо-

мики, как сферы осмысленной и целенаправленной деятельности, основанной на самореализации человека. Таким образом, мы получаем формулу устойчивого развития: Город 5. 0, как система дружественных сервисов + креативная экономика, основанная на самореализации и саморазвитии человека = человекоцентричная система, которая обеспечивает пресловутое устойчивое развитие.

УДК 711.6:502(575.141)

ББК 87.24

Х. Х. Хайдарова, Узбекистан, Ташкент

Роль социальной консолидации в управлении городскими экосистемами

Подчеркивается актуальность темы статьи. Особое внимание уделено причинам проблем городской экосистемы и поиску подходов к решению. Консолидацию городской экосистемы рассматривало как многослойную. Изучены негативные факторы консолидации городских экосистем. Также исследуются и анализируются взгляды ученых на городские экосистемы и консолидацию городских сообществ.

Ключевые слова: консолидация, социальной консолидации, город, городская экосистема.

H. H. Khaidarova, Uzbekistan, Tashkent

The role of social consolidation in the management of urban ecosystems

The relevance of the topic of the article is emphasized. Particular attention is paid to the causes of the problems of the urban ecosystem and the search for approaches to solutions. Consolidation of the urban ecosystem was considered as multi-layered. The negative factors of the consolidation of urban ecosystems are studied. The article also explores and analyzes the views of scientists on urban ecosystems and the consolidation of urban communities.

Keywords: consolidation, social consolidation, city, urban ecosystem.

Городские экосистемы бывают искусственными и рукотворными. Люди еще больше обогащают городскую экосистему, строя многоэтажные дома и разбивая красивые сады. Однако немного грустно, что некоторые аспекты искусственно созданной городской экосистемы имеют свои недостатки. Плотная застройка многоэтажек не только лишает жителей города солнечного света, но и снижает их общение друг с другом. Основная причина этого – большое количество жильцов многоэтажек из подмосковных районов и других регионов. Горожане неохотно общаются, потому что не знают друг друга. Для обеспечения устойчивости городской экосистемы городскому населению важно общаться и объединяться для совместного решения проблем. Поэтому исследование роли социальной консолидации в городской экосистеме актуально на сегодняшний день.

Консолидацию городской экосистемы следует рассматривать как многофакторную и многослойную. Просматривая многослойную консолидацию городской экосистемы можно говорить о социальной, межпоколенной, меж-

территориальной, межнациональной, экологической, гендерной, профессиональной консолидации. Например, районы и махаллы играют важную роль в межрегиональной консолидации городской экосистемы. Они объединены нормами, законами, целями и отношениями. Поэтому консолидацию городской экосистемы также можно рассматривать как регулируемый процесс.

Такие ученые, как В. М. Захаров, О. В. Быхтин и О. Н. Юркова подчеркивают, что консолидация городских сообществ представляет собой регулируемый и саморегулирующийся процесс [2]. В дополнение к мнению ученых, можно сказать, что городская экосистема также является регулируемым и саморегулирующим процессом.

Строительство, осуществляемое в городе, осуществляемая созидательная работа, реализуемые проекты – все это свидетельствует о том, что экосистема города управляется и регулируется. Однако на практике мы видим, что положительные изменения в городской экосистеме вызывают негативную реакцию части городского населения. Примерами тому являются полкомка некоторых скамеек в садах, вырубка несанкционированных деревьев, опрокидывание ящиков, поставленных для мусора. Игнорирование таких ситуаций является серьезной проблемой этой городской экосистемы. Вот почему так важна социальная консолидация.

Социальной консолидация делает жизнь горожан легче, комфортнее, экономнее и веселее. Социальная консолидация городской экосистемы предполагает не только взаимодействие городского населения, но и отношение городского населения к животному миру, отношение к природе. Жители города живут не только по соседству с людьми, но и по соседству с животными и растениями. Следовательно, обеспечение их консолидации приведет к стабилизации городской экосистемы.

Роль социальной консолидации в преодолении проблем в городской экосистеме неопределима. Однако надо учитывать и мнение ученого О. Б. Молодов. Ученый отдельно подчеркивает, что социологи выделили деструктивные (негативные) факторы консолидации [1]. Основная цель объединения людей по негативным факторам консолидации заключается в осуществлении каких-либо деструктивных действий. Безусловно, это мнение социологов наглядно подтверждают события, произошедшие в Республике Казахстан в начале этого года. Хорошо известно, что такие события происходили в определенные периоды истории большинства стран. Негативные факторы консолидации не только негативно влияют на все элементы городской экосистемы, но и приводят к негативным последствиям. В результате это может привести к порче зданий, ущербу для флоры и фауны, а главное, к потере благосостояния людей, созданию взаимного недоверия. Поэтому нужно больше внимания уделять положительным факторам консолидации. И при этом нужно иметь виду что консолидация не линейный процесс.

Одним из важнейших институтов, обеспечивающих социальную консолидацию городской экосистемы, является семья. Если семейное небо чи-

стое, воспитание детей осуществляется правильно, члены семьи не травмированы, то процесс социальной консолидации будет работать правильно. Ложь детям с малых лет, не объясняя, что они совершают ошибки, истязать живую душу на глазах у детей может привести к грубым ошибкам. Например, если сказано, что нельзя выбрасывать мусор на улицу, то на практике, если этого не сделать, это вызовет у ребенка колебания. И ребенок обязательно выбросит мусор на землю. Это создает неудобства для людей и для чистильщиков. Высокая оценка человеческого труда также является проявлением социальной консолидации. Флора городской экосистемы – дело рук наших трудолюбивых людей и играет важную роль в очистке воздуха и доставлении удовольствия человеку. Мы любим гулять и отдыхать на красивой природе, и таким образом городская флора способствует социальной консолидации городского населения. Однако некоторые люди, которые этого не понимают, наносят ущерб городской флоре, самовольно вырубая деревья, несмотря на законные меры. К сожалению, кто-то занят строительством, а кто-то сносом. Воспитание является основным решением этой проблемы. Как подчеркнул великий мыслитель Абдулла Авлони: «Воспитание для нас – вопрос жизни или смерти, спасения или бедствия, счастья или разврата».

Ученые А. А. Иудин и Д. А. Шпилев утверждают, что в немецкой городской социологии есть два термина: городская реконструкция и городское обновление [3]. В этих двух концепциях, приведенных учеными, также важна социальная консолидация. Реконструкция города также приведет к изменению его экосистемы и фундаментальное изменение функции и облика города. В обоих вышеперечисленных процессах очень важна поддержка и интеграция населения. В процессии социальной консолидации должны участвовать все граждане города. Для этого необходимо перейти к стадии установления отношений доверия процесса социальной консолидации. Одной из основных причин проблем в городской экосистеме является взаимное непонимание и недоверие. Например, площадка перед многоэтажными домами может быть украшена множеством уникальных цветов и деревьев. Однако отдельные лица не делают этого из-за отсутствия уверенности в том, что здесь будут высажены эти цветы и деревья.

На сегодняшний день одной из самых больших проблем во всей городской экосистеме является пандемия COVID-19, которая сформировала эту эпидемию. По словам О. Н. Яницкого, эпидемия «гуманитарная катастрофа», которая проявилась в экосистеме города. С появлением COVID-19 некоторые требования к населению резко возросли. Требовалась изоляция от населения, возрастал эгоизм среди горожан. Основной причиной этого является очевидная для всех нас «борьба за выживание». Улицы города были затоплены в период карантина. Это привело к тому, что городская экосистема немного отдохнула от городских жителей и транспортных средств. Однако это отрицательно сказалось на социальной консолидации городского населения. Узбекскую свадьбу, на которую пришли тысячи человек, выиграла всего 40 человек. Народные праздники и торжества не отмечались

как раньше. Горожане избегали общения друг с другом на близком расстоянии. Однако есть профессионалы, социальная консолидация которых в этот период значительно сильнее. Несомненно, эти профессионалы – врачи и офицеры-полиции. О. А. Нор-Аревян утверждает, что во время инфекционных пандемий мир оказывается в новых условиях, и основной удар на себя берут врачи [4].

В заключение городские жители должны объединиться для поддержания устойчивости городской экосистемы. Они также должны защищать регуляторов городской экосистемы и городских садовников. Только социальная консолидация горожан и усилия каждого позволят выдержать испытания времени.

Литература

1. Молодов О. Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. 2016. № 2 (82). С. 84.
2. Захаров В. М., Быхтин О. В., Юркова О. Н. Обоснование системы показателей, позволяющих диагностировать состояние консолидации городских сообществ в России // Власть. 2021. № 06. С. 193.
3. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Основные проблемы современных немецких городов с точки зрения немецкой социологии города // Социология и социальная работа. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2009. № 4 (16). С. 69–77.
4. Нор-Аревян О. А. Консолидация профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью в Ростовской области) // Гуманитарий юга России. 2021 Том 10 (49) № 3. С. 77–89.

УДК 375.42
ББК 60.23

И. С. Хошин, Монголия, *Улан-Батор*

Социальное партнерство в монгольском обществе

Проводится анализ условий, реалий и последствий развития социального партнерства между бизнесом и властью в монгольском обществе. Прослеживается трансформация форм социального партнерства между бизнес-сообществом и властью с 2012 по 2021 г., а также анализируется западная и восточная стратегия социального партнерства, которая выступает основной моделью социально-экономического развития и процветания монгольского общества в будущем.

Ключевые слова: социальное партнерство, монгольское общество, западная стратегия, восточная стратегия

I. G. Hoshin, Mongolia, *Ulaanbaatar*

Social partnership in Mongolian society

The article analyzes the conditions, realities and consequences of the development of social partnership between business and government in Mongolian society. The transformation of the forms of social partnership between the business community and the authorities from 2012 to 2021 is traced, and the Western and Eastern strategy of social partnership is analyzed, which is the main model of socio-economic development and prosperity of the Mongolian society in the future.

Keywords: social partnership, Mongolian society, Western strategy, Eastern strategy

Современное общество строится по принципу взаимодействия и партнерства, развития своих интересов не только напрямую, но и через выстраивание сети социального взаимодействия через различные линии социального взаимодействия и поддержки.

Для чего это не необходимо? Потому что в современном мире без взаимоподдержки и решения совместных задач, напрямую не связанных со своим делом, поможет всем, плюс создаст необходимые условия социального благополучия и стабильности, что лучше отразится на общественных настроениях и социально-экономическом климате.

Социальное партнерство – веяние западное, на востоке всегда была сильна родовая или общинная / поколенческая поддержка. В современном мире – сдвигаются акценты, но смысл социальной поддержки остается. Особенно интенсивно это прослеживается в монгольском обществе.

Если анализировать социальные процессы взаимодействия бизнеса и органов власти в аспектах социального развития и поддержки, то нами видится серьезная тенденция к изменению социолокальных форматов партнерства. В таблице 1 представлены основные показатели изменений.

Таблица 1

Трансформация форм социального партнёрства между бизнес-сообществом и властью (в %)

Форма проектов	2021г	2018г	2015г	2012г
Образовательные проекты	32,1	17,6	12,2	7,9
Культурно-исторические проекты	18,9	22,7	15,4	12,2
Религиозные проекты	24,3	21,2	18,8	15,6
Социальная инфраструктура	34,4	25,7	21,2	18,9
ЖКХ-проекты	29,9	26,3	22,1	16,5
Туристические проекты	17,7	28,9	25,5	24,4
Иные	13,1	8,7	6,5	4,4

По сравнению с 2012 г. в 2021-м в четыре раза возросли образовательные проекты. В двое увеличились культурно-исторические, религиозные, ЖКХ-проекты и проекты, направленные на развитие социальной инфраструктуры. Туристические проекты стабильны, кроме последних двух лет – когда границы Монголии были закрыты и данный сектор социального партнерства нес существенные убытки.

Пандемия внесла свои ограничения в развитие социального партнерства, но ее влияние не только негативно, она создала новые возможности для взаимодействия в виртуальном пространстве (Р. В. Иванов [1], О. А. Полюшкевич [2], В. А. Скуденков [3]). И в этом кроется одно из перспективах направлений развития.

В целом, можно говорить о нарастающем потенциале взаимодействия и значимости разнообразных стратегий социальной включенности в динамику социального воспроизводства. Качество жизни определяется теми

условиями, что нам диктует реальность. Без социально осознанной позиции вовлеченности в социальные проекты и особенно в развитие межсекторного взаимодействия невозможно представить социальную динамику страны.

Перспективы любого государства, да и отдельного сектора бизнеса, так же как и отдельных представителей того или иного направления бизнес-сообщества невозможно представить без общего развития всей бизнес-среды. Органам власти в этом процессе принадлежит ключевая роль: соединения традиционных форм и новаторскими (зачастую западными) технологиями социального взаимодействия.

В таблице 2 представлено взаимовлияние и взаимодействие западных и восточных стратегий социального партнерства, которые находят наиболее распространенное и масштабное развитие в современном монгольском обществе.

Таблица 2

Взаимодействие разных стратегий социального партнерства в монгольском обществе

Механизм	Западные формы	Восточные формы
Преимственность опыта	Обучение сотрудников по новым стандартам, в успешных компаниях	Передача опыта через наставничество и личные связи
Информационно-техническая обеспеченность	Современные ИТ-технологии	Опора на проверенных поставщиков и старые деловые связи
Финансирование проектов	Конкурс проектов Грантовая помощь	Поддержка личных связей Опора на человеческий фактор, а не на объективную выгоду
Обеспеченность человеческим ресурсами	Покупка лучших специалистов	Поддержка своих кадров

Представленные в таблице 2 стратегии строятся по разным принципам. Западная: на основе экономического расчёта, объективной рациональной оценки. Восточная: на основе традиций и человеческих отношений и старых связей, для поддержания которых требуется социально-партнерская программа.

У каждой из этих стратегий есть свои плюсы и минусы. Современное монгольское общество находится на уникальном этапе своего развития – вбирания и первой и второй стратегии. Результатом этого станет формирование своего контекста, условий и в конечном счете модели социального партнерства. Только после реализации этого возможно говорить о том, что монгольское общество выходит из полосы стагнации и может конкурировать на мировом рынке с другими государствами.

Литература

1. Иванов Р. В. Корпоративно-социальная ответственность в социальном партнерстве бизнеса и власти // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем

подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 941–949.

2. Полошкевич О. А. Трансформация публичного пространства в городской среде после пандемии // *Цивилизационные сдвиги в развитии современного города* : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 177–180.

3. Скуденков В. А. Экономические притязания и социальные статусы в выборе виртуальных профессий в цифровом мире // *Социальная реальность виртуального пространства* : материалы III Международ. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 302–306.

УДК 332.45
ББК 64.6

В. П. Чебунин, *Иркутск*

Анализ лучших практик применения программно-целевого управления по субъектам РФ

Проводится анализ различных стратегий программно-целевого управления, рассматриваются лучшие практики различных субъектов РФ. Сделаны выводы о лучших программно-целевых стратегиях управления различных регионов России.

Ключевые слова: программно-целевое управление, практики, стратегии управления, социальное управление

V. P. Chebunin, *Irkutsk*

Analysis of the best practices for the application of program-targeted management in the constituent entities of the Russian Federation

The article analyzes various strategies for program-targeted management, considers the best practices of various subjects of the Russian Federation. Conclusions are drawn about the best program-target management strategies for various regions of Russia.

Keywords: program-targeted management, practices, management strategies, social management

Государственное управление обладает довольно широким набором правовых методов и подходов, используемых для достижения целей, такие методы специалисты называют методами государственного управления.

Программно-целевое управление развитием региона, следует рассматривать, как один из наиболее актуальных и эффективных методов для развития региона во всех сферах жизнедеятельности.

Понятие «программно-целевое управление» не имеет четкого, однозначного толкования, исследователи рассматривают его и как метод программного воплощения крупных управленческих решений, и как реализацию комплексного, системного подхода при решении крупномасштабных социально-экономических проблем.

Несмотря на различные трактовки понятия, можно выделить ряд признаков, которые являются определяющими для программно-целевого управления:

- понимание объекта программно-целевого управления как системы;
- ориентированность на конечный результат;

- комплексный анализ возникающих проблем;
- комплексный подход к постановке целей и определению средств их достижения.

В настоящее время в Российской Федерации 46 действующих государственных программ, разделённых по 5 программным блокам: «Новое качество жизни»; Инновационное развитие и модернизация экономики; «Обеспечение национальной безопасности»; «Сбалансированное региональное развитие»; «Эффективное государство».

Задействованы более 80 органов власти, а также имеются более 2000 показателей, из которых 668 достигнуто на 2021 г. Общее финансирование по всем программам составляет 12 366 948,54 млн руб., что составляет 70 % федерального бюджета.

Рассмотрим количество государственных программ, период реализации и финансирование государственных программ по 5 направлениям (табл. 1)

Таблица 1

Направления государственных программ РФ

Направление госпрограмм	Количество программ	Период реализации	Бюджетные ассигнования, млрд руб.
Новое качество жизни	10 программ	2011–2025 гг.	5 149,6
Эффективное государство	5 программ	2013–2030 гг.	2 698,8
Инновационное развитие и модернизация экономики	19 программ	2011–2030 гг.	2 471,0
Сбалансированное региональное развитие	7 программ	2013–2025 гг.	1 103,7
Обеспечение национальной безопасности	8 программ	2013–2025 гг.	По ряду программ информация отсутствует, так как является государственной тайной

Источник: составлено автором на основании информации Портал госпрограмм РФ.

Среднее значение по степени исполнения контрольных показателей по государственным программам на 2019 г., составляло – 51,36 %, на 2020 г. – 64,41 %, на 2021 г. (1-й квартал) – 93,36 %. Здесь мы видим четкую динамику роста среднего значения по показателям [1].

Проведем сравнительный анализ лучших практик реализации программно-целевого управления по субъектам РФ. За основу взяты такие субъекты, как: Воронежская область, Оренбургская область, Краснодарский край, Хабаровский край, Мурманская область, Омская область, Иркутская область. Рассмотрены ежегодные оценки эффективности реализации государственных программ и объём финансирования по вышеперечисленным субъектам (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная таблица оценки реализации государственных программ по разным субъектам РФ и объемам финансирования за 2019 г.

Субъект РФ	Оценка эффективности госпрограмм	Финансирование
Воронежская область	«5» – 2 программы «4» – 19 программ «3» – 4 программы Всего 25	Областной бюджет – 129, 8 млрд руб. Федеральный бюджет – 28,9 млрд руб.
Оренбургская область	«5» – 21 программа «4» – 5 программ «3» – нет Всего 26	Областной бюджет – 98, 6 млрд руб.
Краснодарский край	«5» – 21 программа «4» – 5 программ «3» – нет Всего 26	Краевой бюджет – 223, 8 млрд руб. Федеральный бюджет – 32,7 млрд руб. Всего 263,0 млн руб
Хабаровский край	«5» – 24 программы «4» - 8 программ «3» – 3 программы Всего 35	Краевой бюджет – 115,7 млрд руб Федеральный бюджет – 26,7 млрд руб Всего 134,76 млрд руб.
Мурманская область	«5» – 3 программы «4» – 9 программ «3» – 4 программы Всего 16	Областной бюджет – 71 млрд руб. Федеральный бюджет – 9,2 млрд руб. Всего 98,5 млрд руб.
Омская область	«5» – 6 программ «4» – 14 программ Всего 20	Областной бюджет – 94,6 млрд руб.
Иркутская область	«5» – 12 программ «4» – 5 программ «3» – 4 программы Всего 21	Областной бюджет – 163,9 млрд руб. Федеральный бюджет – 39, 2 млрд руб. Всего – 234,0 млрд руб.

Источник: составлено автором на основании Сводных годовых докладов о реализации госпрограмм по рассмотренным субъектам РФ.

Рассмотрев государственные программы по субъектам РФ можно сделать следующие выводы.

Сравнив Краснодарский край с Иркутской областью, мы можем увидеть, что количество финансирование не играет основную роль в результате госпрограммы. В обоих регионах в 2019 г. был схожий размер финансирования госпрограмм, но результаты оценки эффективности отличаются, 21 программа в Краснодарском крае имела оценку – «высокая эффективность», когда в Иркутской области всего 12 госпрограмм имели такую же оценку.

Заметим, что и в Хабаровский край было выделено в 2 раза меньше средств, чем на госпрограммы в Иркутской области, однако количество госпрограмм с оценкой «высокая эффективность» в 2 раза больше, как и по сравнению с Воронежской областью.

Оценка эффективности реализации госпрограмм в каждом регионе разная, поэтому нельзя сказать, что в каком-то регионе программно-целевое управление применяется лучше, а в каком-то хуже.

Но можно выделить основные аспекты, из-за которых снижается эффективность реализации государственных программ:

- низкое качество работы ответственных исполнителей (соисполнителей) государственных программ региона;
- недостижение целевых показателей;
- некачественное предоставление отчетов о ходе реализации государственных программ региона;
- несвоевременное принятие документов, а так же позднее заключение контрактов на поставку товара, выполнение работ;
- нарушение подрядчиками условий заключённых контрактов;
- неэффективное управление государственными программами;
- неэффективное планирование показателей;
- несоответствие целевых показателей мероприятий и расходов бюджета;
- низкий уровень привлечения иных источников финансирования, отсутствие инвесторов;
- повышение стоимости мероприятий;
- невыполнение в установленные сроки мероприятий программы;
- отсутствие сплоченности действий в отношении соисполнителей и участников государственных программ региона;
- не полное исполнение выделяемого финансирования;
- внешние факторы, на которое невозможно оказать влияние.
- не учитывается опыт предыдущих лет.

Проведённый в работе анализ лучших практик реализации программно-целевого управления по субъектам РФ показал, что Хабаровский край, Краснодарский край и Оренбургская область имеют наиболее высокую эффективность государственных программ, несмотря на меньшее финансирование, по сравнению с другими регионами.

Литература

1. Официальный портал: Федеральная служба государственной статистики Численность постоянного среднегодового населения. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/fa7722004f43b513872ad7e1000af5d8/.html (дата обращения: 20.04.2021)
2. Журавлева И. А. Качество государственного управления через инструменты цифровизации // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 13–20.
3. Журавлева И. А., Тетерин В. В. От электронного управления к цифровому управлению: теоретический аспект // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 110–115.

Секция
**Идентичность, отчуждение
и социальная солидарность**

УДК 316.7
ББК 60.524

А. В. Апанина, *Иркутск*

**Особенности семейной межпоколенческой преемственности
в духовно-нравственной сфере**

Статья затрагивает тему особенностей семейной межпоколенческой преемственности в духовно-нравственной сфере. Обозначено многообразие межпоколенческой преемственности в семьях и ее влияние на личность и общество в целом.

Ключевые слова: межпоколенческая преемственность, семья, ценности, типы семейной преемственности.

А. V. Apanina, *Irkutsk*

Features of family intergenerational continuity in the spiritual and moral sphere

The article touches on the topic of the peculiarities of family intergenerational continuity in the spiritual and moral sphere. The purpose of the article is to give the reader an idea of what intergenerational continuity is, about its diversity in families and about its impact on the individual and society.

Keywords: intergenerational continuity, family, values, types of family continuity.

Распоряжение Правительства РФ № 996 от 29 мая 2015 г. определяет Стратегию развития и воспитания молодёжи до 2025 года. Она содержит в себе традиционные духовно-нравственные ценности нашего государства, а именно веру в добро, человеколюбие, справедливость, стремление к исполнению своего нравственного долга перед страной и семьей.

Для того чтобы данная стратегия успешно реализовывалась в российском обществе, необходима прочная и эффективная межпоколенческая преемственность. Разберемся более подробно, что в себе включает межпоколенческая преемственность и какие функции она выполняет.

Межпоколенческая преемственность – это в первую очередь передача, а позже и усвоение потомками определённого опыта, при котором собственный опыт не повторяет опыт предшественников, но содержит его наиболее ценные и полезные элементы. Процесс усвоения является одним из ключевых. Он включает в себя 4 этапа:

1) восприятие: активное и сознательное отношение личности к воспринимаемому опыту;

- 2) осмысление: раскрывается смысловое содержание опыта, и личность проникает в него;
 - 3) закрепление: осознанное воспроизведение опыта;
 - 4) овладение: включение и интеграция опыта в жизнь личности.
- Неосмысленное воспроизведение в жизненных ситуациях [4].

Для эффективного межпоколенческого взаимодействия родителям и педагогам (так как именно им отдается значительная часть в передаче опыта) необходимо изучение и понимание системы нравственных ценностей современных молодых людей, которой они руководствуются как в единичных случаях, так и в обыденной жизни. Это необходимо для того, чтобы у молодежи не было отвержения общественных морально-нравственных законов, так как при отсутствии опоры на понимание особенностей духовного мира молодых людей, при нежелании и неумении учитывать закономерности формирования личности, то все это будет негативно влиять на межпоколенческую преемственность.

В настоящее время, как это было и раньше, особое место в воспитании духовно-нравственных ценностей отводится семье. Так как именно она служит своеобразным ценностным эталоном ребенка. Но следует отметить, что существуют семьи с разными типами преемственности:

- семьи с сохраненной преемственностью. Обычно в таких семьях в решении межпоколенческих конфликтов выбирается компромисс. В таких семьях существует «двухсторонняя» связь между поколениями, так как учитываются интересы и ценности всех поколений;
- семьи с односторонней передачей. В этом случае учитываются интересы, мнения и ценности только старшего поколения, поэтому конфликтные ситуации сводятся только в пользу старших;
- семьи с нарушенной преемственностью. Здесь в семьях как младшее поколение, так и старшее решают все самостоятельно, не привлекая друг друга, не принимая духовные установки других поколений [2].

Просмотрев 3 типа семейной преемственности, мы видим, что межпоколенческая преемственность обладает противоречивостью. Так как она с одной стороны может выступать в качестве конфликтного фактора, а с другой стороны может служить фактором социализации и развития личности. Также необходимо отметить, что межпоколенческие отношения обладают высокой ресурсностью, но при неправильном использовании страшим поколением таких ресурсов в отношении детей и подростков, они могут стать источником возникновения неврозов у детей или ослабления адаптивных способностей. Поэтому самым оптимальным вариантом межпоколенческой преемственности в семье является первый тип, где в семье существует двухсторонняя связь между поколениями и их ценностями, в результате которой происходит обогащение опытом как старшего поколения, так и младшего.

Таким образом, мы можем сказать, что межпоколенческая преемственность многоаспектна. От выбранной тактики преемственности в семье во многом зависит успешность функционирования как семьи в целом, так и каждого члена семьи в семье и обществе в целом.

Литература

1. Вагин Д. Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия. 2016. С. 52–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskaya-preemstvennost-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-v-rossijskom-obschestve/viewer> (дата обращения: 19.10.2021).
2. Международный студенческий научный вестник. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18566> (дата обращения: 19.10.2021).
3. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBItwN4gB.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).
4. Электронный периодический научный журнал. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1488968449> (дата обращения: 19.10.2021).

УДК 316.64
ББК 60.02

М. С.-А. Бибердов, Х. В. Тайсумова, *Грозный*

Почему возникает кризис идентичности

Поднимаются вопросы кризиса идентичности, своего места в мире. Анализируются условия разрушения старых форм и стратегий конструирования идентичности и формирования новых вариантов идентичности, в условиях новых форм общественного развития.

Ключевые слова: идентичность, человек, кризис идентичности, общество, идентификация, жизнь, люди.

M. S.-A. Biberdov, H. V. Taysumova, *Grozny*

Why an identity crisis occurs

The article raises questions of identity crisis, one's place in the world. The conditions for the destruction of old forms and strategies for constructing identity and the formation of new variants of identity are analyzed in the conditions of new forms of social development.

Keywords: identity, person, identity crisis, society, identification, life, people.

Как понять кто я? Какое место я занимаю в обществе, в котором живу? Если человек когда-нибудь задавался этими вопросами и смог найти на них ответ, это означает, что у него с определением идентичности все в порядке. Момент, когда перед человеком встает этот вопрос, называют «кризисом» идентичности.

Под словом идентичность принято понимать ассоциацию человеком себя части какого-то общества. Психологически идентичность с нашей точки зрения имеет два начала: врожденное и формируемое в течении всей жизни.

С самого момента рождения человек уже появляется на свет с некоторой идентичностью. Люди издревле делились на ряд поколений, племена, народы, нации и рождение среди определенного народа, нации со своей культурой, традициями, религией уже накладывает первые зачатки идентичности. Из этих самых разделений проистекают причины появления «кризиса» идентичности.

Первая причина появления «кризиса» идентичности – это причина того что человек не существует сам по себе, а является частью чего-то общего. По сути своей человек всегда жил в социуме и самому жить у него плохо получается, поэтому люди стараются интегрироваться в самые разные общества. Человек не только появляется на свет с некой идентичностью, но и сам усиливает необходимость в ней. Стараясь получить статус и уважение в обществе, добиться успехов, стать богатым у него в жизни появляется все больше причин для интеграции в то или иное общество.

Несмотря на то, что человек уже рождается с некоторой идентичностью людям свойственно на протяжении всей свой жизни искать свое место в обществе. Идентичность формирует у человека вопрос кто «я». Кто «я» как брат, сестра, как сын или дочь, как мать или отец и т. д. Человек идентифицирует себя с тем, что его окружает и с тем, что он считает правильным и нужным для себя.

С возрастом или с изменением жизненной ситуации будь то переезд, появление семьи идентичность человека может меняться. Психологи связывают это с тем, что у человека на разных этапах его жизни бывают разные интересы, потребности, желания.

Появление «кризиса» идентичности за всю жизнь может быть очень много раз. Например, если парень женится или девушка выходит замуж, то возникает этот самый кризис и человек задается вопросом как быть дальше. Или женщина становится матерью, т. е. у нее появилась новая социальная роль. Вполне естественно, что с изменением социальной роли человек начинает причислять себя к новой общественной группе.

Формирование идентичности будет иметь огромное влияние на становление личности. Человек, который ассоциирует себя с преступным миром плохо уживается с нормальным обществом, или наоборот. В формировании идентичности важную роль играет как сам индивид, так и общество, в котором он оказался. Из этих двух составляющих трудно выделить что-то одно. Есть примеры того как люди, воспитанные в благополучных семьях, становились преступниками и наоборот, как дети из неблагополучных семей становятся выдающимися личностями с добрым именем.

Определение идентичности в тот или иной исторический период развития общества было разным. На каком-то этапе истории идентичность навязывалась, на другом этапе человек имел выбор в самоопределении своей идентичности.

С изменением строя менялись и приоритеты человека. С начала первобытнообщинный строй, потом рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический. На каждом этапе истории люди идентифицировали себя по-разному. Если до прихода рабовладения у людей оставался хоть какой-то выбор с каким обществом себя идентифицировать, то с его появлением для некоторых ассоциация с рабом была по праву рождением.

Многим знакома история раба и гладиатора Спартака. Спартак ассоциировал себя со свободным обществом и всю жизнь добивался свободы от Римской Империи, хотя понятие свободный человек было знакомо лишь правящей элите. Рассказывать о феодализме особенно нечего, так как он недалеко ушел от рабства.

С появлением капитализма и социализма стало проще с определением идентичности: не было пресловутого навязывания каждому его места. Кроме рабов и господ появились вольнонаемные рабочие и свободные люди. Когда каждый стал сам распоряжаться своей жизнью, человека двигало стремление сделать свою жизнь как можно лучше, стать богаче. Простой рабочий захотел на место капиталиста, а безработные на место рабочего.

Идентичность и все с ней связанное рассматривается разными науками: психологией, социологией, политологией. Одним из первых в своей работе по психологии внимание на идентичность человека уделил основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. «Идентификация в теории Фрейда предстает как бессознательное отождествление субъекта с объектом, мотивом которого могут быть страх потери любви и страх перед наказанием. Посредством идентификации формируется «Супер-эго», которое во многом копирует родительское «Супер-эго». Сохранению идентичности способствуют различные свойства само поддержания личности, которые Фрейд назвал защитными механизмами: сублимация, вытеснение, проекция, вымещение, рационализация и др. Таким образом, идентификация предполагает взаимодействие, но, по Фрейду, такое взаимодействие определяется биолого-психологическими аспектами и его главной целью остается биологическая адаптация» [1].

Учитывая все вышесказанное можно сделать вывод о том, что для личности очень важно то, какое место ей отведено в социуме, в котором она находится. На каждом этапе своего развития человек уделяет особое внимание возникающему «кризису» идентичности. Вместе с попытками вырваться из «кризиса» идентичности человек осознанно или неосознанно развивался и способствовал развитию общества, в котором живет.

Как известно, движущими силами развития считают потребности. Сначала человек захотел вырваться из рабства и интегрироваться в общество свободных людей. После получения свободы человек захотел улучшить свои условия жизни и стать обеспеченным, богатым. Как знать, если бы не было «кризиса» идентичности, люди, возможно, до сих пор жили как во времена рабства и феодализма.

Литература

1. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Согласие, 2018. 249 с.

УДК 159.63
ББК 83.64

А. Ю. Поджидаева, *Иркутск*

Брачно-семейная адаптация и ее значение для успешности супружеской жизни

Представлены результаты социологического исследования десяти супружеских пар Иркутской области. Предметом исследования выступило влияние брачно-семейной адаптации на успешность семейной жизни. В ходе исследования применены семантический дифференциал и вторичный анализ социологических данных.

Ключевые слова: семья, брачно-семейные отношения, семантический дифференциал, супружеские отношения, адаптация, ценности партнеров.

A. Y. Podzhidaeva, *Irkutsk*

Marriage and family adaptation and its significance for a successful married life

This article is based on the author's sociological research, the subject of which is the influence of marriage and family adaptation on the success of family life. In the course of this study, such methods and techniques as semantic differential and secondary analysis of sociological data were applied. The study was conducted on the territory of the Irkutsk region among ten married couples.

Keywords: family, marriage and family relations, semantic differential, marital relations, adaptation, partners' values.

Различные сферы деятельности человека можно рассматривать в аспекте брачно-семейных отношений, способствуют ли они укреплению семейного благополучия. Исходя из этого, можно трактовать супружеские конфликты как нарушения брачно-семейной адаптации. Данная точка зрения обуславливает и высокие показатели разводимости среди молодых семей.

Адаптация представляет собой единство двух процессов: ассимиляции (изменения окружения для успешного приспособления) и аккомодации (изменения самого себя с той же целью) [8]. Такая двойственная сущность адаптации может служить отправной точкой для последующего анализа нравственно-психологического аспекта семейных отношений супругов и их приспособления друг к другу.

Изучение отечественной литературы позволяет выделить обобщенное понятие брачно-семейной адаптации, рассмотреть его специфику. Брачно-семейная адаптация представляет собой постепенный процесс приспособления молодоженов к друг другу, осознание собственных ролей, результатом которого становится выработка общих семейных ценностей, создание и укрепление семейного уклада, нахождение оптимального стиля взаимодействия друг с другом и с ближайшим окружением, а также выработка ряда мер, направленных на предупреждение конфликтов [3]. Данная формулировка, на наш взгляд, позволяет рассматривать брачно-семейную адаптацию как целостный и постепенный процесс. Это также указывает на преемственность между поколениями и формирование новых форм разобщенности [4,5,6].

Исследуемый период можно считать особенно трудным, поскольку он предполагает перестройку не только отношений между молодоженами, но и их личностных характеристик: сформированный образ «Я» погружается в ситуацию «невозможности жить по-прежнему», что может стать источником неудовлетворенности в отношениях. Т. Б. Карцева описывала данный процесс как одно из «поворотных событий в жизни молодых людей», который предполагает смену ролей и образа жизни, изменение социального окружения. Брачно-семейная адаптация может носить как положительный, так негативный характер, приводить к «перестройке всей личностной системы «Я» и очень болезненно переживаться личностью» [2].

Анализируя этот этап супружеской жизни, Е. С. Калмыкова отмечает, что первые два года совместного проживания направлены на выработку общих стереотипов общения, установление общих ценностей и идеалов, которые бы устраивали обоих супругов [1].

Для дальнейшего изучения процесса брачно-семейной адаптации нами было проведено исследование, в котором приняли участие 20 человек (10 супружеских пар). Все респонденты проживают на территории Иркутской области. Целью исследования является изучение влияния брачно-семейной адаптации на успешность супружеской жизни. Для достижения поставленной цели была использована методика «Семантический дифференциал».

В качестве объектов исследования данной методики выступили следующие понятия: «супружеские конфликты», «общие ценностные ориентации супругов», «жилищные условия супругов», «сожитительство», «материальная обеспеченность семьи», «эмоциональный комфорт», «психологическая совместимость супругов», «дети», «личностная самореализация», «наличие эмпатии у партнера».

Шкалами оценки выступили шкалы «хорошее-плохое», «активное-пассивное», «свое-чужое», «нежное-грубое», «легкое-тяжелое», «расслабленный-напряженный», которые были использованы для определения фактора активности.

Таблица 1

Объект – Сожитительство

Шкала	Мужчины	Женщины	Среднее
Хорошее – плохое	1,5	1,8	1,6
Активное – пассивное	1,7	1,0	1,3
Свое – чужое	1,4	1,4	1,4
Нежное – грубое	1,0	1,1	1,0
Легкое – тяжелое	0,7	-0,3	0,2
Расслабленный – напряженный	0,0	-0,1	0

В среднем представители обоих полов оценивают понятие «сожитительство» положительно. Существенное различие прослеживается в показателях на шкале «активное – пассивное», они составляют 1,7 балла для мужчин

и 1,0 для женщин, что может указывать на более нейтральное отношение у представительниц женского пола к вопросам, связанным с сожительством.

Вместе с этим, наибольшие различия представлены в оценках по шкале «легкое – тяжелое», которые составляют для мужчин 0,7 балла, а для женщин –0,3. На основе полученных данных можно предположить, что женщины более остро и эмоционально воспринимают сожительство, что является отягчающим фактором.

Остальные средние значения по шкалам оценки не имеют выраженных различий у представителей обоих полов: по шкале «хорошее – плохое» значение для мужчин – 1,5, для женщин – 1,8, по шкале «свое – чужое» значения обоих полов равно по 1,4, а по шкале «расслабленный – напряженный» для мужчин – 0,0, для женщин – 0,1.

Таким образом, данные, приведенные в табл. 1 иллюстрируют в целом положительную оценку сожительства для представителей обоих полов.

Таблица 2

Объект – Жилищные условия супругов

Шкала	Мужчины	Женщины	Среднее
Хорошее – плохое	1,1	2,2	1,6
Активное – пассивное	1,8	2,0	1,9
Свое – чужое	1,2	2,2	1,6
Нежное – грубое	0,6	0,8	0,7
Легкое – тяжелое	0,2	-0,7	-0,2
Расслабленный – напряженный	0,4	-0,6	-0,5

В среднем отношение к понятию «жилищные условия супругов» среди обеих исследуемых групп преимущественно положительное. Представленные в таблице значения свидетельствуют о более низкой заинтересованности мужчин в качестве жилищных условий. Женщин же проблема жилья привлекает в большей степени, поскольку большинство женских показателей превышает в 2 раза мужские.

Прослеживается большое различие в оценках по шкалам «хорошее – плохое» и «свое – чужое», которые в совокупности представляют следующие значения: 1,1 – у мужчин и 2,2 – у женщин. Такие высокие показатели могут говорить о том, что для женщин представляется важным обустройство жилья и ощущение связанных с ним положительных эмоций, нежели для мужчин.

Вместе с этим, согласно данным приведенной таблицы, женщины оценивают обустройство и поддержание быта, жилищных условий как гораздо более тяжелый и напряженный труд, о чем свидетельствуют данные, почти в 5 раз превышающие мужские показатели (значения в совокупности по - 0,6 и 0,3 соответственно).

Таблица 3

Объект – Материальная обеспеченность семьи

Шкала	Мужчины	Женщины	Среднее
Хорошее – плохое	1,7	2,3	2
Активное – пассивное	1,4	0,9	1,2
Свое – чужое	2,5	1,6	2,0
Нежное – грубое	1,0	1,4	1,2
Легкое – тяжелое	0,8	1,6	1,3
Расслабленный – напряженный	-0,9	-0,2	-0,6

Исходя их данных, приведенных в табл. 3, необходимо отметить, что представители обоих полов демонстрируют положительное отношение к понятию «Материальная обеспеченность молодой семьи». Значения в области фактора оценки составляют в среднем 1,73 балла для мужчин и 1,76 – для группы женщин, что свидетельствует о практически равной степени заинтересованности как у мужчин, так и у женщин.

Прослеживается также существенное различие в оценках по шкалам «легкое – тяжелое» и «расслабленный – напряженный», которые в совокупности представляют следующие значения: -0,05 – у мужчин и 0,7 – у женщин. Это может указывать на то, что мужчины, в основном, выполняют функции, заложенные патриархальном укладе семьи, – добытчика и кормильца семьи, что, следовательно, порождает гораздо более осязаемое напряжение. Данный факт, в том числе, объясняется спецификой выборки – было опрошено 10 супружеских пар, средним возрастом в которых является от 26 до 45 лет.

При этом в среднем по шкале активности значение оценки объекта среди мужчин равно 1,4, а среди женщин – 0,9, что также подтверждает выдвинутую нами теорию о превалировании в российском обществе патриархальных устоев.

Таблица 4

Объект – Эмоциональный комфорт

Шкала	Мужчины	Женщины	Среднее
Хорошее – плохое	2,7	2,9	2,8
Активное – пассивное	1,5	1,1	1,3
Свое – чужое	1,9	2,3	2,1
Нежное – грубое	1,3	2,1	1,7
Легкое – тяжелое	0,8	1,9	1,3
Расслабленный – напряженный	0,9	2	1,4

Из табл/ 4 видно, что в среднем по всем шкалам респонденты дали положительные оценки. Наибольшие значения как у мужчин, так и у женщин достигаются по шкале «хорошее – плохое», что свидетельствует о высокой степени заинтересованности обоих полов по изучаемому объекту (по 2,7 и 2,9 соответственно).

Вместе с этим наблюдаются различия существенные различия по следующим показателям: по шкале «свое – чужое» значение для мужчин – 1,9, для женщин – 2,3, по шкале «нежное – грубое» у мужчин равно 1,3, у женщин – 2,1, по шкале «легкое – тяжелое» значение для мужчин – 0,8, для женщин – 1,9, а по шкале «расслабленный – напряженный» для мужчин – 0,9, для женщин – 2,0. Вышеприведенные данные указывают на тот факт, что женщинам наиболее важно чувствовать в семье комфорт и уют, что, с одной стороны указывает на определённые гендерные стереотипы, сложившиеся в российском социуме, а с другой – указывает на стремление граждан создать крепкую, здоровую и эмоционально-устойчивую ячейку общества.

Таблица 5

Объект – Психологическая совместимость супругов

Шкала	Мужчины	Женщины	Среднее
Хорошее – плохое	2,4	2,3	2,3
Активное – пассивное	0,7	1,2	0,9
Свое – чужое	1,7	2,2	1,9
Нежное – грубое	1,1	2,3	1,7
Легкое – тяжелое	1,4	0,9	1,1
Расслабленный – напряженный	1,7	1,4	1,5

В среднем и мужчины, и женщины оценивают понятие «Психологическая совместимость супругов» позитивно. Наибольшие значения находятся в области фактора оценки, они составляют 1,73 балла для мужчин и 2,26 – для группы женщин, что свидетельствует о высокой ценности психологической совместимости супругов.

Прослеживается значительное различие в оценках по шкалам «легкое – тяжелое» и «расслабленный – напряженный», которые в совокупности представляют следующие значения: 1,55 – у мужчин и 1,15 – у женщин. Данный факт может указывать на то, что для женщин психологическая совместимость представляет собой более значимый показатель, нежели для мужчин. Можно сделать вывод о том, что для представительниц женского пола важен комфортный психологический климат внутри семьи, несмотря на испытываемое ими напряжение.

Таблица 6

Объект – Личностная самореализация

Шкала	Мужчины	Женщины	Среднее
Хорошее – плохое	2,7	2,4	2,5
Активное – пассивное	2,1	2,3	2,2
Свое – чужое	2,1	1,9	2,0
Нежное – грубое	0,0	1	0,5
Легкое – тяжелое	-1,6	1,1	0,5
Расслабленный – напряженный	-1,1	0,8	0,3

В среднем отношение к понятию «Личностная самореализация» среди обоих исследуемых групп положительно. Приведенные в таблице значения по шкалам «хорошее – плохое» и «свое – чужое» в среднем составляет для женщин 2,15 и 2,4 балла для мужчин, что говорит о том, что для представителей обоих полов сейчас представляется актуальной личностная самореализация. Вместе с этим данные указывают на большую заинтересованность мужчин в этом процессе. Предполагается, что личностная самореализация ведет к увеличению дохода и улучшению качества жизни семьи, что также говорит об устоявшемся традиционалистском подходе в современном российском обществе.

Также существуют значительные различия в восприятии личностной реализации: в среднем мужчины оценивают данный процесс как более напряженный и тяжелый, нежели женщины (в среднем по -1,35 и 1,9 соответственно). Данный факт также подтверждает ранее выдвинутое предположение о преимущественно патриархальном семейном укладе в России.

Проводя сравнительный анализ объектов «личностная самореализация» и «материальная обеспеченность семьи», можно выявить, что в среднем для всех респондентов генерализованная дистанция составляет $D = 4,31$. Учитывая, что максимально возможное значение дифференциала для шести шкал составляет 14,9, можно сделать вывод, что данные понятия респонденты не отождествляют друг с другом. Сравнительный анализ значений дифференциала по мужчинам и женщинам показал, что среди мужчин $D = 5,85$, а среди женщин $D = 4,71$. Видно, что значения различаются почти в 1,5 раза, это свидетельствует о том, что мужчины в большей степени соотносят личную самореализацию и увеличение доходов. Данные представлены на рис. 1.

Проводя сравнительный анализ объектов «жилищные условия супругов» и «эмоциональный комфорт», можно выявить, что в среднем для всех респондентов генерализованная дистанция составляет $D = 6,15$. Учитывая, что максимально возможное значение дифференциала для шести шкал составляет 14,9, можно сделать вывод, что респонденты данные понятия не отождествляют друг с другом. Сравнительный анализ значений дифференциала по мужчинам и женщинам показал, что среди мужчин $D = 5,08$, а среди женщин $D = 7,01$. Видно, что значения различаются почти в 1,5 раза, это свидетельствуют о том, что для женщины данные понятия ближе друг другу, а для мужчин в их восприятии эти понятия между собой больше различаются. Данные представлены на рис. 2.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемами, препятствующими успешности брачно-семейной адаптации супругов и отраженными в данной методике исследования по данным респондентам, являются проблемы сожителства, личностной самореализации, материального обеспечения семьи, их жилищных условий, проблемы воспитания и деторождения, психологической совместимости, а также эмоционального комфорта в семье.

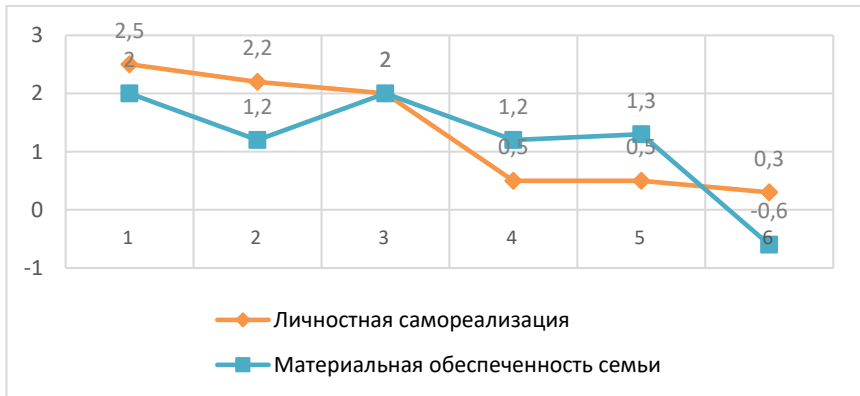

Рис. 1. Профили объектов «Личностная самореализация» и «Материальная обеспеченность семьи» $D = 4,31$

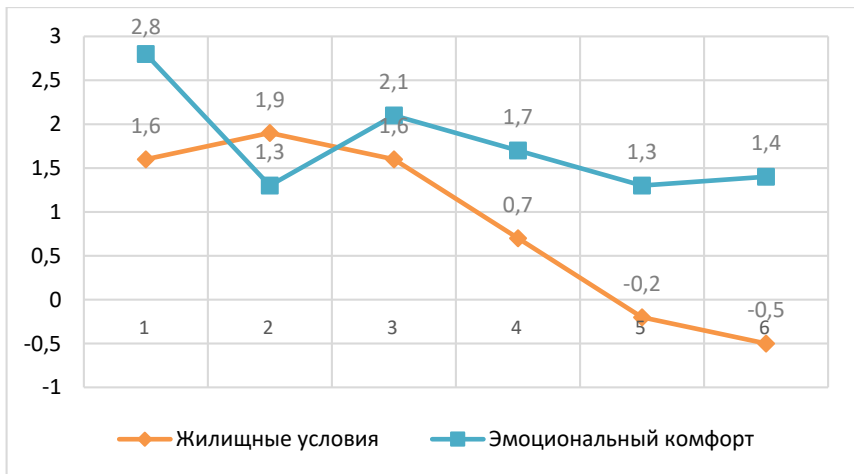

Рис. 2. Профили объектов «Жилищные условия супругов» и «Эмоциональный комфорт» $D = 6,15$

И мужчины, и женщины положительно оценивают сожитительство, однако представители мужского пола в большей степени в нем заинтересованы, нежели женщины. Последние же более ответственно и внимательно относятся к качеству жилищных условий. Вышеприведенные данные указывают на тот факт, что женщинам гораздо важнее чувствовать в семье комфорт и уют, для них больше значимы поддержание психоэмоционального комфорта в семье, проблемы воспитания детей и наличие эмпатии у партнера. Мужчины же, в свою очередь, больше заинтересованы в достижении

признания, возможности материально обеспечивать семью. С одной стороны, сложившаяся ситуация указывает на наличие преимущественно патриархальных устоев в российском обществе, а с другой – указывает на, в целом, успешную, за редким исключением, брачно-семейную адаптацию у исследуемой группы. Четко обозначенное понимание собственной роли в семье дает общий вектор развития, наличие схожих идеалов у супругов. Учитывая специфику выбора респондентов, в результате данного исследования можно судить о позитивной картине супружеской жизни.

Для более полного раскрытия темы также был использован метод вторичного анализа данных социологического исследования «Россияне о семейном благополучии» с целью выяснения критериев семейного благополучия. В опросе был применен метод телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров.

В данном исследовании изучаются наиболее значимые критерии семейного благополучия у россиян, живущих в семье от двух и более человек, ведущих общий быт в возрастных категориях: 18–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–59 лет, 60 лет и старше. Всего приняло участие 1600 респондентов. Исследование проводилось 21–24 ноября 2021 г. совместными усилиями ВЦИОМ и Банком «Хоум Кредит» [7].

Ключевыми показателями в исследовании являются индекс социального благополучия семьи, индекс экономического благополучия семьи и сводный индекс семейного благополучия. Далее мы подробно разберем каждый из них.

В индексе социального благополучия семьи наиболее значимыми критериями семейного благополучия оказались показатели «взаимоотношения внутри семьи» (9,02 баллов из 10), «состояние здоровья всех домочадцев (8,33), жилищные условия (8,1) и ощущение безопасности (8,09). Сводный показатель индекса составляет 71,61 из 100. И содержит интересную корреляцию – чем моложе семья, тем выше показатель индекса.

Таблица 7

Индекс социального благополучия семьи

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
76,66	76,68	71,43	70,4	67,36	71,61

Ключевыми показателями индекса экономического благополучия стали уровень семейного дохода (7,76) и регулярный рост семейного дохода (7,21), близко стоит наличие семейных сбережений (6,64). Сводный показатель индекса составил 56,7. Здесь мы наблюдаем такую же корреляцию, как и в прошлом индексе, чем моложе семья, тем выше уровень удовлетворенности.

Таблица 8

Индекс экономического благополучия семьи

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
69,96	62,51	55,83	55,02	50,11	56,7

В сводном индексе удовлетворенности семейного благополучия кроме показателя «жилищных условий» (7,57) высокие оценки получили критерии: наличие надежного круга друзей состояние здоровья членов семьи, возможность получить высшее образование всех членов семьи, возможность совместного отдыха (все в диапазоне 7 баллов). Сводный показатель по данному индексу составил 66,4 из 100 возможных. При этом видна та же корреляция, чем моложе семья – тем выше индекс удовлетворенности.

Таблица 9

Сводный индекс семейного благополучия

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
74,38	71,86	66,46	65,11	60,61	66,4

Следует отметить, что 39 % опрошенных россиян ожидают, что их благополучие увеличится, 33 % предполагают, что останется таким же, 13 % ждт негативных изменений и 14 % респондентов затруднились ответить.

Исходя из данных показателей можно сказать, что приоритетными в семейном благополучии являются социальные показатели, после экономические, например, сводный показатель социального индекса составил 71,6, а экономический – 56,7. Иными словами состояние здоровья домочадцев (8,33) важнее, наличия регулярного финансового роста доходов, а уровень удовлетворенности взаимоотношениями в доме (8,57) важнее, чем наличие финансовых сбережений (6,64).

Интерес продолжения подобного исследования составляет устойчивая корреляция всех индексов: чем моложе семья, тем выше уровень удовлетворенности – этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Таким образом, результаты исследования позволяют нам прийти к выводу, что процесс брачно-семейной адаптации является существенным фактором, влияющим на дальнейшее сосуществование супругов.

Вместе с этим данный период бывает особо трудным, поскольку происходит настройка под другого человека, корректируются личностные качества молодых супругов, перестраиваются сферы деятельности, а также формируются новые социальные связи.

Неудовлетворенность партнером, социально-экономические проблемы, неумение общаться с ним, морально поддерживать друг друга и недоверие являются основными причинами высоких показателей разводов.

Исследование проблем брачно-семейной адаптации посредством использования методики «Семантический дифференциал» показало в целом

ситуацию в современных семьях, влияние традиционного уклада общества. Выявлены значительные расхождения в оценках по различным объектам у мужчин и женщин.

Так, относительно существенные различия представлены по категориям «общие ценностные ориентации супругов», «жилищные условия молодой семьи», «материальная обеспеченность супругов», «эмоциональный комфорт», «личностная самореализация». Можно предположить, что это связано с присвоенными ими социальными ролями, доминирующими в российском обществе: «женщина – хранительница очага», «мужчина – добытчик и кормилец в семье». Учитывая специфику выборки и превалирование супругов среднего возраста.

Исходя из результатов, полученных в ходе использования метода вторичного анализа данных исследования «Россияне о семейном благополучии», можно сказать, что приоритетными в семейном благополучии являются социальные показатели, после экономические. Иными словами, состояние здоровья членов семьи важнее, наличия регулярного финансового роста доходов, а уровень удовлетворенности взаимоотношениями в доме важнее, чем наличие финансовых сбережений.

Интерес продолжения подобного исследования составляет устойчивая корреляция всех индексов: чем моложе семья, тем выше уровень удовлетворенности – этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

1. Арутюнян М. Н. Адаптация супругов к брачно-семейным отношениям как социальная проблема // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2017. № 4–2. С. 17–23.
2. Левкович В. П. Психологические проблемы семьи. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // *Психологический журнал*. 2009. № 3. С. 37.
3. Обозова А. Н. Аксоны супружества. М. : МГУ, 2004. 374 с.
4. Полошкевич О. А. Жизненный сценарий поколений // *Социология*. 2020. № 3. С. 28–45.
5. Полошкевич О. А. Причины формирования отличий в социальных представлениях различных поколений // *Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе*. Иркутск, 2009. С. 145–149.
6. Полошкевич О. А. Солидарность поколений в современной России // *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XV межрегион. науч. конф. молодых ученых*. Новосибирск, 2017. С. 157–159.
7. Россияне о семейном благополучии. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-semeinom-blagopoluchii> (дата обращения: 06.01.2022).
8. Султанова А. В. Брачно-семейная адаптация супругов и благополучие в браке // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2007. № 3. С. 347–352.
9. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М. : Мысль, 1989. 174 с.

УДК 339.53
ББК 65.76

М. В. Попова, *Иркутск*

Идентичность жителей сельских поселений как инструмент брендинга территории

Рассматриваются процессы формирования брендинга территории. На примере жителей сельских территорий Иркутской области показывается роль развития территориальной идентичности и ее влияния на имидж и брендинг территории. Приводятся результаты собственного исследования жителей сельских территорий Иркутской области, который выявил особенности и условия формирования территориальной идентичности жителей сел, и их воздействие на брендинг территории через укрепление инфраструктуры, включенности в политическое пространство и привлечения внешних субъектов (агентов и инвесторов) для закрепления символов территорий идентичности в материальных формах и механизмах.

Ключевые слова: брендинг территории, идентичность, жители села, имидж территории, брендрование.

M. V. Popova, *Irkutsk*

The identity of the inhabitants of rural settlements as a tool for territory branding

The article deals with the processes of territory branding formation. On the example of residents of rural areas of the Irkutsk region, the role of the development of territorial identity and its influence on the image and branding of the territory is shown. The results of our own study of the inhabitants of rural areas of the Irkutsk region are presented, which revealed the features and conditions for the formation of the territorial identity of the inhabitants of the villages, and their impact on the branding of the territory through strengthening the infrastructure, involvement in the political space and attracting external actors (agents and investors) to consolidate the symbols of the territories of identity in material forms and mechanisms.

Keywords: territory branding, identity, villagers, territory image, branding.

В последнее время развитие брендинга территорий является не только модной, но и приоритетной задачей для многих муниципалитетов на территории РФ. Это повышает уровень привлекательности территории, повышает ее конкурентоспособность и уникальность территории, что увеличивает патриотизм среди жителей. Наиболее качественно это формируется через усиление и формирование идентичности жителей того или иного поселения. Также на сегодняшний день усиливается общемировая тенденция переезда из села в город, то повышение уровня идентичности через привлекательный брендинг сельских территорий выступает одной из системных задач изменения социального положения селян.

Территориальная идентичность формируется как чувство общности с земляками, по причине проживания на одной территории в прошлом или настоящем. Также это восприятие себя и той территории, где живешь или жил как нечто цельное, неотделимое. Территориальная идентичность – это соединение смыслов и символов территории в сознании ее жителей в общий единый и нерушимый образ. Это социальная общность, которая становится символическим капиталом территории и ее жителей. Это отражается в восприятии территории и в поведении по отношению к ней.

Для чего необходимо изучать, развивать и моделировать территориальную идентичность, а вместе с этим и брендинг территории?

Изучать территориальную идентичность необходимо для усиления политической активности и включенности населения, так как территория объединяет людей, а сильная территориальная идентичность переводит формальное объединение в личный выбор и приоритет развития. И это же позволит жителям отстаивать свои интересы и права в социально-политическом пространстве.

Исследователь территориальную идентичность необходимо для создания, развития и усиления инфраструктуры региона, развития бизнеса, сферы услуг, промышленности и проч. Успешное развитие бизнеса возможно только с учетом менталитета жителей и их территориальной идентичности.

Знание территориальной идентичности может привлечь туристов, инвесторов – всех тех, кто заинтересован в изучении (из интереса) или развитии (из понимания выгоды) этого пространства.

Таким образом, брендинг территории строится на понимании приоритетов развития территориальной идентичности через политические инструменты интеграции, создание привлекательной инфраструктуры для бизнеса и жителей и привлечения внешних субъектов (туристов и инвесторов) для развития территории.

В современных работах по брендингу (Д. Визгалов [1]) указываются на системные разработки и стратегические инструменты комплексного развития бренда территорий через внешние символы и аксессуары (логотипы, слоганы и т. д.), так и символические конструкты (основанные на исторических уникальных событиях или сконструированные в рамках современных реалий, подчеркивающие уникальность места и людей ее населяющих). Или же, приоритеты развития идентичности через понимание выделения «своих и чужих», формирование идентичности (А. С. Ким, О. А. Полюшкевич [2,4,5,6]), выявление уникальных характеристик развития идентичности жителей сельских территорий (М. В. Попова, Е. П. Попов [7–14]), особенной повседневного уклада и работы жителей сельских поселений (М. Л. Багайдинов, М. В. Москвитина [3]) и др.

Идентичность территории (уровень местного самосознания) может быть измерена по нескольким параметрам [1]:

1. Уникальность – видение жителями уникальных черт и особенностей территории.
2. Тожественность восприятия места – понимание жителями принадлежности территории к каким-либо внешним категориям (стране, региону, типам городов, например, – «я живу в городе-курорте»).
3. Позитивность восприятия места – степень любви и привязанности жителей к своей территории, интерес к ее истории и культурной жизни.
4. Сплоченность городского сообщества – общность интересов жителей, степень осознания общих проблем развития территории, готовность к воплощению совместных инициатив, уровень симпатии к землякам.

5. Практический потенциал идентичности – способность жителей к самоорганизации, действенное стремление сообщества к усилению территориальной идентичности, осознаваемая и поддерживаемая жителями суть и стратегия развития территории.

Особенности исследования.

Мы провели опрос 860 сельских жителей Иркутской области в 2020–2021 гг., направленный на изучение вопросов территориальной идентичности жителей сел. Возраст участников исследования составил 18–75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин. Все они проживают в сельской местности пять и более лет.

Нами были заданы следующие вопросы:

1. Почему Вы живете в своем селе?
2. Каково Ваше отношение к землякам?
3. Что бы Вам хотелось изменить в Вашем селе?
4. С какими ценностями у Вас ассоциируется село?
5. Все позитивное и негативное, что вы можете сказать о селе, районе.

Анализ результатов исследования.

Из анализа ответов видно, что люди живут там, где живут, объясняя это как положительными, так и отрицательными мотивами: потому что тут родились (29 %), есть работа (34 %), нет других вариантов (23 %) и 14 % затруднились с ответом.

Отношение к землякам не равномерное, но в целом есть гордость за тех, кто добился успеха и известности и тем самым прославил это место. Гордятся земляками – 13 %, позитивно воспринимают – 29 %, негативно воспринимают – 28 %, стыдятся земляков – 7 %, и нейтрально относятся (не задумывались о них) – 23 %. Чем старше респонденты, тем выше доля тех, кто позитивно оценивает жителей села и саму территорию, чем младше – тем больше негативных оценок.

Говоря о том, что хотелось бы изменить в своем селе, то вопросы касаются инфраструктуры (72 %) (второго по значимости элемента брендинга территории), возможностей получения благ и услуг наравне с другими жителями России. Это отразилось в таких ответах как: проложить дороги, хороший интернет, горячий водопровод, малые фермерские предприятия и т. д. Возможность социально-политической активности также подчеркивается респондентами (17 %) и только 11 % указали на важность внешних субъектов, способных что-либо изменить (инвесторы, туристы).

И к этим же примерам сводились и отрицательные характеристики села: плохие дороги, отсутствие работы. Правда добавился пункт – алкоголизации сельского населения.

К позитивным характеристикам своего села респонденты отнесли: чистый воздух, красивую природу, исторически важные этапы развития (стоянки древнего человека, места жительства ссыльных декабристов и т. д.), уникальные человеческие качества жителей сельских территорий, которые формируют особенности культуры и менталитета жителей сел.

Вопрос о ценностях, с какими ассоциируется село выявил несколько тенденций.

Первая – тяга к исторической памяти (36 %). Это ассоциации, связанные с памятными историческими моментами в жизни страны и отдельных выдающихся личностей, внесших свой вклад в развитие территории. Например, роль декабристов, действия Адмирала Колчака, походы Григория Шелехова по освоению русской Америки и т. д.

Вторая – тяга к общечеловеческим ценностям (39 %). Например, доброта, душевная чистота, добросердечность, внимательность, доброжелательность, сердобольность.

Третья – тяга к трудолюбию и честному труду (25 %). Например, честный труд, трудовая активность, верность своему делу или профессии.

Таким образом, уровень идентичности жителей сельских территорий Иркутской области достаточно высокий. Развитие брендинга этих территорий, по нашему мнению, будет идти более эффективно, если будет развиваться инфраструктура, так как символический капитал, смыслы, заложенные исторически и сформированные в настоящем могут усилить и укрепить идентичность жителей. Уровень сплоченности и патриотизма также достаточно высокий, что усилит социально-политическую активность жителей сел, что позитивно скажется на включенности в региональную политику граждан.

Территориальная идентичность, благодаря брендингу территории может стать точкой отсчета для символического укрепления связей представителей разных поколений, проживающих на селе, развитии патриотизма и социальной активности жителей сел. Это одна из перспективных точек роста социального воспроизводства России, укрепления идеологии и общественного прогресса в целом.

Литература

1. Визгалов Д. Брендинг города / предисл. Л. В. Смирнягина. М. : Институт экономики города, 2011. 160 с.
2. Ким А. С., Полошкевич О. А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Хабаровск, 2019. С. 94–100.
3. Москвитина Н. В., Багайников М. Л. Формирование трудового потенциала сельской молодежи в Байкальском регионе как фактор развития сельских территорий // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 203–206.
4. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 10–25.
5. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
6. Полошкевич О. А. Противоречия конструирования территориальной идентичности байкальского региона // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы IV всерос. науч.-практ. онлайн конф., посвящ. 100-летию ТАССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань, 2020. С. 145–148.

7. Попов Е. П., Попова М. В. Социальная идентичность молодежи современных сел // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 85–87.
8. Попова М. В. Виртуальное пространство сельской и городской молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 124–128.
9. Попова М. В. Влияние идентичности на имидж сельских территорий // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 158–164.
10. Попова М. В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–260.
11. Попова М. В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–158.
12. Попова М. В. Сельская занятость после пандемии // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 398–402.
13. Попова М. В. Социальное самочувствие и социальная идентичность сельской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск, 2019. С. 328–334.
14. Попова М. В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.

УДК 316.44
ББК С54

О. Н. Пряжникова, *Москва*

Гендерные стереотипы в контексте зеленого потребления

Рассматриваются проблемы влияния гендерной принадлежности на приверженность ответственному поведению и потреблению. Анализируются причины гендерного разрыва в зеленом потреблении, обусловленные стереотипом о связи проэкологического поведения и женственности; ценностными ориентациями личности; ролью доминирующей идентичности; эмоциональной и когнитивной вовлеченностью потребителя.

Ключевые слова: гендер; зеленое потребление; идентичность; гендерный разрыв; вовлеченность потребителя; экофеминизм.

O. N. Pryazhnikova, Moscow

Gender stereotypes in the context of green consumption

The article highlights gender impact on the commitment to responsible behaviour and responsible consumption. We analyze causes of the gender gap in green consumption conditioned by stereotype linking pro-ecological behavior and femininity; value attitudes; the role of salient identity; consumer affective and cognitive involvement.

Keywords: gender; green consumption; identity; gender gap; consumer involvement; ecofeminism.

Исследования связи гендера и экологически ответственного поведения указывают на то, что женщинам любого возраста и национальности, по сравнению с мужчинами, характерна большая вовлеченность в проблемы охраны окружающей среды и готовность следовать паттернам зеленого потребления [1]. Такое поведение, которое также определяют как устойчивое и ответственное, предполагает покупку товаров, произведенных с минимальным воздействием на окружающую среду и/или оказывающих на нее

минимальное воздействие в ходе потребления и утилизации. Такими продуктами могут быть биоразлагаемые товары, изделия, произведенные из вторсырья и т. д. [2] Тот факт, что мужчины оставляют больший, чем женщины, углеродный след и менее склонны следовать практикам переработки мусора, свидетельствует о том, что они реже привержены социально ответственному проэкологическому поведению [4; 3].

Гендерный разрыв в следовании установкам проэкологического поведения традиционно объясняются различиями личностных характеристик женщин и мужчин. Так, склонность женщин заботиться об окружающей среде связывают в целом с их приверженностью к просоциальному, альтруистическому поведению. Женщины также чаще обладают способностью «ставить себя на место другого», т. е. воспринимать и понимать ситуацию с точки зрения другого. Также они проявляют более высокую этику заботы, т. е. принятие решений и действия, которые они осуществляют, основываются на межличностных отношениях и заботе, в том числе в сферах, связанных с защитой окружающей среды. Кроме того, женщины проявляют высокую степень приверженности ответственному поведению, так как они, как правило, более, чем мужчины, озабочены вопросами сохранения здоровья и безопасности, в том числе будущих поколений своих детей [3].

В рамках традиционно распространенных практик социализации гендерных ролей и ценностей девочек стимулируют к проявлению любви и заботы, а также к удовлетворению потребностей других. При этом для мальчиков подготовка к жизни в обществе предполагает сдержанность в проявлении чувств и заботы, ассоциируемых с женским поведением. Подобные особенности социализации могут обуславливать тот факт, что женщины более склонны к эгалитаризму, а мужчины склонны ценить иерархию. Эти явления объясняют большую ориентацию женщин на нужды других и социально ответственное поведение [1].

Теория экофеминизма предлагает иную взаимосвязь между гендерной идентичностью и заботой об окружающей среде. Данная концепция объясняет соответствующие гендерные различия тем, что женщины (как и другие маргинализованные гендерные группы) имеют опыт несправедливого отношения к себе и в результате с меньшей вероятностью будут разделять ценности иерархии и самоутверждения, а с большей – ценности социальной справедливости, единства с природой, социальной и экологической ответственности [1].

Вероятно, что гендерный разрыв в ответственном поведении, в том числе в меньшем желании мужчин следовать проэкологическим установкам может возникать по причине ассоциирования зеленого поведения и женственности, а также соответствующего стереотипа, что зеленые потребители женственны. Как следствие, отстаивая свою гендерную идентичность, мужчины избегают проэкологическое поведение.

Ряд исследований [3] выявили несколько причин увязывания концепции зеленого поведения с женственностью. Так, как правило, в оформлении наглядных материалов в ходе экологических кампаний преимущественно

применяются цветовая гамма и стилистические образы, ассоциируемые с женственностью и воспринимаемые как гендерные маркеры. Кроме того, продвижение принципов зеленого потребления чаще происходит в традиционных для женщин сферах деятельности (уборка, приготовление пищи, здоровье семьи, стирка и т. д.). Важно отметить, что данный гендерный стереотип с меньшей вероятностью будет влиять на мужчин, для которых отстаивание своей гендерной идентичности не играет значительной роли. Те же, кто имеет повышенную мотивацию к действиям, утверждающим гендерную идентичность как значимую составляющую социальных суждений и самооценки, больше всего подвержены влиянию стереотипа, ассоциирующего связь ответственного потребления и женственности [3].

Кроме того, под влиянием гендерного стереотипа желание мужчин вести себя проэкологически ответственно во многом определяется присутствием гендерных маркеров, подрывающих или подтверждающих их гендерную идентичность. Эмпирические данные свидетельствуют, что гендерные маркеры с большей вероятностью влияют на готовность мужчин, по сравнению женщинами, потреблять экологически чистые (не наносящие вред окружающей среде) товары, а также на готовность придерживаться ответственного проэкологического поведения [3]. Таким образом, становится очевидно, что при продвижении устойчивого потребления в обществе важно стараться избегать элементов, закрепляющих гендерные стереотипы и провоцирующих «гендерные запреты».

Еще одним фактором, определяющим связь гендерных аспектов и ответственного потребления, является мотивация индивида, определяемая его самоидентификацией. Теория мотивации на основе идентичности утверждает, что способ мышления о себе «как личности» (персональная идентичность) или «как о члене группы» (социальная идентичность) определяет то, какие цели и стратегии будет использовать индивид. При доминировании персональной идентичности на первый план для индивида выходят личные ценности и цели. При этом доминирование социальной идентичности обуславливает восприятие себя как части группы, разделение ее общих черт и характеристик, реализацию ее ценностей и целей через социальные отношения [2].

Таким образом, идентичность может способствовать повышению для индивида значимости социально ориентированного поведения, в том числе, зеленого потребления. Так, находясь под влиянием социальной среды, когда на первый план выходит социальная идентичность, люди склонны делать более этичный выбор и выбирать ответственное поведение. Исследования показывают, что влияние социальной среды (влияние со стороны других членов общества), усиливая акцент на социальной идентичности, способно изменять потребительские решения в сторону покупки экологически чистых (нейтральных) продуктов. При этом и мужчины, и женщины аналогично следуют паттернам устойчивого потребления, когда социальная идентичность выходит на первый план. В условиях, когда потребители в момент принятия решения о покупке думают о членах семьи или друзьях

(социальная идентичность), значимых различий по полу в отношении устойчивого потребления не наблюдается [2].

Вместе с тем важно отметить, что акцент на социальную идентичность особенно значим для вовлечения в практики ответственного потребления мужчин. Интересно, что женщины даже в случае преобладания в их самоидентификации персональной идентичности, действуя в соответствии со своими личными ценностными установками, с большей вероятностью будут делать выбор в пользу зеленого потребления, чем мужчины. Это происходит потому, что женщинам, в целом, свойственен более высокий уровень ценностей само-трансценденции, выражающейся в мотивации способствовать благосостоянию других и способности выходить за рамки эгоистических интересов. При этом мужчины придают большее значение ценностям самоутверждения, т. е. предпочитают следовать личным интересам. Как следствие, для индивидов, для которых на первом месте находятся ценности само-трансценденции, в большей степени характерна приверженность социально ответственному поведению, чем для тех, для кого приоритетны ценности самоутверждения [2].

Таким образом, только когда социальная идентичность становится доминирующей, среди мужчин повышается склонность к ответственному проэкологическому поведению и достигает того же уровня, который характерен для женщин. Вероятно, это происходит благодаря действию механизмов сравнения и возможности получить социальное признание и положительную оценку своих действий. Эти факторы особенно важны для потребителей мужского пола, так как они более привержены ценностям самоутверждения [2].

Гендерно обусловленное потребление также влияет на степень вовлеченности в потребление экологически нейтральных товаров, будучи увязано с когнитивными аспектами. Вовлеченность в потребление представляет собой персонально воспринимаемую релевантность объекта и основывается на потребностях, ценностях и интересах потребителя. Полученные в ходе исследований данные показывают, что для мужчин когнитивная вовлеченность оказалась доминирующей. Тогда как для женщин более значима эмоциональная вовлеченность [4]. Поэтому для мужчин важно, прежде всего, осознать и принять важность и ценность зеленого потребления.

Таким образом, мужчины с большей вероятностью будут мотивированы выбирать ответственное потребление, если кампании по его продвижению будут апеллировать к чувству ответственности, а также подчеркивать социальную общность потребителей. Такой подход может повысить вероятность сокращения гендерного разрыва в отношении ответственного проэкологического поведения.

Литература

1. Bloodhart B., Swim J. K. Sustainability and consumption: What's gender got going green for self or for others? // J. of social issues. 2020. Vol. 76, N 1. P. 101–113. URL: <https://spsai.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/josi.12370> (дата обращения: 20.01.22).

2. Going green for self or for others? Gender and identity salience effects on sustainable consumption / Costa Pinto D., Herter M. M., Rossi P., Borges A. // *Internat. j. of consumer studies.* – 2014. Vol. 38. N 5. P. 540–549. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ijcs.12114> (дата обращения: 20.01.22).

3. Is eco-friendly unmanly? The green-feminine stereotype and its effect on sustainable consumption / Brough A. R., Wilkie J. E. B., Ma J., Isaac M. S., Gal D. // *J. of consumer research.* 2016. Vol. 43. P. 576–582.

4. Tung T., Koenig H. F., Chen H. -L. Effects of green self-identity and cognitive and affective involvement on patronage intention in eco-friendly apparel consumption: a gender comparison // *Sustainability.* 2017. Vol. 9, N 11: 1977. doi:10.3390/su9111977 (дата обращения: 20.01.22).

УДК 316.1
ББК 60.54

И. Л. Салимашин, Уфа

Концепция социальной отчужденности

Проводится анализ процессов социальной отчужденности, условий способствующий развитию этого явления и ключевых последствий для личности и социальной среды. Основываясь на этом анализе, объясняется контекстуальная природа социального отчуждения.

Ключевые слова: социальная отчужденность, интеграция, самоизоляция, маргинализация, политика.

I. L. Salimashin, Ufa

The concept of social alienation

With the development of the information society, new social problems come. For example, societies have continued to face marginalization and declining social mobility for decades. Inequalities in education, income and health highlight the worsening effects of social exclusion in society. The phenomenon of social alienation leads to social deprivation. The analysis of this phenomenon shows that social alienation is perceptual in nature. Based on this analysis, this article explains the contextual nature of social exclusion.

Keywords: Social alienation, integration, self-isolation, marginalization, politics.

В чем заключается сущность социальной отчужденности? Социальное отчуждение относится к отсутствию сплоченности между группами или отдельными лицами. Низкий уровень интеграции может быть вызван отсутствием общих ценностей или убеждений у людей. Социальное отчуждение является растущей проблемой в современном обществе, и оно существует в разных контекстах. Так, в России социальная отчужденность обладает большой актуальностью, потому что наше общество сегодня является «уникальной экспериментальной лабораторией» для изучения социальных изменений [1, с. 7]. Расизм и классовые различия являются наиболее распространенными факторами, определяющими социальное отчуждение сегодня. Например, некоторые социологи считают, что расизм сегодня является наиболее вызывающим разногласия социальным фактором. Однако другие исследователи считают, что класс превалирует над расизмом как наиболее вызывающим разногласия фактором в современном обществе. Например, многие россияне понимают социальное расслоение по трем направлениям – богатые, средний класс и бедные. В социологии принято использовать шесть критериев для определения человеческих обществ – высший класс,

высший средний класс, средний класс, низший средний класс, рабочий класс и низший рабочий класс. Концепция социальной отчужденности связана с понятиями бедности, трудностей, маргинализации, но контексты, в которых появляется эта концепция, часто неоднозначны и противоречивы. Эта концепция широко используется и, по-видимому, чрезвычайно привлекательна для производителей дискурса о социальной политике.

В этой статье основное внимание уделяется пристальное внимание трём вещам в отношении социальной отчужденности. Во-первых, будет дана реконструкция истории концепции. Во-вторых, будут подвергнуты анализу виды отчужденности и категории отчужденных людей. В-третьих, и, наконец, будут разобраны последствия и непредвиденные результаты, которые присущи дискурсу социальной отчужденности. Проблема отчуждения требует к себе комплексного подхода. Если в задачи психологии входит определение сущности социального субъекта и механизма отчуждения на личностном уровне, то социология ищет ответы на вопросы, как проявляется отчуждение на уровне социума, какая социальная ситуация является причиной отчуждения [2, с. 9].

Анализ социальной отчужденности как концепции часто начинаются с ее истории. Для начала выделим социологический подход к исследованию проблем отчуждения, который формируется в конце 1950-х, в 1960-е г. Так, Р. Блаунер еще в начале 1960-х гг. в рамках социологических исследований изучал вопросы отношения рабочих к труду в разных отраслях производства. Он анализировал процессы отчуждения в таких отраслях, как полиграфия, текстильная промышленность, автомобилестроение, химическая промышленность [3, с. 20]. Социолог Мелвин Симан в своей работе *On The Meaning of Alienation* впервые дает определение социальной отчужденности и рассматривает ее с позиций различных вариантов отчуждения. В них входит бессилие, бессмысленность, отсутствие значимых норм или аномия, изоляция, самоотчуждение. Люди отчуждены, когда они находятся рядом с коллегами в областях повседневной жизни, отличающихся друг от друга до странности. Важно выделить особую форму отчуждения, «самоизоляция». Люди могут воспринимать себя объективно непохожими на других и все более непохожими на своих идеальных «я». Признание себя недействительным представляет собой форму отчуждения, острота которой иногда может быть притуплена принятием «невротического приема», такого как навязчивая идея-принуждение. По мнению социологов, социальные структуры также может вызвать отчуждение. Теории личностных конструктов указывает на то, как социальные условия могут влиять на конструктивные системы. Из анализа индустриализации, проведенного Марксом, можно сделать вывод, что влияние капиталистической системы на качество человеческой жизни неизбежно приводит к отчуждению. В рамках этой системы владельцы средств производства планируют, что и как будет производиться. Они также решают, как будет распространяться продукция. Как следствие, работники отчуждены от их способности думать и принимать решения о

своим собственном поведении, а также отчужденность от социальных механизмов, которые делают их труд полезным. Они, с точки зрения Маркса, отчуждены от своего «видового бытия», от важнейших составляющих человечества. Однако, когда социальная структура навязывает отчуждение, нет никаких оснований делать вывод о том, что люди осознают свои обстоятельства или что они реалистично оценивают свою ситуацию. Согласно теории личностных конструктов работники, ставшие жертвами социального отчуждения, не знают о своем состоянии, потому что они прибегают к сужению поля восприятия с целью минимизации кажущихся несовместимостей. Этот тип неверного истолкования объективного социально-экономического тупика раскрывает бегство от решения непримиримых условий, представленных отчуждением, как показал Симан: бессилие, социальная изоляция, самоотчуждение, отсутствие норм и бессмысленность.

В некоторых случаях социальное отчуждение приобретает крайне деформированную форму: человек воспринимает собственные мотивы не как свои, а как форму существования мотивов господствующей над ним отчужденной силы [4, с. 21]. Существует ряд отличительных метафор, связанных с дискурсом социального отчуждения, по крайней мере некоторые из которых выражают (часто игнорируемую) пространственность отчуждения. Термины, используемые для описания социальной отчужденности в этом контексте, влекут за собой сложные метафорические ассоциации. С одной стороны, ряд конструкций, которые сами по себе не относятся непосредственно к пространству и месту, подвержены влиянию языка, подразумевающего движение вниз. Список распространенных метафор включает в себя: состояние непрерывного упадка, наименее привилегированные группы, отрыв от трудовых отношений, ловушка бедности, циклы отчуждения, сохранение бедности на протяжении всего жизненного цикла бедных, сеть недостатков, совокупные недостатки, которые порождают порочные круги, ситуации риска, ниже черты бедности, бедные места, бедные острова, трущобы, гетто, тайные жилые зоны и случайные жилые зоны.

Если следовать рассуждениям Бодрийяра, получается, что тот или иной объект становится единством знака и товара, где знак провоцирует отчуждение самости, стоимости, смысла (означаемого) и референта, а значит, и реальности вообще. Таким образом, мир и реальность представляют собой лишь отражения означающего, его своеобразные фантазматические модусы [5, с. 101]. Следует упомянуть структурные причины социальной отчужденности. Эту группировку трудно собрать или обосновать каким-либо простым способом. Принятие и неприятие структурных причин в качестве объяснения распространенности и стойкости социальной изоляции усиливается и ослабевает. Возможно, причины могут быть определены как структурные, когда они описывают факторы или элементы, над которыми люди имеют ограниченный контроль. К ним относятся исключения, касающиеся занятости, такие как работники-дети, неквалифицированная молодежь, низкооплачиваемые работники, лица, занятые на ненадежных и неквалифицированных работах, незащищенные работники, работники старшего возраста,

длительно и периодически безработные. Множественная депривация включает такие вещи, как экологическая депривация, плохие жилищные условия, заброшенные земли, вандализм и высокий уровень преступности, но также включает нехватку ресурсов, нехватку работы, отсутствие надлежащих услуг, а также последствия государственной политики.

Категории людей, вызванные этими эффектами отчуждения – это те, для кого дискурс социального отчуждения менее эффективен. Психосоциальные эффекты могут включать: психологические проблемы, проблемы в отношениях, потерю идентичности, потерю культурной принадлежности, дезинтеграцию от трудовых отношений, проблемы психической депрессии, внутреннюю деструкцию личности, потерю цели, дезинтеграцию от семейных связей, процессы субъективного значения, внутреннее измерение бедности и дезинтеграция от социальных отношений. Большинство исключенных лиц, испытывающих проблемы в отношениях, потерю идентичности, психическую депрессию. Эти характеристики часто ассоциируются с лицами, которые имеют ограниченную способность выполнять хорошо оплачиваемую работу, что приводит к быстрым изменениям статуса и повышению уязвимости на рынке оплачиваемой работы по мере того, как они приобретают репутацию ненадежных на рабочем месте. Взаимосвязи между этими характеристиками и категориями социальной отчужденности еще более усложняются чрезмерным воздействием экономических и политических условий разработки политики, которые существуют в любое время и в любом месте.

В общих чертах существует консенсус в отношении того, что социальная отчужденность – это концепция, которая может быть определена и развернута двумя способами. Данную концепцию можно определить узко в этом случае социальная отчужденность используется как синоним бедности по доходам и конкретно относится либо к тем людям, которые не привязаны к рынку оплачиваемой рабочей силы, либо к тем людям, которые работают на низкооплачиваемой работе. Концепция часто используется наряду с понятием социальная сплоченность в том смысле, что сплоченное общество – это общество, в котором (политическая, социальная и экономическая) стабильность поддерживается и контролируется участием в оплачиваемой рабочей силе. Также можно определить в широком смысле – в этом случае оно относится к гораздо большему, чем бедность, неравенство доходов, отсутствие работы. Отчуждение носит многоаспектный характер и представляет собой динамичный процесс. Процессы отчуждения привели к многочисленным проблемам, разрыву семейных уз и социальных отношений, а также потере идентичности и цели. Именно в этом последнем, широком и гибком смысле концепция социальной отчужденности может быть полезна для развития иного и более сложного понимания факторов и влияний, которые приводят к благополучию и относительным преимуществам, с одной стороны, и неравенству, относительному неблагоприятному положению между членами общества, с другой стороны.

Отметим, что измерение социальной отчужденности носит двоякий характер. Во-первых, потребление определяется довольно узко по отношению

к показателям бедности. Политика потребления по отношению к социальной отчужденности очень сложна. Способность к потреблению стала показателем не только бедности, но и все в большей степени показателем идентичности. Способность потреблять (конкретные продукты, услуги и знания) все чаще задает видимые параметры социальной интеграции. Это область, которая нуждается в значительно большем количестве исследований. Второй характер противоречивости касается сочетания культурной и социальной деятельности. Хотя легко утверждать, что культурное обязательно встроено в социальное, менее легко определить, в какой степени политика идентичности действует в отношении отчужденности, если эти два понятия объединены в одно целое. Область культурной самобытности и отчуждения также требует дополнительных исследований.

Должна существовать моральная повестка дня, которая, по-видимому, будет лежать в основе многих обсуждаемых политических мер в отношении социальной отчужденности. Она предполагает, что моральная повестка дня заключается в неявной нормализации, которую влечет за собой дискурс отчужденности. Это имеет два аспекта. Во-первых, существует мощный дискурс, который циркулирует в обществах, которые тяготеют к социальной отчужденности в качестве основы политики. Суверенный и собственнический индивидуализм (представление о том, что каждое отдельное существо обладает контролем и властью над самим собой) – это нечто большее, чем аккуратная социофилософская теория. Второй момент заключается в том, что развитие четкого понятия социальная интеграция может также дать разрешение на нетерпимое отношение к тем, кто считается отклоняющимся или несоответствующим. В мышлении новых лейбористов есть тенденция, которая предполагает, что такое добровольное отчуждение само по себе представляет собой социальную проблему и как таковое является законной целью для возможных карательных действий.

Социальная интеграция как основа политики также не лишена риска – нормативные тенденции, присущие дискурсу социальной отчужденности, все еще присутствуют. Однако стремление к социальной интеграции может быть истолковано в контексте политики как программа содействия, обогащения и расширения возможностей отдельных лиц и групп. Инвестирование в сильные стороны и ресурсы людей требует многогранных политических подходов. Необходима политика, обеспечивающая доступ к основным преимуществам в области здравоохранения, образования, жилья и удобств. Необходима политика, направленная на защиту людей от вреда и/или помогающая предотвратить попадание людей в трудные обстоятельства и ненужный риск. Также необходима политика, позволяющая людям искать новые возможности и пользоваться имеющимися возможностями. В идеале должны существовать политические механизмы для признания того, что инвестиции и возможности, которые являются ценными и доступными для одних людей, не являются актуальными или доступными для других.

Ликвидация или сокращение социального отчуждения в обществе является сложной и многогранной проблемой. Должен быть разумный подход

к разработке социальных, экономических или политических мер для решения этой проблемы. Любое вмешательство, направленное на искоренение этого порока, должно быть направлено на борьбу с групповой дискриминацией. Вмешательство для устранения социального отчуждения должно иметь политическое измерение. Политические меры дают наибольшую надежду на снижение социального отчуждения. Политические мероприятия обычно охватывают законодательные подходы к расширению прав и возможностей бесправных групп. Политика должна выходить за рамки предоставления возможностей маргинализированным группам, потому что такие группы не могут использовать эти возможности с такой же эффективностью, как другие группы. Социальные сети и информация об образовании, рабочих местах и экономических возможностях часто тесно связаны с группами, поэтому то, что кажется равным игровым полем, таковым не является. Политические меры по устранению социального отчуждения могут принимать три формата. Первый тип предполагает ликвидацию политики, способствующей социальному отчуждению. Изменения в такой политике должны касаться косвенного и прямого социального отчуждения. Вторая категория политических мер должна быть направлена на расширение возможностей отчужденных групп для повышения эффективности в социальном, экономическом или политическом контекстах. Третий подход предполагает формулирование социальных, экономических и политических целей для улучшения способностей человека. Вторая категория политического вмешательства была бы наиболее эффективным способом устранения социального отчуждения, поскольку она способствует конкуренции. Это преимущество позволяет легко сплотить людей в поддержку этого дела. Перенаправление государственных расходов также позволило бы достичь той же цели сокращения социального отчуждения за счет направления большего объема ресурсов маргинализированным людям. Введение целевых показателей, или квот, в качестве меры снижения социального отчуждения, возможно, является наиболее противоречивой стратегией снижения социального отчуждения.

Использование социальной отчужденности в качестве организующей концепции социальной политики чревато негативным оформлением социальной политики. Обе концепции социальной отчужденности и социальной интеграции рискуют установить нормативные параметры, которые еще больше усложнят жизнь людей, которые уже находятся «на грани». Таким образом вместо того, чтобы создавать новые рамки, которые приводят к непредвиденным последствиям, социальная отчужденность становится еще одним концептуальным инструментом для обсуждения взаимосвязанных и кумулятивных факторов и процессов, которые подрывают индивидуальную и групповую способность надеяться, иметь возможность и участие. Социальная отчужденность становится дальнейшим способом обозначения коллективных процессов, направленных на лишение людей доступа к возможностям и средствам, материальным или иным, для достижения благополучия и безопасности на условиях, которые важны для них.

Важно признать различия между восточным и западным восприятием социального отчуждения. Оба региона признают существование социального отчуждения, но западные общества считают это нежелательной практикой. Однако восточные общества принимают социальное отчуждение как приемлемую практику. Социальные, экономические и политические структуры объясняют, почему такие общества придерживаются этой практики. Хотя политический взгляд на этот анализ показывает, что большинство восточных обществ принимают социальное отчуждение, потому что оно является основной платформой для массовой мобилизации людей, экономические структуры таких обществ определяют основную причину принятия социального отчуждения на востоке. С экономической точки зрения Вебер и Маркс говорят, что индустриализация усугубила социальное отчуждение, поскольку она дегуманизирует общества, создавая социальные уровни производства. Ликвидация политики, способствующей социальному отчуждению, должна стать первой стратегией уменьшения ее воздействия на общество. Однако политически правильная стратегия заключается в том, чтобы предоставить отчужденным группам возможность конкурировать с привилегированными группами, поскольку эта стратегия не противоречит духу честной конкуренции. С внедрением этих политических мер возникают серьезные проблемы, но большинство из них должны устранить экономические, политические и социальные дисбалансы.

Литература

1. Зиновьева Д. М. Психология отчуждения. Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «ВАГС», 2005. С. 7.
2. Смолева Е. О. Социальное отчуждение: анализ теоретических подходов // Вопросы территориального развития. Психологические науки. 2016. № 4 (34) С. 9.
3. Сорина Г. В., Ярмак Ю. В. Отчуждение в социуме // Проблемы современного образования. 2021. № 4. С. 20.
4. Шинкова С. С. Проблема социального отчуждения // Вестник Оренбургского государственного университета. Прочие социальные науки. 2006. № 13. С. 21.
5. Лебедев А. Б., Гатауллин А. И. Социальное отчуждение как предмет психоанализа // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Философия, этика, религиоведение. 2010. Т. 152, кн. 1. С. 101.

УДК 316.7
ББК 60.5

Н. М. Цемба, *Старый Оскол*

Социальная солидарность и отчуждение в современной России

Анализируются процессы социального отчуждения, которые влияют на социальную солидарность. Выявляются основные закономерности и противоречия, выявляются формы социального развития в условиях увеличения социальной отчужденности разных групп общества

Ключевые слова. Солидарность и отчуждение, интересы, конкретные изменения, развитие, современное общество.

Social solidarity and alienation in modern Russia

The article analyzes the processes of social alienation that affect social solidarity. The main patterns and contradictions are revealed, the forms of social development are revealed in the conditions of increasing social alienation of different groups of society.

Keywords. Solidarity and alienation, interests, concrete changes, development, modern society.

Современное общество характеризуется динамичностью, связанной с регрессом общественной жизни, с трансформацией отношений между людьми, социальными группами, нациями, а также с изменениями взаимоотношений между властью и обществом. Следует указать, что научно-технический прогресс оказывает существенное влияние на развитие современного общества.

В исследовании рассматриваются положения социальной солидарности и социального отчуждения, а также взаимосвязь этих понятий и их проявление в нашем обществе. Указанные вопросы достаточно актуальны и затрагивают различные общественные сферы. Рассуждая о социальной солидарности, следует отметить, что она является одним из главных компонентов существования общества.

На основе солидарности происходит взаимодействие людей в тех или же иных структурах, а также поддерживается социальное единство, как в отдельной группе, так и в обществе в целом. Наряду с этим солидарность способствует поддержанию социального порядка. Процесс взаимодействия людей обуславливает существование нашего общества. Безусловно, что без наличия солидарности общество не может существовать. Мы живем среди людей, при этом непосредственно взаимодействуем между собой, а взаимодействие способствует интеграции общества и его развитию.

Тем не менее, несмотря на наличие солидарности, в современном обществе происходят события, в которых наблюдается противоположное явление, которое можно характеризовать как социальное отчуждение. И это вполне вероятно, так как люди обладают разным социальным статусом и положением в обществе, каждый человек имеет свое мнение и свои интересы.

Чаще всего люди не хотят прислушиваться друг к другу, находить компромиссы и общие решения в возникающих проблемах. Все это ведет к ослаблению межличностных связей, люди отдаляются друг от друга, и в итоге появляется социальное отчуждение. Необходимо указать на то, что отчуждение может быть не только межличностным, но и между отдельными людьми и всем обществом.

И вот это отчуждение очень опасно и сложнее, чем отчуждение одного человека от другого из-за разных мнений и интересов. И если социальная солидарность способствует укреплению и развитию нашего общества, то социальное отчуждение, являясь затормаживающим фактором, который оказывает отрицательное влияние, как на взаимоотношения людей, так и целиком на все общество.

Следовательно, вывод таков, что в обществе существует два противоположных явления, оказывающие существенное влияние на развитие общественной жизни, т. е. нашего общества. Солидарность и отчуждение находятся в тесной взаимосвязи, исходя из того, что в любой момент солидарность может перерасти в отчуждение и наоборот.

Произойти это может согласно конкретным изменениям, которые происходят в обществе, или же в результате непредвиденных событий, связанных и с людьми, и с властью, и с общественной жизнью в целом. Изменения в общественной, политической и культурной жизни – все это также может способствовать переходу от солидарности к отчуждению. Анализируя источники, которые содержат сведения о социальной солидарности, можно отметить, что изучением этого понятия занимались многие ученые, среди которых можно отметить: О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и А. Бергсона. Они выделили ее основные идеи и функции. Самыми известными теориями о солидарности являются теории Э. Дюркгейма и А. Бергсона.

Основная роль солидарности – это воспроизводство социальной системы на любом ее иерархическом уровне – от социальных групп до общества в целом [4]. Солидарность группирует как малые, так и большие социальные группы, обеспечивая при этом историческое воспроизводство их структур [1]. Как было отмечено выше, социальная солидарность способствует поддержанию социального порядка. Лишь при условии наличия единства членов отдельной социальной группы, будет формироваться устойчивость данной группы, а также границы социального контроля. Для укрепления процесса солидарности нужно развивать культуру и религию. Основные атрибуты общества, такие как ценности, нормы, идеи и взгляды, характерные для большинства общества и являются основными источниками солидарности.

Основной темой изучения Э. Дюркгейма выступило разделение труда, направленное на обеспечение социальной солидарности и выполняющее нравственную функцию. Э. Дюркгейм в своей работе стремился доказать, что «разделение труда создает единство обществ. Солидарность, по Э. Дюркгейму, бывает двух видов – механическая и органическая [1]. Механическая солидарность основана на сходствах. Дюркгейм отмечает, что в каждом человеке есть два сознания: первое – это сознание, общее со всей социальной группой, т. е. оно представляет не нас самих, а общество в целом; второе – это сознание, представляющее наши личные качества и интересы. Первое сознание Э. Дюркгейм называет «коллективным сознанием». Согласно ему, солидарность достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание полностью покрывает наше личное сознание и совпадает с ним во всех позициях» [1]. Следует указать, что в таком случае наша индивидуальность отсутствует.

Таким образом, механическая солидарность базируется на полном растворении индивидуального сознания в коллективном сознании. Второй вид солидарности по Э. Дюркгейму «органическая, основана на высоком уровне

разделения труда и значительной разнородности социальных отношений, т. е. основана на разнообразии. Данный вид солидарности появляется в развитых обществах. Особенность органической солидарности заключается в том, что она базируется на независимости людей, разделении функций, функциональной взаимозависимости и взаимообмене. Таким образом, коллективное сознание вытесняется индивидуальными качествами человека. Но это не значит, что в обществе с органической солидарностью коллективное сознание полностью исчезает. Оно становится менее интенсивным, действует в более ограниченной области, но, тем не менее, присутствует в обществе. Отсутствие коллективного сознания может привести к разрушению общества, поэтому люди обязаны поддерживать наличие необходимого минимума коллективного сознания в обществе. Если в обществе с механической солидарностью социальные единства основываются на сходстве, то в обществе с органической солидарностью социальные единства опираются на разнообразие. В результате органической солидарности возникают прочные и устойчивые социальные образования, так как добровольное «согласие разнообразного» объединяет общественную систему лучше, чем «согласие однородного» [1]. Органическую солидарность можно считать более предпочтительной и прогрессивной формой социальной связи, так как она направлена на развитие индивидуальности и реализацию творческих качеств человека как субъекта общественных отношений.

Теория А. Бергсона в корне отличается от теорий других мыслителей. А. Бергсон не входит в ряд классиков социальной философии, тем не менее он выступил создателем значительной и особенной концепции социальной солидарности. Согласно А. Бергсону, «социальность человека имеет естественный характер, т. е. она изначально заложена в его биологической природе. Человек от природы стремится к социальной солидарности. Все обязанности, которые человек выполняет в обществе, направлены на укрепление социальной сплоченности. Бергсон утверждает, что именно социальные обязанности формируют в нас способы поведения и поддерживают дисциплину в обществе. А. Бергсон разделяет общество на два типа: «закрытое» и «открытое». Так как, согласно А. Бергсону, социальность человека имеет естественный характер, то «закрытое общество» тоже является «естественным». Оно характеризуется сплоченностью и замкнутостью, абсолютной властью вождя, а также наличием дисциплины. Философ отмечает первобытный инстинкт человека. Он говорит о том, что социальная сплоченность возникает в качестве необходимости для людей одного общества защищаться от другого общества. Также человек любит тех людей, с которыми вместе живет, а против всех других людей совершает заговор. «Закрытое общество» по А. Бергсону характеризуется сплоченностью людей и их готовностью к обороне или нападению. Таким образом, можно сделать вывод, что в «закрытом обществе» социальная солидарность основана на коллек-

тивизме. «Открытое общество», согласно А. Бергсону, – это полная противоположность «закрытому» типу общества. «Открытое общество» А. Бергсон рассматривает как высшую форму социальности» [4].

В данном типе общества нет абсолютной власти правителя, таким образом, отсутствует насилие. Наивысшей ценностью такого общества выступает свобода человека. Люди отдаляются от коллектива и выражают свои личные интересы и расчеты, которые им необходимы для своего развития. Как было отмечено выше существует противоположное явление солидарности – отчуждение. В разные периоды истории человечества сущность отчуждения трактовалась по-разному. В период Античности наблюдалось различие сущности и существования. В Новое время с позиций «общественного договора» отчуждение рассматривали: Жан-Жак Руссо, Т. Гоббс и другие. Немецкий философ Л. Фейербах исследовал проблему отчуждения с точки зрения религии [5]. Но достаточно существенная роль в исследовании отчуждения принадлежит К. Марксу, который впервые рассмотрел эту проблему применительно к конкретному человеку. По К. Марксу, «отчуждение обусловлено общественной деятельностью людей. Основная причина возникновения социального отчуждения – это появление частной собственности: сначала отчуждается труд, а потом – общественные отношения» [5]. По нашему мнению, социальное отчуждение – это одна из основных проблем современного общества. Все большему развитию отчуждения способствуют ускоряющиеся темпы общественной жизни, когда одно социальное событие сменяется другим, когда возникают многочисленные изменения в производстве и в культуре, и человек не всегда может быстро адаптироваться во всем этом. На основе этого возникает чувство неудовлетворенности от своей деятельности, чувство ненужности современному обществу, а самое главное – у человека зарождается страх. Вокруг все меняется и усвершенствуется, а человек не имеет возможности за всем этим угнаться. Не менее важной причиной возникновения социального отчуждения является развитие информационных технологий. Компьютеры и смартфоны затягивают человека в виртуальный мир, и тем самым отделяя его от реального общества.

Представители современного общества давно утратили связь с природой. Человек использует природные ресурсы, тем самым разрушая их. А вот на охрану и восполнение потерь природы решаются лишь единицы людей. Культура в современном обществе также не имеет возможности оказывать воздействие на духовное и нравственное развитие личности. Значительная часть общества не испытывает потребности в произведениях искусства и литературы, в музыке, а также в культурных ценностях.

Следовательно, можно утверждать, что с развитием общества, с совершенствованием условий и качества жизни, у людей возникают новые потребности и желания. В результате этого значение социальной солидарности может существенно снижаться, а появление непонимания и разногласий могут вести к прекращению совместной деятельности, к конфликтам и, как правило, к отчуждению.

Таким образом, с развитием современного общества изменяются и сами люди, и взаимоотношения между ними. Большинство людей держатся в стороне, полагая, что их участие не поможет и ничего не решит. Социальная солидарность – это одно из самых главных условий, как социальной статики, так и социальной динамики, кроме того, исторического развития в целом [4]. Кроме этого, социальная солидарность в обществе способствует его нормальному функционированию и развитию. Итак, главной задачей современного общества является преодоление социального отчуждения, а также поддержание и сохранение социальной солидарности.

Литература

1. Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии : учебник. М. : Новый учебник, 2014. 368 с.
2. История теоретической социологии. В 4 т. Т. 1 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М. : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2012. 496 с.
3. Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд., пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицкой. СПб. : Питер, 2012. 688 с.
5. Социология : учеб. для вузов / под общ. ред. В. Н. Лавриненко. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 349 с.
6. Фененко Ю. В. Социология : учебник. М. : ТК Велби ; Проспект, 2017. 232 с.

Социальное управление в рамках консолидации

УДК 304.24
ББК 71.23

Л. Н. Батьянова, *Иркутск*

Особенности развития государственной политики в области культуры

Рассмотрены основные подходы к пониманию государственной политики и основные вехи развития государственной политики в области культуры в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная политика, сфера культуры, социальное моделирование, культурное развитие, местное самоуправление.

L. N. Batyanova, *Irkutsk*

Features of the development of state policy in the field of culture

The article discusses the main approaches to understanding the state policy in the field of culture. It also analyzes the main milestones in the development of state policy in the field of culture in the Russian Federation.

Keywords: public policy, cultural sphere, social modeling, cultural development, local self-government

Культура как совокупность достижений общества в области просвещения, литературы, искусств, науки, народного творчества и других областях духовной жизни народа является одним из важнейших регуляторов развития общества, государства. Она обладает особой силой воздействия на человека, на народ, на устойчивость государства.

Развитие культуры – одна из важнейших функций государства, такая же составляющая часть деятельности государства, как и развитие экономики, всех форм социального развития, без чего государство не может состояться.

Культуру справедливо называют учителем жизни. Сила, моральный дух народа в немалой степени зависят от состояния его культуры. Как государство не может поступательно развиваться без культуры, так и культура не может успешно развиваться без государственного регулирования, без разумной культурной политики, без максимальной поддержки культуры государством. Культура и власть всегда зависят друг от друга.

В российской истории можно выделить несколько разных культурно-исторических типов или стилей культуры: Киевская Русь, монголо-татарская Русь, московское царство, петербургско-императорская (послепетровская) Россия, Россия советская, Русская эмиграция (русское зарубежье) и посттоталитарная история России.

Современное состояние культуры в России историческим образом связано с советским контекстом её возникновения. Анализ советского опыта с точки зрения эффективности и, напротив, провалов культурной политики – необходимый элемент современной культурной политики. После прихода к власти и решения политических и военных задач, большевики остро осознали ключевую роль культурной проблемы. Переход к политике НЭПа был одновременно объявлением эпохи «культурной революции», которая реализовывалась по трем основным направлениям: ликвидация безграмотности, развитие системы образования всех уровней, национально-культурная политика.

Точкой отсчета в истории государственной политики в области культуры можно считать период образования РСФСР – с 1917 г., затем следует развитие истории Российской Федерации как самостоятельного государства с 1991 г. В историческом масштабе это сравнительно небольшой срок – 98 лет. Но это было время величайших событий: Октябрьской революции, Гражданской войны и военной интервенции, восстановления народного хозяйства, первых пятилеток, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., послевоенного восстановления народного хозяйства, времени «холодной войны», противостояния двух мировых систем, социально-экономического развития страны в ходе новых пятилеток, наконец, время развала СССР и образования новой России – Российской Федерации.

Это время великих побед в войнах, крупнейших мировых достижений в экономике и науке, создания атомной промышленности, полета человека в космос, время взлета энергии, мужества, стойкости и отваги народа, время жертв и страданий.

Культурная жизнь страны протекала в условиях напряженности и динамики, противоречивости и насыщенности яркими, поучительными событиями, пережила разные этапы, периоды поисков, перестроек, успехов, подъема и застоя, взлетов и падения, развивалась в целом поступательно, успешно выполняла свои функции благотворного влияния на духовную жизнь народа и способствовала решению задач, стоящих перед государством [1]. На них возлагались главные задачи по разработке предложений для определения культурной политики в государстве, организации самого процесса осуществления культурной политики и контроля за реализацией планов развития культуры. За почти столетний период сменилось немало названий, структур государственных органов регулирования культуры. Поменялось более двух десятков первых лиц – руководителей этих органов: наркомов, председателей государственных комитетов, министров. Накоплен большой опыт государственного регулирования культуры. Государство не единственный регулятор культуры в обществе. В её регулировании, поддержке участвуют и другие силы: предприниматели, бизнес, меценаты, различные коммерческие структуры, благотворительные фонды и пр. В условиях Советского государства значительную поддержку культуре оказывали

профсоюзы, администрации предприятий. Помимо государства и бизнеса, осуществляющих культурную политику в обществе, в самой культуре действуют структуры её самообеспечения и саморегулирования (творцы, потребители, культурустроители, издатели, спонсоры, импресарио, менеджеры, продюсеры и т. д.). Они могут создавать свою культурную индустрию, например, шоу-бизнес.

Государственные органы занимают центральное, организующее, координирующее место в культурном строительстве.

Можно выделить четыре основных этапа истории государственного управления культурным строительством:

I этап – с 1917 по 1935 г.

Вопросы культурного строительства входили в функции Народного комиссариата просвещения;

II этап – с 1936 г. по апрель 1953 г.

Государственным регулированием культуры занимались Государственные комитеты по делам искусств и культурно-просветительных учреждений при Совнаркоммах СССР и РСФСР, а с 1946 г. при Советах Министров СССР и РСФСР;

III этап – с апреля 1953 г. по март 1992 г.

Вопросами развития культуры занимались Министерства культуры СССР и РСФСР;

IV этап – с марта 1992 по 2015 г.

Государственный орган управления культурой – Министерство культуры Российской Федерации [2].

Вся система и механизмы регулирования культуры (государство, бизнес, саморегулирование), так или иначе взаимосвязаны, взаимно пересекаются, дополняют друг друга. Они подвержены изменениям в зависимости от различных условий развития общества и государства. История государственного регулирования развития культуры неотделима от истории как самой страны, так и от многогранной истории развития всех культурных, идеологических и духовных процессов, включающих просвещение, литературу, искусство, философию, религию, народное творчество, поэтому рассматривается в непосредственной связи всех культурных процессов.

Исторически сложилось, что российское общество делегирует государству формирование ряда важнейших позиций культурной политики:

- сохранение и развитие единого культурного и информационного пространства России, повышение доступности культурных благ для населения страны;
- обеспечение благоприятных условий для развития художественной культуры и искусства;
- создание культурной среды, способствующей творческому развитию личности, повышению человеческого капитала общества;

- сохранение и развитие полиэтнического и поликонфессионального культурного наследия народов России как основы культурной идентификации и единства российского общества;
- совершенствование системы образования и науки в сфере культуры;
- совершенствование нормативно-правовой базы системы охраны и использования культурного наследия;
- укрепление позитивного образа России за рубежом и развитие связей с соотечественниками.

Сфера культуры объединяет деятельность по сохранению объектов культурного наследия, развитию библиотечного, музейного, архивного дел, поддержке и развитию исполнительских искусств (в том числе театрального, хореографического, циркового, музыкального), кинематографии, изобразительного искусства, сохранению нематериального культурного наследия народов Российской Федерации и развитию традиционной народной культуры, укреплению межрегиональных и международных связей в сфере культуры, усилению притягательности российской культуры для соотечественников, проживающих за рубежом, представителей других культур и конфессий.

Приоритеты государственной политики в сфере культуры установлены рядом стратегических документов и нормативных правовых актов Российской Федерации: смотреть приложение 1.

Изменения международной ситуации, социально-экономического и социокультурного развития России диктовали необходимость новой культурной политики государства, соответствующей задачам модернизации всех сфер жизни общества, становлению общероссийской идентичности и ответа на новые вызовы XXI в.

Государственная политика основывается на признании многонациональной отечественной культуры как духовно-ценностной платформы для формирования будущего страны, стратегической перспективы ее развития в XXI в.

Для достижения качественных результатов в реализации политики государства в сфере культуры выделяются следующие приоритеты:

- обеспечение максимальной доступности для граждан России культурных благ и образования в сфере культуры и искусства;
- создание условий для повышения качества и разнообразия услуг, предоставляемых в сфере культуры;
- развитие социально-культурной инфраструктуры регионов Российской Федерации, в том числе малых городов и сельских территорий;
- сохранение и популяризация культурного наследия народов России;
- эффективное использование культурного потенциала России в решении задач модернизации российского общества и утверждении авторитета страны в международном сообществе;

- совершенствование организационных, экономических и правовых механизмов развития сферы культуры.

Важную роль в формировании гражданского патриотизма, общероссийского гражданского самосознания и гражданской ответственности, взаимного уважения традиций и обычаев народов Российской Федерации играют общеправовая культура и культурно-исторические ценности, включающие памятники, территории и объекты, нравственные и эстетические идеалы, языки, национальные традиции и обычаи, фольклор, художественные промыслы и ремесла, связанные с определенной этнической культурой.

Работа по поддержанию и развитию культур народов, традиционно входящих в состав многонационального российского общества, проводится по следующим направлениям:

- сохранение и развитие этнокультурного разнообразия российской нации, укрепление единства и духовной общности народов Российской Федерации;
- формирование позитивного образа народов Российской Федерации в национальном и международном культурном пространстве;
- выявление и изучение этнокультурного ресурса для укрепления взаимосвязи российских регионов и активизации межкультурного диалога.

На общероссийском уровне важным проектом явилась создаваемая ведущими российскими библиотеками при поддержке Минкультуры России Национальная электронная библиотека (НЭБ). В 2013 г. в данном проекте участвовали около 40 библиотек, среди головных участников проекта – Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Государственная публичная научно-техническая библиотека России. Главной задачей НЭБ является интеграция всех библиотек России в единую информационную сеть.

Сохранению и развитию многонационального культурного наследия России способствовало и формирование Единого электронного каталога объектов нематериального культурного наследия народов России, создание которого явилось для Минкультуры России приоритетной задачей.

Потенциал сохранения базовых основ многонациональной культуры нашей страны заложен в развитии культуры российского села. Согласно данным «Доклада об устойчивом развитии сельских территорий Российской Федерации» (Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики, 2014 г.), одна треть сельских учреждений культуры в 2013 г. находилась в неудовлетворительном состоянии, а износ оборудования в среднем составлял 70 %.

В целях улучшения ситуации на селе в сфере культуры в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» Минкультуры России оказывается организационная, методическая и финансовая поддержка мероприятиям, направленным на модернизацию сельских

учреждений культуры, создание модельных сельских библиотек, обеспечение сельских поселений специализированным транспортом. Кроме того, разработаны и приняты меры по повышению престижа профессии работника культуры на селе, росту заработной платы, привлечению и закреплению молодых специалистов, модернизации инфраструктуры культуры и повышению качества услуг в сфере культуры в сельской местности.

В 2013 г. 1000 лучших учреждений культуры получили денежные поощрения по 100 тыс. руб., а 1000 лучших работников – по 50 тыс. руб. по итогам ежегодного конкурса, который был организован в соответствии с Указом Президента РФ от 28 июля 2012 г. «О мерах государственной поддержки муниципальных учреждений культуры, находящихся на территориях сельских поселений, и их работников» с целью определения лучших учреждений культуры сельских поселений и их работников. В результате сельским учреждениям культуры было перечислено 150 млн руб.

Принятие Минкультуры России мер по развитию культуры в регионах страны нашло отражение и в подготовленных Министерством проектах постановлений Правительства РФ о предоставлении иных межбюджетных трансфертов на государственную поддержку (грант):

- комплексного развития региональных и муниципальных учреждений культуры;
- больших, средних и малых городов – центров культуры и туризма;
- реализации лучших событийных региональных и межрегиональных проектов в рамках развития культурно-познавательного туризма.

В сети Интернет размещен уникальный межархивный проект – сайт «Документы советской эпохи», призванный решить задачи сохранения и актуализации имеющихся электронных информационных ресурсов федеральных архивов, осуществления их интеграции в современные программные платформы и форматы хранения данных, обеспечивающие свободный доступ к востребованным обществом историческим источникам. На сайте было размещено около 59 тыс. описаний дел и документов, 394 тыс. образов документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Открытие сайта в 2013 г. широко освещалось в российских и зарубежных средствах массовой информации.

В 2013 г. были проведены работы по формированию Единого электронного каталога объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В результате применения научных методов классификации объектов была создана усовершенствованная структура каталога, отвечающая требованиям современной науки. Разработаны форматы описания для каждой категории, вида и подвида объектов, а также новая, более удобная и понятная форма карточки объекта, в которой содержатся служебная информация и библиография. Проведенная подробнейшая паспортизация позволила разделить объекты, реально функционирующие в современной культуре и ушедшие из активного бытования, но зафиксированные на

различных носителях и хранящиеся в архивах. Для сбора необходимой информации и выявления новых объектов нематериального культурного наследия были проведены фольклорно-этнографические экспедиции в 10 регионов России. Осуществлена обработка и научная систематизация экспедиционных материалов, оцифровка архивных аудио-, видео- и фотоматериалов с предоставлением права на их использование в электронном Каталоге. В формировании Единого электронного каталога нематериального культурного наследия приняли участие крупнейшие вузы России и научные учреждения в системе Российской академии наук.

Дальнейшее развитие информационного сопровождения культурных событий повысит возможности учреждений культуры в расширении аудитории, поиске и развитии новых форм сотрудничества и укреплении деловых связей, привлечении дополнительных ресурсов для реализации профессиональных целей.

Совершенствование информационных технологий призвано сыграть важную роль в обеспечении максимального участия граждан в культурной жизни общества, вне зависимости от их уровня доходов, социального статуса и места проживания.

Необходимо отметить, что деятельность отрасли культуры направлена на создание единого культурного пространства посредством смещения акцентов от «инфраструктурного» подхода в культуре к «мировоззренческому», позволяющему изменить отношение общества к культуре, привлечь к участию в культурной жизни всех его членов. В этом аспекте работа Минкультуры России направлена на:

- содействие формированию единого российского культурного, информационного и образовательного пространства в интересах укрепления его общности и усиления международных позиций;
- воспитание соотечественников в духе любви к России, ее истории и культуре;
- распространение русского языка и культуры за рубежом.

Тематически близкой понятию «культурное пространство» явилась деятельность, направленная и на укрепление единства русского мира, определения и поддержки его культурной идентичности.

В целях укрепления российской государственности, поддержки российской культуры и русского языка, формирования положительного образа страны за рубежом, оказания содействия соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении их культурной и языковой самоидентификации Правительство РФ приняло постановление от 20 июня 2011 г. № 492 «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011–2015 гг.». В 2013 г. постановлением Правительства РФ от 5 ноября 2013 г. № 992 было утверждено положение о Совете по русскому языку. Основная задача, поставленная перед данным советом, – создание за рубежом русских государ-

ственных культурных центров под названием «Институт имени А. С. Пушкина» с широкой культурно – образовательной программой. В этом контексте культурно – просветительную работу в 81 стране мира провели свыше 600 российских организаций, многие из которых явились инициаторами создания русских школ, клубов, творческих и самодельных коллективов.

Русская культура играла и играет главную роль в сплочении русского мира. В этой связи большое значение имела работа по сохранению русских некрополей, расположенных по многим странам мира. В 2013 г. Россотрудничество совместно с другими ведомствами, в том числе Минкультуры России, подготовило предложения по реализации долгосрочной государственной программы содействия сохранению мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение, и исторических памятников, связанных с духовным и историко-культурным наследием российских конфессий.

Литература

1. Иванов Р. В., Бобков А. И. Трансформация технологий управления в информационном обществе : учеб. пособие. Иркутск, 2021. 136 с.
2. Полошкевич О. А. Введение в социальную антропологию управления : учеб. пособие. Иркутск, 2012. 124 с.

УДК 322.22
ББК ФЗ(4)

Ю. О. Булуктаев, *Республика Казахстан, Алматы*

Интеграционный аспект оптимального баланса соотношения светских и религиозных ценностей в Республике Казахстан*

На основе осмысления социально-политических реалий предпринята попытка анализа интеграционного аспекта оптимального баланса соотношения светских и религиозных ценностей в Республике Казахстан. Показано, как в силу объективных причин укрепляются и развиваются светские ценности. Приведены примеры реализации принципов свободы совести и вероисповедания. Утверждается, что социальная консолидация общества является необходимым условием успешного развития государства. Выделены основные принципы светского государства.

Ключевые слова: Республика Казахстан, светскость, религия, гражданская общность, гражданская интеграция.

Y. O. Buluktaev, *Almaty*

Integration aspect of the optimal balance of the ratio of secular and religious values in the Republic of Kazakhstan

Based on the understanding of socio-political realities, an attempt was made to analyze the integration aspect of the optimal balance of the ratio of secular and religious values in the Republic of Kazakhstan. It is shown how,

* *Статья подготовлена в рамках финансирования КН МОН РК (Грант № АР09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).*

due to objective reasons, secular values are strengthened and developed. Examples of the implementation of the principles of freedom of conscience and religion are given. It is argued that the social consolidation of society is a necessary condition for the successful development of the state. The main principles of a secular state are highlighted.

Keywords: The Republic of Kazakhstan, secularism, religion, Christianity, Islam, civic community, civic integration.

В современном Казахстане социальная консолидация общества воспринимается как необходимое условие успешного развития государства. Наиболее актуальными становятся факторы и тенденции качественного изменения гражданской общности как коллективного субъекта. Под гражданской общностью следует понимать общность граждан конкретного государства, действующую в качестве коллективного субъекта [3].

Велика при этом роль интеграции, являющейся фундаментальным свойством социальной системы. Она обеспечивает необходимый уровень внутригрупповой этнической и религиозной солидарности членов общества и необходимый уровень их лояльности по отношению друг к другу и по отношению к системе в целом.

Одним из важнейших факторов, оказывавших и продолжающих оказывать влияние на процесс гражданской интеграции и формирование гражданской общности, является религия. При этом религия может быть как фактором стабильности, так и катализатором напряженности политической ситуации. Крайней формой религиозности, разрушающей духовное согласие и политическую стабильность, является религиозный фанатизм и экстремизм. Ни одна религия не застрахована от фанатизма ее приверженцев, от использования ее в политических целях.

Специфика религиозной ситуации в Казахстане заключается в том, что на его территории исторически соприкасались крупные мировые конфессии, такие как христианство и ислам. Считается, что среди казахов, составляющих 70 процентов 19-миллионного населения страны, истинно верующие следуют ханафитскому мазхабу. Такие этнические группы, как узбеки, кыргызы, турки, азербайджанцы, тоже придерживаются ислама. Представители славянских этнических групп, сосредоточенные преимущественно в северных регионах, в основном православные.

1 сентября 2021 г. в своем послании народу Казахстана глава государства Касым-Жомарт Токаев заявил о необходимости укрепления обороноспособности страны в условиях ухудшения ситуации в Афганистане [4]. Действительно, на фоне достижений технического прогресса, науки, медицины, цифровых коммуникаций, афганские события показывают, что религиозность может быть подвержена динамической изменчивости, зачастую она граничит с архаичным религиозным мракобесием и размыванием ценностей оснований светскости.

Казахстан, конечно, не Афганистан, но и здесь в последние два десятилетия светские ценности были на периферии общественного развития, в то время как ценности религиозные приветствовались и насаждались. На это

обращает внимание читателей заголовков статьи на информационно-аналитическом портале qmonitor.kz от 30.06.2021: «На пять мечетей приходится шесть школ. Какое будущее мы строим нашим детям?» [5]. По целому ряду экспертных оценок, январские события 2022 г., едва не ввергнувшие страну в ситуацию социального и политического хаоса, показали, что в рядах бандитов и террористов были и представители экстремистских религиозных группировок (по некоторым экспертным оценкам, не только были, но и являлись основной движущей силой) [2].

В этих условиях одним из ресурсов консолидации общества выступает оптимальный баланс соотношения светских и религиозных ценностей.

Основополагающей характеристикой государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан является Конституционная норма о светском характере государства.

В настоящее время в науке доминирует представление о том, что светское государство – это государство с устройством, где религия отделена от государственной власти; светский характер государства предполагает, что государство и церковь отделены друг от друга и не вмешиваются в дела друг друга» [1].

Принцип светскости предполагает отделение государства от религиозных догм, но не означает удаление религии из общественной жизни. Также он способствует разграничению сфер влияния государства и религиозных организаций при сохранении роли государства, как основной формы организации общественно-политической власти. Формирование определённого типа светского государства обусловлено конкретными историческими, политическими, культурными и иными особенностями общественной динамики.

Светскость в современном понимании – это, чаще всего, режим, или способ сосуществования и взаимодействия государства и религии. Светскость в Казахстане представляет собой конституционную и правовую характеристику государства, означающую отделение власти от религии и утверждение разграничения сфер их деятельности. В соответствии с Конституцией страны сформирована светская модель государственно-конфессиональных отношений на принципах равенства всех граждан перед законом и уважительного отношения к личным убеждениям каждого, независимо от языка и отношения к религии.

К основным принципам светского государства относятся:

- Равноправие граждан, независимо от их отношения к религии или убеждениям. Это значит, что в светском государстве не должно быть ущемления прав и свобод одного индивида и привилегированного положения другого на базе их отношения к религии или убеждениям.
- Граждане вправе свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.
- Граждане равны перед законом, независимо от их отношения к религии. В официальных документах граждане вправе не указывать свое отношение к религии.

- Государство придерживается нейтралитета в отношении религии и предоставляет религиозным объединениям равные возможности и условия для их деятельности.
- Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Светскость является обязательным условием для свободы выбора человека – каждый гражданин вправе быть верующим, атеистом или агностиком. Каждый сам волен выбирать свою веру. При этом государство создает все необходимые условия для удовлетворения гражданами своих религиозных потребностей. Принцип светскости необходим для того, чтобы никто из казахстанцев не был ущемлен в своих правах независимо от религиозной принадлежности. Социальные отношения, включая сферу образования, здравоохранения, институты семьи и брака, регулируются исключительно светским законодательством, а не религиозными нормами.

Важным фактором обеспечения безопасности и поддержания стабильности в государстве выступает достижение и сохранение оптимального баланса соотношения светских и религиозных ценностей.

Что дает казахстанскому обществу сохранение и упрочение такого баланса? Мировой опыт показывает, что практическая реализация указанного баланса ценностей, во-первых, позволяет совершенствовать религиозную политику государства и снижать уровень угроз в религиозной сфере, во-вторых, обеспечивает устойчивую стабильность религиозной ситуации на разных уровнях (государства, общества, человека).

Ценности определяют индивидуальное и групповое поведение людей, лежат в основе обычаев, традиций и культур народов, выступают источниками юридических законов. Ценность – это то, что имеет для человека значимость и важность. При этом экспертным сообществом признается, что полного и окончательного перечня ценностей человечества не существует. На различных этапах исторического развития они неодинаковы. В Декларации тысячелетия ООН, принятой резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., в разделе «Ценности и принципы» заявляется о «решимости установить справедливый и прочный мир во всем мире» и отмечается, что «существенно важное значение для международных отношений в XXI в. будет иметь ряд фундаментальных ценностей». К ним относятся свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общая обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности, которая «должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе» [7].

Учитывая то обстоятельство, что светскость не имеет строгой и точной классификации, можно ценности, указанные в Декларации тысячелетия ООН, условно считать и светскими, имея в виду, что этим набором список светских ценностей не ограничивается.

Общепринято считать, что:

- Светские ценности – это ценности, к которым мы можем отнести свободу слова, вероисповедания, выбора и другие. Светские ценности зачастую тесно переплетаются с принципами секуляризма.

- Светские ценности перенимают у традиционных ценностей, такие права, как: свобода, достоинство человека, права человека и много других правовых возможностей.

- Либеральные ценности стремятся преобразить традиционные ценности, зачастую полностью меняя их изначальную идею и содержание.

- Светские ценности во главу принципов взаимодействия общества и индивида, государства и индивида ставят рационализм, свободу индивидуальности, право на свободу мысли.

- Светские ценности активны, быстро распространяются и имеют поддержку в широких массах, так как устраивают множество групп людей. Светские ценности отстаивают частное право, абсолютную свободу выбора человека, данные принципы не всегда принимаются верующими людьми.

Каков государственный подход к продвижению светских ценностей в казахстанском обществе? Как трактуют светскость представители органов государственной власти?

Председатель Комитета по делам религий Е. Нукежанов на Стратегической сессии МИОР в Акмолинской области заявил: «Возрастание сегодня роли религии, ставит нас перед необходимостью постоянного уточнения для себя понятия «светскости». В этом контексте, светскость нужно рассматривать как отделение государства от религии и четкое разграничение сфер их деятельности. Основным инструментом продвижения принципов светскости и разъяснения государственной политики в религиозной сфере среди широких слоев населения выступает информационно-разъяснительная работа в СМИ, на интернет-ресурсах и в социальных сетях» [8].

Министерством информации и общественного развития РК был принят Комплексный план реализации государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2021–2023 годы. Согласно данному стратегическому документу целями и задачами государственной политики в сфере религиозной деятельности являются:

- 1) укрепление светских принципов государственного устройства;
- 2) обеспечение реализации прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействие с религиозными объединениями;
- 3) обеспечение межконфессионального согласия и стабильности в казахстанском обществе;
- 4) обеспечение национальной безопасности в религиозной сфере.

Комитетом по делам религий МИОР РК разработан План по продвижению светских принципов развития государства в обществе на 2021 год, предусматривающий активную дифференцированную работу по дальнейшему укреплению и пропаганде принципов светскости среди населения, как

на местном, так и на центральном уровне. В первую очередь, эта работа проводится через информационно-разъяснительные группы по вопросам религий, функционирующие в каждом регионе области. В рамках деятельности этих групп эксперты в сфере религии встречаются и беседуют с целевыми категориями граждан, проводят лекции в прямом эфире в социальных сетях.

Также, в целях систематизации работы по продвижению принципов светскости в информационном пространстве, разработан медиаплан «Казахстан – светское государство» на 2021 г., в котором предусмотрены выпуск и продвижение с позиции МИО аудиовизуальных, текстовых и других материалов, раскрывающих важность поддержания светских принципов устройства страны. В СМИ размещаются информационные материалы, в которых разъясняются основные принципы светскости. Понятие светскости также разъясняется школьникам и студентам в рамках образовательных программ учебных заведений.

Проявлением политики продвижения светских принципов развития можно считать и тот факт, что на законодательном уровне планируется закрепить и права неверующих граждан. Об этом официально сообщил председатель Комитета по делам религий Министерства информации и общественного развития Ержан Нукежанов. В частности, он сказал: «...мы стремимся полностью обеспечить права, как верующих, так и неверующих. В связи с этим мы планируем в рамках точечных поправок, исходя из мирового опыта, ввести такое понятие, как права неверующих». То есть, поскольку в Казахстане права верующих защищены законом, возникла необходимость на законодательном уровне зафиксировать тот факт, что право на свободу совести, как оно записано в Конституции, в соответствии с Пактом касается всех – и верующих, и неверующих. Граждане могут быть как религиозными людьми, так и атеистами. В последнем случае речь идет о праве на свободу совести в виде убеждений, которые необязательно могут быть связаны с религией [6].

Несмотря на определенные достижения органов государственной власти по различным направлениям работы, имеются недостатки и проблемы. Главным образом они касаются развития кадрового потенциала и повышения заработной платы работникам коммунальных государственных учреждений. Остается вопрос нехватки подготовленных специалистов в сфере религии (теологов, религиоведов, исламоведов) в регионах. Например, что касается деятельности ДУМК в Акмолинской области, то, по состоянию на июнь 2021 г., насчитывалось 13 вакантных мест (13 – мулла) квалифицированных имамов в мечетях. Также в Акмолинской области были нарушены установленные сроки предоставления утвержденного медиа-плана мероприятий по продвижению светскости в регионе. В 2020 г. Собрание представителей религиозных объединений не проводилось по причине того, что в условиях карантинных мер в связи с COVID-19 руководители РО отказываются от онлайн мероприятий и выступают только за офлайн [Тезисы...]. Структурами государственной власти принимаются нормативно-правовые

акты, разрабатываются программы и планы по регуляции религиозной деятельности, однако реализация стратегии государства по продвижению светских ценностей пока не очень заметна.

Выводы. В последнее время в фокусе акцентированных интересов государственной политики актуализируются исследования, нацеленные на анализ баланса соотношения светских и религиозных ценностей в казахстанском обществе. Что дает казахстанскому обществу сохранение и упрочение такого баланса? Мировой опыт показывает, что практическая реализация указанного баланса ценностей, во-первых, позволяет совершенствовать религиозную политику государства и снижать уровень угроз в религиозной сфере, во-вторых, обеспечивает устойчивую стабильность религиозной ситуации на разных уровнях (государства, общества, человека), в-третьих, консолидирует общество.

Литература

1. Алейникова С. М., Бурьянов С. А. Светское государство в вопросах и ответах: кратко, доступно и актуально. М. : Фонд «Здравомыслие», 2015. 62 с.
2. Ашимбаев Д. Основной движущей силой теракта были экстремистские группировки. <https://www.zakon.kz/6005044-daniyar-ashimbaev-osnovnoi-dvizhushchei-siloi-terakta-byili-ekstremistskie-gruppirovki.html>. (дата обращения: 24.01.2022)
3. Дробижва Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.
4. Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 1 сентября 2021 года. <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048>
5. На пять мечетей приходится шесть школ. Какое будущее мы строим нашим детям? URL: <https://qmonitor.kz/society/1941.30.06.2021>
6. Почему в Казахстане озаботились правами неверующих? URL: <https://qmonitor.kz/society/2599.23.09.2021>
7. Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2000 г. Декларация тысячелетия. URL: www.un.org
8. Тезисы выступления председателя Комитета по делам религий Е. Нукежанова на Стратегической сессии МИОР в Акмолинской области. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/press/article/details/52622?directionId=141&lang=ru.14.06.2021>

УДК 314.53+316.62
ББК 60.56

Р. В. Иванов, *Иркутск*

Борьба с пандемией: анализ мирового опыта (на примере COVID-19)

Обобщается мировой опыт борьбы с пандемией COVID-19. Выявляются основные стратегии и государственные особенности этой борьбы, анализируются социальные условия и последствия принятых правительствами разных стран мер. Делается вывод о многовариантных стратегиях социального моделирования и общественного воспроизводства.

Ключевые слова: борьба с пандемией, COVID-2019, стратегии государств, мировой опыт, социальная динамика.

R. V. Ivanov, *Irkutsk*

Fighting the pandemic: an analysis of world experience (on the example of COVID-19)

The article provides a general overview of the world experience in the fight against the COVID-2019 pandemic. The main strategies and state features of this struggle are revealed, the social conditions and consequences of the measures taken by the governments of different countries are analyzed. The conclusion is made about multi-variant strategies of social modeling and social reproduction.

Keywords: fight against the pandemic, COVID-2019, state strategies, world experience, social dynamics.

С начала пандемии COVID-2019 правительства стран мира начали поиск эффективных мер противодействия – с учетом национальных особенностей – негативному влиянию коронавирусной инфекции на социальную сферу и экономику. Основные методы борьбы с эпидемиями, те, что были выработаны на протяжении тысячелетий не претерпели каких-либо существенных изменений. По-прежнему самыми эффективными остаются радикальные – закрытие границ и прекращение транспортного сообщения с соседними странами, для граждан – режим самоизоляции, усиленные санитарно-гигиенические мероприятия и тщательный медицинский контроль за их исполнением. Чтобы остановить распространение инфекции требуется соблюдение правил личной гигиены (использование масок и перчаток, мытье рук, антисептики); введение ограничительных мер (отмена массовых мероприятий, закрытие образовательных учреждений, магазинов (кроме продуктовых) и вакцинирование).

Пандемия повлияла на развитие общества с разных сторон: начиная с социально-психологической адаптации, заканчивая экономическими нововведениями, политическими метаморфозами и культурными инновациями. Эти аспекты раскрыты в ряде работ автора [2–5], В. А. Скуденкова [11–13], О. А. Полюшкевич [8,9], А. Н. Пружинин [10] и других, вопросы образования в период пандемии изучались в исследованиях И. А. Журавлевой [1] и С. В. Малых [6]. Говоря о борьбе с пандемией не выявлено единой системы, но в каждой стране есть своя специфика и данная работа является способом изучить эту специфику и проанализировать наиболее успешные стратегии.

В нашей стране в начале марта, когда в мире эпидемия уже набрала обороты, жители недостаточно ясно оценивали ситуацию. СМИ писали о ковид-диссидентах, шутили о вирусе, многие воспользовались серьезными скидками на турпутевки и отправились на отдых в Турцию, Таиланд и т. д.

Россияне совершали пешие прогулки, посещали концерты, выставки, ходили в кино и на работу. До середины марта в России число заболевших не достигало и сотни, но затем ситуация с коронавирусной инфекцией начала стремительно ухудшаться. Заболеваемость начала расти в геометрической прогрессии, появились первые смертельные случаи. 16 марта РФ ограничила авиасообщение со странами Евросоюза, а также Швейцарией и Норвегией, включая и рейсы обратного направления. Этот день можно считать знаковой датой, точкой отсчета целого комплекса ограничительных мер.

Премьер-министр РФ Михаил Мишустин поручил срочно подготовить план действий в связи с коронавирусом. С этого момента на домашний карантин обязывают перейти всех, кто прилетел из-за рубежа. Принято решение о строительстве в Москве лечебного корпуса нового инфекционного центра. Мэр Москвы Сергей Собянин запрещает проведение мероприятий с числом участников более 50 человек и объявляет о закрытии общеобразовательных и спортивных школ с 21 марта до 12 апреля.

15 марта 2020 г. Президент подписал распоряжение о создании рабочей группы Государственного совета РФ по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

17 марта президент России Владимир Путин просит россиян с пониманием отнестись к мерам по борьбе с распространением COVID-19, проявлять ответственность и заботу друг о друге. А чиновников призывает работать на опережение, в том числе наращивать количество средств индивидуальной защиты. В этот же день УЕФА переносит на год чемпионат Европы по футболу. Также откладываются Евровидение, Уимблдонский турнир, ЧМ по фигурному катанию и хоккею, гонки «Формула-1» и множество других спортивных, деловых и культурных мероприятий.

С 18 марта правительство РФ закрывает границы для въезда всех без исключения иностранных граждан и лиц без гражданства. 19 марта в Москве скончалась первая пациентка с положительным анализом на коронавирус. Женщина умерла от пневмонии на фоне очень тяжелой сопутствующей патологии. С 19 марта 2020 г. все прибывающие в Россию должны пройти тестирование, а региональные власти – обеспечить изоляцию. Во всех 85 субъектах РФ были отменены массовые мероприятия, а образовательные учреждения перешли на дистанционное обучение [7].

Мир вступил в фазу активной борьбы с пандемией по правилам, выработанными тысячелетиями. Правительства практически всех стран мира, одновременно с вводом ограничительных мер, ввели меры экономической и социальной поддержки. Борьба с пандемией для граждан и бизнеса со стороны правительств носят, по существу, принудительный характер и ведут к

резкому сжатию спроса, сворачиванию ряда отраслей, а значит, сильнейшему удару по экономике.

Поскольку первый удар вируса пришелся на Китай, посмотрим, какие ограничительные меры и меры поддержки были этой страной для борьбы с эпидемией.

Китай

Глава ВОЗ Т. Гебрейесус признал, что если бы не решимость Китая на проведение карантинных мероприятий в Ухане и других городах Китая, то «в мире было бы больше случаев заболевания и смертей от коронавируса». Жесткие карантинные меры, принятые в регионах, наиболее подверженных заражению, оказались наиболее эффективными средствами борьбы с эпидемией. В начале пандемии, когда еще было данных о том, насколько вирус смертоносен, власти города Ухань с 1 января 2020 г. закрыли оптовый рынок морепродуктов – очаг распространения вируса. Но когда общее число инфицированных коронавирусом достигло 830 человек, число скончавшихся – 26 человек, а количество вновь подтвержденных случаев заражения дошло до 200, уже были приняты меры санитарно-эпидемиологического реагирования. Прежде всего правительство ввело в 11-миллионном городе жесткий карантин. Был наложен запрет на выезд жителей за город, транспортное сообщение (кроме спецтранспорта) было прекращено, магазины, госучреждения и производства были закрыты или переведены на режим удаленной работы. Более того, власти Китая приостановили транспортное сообщение с 15 городами центральной провинции Хубэй. Всего под карантином оказались более 41 млн человек [7].

25 января 2020 г. была сформирована партийная рабочая группа по борьбе с эпидемией, которую возглавил премьер Госсовета КНР. 27 января Госсовет КНР официально продлил новогодние каникулы: число новых случаев инфицирования с 3 по 8 февраля сократилось на 42,8 % (с 890 до 509 человек в сутки).

Правительство Китая аккумулировало ресурсы всей страны, чтобы справиться с эпидемией в пораженных регионах. Региональным властям было выделено 630 млн долл. на борьбу с коронавирусом. Необходимые медицинские товары, начиная с хирургических масок и заканчивая системами жизнеобеспечения, как можно быстрее отправлялись в Ухань.

Благотворительным организациям, Красному Кресту в провинции Хубэй были переведены практически 600 млн долларов, на сумму более 5 млн долларов от китайского крупного бизнеса были пожертвованы предметы первой необходимости [84].

Особую роль в поддержании стабильной общественной ситуации сыграли интернет-компании Китая, которые обеспечивали функционирование онлайн сервисов. Начали работу медицинские онлайн консультации, что позволило снизить нагрузку на приемные отделения больниц, таким образом сократив заражение вирусом во время визитов в больницы.

Были созданы платформы, которые информировали общественность о положении дел, разоблачали ложные слухи, вели просветительскую работу. Для перевозки медиков и формирования колон в ложных условиях сокращения транспортного потока в Ухане применялись сервисы такси. Вновь разработанные приложения могли помочь проверить – были ли среди попутчиков пользователя гаджета во время недавних поездок лица, у которых был диагностирован ковид.

Уже к 1 февраля 2020 г. в провинцию Хубэй прибыли 6097 человек в составе 52 групп медицинских экспертов, направленных со всего Китая. Поток командированных нарастал и, как сообщил Комитет по делам здравоохранения Китая, всего в провинцию Хубэй было командировано около 42,6 тыс. медицинских работников, включая ученых и экспертов по респираторным заболеваниям и инфекционным болезням. К работе в Ухане была привлечена десятая часть всех специалистов Китая в области интенсивной терапии.

Решением властей в Ухане для лечения пациентов с ковидом было перепрофилировано 86 специализированных больниц, 16 выставочных залов и спортивных сооружений. Все они были переоборудованы в импровизированные госпитали, за две недели были построены две новые больницы, что позволило предоставить 60 тысяч больничных коек для пациентов, больных коронавирусом.

Чтобы медицинские ресурсы были распределены эффективно, в Ухане применили модель трехуровневого карантина. На первом уровне тяжелые пациенты направлялись в стационары двух новых специально построенных больниц Хошэньшань и Лэйшэньшань, а также в другие специализированные больницы. На карантин второго уровня помещались пациенты, у которых заболевание протекало с симптомами средней тяжести. Пациенты, которые считались потенциальными вирусоносителями, помещались на карантин третьего уровня. Лечение было предоставлено всем без исключения за счет государства.

К концу января все граждане, которые недавно посещали Ухань или контактировали с выходцами из провинции Хубэй, иностранцы, а также те, у кого были симптомы COVID-19, прошли тестирование на наличие коронавирусной инфекции. Наиболее масштабное тестирование осуществлялось в девяти крупнейших регионах Китая, включая Пекин, провинции Хубэй, Гуандун и Чжэцзян. Тестирование можно было пройти в передвижных лабораториях, которые располагались в микроавтобусах прямо на улице, а также во временных пунктах аэропортов и вокзалов. К пожилым людям на дом для взятия теста выезжали специалисты, остальным на телефон приходило смс с просьбой добровольно прийти в больницы.

Серьезные меры профилактики и противоэпидемического контроля были приняты с целью пресечения эпидемии. На закрытый режим были переведены микрорайоны крупных городов в ряде регионов на северо-востоке Китая.

В связи с обострением коронавируса в Харбине с 4 февраля был запрещен въезд не проживающих в регионе лиц. С 22 февраля местные власти вынуждены были ввести ограничения, которые запрещали школьникам, студентам и учителям покидать пределы квартиры. Университеты обеспечивали своих студентов необходимыми продуктами – из студенческой столовой еду доставляли до первого этажа. Улицы патрулировали полицейские бригады.

Как пишет научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС, ИДВ РАН Юрий Кулинец, в жилых комплексах были установлены ограждения и решетки, блокирующие все входы: «Выход осуществлялся через единственный подъезд, где круглосуточно дежурили охранники. Курьеры с продуктами и посылками до квартир не пропускались, пакеты оставляли на улице. Для обычных граждан выход за пределы жилого комплекса был разрешен по одному человеку один раз в два дня для покупки продуктов. На руки выдали талоны, где были указаны даты выхода из квартиры».

В некоторых городах власти приняли решение о создании сетей управления и патрулирования районов для быстрого выявления и изоляции пациентов с предполагаемыми случаями заражения коронавирусом, а также контактировавших с ними лиц. Когда в жилом доме выявляли заболевшего, всех соседей помещали в особые гостиницы. О количестве инфицированных пациентов в районах их проживания жители могли узнать из виртуальной карты распространения вируса, которая была в каждом регионе.

Покупатели в супермаркетах, на рынках, в магазинах были обязаны заполнять журналы, где указывали имя, адрес, телефон, номер паспорта. Затем система была автоматизирована за счет использования индивидуального QR-кода. В приложении Alipay, установленное практически у всех владельцев смартфонов в Китае, каждому жителю был присвоен цветной QR-код. Зеленый цвет – здоровым, не контактировавшим с зараженными людьми. Тем, кто имел контакт с больными, присваивался желтый цвет, им запрещалось передвигаться по региону. Красный цвет QR-кода был у граждан Китая, которые были заражены коронавирусом, а значит, они обязаны находиться под карантином. Сканирование QR-кода занимало менее 10 секунд.

Система сканирования QR-кода была внедрена во многих районах Китая с целью контроля распространения эпидемии [7]. Сканирование позволяло установить маршрут передвижения в случае выявления инфицирования коронавирусом, а также регистрировать информацию о жильцах, температуре тела, причинах посещения общественных мест.

К началу марта 2020 г. схожие меры были введены в ряде регионов Китая, включая города Ханчжоу (провинция Чжэцзян), Куньмин (провинция Юньнань), Хэфэй (провинция Аньхой). Министерство общественной безопасности заявляло, что «вся собранная информация строго контролируется профессиональной командой и используется только для профилактики и контроля эпидемии». И обещали, что после окончания этой работы все персональные данные населения, полученные по QR-кодам, будут уничтожены.

Тому, кто во время эпидемических мероприятий будет уличен в производстве и распространении контрафактных лекарственных и медицинских препаратов, причинении тяжкого вреда врачам, а также в коррупции, грозило суровое наказание. В Уголовном кодексе Китая за злонамеренное заражение коронавирусом других людей, сокрытие симптомов коронавируса, а также фактов поездки в Ухань и провинцию Хубэй было предусмотрено наказание от трех лет лишения свободы до смертной казни, как за преднамеренную угрозу общественной безопасности.

После инспекционной поездки в Ухань, которую 10 марта 2020 совершил председатель КНР Си Цзиньпин, в городе начал работать общественный транспорт. Жителям провинции Хубэй разрешили междугородние поездки, если риск распространения COVID-19 был минимальным. В Пекине восстановили работу логистические центры, начали работу предприятия на севере и северо-западе страны, которые больше других пострадавшие от эпидемии коронавирусной инфекции.

12 марта 2020 г. ВОЗ объявила мировую пандемию коронавируса COVID-19, а на следующий день официальный представитель Госкомитета по вопросам здравоохранения КНР Ми Фэн заявил, что в Китае пик эпидемии пройден. Из восьми новых случаев заражения в стране, пять случаев было зарегистрировано в провинции Хубэй, а три имело пациента с инфекцией были иностранцами.

Темпы тяжелых случаев инфицирования снизились, начиная с 3 февраля 2020 г., как в провинции Хубэй, так и по всему Китаю. По статистике, общее число заразившихся коронавирусом в стране составило 80 813 человек, из них выздоровели 64 227, а погибли 3176 заболевших.

Эксперты ВОЗ после посещения Пекина (провинции Гуандун, Сычуань, а также г. Ухань) подтвердили, что порядок цифр, который показывал Китай по количеству заболевших, тяжело заболевших и скончавшихся действительно близок к реальности. Полученные статистические данные подтвердили, что предпринятые Китаем меры являются эффективными. Эксперты также отметили высокий уровень социальной солидарности и мобилизации общества в Китае – беспрецедентный случай в истории всемирного здравоохранения.

Анализ усилий, предпринятых правительством Китая, позволяет выделить несколько факторов, которые стали определяющими в борьбе с эпидемией коронавируса.

Руководство КНР в первые месяцы эпидемии приняло решение пойти на строгие ограничения социальных контактов граждан в отношении 11-миллионного мегаполиса. Крайние карантинные меры позволили позволить выиграть время, в том числе и для мирового сообщества, чтобы не допустить неконтролируемого распространения новой вирусной инфекции.

Центральное правительство КНР мобилизовало ресурсы всей страны: «непрерывные поставки необходимых ресурсов для установления контроля

над эпидемией в провинции Хубэй и в г. Ухань получают статус одного из национальных приоритетов».

Совместные усилия, когда Правительство КНР обеспечивало доставку требуемых ресурсов, а администрация провинции Хубэй отвечала за их использование и внутреннее распределение, позволили быстро справиться с кризисной ситуацией в Ухане. Своевременная мобилизация и отправка профильного медицинского персонала в провинцию Хубэй также сыграло одну из решающих ролей.

Механизм «взаимной помощи», который был принят на государственном уровне, позволил в кратчайшие сроки наладить каналы помощи городам провинции Хубэй. Стратегическое управленческое решение – в случае возникновения кризисной ситуации в одной из провинций, центральное правительство КНР обязывает одну из соседних провинций, менее пострадавших от кризиса, оказывать помощь одному из городов в пострадавшем регионе. Принцип работы данного механизма положительно зарекомендовал себя, когда сразу же после начала эпидемии в Хубэе правительство КНР обязало 16 других провинций Китая помогать городам провинции. Этот механизм взаимопомощи в течение многих лет применяется в Китае для борьбы с бедностью, когда богатые провинции юго-восточного региона обязываются оказывать помощь городам в более бедных регионах северного и юго-западного Китая. После землетрясения в провинции Сычуань в 2008 г., принцип солидарности позволил за три года справиться с последствиями катастрофы.

Все мероприятия, реализованные в провинции Хубэй, включая трехуровневый карантин и создание необходимой медицинской инфраструктуры, позволили сократить в стране распространение эпидемии и избежать высоких показателей смертности.

Во время вспышки заболевания велась серьезная информационная кампания. Населению предоставлялась полная информация о всех аспектах новой вирусной инфекции, о ходе эпидемии. Информирование общественности способствовало улучшению уровня личной гигиены повысило сознательность граждан и позволило избежать распространения панических настроений в стране.

В СМИ велась разъяснительная работа – гражданам показывали и рассказывали о предпринятых государством усилий по нормализации ситуации. СМИ занимались формированием уважительного отношения к медикам, работающим в Ухане, рассказывали о том, что пациенты окружены заботой, что строятся новые больницы, отвечающие всем современным требованиям, что палаты оборудованы всем необходимым, а пациенты обеспечены полноценным питанием. Те, у кого диагноз не подтвержден, помещают на карантин в санатории и гостиницы.

Все использованные меры психологического характера снизили уровень стресса, настроили население на продуктивное взаимодействие с властями, и, с учетом серьезности ситуации, на лечение или карантинные меры.

Интернет-компании внесли серьезный вклад в борьбу с распространением эпидемии. Китайские IT-гиганты Alibaba, Tencent, Baidu, ZTE, iFLYTEK и JD.com предоставили для удаленного мониторинга, диагностирования и предоставления медицинских, информационных и сервисных услуг свои технологии обработки и использования массивов больших данных, искусственного интеллекта и связи стандарта 5G.

Китай прилагал серьезные усилия для поддержания экономики в стабильном состоянии. Даже при использовании жестких мер в период карантина, которые в значительной степени ограничивали потоки населения и функционирование частных и государственных компаний, Китай держал открытыми каналы поставки материалов, необходимых для борьбы с эпидемией в провинции Хубэй, а также для обеспечения приемлемого уровня жизни остального населения.

На государственном уровне был принят пакет документов, направленных на финансовую поддержку малого и среднего бизнеса, в том числе были снижены ставки налогов и аренды, предоставлены отсрочки выплат по кредитам, снижены процентные ставки по кредитам и отменено начисление пени по просроченным кредитам, компаниям, оказавшимся на грани банкротства, выделялась адресная помощь.

Центробанк объявил о выделении банкам кредитов по льготной ставке на 300 млрд юаней (около 43 млрд долларов). Это сделано в рамках программы перекредитования по финансированию борьбы с эпидемией коронавируса. Сезонным рабочим были организованы специальные рейсы поездов и автобусов, чтобы они могли вернуться на производство после новогоднего отпуска.

Принятые правительством Китая меры позволили поддерживать в работающем состоянии промышленность, сферу услуг. Начиная с середины марта 2020 г. практически все крупные компании КНР восстановили рабочий график.

Северная Корея

Географически КНДР находится практически в эпицентре эпидемии, но страна сумела избежать инфицирования своего населения, введя еще более жесткие меры борьбы с эпидемией коронавируса, чем в Китае. Руководство Северной Кореи оперативно приняло беспрецедентно жесткие меры, запретив все перевозки, все виды транспортного сообщения с другими государствами и объявило предотвращение распространения COVID-19 вопросом «национального выживания». Уже в январе 2020 г. были закрыты сухопутные, морские и воздушные границы. Были закрыты все образовательные учреждения, запрещены общественные мероприятия [7].

Пхеньян ввел карантин и закрыл границы с 21 января 2020 г. для всех иностранцев в стране, а также корейцев, которые могли быть с ними в контакте. Кроме того, был продлен строгий «период медицинского наблюдения за дипломатическим персоналом». От иностранцев требовали не покидать помещений, предлагали пользоваться определенным продовольственным

магазином и медицинским учреждением в столице, куда их сопровождали специальные северокорейские представители с целью исключить промежуточные остановки их транспорта.

Посол РФ в КНДР А. Мацегора рассказал о том, какие карантинные меры были приняты для посольства в первые месяцы эпидемии: «Пешие прогулки в городе нам запрещены. Что касается автомобильных выездов, то кроме передачи нот в МИД мы имеем возможность только вывозить на полигон на своем грузовике мусор, который, к слову, за воротами посольства корейские специалисты немедленно дезинфицируют, а также по кратчайшему маршруту без каких-либо отклонений от него и остановок посещать продовольственный магазин, находящийся в дипломатическом компаунде. Там же расположен госпиталь, куда в экстренных случаях нам позволено выехать в сопровождении корейской машины скорой помощи. При этом каждой поездке сопутствует двукратное измерение температуры у водителя и пассажиров. Все прочие передвижения – вне закона» [7].

Согласно предписанию МИД КНДР всем представителям дипломатического корпуса предписывалось по рабочим вопросам контактировать с северокорейскими коллегами через специальный почтовый ящик, установленного перед входом в МИД, а «важные встречи проводить по телефону». Запрещался также въезд в страну «любому новому персоналу» дипломатических миссий.

Для граждан КНДР, кто мог общаться с жителями других государств или только вернулся из заграницы, в том числе из Китая, жесткий карантин продолжался 30–40 дней.

Набор защитных государственных мер КНДР от эпидемии коронавируса: все грузы, поступающие «через границу и порты», а также судна и другие транспортные средства, их доставляющие, помещались на 10-дневный карантин, после чего проходили обязательную дезинфекцию. Кораблям запрещено выбрасывать воду или загрязняющие вещества. Было опубликовано «Руководство по дезинфекции и обработке предметов, поступающих из других стран», в котором подробно описаны типы и количество дезинфицирующих средств, средства защиты и спецкостюмы для персонала.

Для борьбы с угрозой коронавируса были мобилизованы северокорейские СМИ, они ежедневно вели разъяснительную работу, рассказывали о правилах личной гигиены, сообщали о том, какие меры по борьбе с коронавирусом предпринимают власти.

Руководство КНДР обращалось за помощью к международным организациям. Когда Пхеньян запросил международную помощь, откликнулись Красный Крест, ЮНИСЕФ, ВОЗ, а также «Врачи без границ». Эти организации добились также частичного освобождения КНДР от санкций для поставок гуманитарных и медицинских грузов, оборудования и т. д.

В итоге уже в начале июня 2020 г. в КНДР открылись ясли, детские сады, а также образовательные учреждения (от начальной школы до университетов). В штатном режиме возобновили работу магазины и универмаги, а также предприятия общественного питания, включая рестораны.

Европа

Страны ЕС были вынуждены объявлять локдаун, что предусматривает закрытие баров, отелей, кинотеатров, спортзалов и центров досуга. Рестораны не принимают посетителей, но могут продавать еду на вынос. Учебные заведения уходят на удаленный режим.

Европейский пакет мер поддержки населения и бизнеса направлен на преодоление пандемии и включает в себя три основных объекта – здравоохранение, население, бизнес. В начале 2020 г. Совет Евросоюза согласовал выделение 37 млрд евро на защиту экономик блока в условиях пандемии. Из них 8 млрд евро были распределены между предприятиями и компаниями, которые понесли большие убытки.

19 марта 2020 г. Совет управляющих Европейского центрального банка принял решение о запуске программы выкупа ценных бумаг на 750 млрд евро для поддержки финансовой стабильности в условиях распространения коронавируса [7].

Единственной страной в Европе, отказавшейся от локдауна, стала Швеция. Результат этого решения – взрывной рост количества смертей от COVID-19 по сравнению с соседними странами – особенно много смертей было весной 2020 г.

23 марта 2020 г. впервые в истории Совет ЕС по экономике и финансам утвердил предложение Еврокомиссии приостановить действие Пакта стабильности и роста для поддержки экономики во время пандемии. Это решение отменяет для стран сообщества лимит бюджетного дефицита, позволяя правительствам без ограничений брать кредиты для предоставления помощи бизнесу.

В Великобритании 24 марта 2020 г. был введен строгий карантин. Премьер Британии объявил в понедельник вечером в прямом эфире вещательной корпорации Би-би-си о введении в стране карантина: «Сегодня вечером я даю британскому народу очень простое указание – вы должны оставаться дома [7].

Закрылись магазины, за исключением тех, что продают продукты питания и товары первой необходимости. Были запрещены любые общественные собрания в количестве больше двух человек, если это не члены одной семьи.

За нарушение ограничительных мер предусмотрены штрафы в размере от 200 фунтов стерлингов до 6,4 тыс. (от 20 тыс. до 630 тыс. руб.) для физических лиц и от 1 тыс. до 10 тыс. фунтов стерлингов (от 100 тыс. до 1 млн руб.) – для юридических.

На помощь экономике правительство выделило 330 млрд фунтов стерлингов. В частности, компаниям предоставлены кредитные гарантии на 330 млрд (около 400 млрд долл.). С 1,2 млн фунтов стерлингов до 5 млн был

увеличен размер кредита, и давалась отсрочка по процентам до шести месяцев. На время эпидемии были освобождены от налога на коммерческую деятельность малые предприятия гостиничного и туристического бизнеса и розничной торговли. Британцам, потерявшим доходы, была предоставлена отсрочка по ипотеке.

Успехи Германии в борьбе с пандемией во многом объясняются наличием специального штаба и антикризисного плана. В нем нашли применение законы о чрезвычайном положении, принятые еще в 1968 г., а также Закон о защите от инфекционных болезней 2001 г., регулирующий компетенции федерального правительства и региональных властей по эпидемиологическому надзору. В исследовании группы немецких ученых, опубликованном 15.05.2020 в научном журнале Science, с помощью математических моделей доказывается, что распространение коронавирусной инфекции в Германии удалось остановить благодаря быстрым и решительным действиям властей по ограничению общественной жизни, отмене массовых мероприятий и запрету на контакты между людьми. Причем именно последний, самый радикальный шаг позволил остановить распространение инфекции. Карантин в стране объявлен в конце марта 2020 г.: введен запрет на собрания более двух человек, закрыты школы и прочие общественные места [7].

Следует отметить, что решения по мерам защиты населения от угроз здоровью в условиях ЧС принимались местными властями, в зависимости от сложившейся ситуации. А власти федеральных земель на ситуацию с коронавирусом реагировали по-разному.

С учетом традиционных принципов федерализма каждый регион в борьбе с пандемией мог установить свои дополнительные правила, например, определить сумму штрафов или усилить ограничения зависимости от эпидемиологической обстановки. Так, режим чрезвычайного положения был введен только в Баварии. Было предусмотрено наказание за нарушения ограничений. Максимальные штрафы в размере до 25 тысяч евро или наказание вплоть до тюремных сроков предусмотрены в случае заражения других граждан вследствие нарушения требований. В 15 землях из 16-ти введено требование обязательного использования масок в общественных местах, за нарушение которого предусмотрены штрафы от 25 до 150 евро в зависимости от региона.

Федеральное правительство Германии предприняло ряд мер, направленных на непосредственную поддержку граждан в условиях пандемии COVID-19, ключевым элементом которых стало сохранение занятости и уровня доходов. Бизнес мог получать неограниченные кредиты по специальной программе государственной банковской группы Kreditanstalt für Wiederaufbau, которую запустило Минэкономики ФРГ. Арендодателям запрещалось расторгать договоры со съемщиками, которые из-за коронавируса испытывают финансовые трудности и не имеют возможности заплатить арендную плату.

На поддержку больниц выделено более 3 млрд евро. Самозанятым гражданам и небольшим компаниям (до 5 сотрудников) правительство Германии предоставило единовременные невозвратные гранты в размере до 9000 евро (745 тыс. руб.).

Общий объем господдержки – более 750 млрд евро. В частности, создан фонд помощи крупным предприятиям на 600 млрд (при этом государство оставило за собой право в случае необходимости выкупать долю в стратегически важных компаниях). Прямые субсидии, размером до 15 тыс. евро, получили частные предприниматели и маленькие фирмы. На эти цели государство выделило 50 млрд евро. Компании со штатом до 10 сотрудников – гранты до 15 тыс. евро (1 241 000 руб.), но они должны были подтвердить, что не испытывали финансовых трудностей до начала эпидемии коронавируса, а именно до 31 декабря 2019 г.

В Бразилии правительство приняло комплекс мер по поддержанию экономики, выделив на борьбу с пандемией почти 150 млрд реалов (\$30 млрд). Из них около 84 млрд реалов (16,7 млрд долл.) – на выплаты социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения (в частности, в мае вместо декабря пенсионерам будет начислена 13-я зарплата). На поддержку малых и средних предприятий 60 млрд (12 млрд долл.) с отсрочкой уплаты. 4,5 млрд реалов (почти 1 млрд долл.) будут направлены на непосредственную борьбу с коронавирусом.

Норвегия. Минздрав выпустил распоряжение, обязательное к исполнению – отменить все мероприятия численностью более 500 человек. Были введены ограничения авиасообщения со странами, в которых свирепствовал коронавирус. Собственные ограничения вводили местные власти. Например, в портовом Бергене запретили сходить на берег пассажирам круизных лайнеров, в Осло обязали согласовывать все мероприятия на 100 человек и более, в Тронхейме отменили все спортивные мероприятия для детей младше 13 лет. Премьер-министр Эрна Сульберг объявила в ходе пресс-конференции на национальном телевидении, что вводит самые строгие ограничения со времен немецкой оккупации во Вторую мировую войну. Были закрыты детские сады, школы и университеты, парикмахерские, бассейны, массажные и тату-салоны. Были отменены культурные и спортивные мероприятия – даже состязания на свежем воздухе. Рестораны могли работать, только если гости рассажены в метре друг от друга (за исключением проживающих вместе). Медикам запретили выезжать за рубеж. Двухнедельный карантин должны были пройти те, кто вернулся из-за рубежа, за исключением тех, кто прибыл из скандинавских стран.

В конце мая 2020 г. правительство приняло новый антикризисный пакет стоимостью 27 млрд крон (2,8 млрд долл.) на программы по созданию новых рабочих мест, на транши региональным бюджетам, помощь зеленой энергетике и на поддержку мигрантов.

Норвегия помогает компаниям из всех отраслей экономики. Исключением составили авиаперевозчики и электроэнергетики. Речь не только о гарантиях по кредитам и снижении социальных взносов. Если в марте у компании упала выручка на 20 % или в апреле – мае – на 30 % (падение рассчитывается по специальной методике с учетом аналогичных периодов прошлых лет), государство компенсирует 80–90 % постоянных издержек – аренда, оплата услуг ЖКХ, страхование, выплата процентов по кредитам и т. д. Но не более 80 млн крон (7,75 млн долл.).

В Италии в феврале 2020 г. карантин сначала ввели в 11 городах северных областей Венето, Ломбардия, Трентино – Альто-Адидже, Пьемонт и Эмилия-Романья [7]. В городах были отменены занятия в школах и вузах, церковные богослужения, закрыты музеи, отменены все спортивные мероприятия (в том числе матч чемпионата Италии по футболу). Жителям было запрещено выходить на улицу или не покидать эти города. За нарушения, в соответствии со ст. 650 Уголовного кодекса предусмотрено лишение свободы на срок до трех месяцев или штраф до 206 евро. В первых числах марта 2020 г. был введен общенациональный карантин. Были закрыты все школы и учебные заведения, развлекательные учреждения, ограничена работа коммерческих центров и заведений общепита, отменены спортивные состязания. Население могло перемещаться только по уважительной причине – визит к врачу, рабочая или семейная необходимость.

Совет министров Италии 11 марта 2020 г. принял решение выделить 25 млрд евро на поддержку семей и компаний в условиях чрезвычайной ситуации. На финансирование системы здравоохранения государство направило 3,5 млрд евро. Выплаты по займам и ипотечным кредитам бизнеса и населения были покрыты госгарантиями для банков. Для итальянцев, которые не работали из-за карантина, были предусмотрены специальные выплаты. Работающим родителям с детьми младше 12 лет выделялись средства в размере 600 евро для компенсации услуг няни. Родители, работающие в частном секторе, могли оформить оплачиваемый отпуск и получить до 50 % надбавки, если ребенку меньше 12 лет. Все работники с общим доходом не более 40 тысяч евро в год, которые продолжили работать в марте в условиях карантина и чрезвычайной ситуации, могли получить бонус до 100 евро.

В Испании в марте 2020 г. на всей территории был введен режим чрезвычайного положения, который вступил в действие 14 марта 2020 г. Жителей королевства должны были находиться в своих жилищах и не покидать их без уважительных причин. Были закрыты практически все учебные заведения (детские сады, школы, институты, университеты и т. п.); практически во всех учебных заведениях отменены занятия или переведены на дистанционное обучение; места массового скопления людей и места проведения массовых мероприятий (торговые центры, стадионы, кинотеатры, театры, музеи, библиотеки и т. п.); места общепита (рестораны, бары, кафе) за исключением тех, которые находятся при гостиницах, предприятиях, лечебных заведений и т. д.); гостиницы. За неисполнение «карантинного закона»

предусмотрены штрафы и даже реальные тюремные сроки. Санкции за нарушение режима чрезвычайного положения – от 100 евро до уголовной ответственности.

Правительство Испании 17 марта 2020 г. приняло решение выделить 200 млрд евро на борьбу с пандемией и ее последствиями [59]. Эта сумма составила около 20 % ВВП страны. Из них 117 млрд – государственные средства, остальные – привлеченные частные ресурсы.

В Польше в марте 2020 г. был введен «режим эпидемиологической угрозы». Были закрыты отели, введены ограничения на работу магазинов, запрещено свободное перемещение, полный запрет на собрания, ограничения в общественном транспорте, при проведении религиозных обрядов. Школьники и студенты переведены на дистанционное обучение. Работодателям было рекомендовано перевести сотрудников на удаленную работу. Максимальный штраф за несоблюдение условий карантина – 30 тыс. злотых [7].

В целях поддержки населения и бизнеса правительство приняло антикризисный пакет, который составил около 212 млрд злотых (46,2 млрд евро). Предпринимателям предлагались кредитные гарантии, микрокредиты, операционный лизинг для транспортного сектора. Компаниям, которые сохраняли штат сотрудников на покрытие фонда заработной платы выделялось до 40 % от суммы. На поддержку системы здравоохранения направлено 7,5 млрд злотых (1,6 млрд евро).

Франция в марте 2020 г. также объявила о карантине, и согласно правительственному декрету о чрезвычайном санитарном положении, были закрыты все объекты, не имеющие жизненно важного значения для жизнедеятельности страны. Были закрыты рестораны, бары, ночные клубы и кинотеатры, торговые центры, танцевальные залы и игровые комнаты, библиотеки и центры документации, выставочные залы, горнолыжные курорты, спортивные учреждения и музеи, а также все магазины ширпотреба, сократилась работа общественного транспорта.

Жителям было запрещено выходить из дома, кроме крайней необходимости и введены санкции за нарушение режима изоляции: выход на улицу без уважительной причины (указанной в формуляре) – штраф в 135 евро, за повторное нарушение в течение двух недель – минимум 200 (до 1500 евро), за четырехкратное за месяц – 3750 евро штрафа и 6 месяцев тюрьмы. С 16 марта по 1 апреля 2020 г. французские полицейские провели 5,8 млн проверок и выписали 359 тыс. штрафов за нарушение карантина.

В связи с карантином правительство Франции объявило о выделении 45 млрд евро на помощь несущим крупные убытки предприятиям, а также на выплаты пособий работникам, переведенным на режим частично безработных [7]. Также было выделено 300 млрд евро для государственной гарантии под банковские кредиты предприятий. Мелкие предприятия торговли и промышленности получили помощь в размере 1500 евро. Главному управлению гражданской авиации было выделено 500 млн евро на меры по улучшению положений авиакомпаний, терпящих убытки от запретов на полеты в другие страны.

В США большинство американских штатов приняли меры по ограничению социальной и экономической активности, направленные на сдерживание пандемии. Почти во всех штатах были закрыты школы и приостановлена работа баров и ресторанов (за исключением услуг по доставке), в части штатов запрещены массовые собрания. Жесткие меры были приняты в Вашингтоне, Висконсине, Западной Вирджинии, Иллинойсе, Индиане, Калифорнии, Мичигане и Огайо. Там закрывались школы, бары и рестораны, а также компании, чья деятельность не имеет острой необходимости для страны. Запрет на массовое скопление людей действовал в восьми штатах и был введен обязательный домашний карантин.

В марте 2020 г. Сенат США и Белый дом одобрили меры по стимулированию национальной экономики. Общая сумма выделенных средств составила 2 трлн долл., что значительно больше, чем во время экономического кризиса 2008 г. Денежные средства были направлены как на прямые выплаты и пособия американцам, так и на поддержку отдельных предприятий и штатов, пострадавших от эпидемии коронавируса COVID-19. Полная версия закона заняла 880 страниц [7].

Антикризисный пакет мер включал оказание финансовой поддержки крупным и малым предприятиям, которые потеряли всех или большую часть своих клиентов; финансирование вынужденных прекратить работу компаний с целью предотвратить увольнение сотрудников; прямые выплаты 1200 долл. на человека, 2400 – на семейную пару, если годовой доход был 75 тыс. (или 150 тыс. на обоих супругов), при этом семьи с детьми получили также выплаты на каждого ребенка; временное увеличение пособий лишившимся работы; выплату пособий тем, кому урезали зарплату; выделение средств на займы для малого бизнеса и для нужд больниц.

Финансовую поддержку не могли получить компании, принадлежащие членам семьи президента или высокопоставленным чиновникам. Компании, получившие государственные денежные средства, на все время пользования ими, и еще один год дополнительно, должны отказаться от любых форм выкупа своих акций.

Был создан фонд в 500 млрд долл. на поддержку малого бизнеса, муниципалитетов и штатов. Small Business Administration уже принимает заявки на займы под 3,75 % на 30 лет. 25 млрд долл. было выделено авиакомпаниям и 4 млрд – для выплат зарплат сотрудникам, 117 млрд долл. – госпиталям на борьбу с эпидемией, 16 млрд – на стратегический запас фармацевтических и медицинских товаров, 350 млрд долл. – малому бизнесу на выплаты зарплат своим сотрудникам. Из расчета 250 % месячной зарплаты всех сотрудников. Налог на заработную плату отодвинут на конец 2021 г.

В Японии до массового тестирования всех больных коронавирусом и тех, кто с ними контактировал, помещали в обсервацию. В разгар эпидемии государственная помощь жителям составила 100 000 иен (926 долл., или 69 тыс. руб. на человека).

В Австралии помощь в размере 750 австрал. долл. (35,5 тыс. руб.) выделяли жителям с низким доходом, всего было потрачено 6,6 млн долл. Это пенсионеры, инвалиды, опекуны, вдовы, получатели пособий по утере кормильца и молодёжных пособий.

В Канаде с апреля 2020 г. граждане с низким доходом получили единовременные выплаты: 400 долл. (22 тыс. руб.) для одиноких лиц и 600 (33 тыс. руб.) для семьи. Потерявшим из-за COVID-19 работу в течение четырех месяцев государство платило 500 долл. (28 тыс. руб.) в неделю.

Саудовская Аравия выделила 120 млрд риалов (32 млрд долл.) для поддержки экономики и нефтяной отрасли в условиях кризиса. Помощь от королевства получили банковский и финансовый сектор, малый и средний бизнес.

Объединенные Арабские Эмираты выделили 100 млрд дирхам (27 млрд долл.) на поддержку экономики. Банкам предоставлены кредиты под нулевую процентную ставку, до шести месяцев было разрешено заемщикам задерживать выплату основной суммы и процентов по ним на срок. Банкам позволено высвободить свои страховые запасы капитала для увеличения кредитного потенциала и поддержания экономики. Позже пакет помощи был увеличен до 126 млрд дирхам (34 млрд долл.).

Правительство Египта выделило 100 млрд египетских фунтов (6,4 млрд долл.) на меры борьбы с пандемией. Деньги были направлены в сектор туризма для обеспечения непрерывной работы отелей. Экономические меры также предполагают снижение цен на природный газ и электроэнергию для отраслей промышленности. Отсрочку по кредитам на шесть месяцев получили малые и средние предприятия, приостановлены на два года сборы налогов на сельскохозяйственные земли. Отложена уплата налога на недвижимость с предприятий и туристических объектов. Поддержку на сумму 20 млрд египетских фунтов (1,28 млрд долл.) получила фондовая биржа.

В ЮАР господдержка была оказана предприятиям. Уволенным работникам в период карантина были выделены средства в размере заработной платы, заболевшие на рабочем месте получали выплаты из Компенсационного фонда. Правительство одобрило 20%-ную скидку на выплату подоходного налога в течение четырех месяцев для 75 тыс. малых и средних предприятий с оборотом менее 50 млн ранд (2,9 млн долл.), а также скидку на корпоративный налог в течение полугода. Особые выплаты были для туристической отрасли, гостиниц.

Литература

1. Журавлева И. А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 368–372.
2. Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 311–313.
3. Иванов Р. В. Защита прав человека в период пандемии // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 149–158.

4. Иванов Р. В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
5. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
6. Малых С. В. Адаптация преподавателей университета к дистанционному обучению во время пандемии // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. 2020. С. 349–352.
7. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М. : Ин-т обществ. политики, 2020. 744 с.
8. Полошкевич О. А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с междунар. участием : сб. материалов. М. : МГУ, 2020. С. 119–120.
9. Полошкевич О. А. Трансформация публичного пространства в городской среде после пандемии // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 177–180.
10. Пружинин А. Н. Человеческий капитал до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием : сб. материалов. М., 2020. С. 120–122.
11. Скуденков В. А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 180–182.
12. Скуденков В. А. Социопсихология здоровья в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 64–69.
13. Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 316–318.

УДК 316.64
ББК 60.524

С. А. Кривобок, *Иркутск*

Социальные сети как инструмент воздействия на общественное сознание в аспекте консолидации общества

Представлен теоретический анализ общественного сознания и социальных сетей как инструмента воздействия на него, а также основные причины дифференциации общества на определенные социальные группы с точки зрения общественного сознания. Отражена взаимосвязь общественного сознания и его влияния на консолидацию общества, а в заключении представлены основные тренды развития общественного сознания в корреляции с развитием виртуальных социальных сетей.

Ключевые слова: общественное сознание, социальные сети, консолидация, информация.

S. A. Krivobok, *Irkutsk*

Social networks as a tool for influencing public consciousness in the aspect of consolidation of society

This article presents a theoretical analysis of public consciousness and social networks as a tool for influencing it. The main reasons for the differentiation of society into certain social groups from the point of view of public consciousness are presented. The interrelation of public consciousness and its influence on the consolidation of society is reflected, and in conclusion, the main trends in the development of public consciousness in correlation with the development of virtual social networks are presented.

Keywords: public consciousness, social networks, consolidation, information.

Современное общественное развитие характеризуется как эпоха постмодернизма, переосмысления традиционной ценностной матрицы общества. Основным ключевым аспектом постмодернизма является формирование и развитие цифрового виртуального пространства, которое формирует современные социальные, культурные, политические и экономические тренды.

Общественное сознание является сложной социально-философской категорией, которую исследовало множество ученых. В научно-исследовательской литературе можно встретить различные трактовки и формулировки данного понятия, начиная с Гегеля [2], «абсолютных дух» которого во многом является осмыслением именно общественного сознания, заканчивая, например, К. Манхеймом [6] или Ж. Т. Тощенко [7]. Однако в рамках настоящей работы используется определение С. А. Кравченко, который раскрывает общественное сознание, как «реальное, практически функционирующее сознание, в котором в самых различных комбинациях, в самых причудливых сочетаниях органических переплетаются теоретическое (научное) и обыденное сознание» [4, с. 391]. То есть общественное сознание в той или иной степени отражает реальное текущее состояние общества, его научных достижений и представлений обычных людей об окружающей их действительности. Стоит отметить, что общественное сознание не является простой суммой всех обыденных сознаний каждого члена общества, а имеет синергетический и системный характер. С одной стороны, это выражается в том, что идеи и мысли, которые транслируются на большую массу людей в значительной степени быстрее укрепляются в общественном сознании, чем мысль, транслируемая через отдельно взятых людей посредством «сарафанного радио», с другой стороны, мысли и идеи, которые транслируются массово гораздо прочнее укореняются в сознание отдельного человека, к тому же может появиться страх инакомыслия и, как следствие, социальные отчуждение по причине другой мысли или идеи, отличающихся от общественных.

Общественному сознанию атрибутивно можно приписать такое свойство как отражение. То есть общественному сознанию свойственно отражать самую актуальную и важную информацию на сегодняшний день. Так, например, эпидемиологическая ситуация в современном мире является основной информационной повесткой, соответственно, в общественном сознании укоренились такие мысли и идеи как важность профилактических мер, в целом важность заботы о своем здоровье и здоровье окружающих, а также формирование социальных страхов, связанных с заболеванием. Новые мысли и идеи при условии их актуальности в конкретных социально-культурных, экономических и политических условиях формируют общественное сознание, которое в свою очередь выполняет координирующую и регулирующие функции в общественных отношениях, отражая, например, как человеку следует вести себя. Стоит сказать, что само по себе общественное сознание выполняет и консолидирующую функцию в обществе.

Консолидация, как «сплочение, объединение социальных сил» [3, с. 173], происходит путем упрочнения социальных, культурных, экономических и политических взаимоотношений между членами общества или между общностями. Соответственно, для ускорения формирования данных взаимосвязей, в особенности для наднациональной консолидации формирование идентичного или схожего общественного сознания является важной задачей. Так, например, в рамках уже описанной современной эпидемиологической ситуации в мире важность и значимость проблемы привело к ускорению введения профилактических мер по всему миру, произошло формирование финансового фонда для борьбы с инфекцией, к тому же в целом по данному вопросу был налажен быстрый конструктивный межгосударственный диалог. Однако в качестве отрицательного примера можно привести политическую ситуацию в мире, связанную с введением санкций, или сирийской вопрос, что привело, с одной стороны, к консолидации общества путем формирования образа внешнего врага, ведь данный образ закрепился в общественно сознании, с другой стороны, к разобщению между нациями.

Стоит отметить, что структура общественного сознания является неоднородной. Формирование и закрепление в общественном сознании различных или полностью полярных мыслей и идей формирует различные группы населения. Можно выделить основные категории причин дифференциации общества и, соответственно, общественного сознания:

- 1) национальные (крупные народности, малые этносы);
- 2) политические (либерализм, консерватизм, коммунизм и т. д.);
- 3) социально-психологические (место в системе социальной стратификации, место работы, увлечения и т. д.);
- 4) культурные (нормы, ценности, жизненные принципы человека);
- 5) экономические (уровень заработной платы);
- 6) религиозные (христианство, мусульманство, буддизм, атеизм и т. д.).

Определенное сочетание различных групп причин формируют разное общественное сознание, которое может пересекаться или быть идентичным для разных групп людей, однако, именно контекст определяет ситуация схожести или различия общественного сознания для данных групп. Так, например, политические трансформации 2008–2012 гг., приведшие к усилению социально-экономического неравенства в российском обществе, стали причиной «...резкой поляризации населения, к несогласованным действиям между различными группами властных элит» [1]. То есть общественное сознание определенных социальных групп в данной ситуации привело к уменьшению общего уровня консолидации в российском обществе.

Стоит сказать, что эпоха виртуализации определенной части общественных отношений приводит к появлению и развитию новых технологий и моделей воздействия на общественное сознание, что влияет на уровень консолидации в обществе. Социальные сети на сегодняшний день стали важной частью жизнедеятельности всего населения мира, а доля людей,

включенных в виртуальное пространство с каждым годом растет (более 80 % людей каждый день пользуются интернетом) [5]. Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С. и Иванов Д. В. при исследовании социальных сетей и их влияния на общественное сознание и конструирование массовой коммуникации подтвердили важность социальных сетей с точки зрения прямого общения и получения интересующей информации. Стоит отметить, что виртуальные социальные сети, как и обычные, имеют лидеров мнений. Данное исследование подтверждает тот факт, что люди читают и просматривают новости, мнения и мысли блогеров, а также друзей (33,19 % – мужчин, 39,06 % – женщин), соответственно, с одной стороны, идет двухступенчатая передача информации, с другой стороны, люди формируют желаемый для себя поток информации, отбирая друзей и блогеров, информацию которых они читают. Важно, что получаемая от них информация должна коррелироваться с социокультурными ценностями человека, увлечениями и интересами актора, ведь на основе данных критериев осуществляется подбор желаемого информационного поля.

Еще одним интересным явлением является поиск группы, сообщества по интересам, вступление в данные сообщества. То есть в рамках большой виртуальной социальной сети (архисети) происходит формирование небольших социальных сетей по интересам и увлечениям, политическим взглядам, профессиям и т. д. Данные сообщества находятся в более тесной коммуникации с актором, ведь на эмоциональном уровне более близки человеку [8,9]. Коммуникация в данных группах / сообществах может быть опосредованной, например, через обезличенную публикацию информации, так и через прямую коммуникацию – обсуждения, форумы, комментарии, опросы и т. д. Данные сообщества, так как отделены от общего виртуального пространства, являются референтной группой для человека, а значит они не только более влиятельны на него с точки зрения трансляции точки зрения, информации в целом, но и сам человек олицетворяет себя с символическим миром данной группы. Из этого можно сделать несколько выводов, во-первых, люди с определенным общественным сознанием формируют информационное поле в соответствии с критериями отбора, описанными ранее, во-вторых, социальные сети являются неотъемлемой частью формирования общественного сознания пользователей.

Социальные сети и технологии ранжирования и дифференцирования пользователей на определенные сегменты стали на сегодняшний день мощным инструментом формирования общественного сознания людей. Так, даже нативная реклама на сайтах или в социальных сетях имеет определенную информационную нагрузку. Широкий спектр возможностей для массовой коммуникации во много раз ускоряет процесс передачи информации и, как следствие, сначала идет формирование общественного мнения, а в дальнейшем общественного сознания. Так, если говорить о категориях общественного сознания, то на сегодняшний день в каждой из них можно выделить определенные тренды:

- 1) художественное сознание – NFT-технологии, создание виртуального искусства;
- 2) научное сознание – блокчейн-технологии, криптовалюта, развитие социальной инженерии;
- 3) морально-нравственное сознание – эгоцентризм, ориентация на материальные ценности;
- 4) правовое сознание – развитие правовой защиты национальных и гендерных меньшинств;
- 5) религиозное сознание – научная картина мира, агностицизм, атеизм.

Стоит сказать, что идеологии, как наивысшей формы общественного сознания в современном мире не существует за исключением тоталитарных закрытых стран, однако, такие явления как «глобализм» и «космополитизм» в частных случаях можно назвать мировыми трендами общественного сознания, а трансляция данных идей через виртуальные социальные сети, с одной стороны, ускоряет консолидацию в обществе, однако, с другой стороны, увеличивается количество социальных конфликтов.

Литература

1. Асочаков Ю. В., Богомяглова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. Т. 47, № 1. С. 75–86
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М. : Азбука, 2021. 704 с.
3. Елисеева И. И., Г. В. Еремичева Социально-структурные факторы консолидации российского общества: монография. СПб. : Нестор-История, 2012. 204 с.
4. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : Астрель : Изд-во АСТ : Транзиткнига, 2004. 511 с.
5. Кривобок С. А. Особенности коммуникации в социальных сетях как фактор формирования социальной истины: вторичный анализ // В поисках социальной истины. Иркутск, 2021. С. 160–164
6. Манхейм К. Идеология и утопия // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. М. : Юрист, 1994. 704 с.
7. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М. : Гардарики, 2001. 398 с.
8. Полошкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 121–123.
9. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 303–307.

УДК 316.776.2
ББК 66.32.2

О. А. Полюшкевич, *Иркутск*

Социальное управление через призму норм

Рассматриваются модели социального управления, транслирующиеся через нормы и догмы поведения, а также механизмы внедрения новых догм и норм в социальное воспроизводство. Эффект социального управления конструируется через внедрение в повседневные практики новых норм, а директивные идеологические конструкции не являются эффективными, так как опираются на абстрактные категории. Доказывается, что новые нормы и принципы социального управления наиболее глубоко и качественно внедряются в общественное сознание при включении в повседневное пространство обыденной жизни.

Ключевые слова: социальное управление, нормы, догмы, повседневность, мораль, контроль, социальное воспроизводство

O. A. Polyushkevich, *Irkutsk*

Social management through the prism of norms

The article deals with models of social management, which are broadcast through the norms and dogmas of behavior. The mechanisms of introducing new dogmas and norms into social reproduction are considered. The effect of social management is constructed through the introduction of new norms into everyday practices, and directive ideological constructions are not effective, as they are based on abstract categories. It is proved that the new norms and principles of social management are most deeply and qualitatively introduced into the public consciousness when included in the everyday space of everyday life.

Keywords: social management, norms, dogmas, everyday life, morality, control, social reproduction

Общественное развитие происходит через нормативное регулирование поведения индивидов и социальных групп, где регламентировано социально одобряемое поведение и табуировано нежелательное поведение. Социальная система функционирует тогда, когда большинство граждан соблюдает нормы и считает их правомерными. Если же возникают сомнения в легитимности догм и норм, развивается социальная апатия и дезинтеграция. Об этих процессах писали Э. Дюркгейм, М. Мосс, Н. Луман и др.

Но современные процессы изменения общественного уклада под влиянием виртуализации общества в период пандемии, актуализировали значимость норм и догм, регламентирующих поведение отдельных социальных групп, наложив еще общие требования профилактики заболеваемости в виде ношения масок, дезинфекции рук, удаленной занятости и т. д. Социальное управление усилилось через формализацию требований безопасности – обязательного вакцинирования и т. д.

Опросы общественного мнения показывают неоднозначную картину, что далеко не все готовы соблюдать нормы: вакцинирования, маски, дезинфекции. Это говорит о разрушении нормативного регулирования или просто о выделении группы протестующих, и на их фоне, остальные включаются в более консолидированное сообщество?

Социум сейчас вырабатывает новые нормы – приемлемые в условиях виртуализации пандемического общества? Или же проверяет на актуальность и востребованность старых? Вопросы не праздные и не могут строиться только на однозначных суждениях.

В связи с этим весьма актуально стоит ставить вопросы о системном подходе к управлению (И. А. Журавлева [1]), механизмах управления через антропологические основы социального развития и просоциальные практики при решении социальных конфликтов (О. А. Полюшкевич [2,3]), о кризисе притязаний в условиях пандемии (В. А. Скуденков [4]), что также трансформирует социальные стратегии управления.

Мы попытались выяснить, как оценивается процесс социального управления через нормы и догмы в современном российском обществе. Для этого провели опрос 1200 россиян, проживающих в разных субъектах РФ, в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, имеющих разный социально-экономический статус. Опрос проходил на платформе он-лайн опросов www.google.ru.

Социальное управление происходит через регулирование поведения благодаря воздействию социальных сетей, ютуб каналов и иных виртуальных источников информации (чаще от блогеров, на втором месте от известных лиц шоу-бизнеса). Иными словами, заметная в разных сообществах персона может регламентировать поведение тех, кто входит в это сообщество. И декларируемые ими стандарты поведения далеко не всегда способствуют безопасности и согласуются с официальными требованиями властей.

Чем младше опрошенные нами респонденты, тем большее влияние на их мнения, эмоции и реальное поведение имеют известные лица, являющиеся для них либо кумирами, либо значимыми лицами, к мнению которых они прислушиваются. Впрочем, для более старшей аудитории, мнения известных публичных персон также значимы, они не столь включены в социальные сети, но больше представлены на телевидении. Эффект в воздействии мнения последних на старшую возрастную группу – тот же. Поэтому, кто говорит, как и что именно – будет приоритетным в формировании стратегий социального управления.

На втором месте – стоит собственные возможности (социальные, материальные, территориальные) для изменения ситуации, статуса, возможностей. Чем больше этих ресурсов – тем более свободными во взглядах чувствуют себя респонденты. Чем больше их личный ресурс и ресурс их семьи ограничен, тем больше они склонны к соблюдению нормативных требований. Мотивируют это потребностью сохранить все как есть, так как хуже быть не может, а если что-то разрушить, то хуже может стать.

Соответственно, официальные институты при соблюдении нормативного поведения опираются не на тех, у кого больше возможностей и ресурсов, а на тех, у кого их дефицит. Так как последними легче управлять через минимальные вложения. Для них будут значимы разовые выплаты в 10 тыс. руб.¹, тогда как для более обеспеченных в разных смыслах граждан – подобные выплаты не изменят общего уровня жизни и соответственно

¹ В Госдуму внесли законопроект о выплате семьям с детьми по 10 тыс. рублей URL: <https://iz.ru/1267258/2021-12-21/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-o-vyplate-semiam-s-detmi-po-10-tys-rub>

не будут достаточными. И для них необходимо вырабатывать другие стратегии социального управления, которые опираются на страх, осуждение, изоляцию и проч.

Также установлено, что практики социального взаимодействия, основанные на социальном управлении, более легко и быстро внедряются в общественное сознание, когда опираются на обычные повседневные действия, не вызывают социального напряжения. Когда получаемую информацию воспринимают безусловно и безоговорочно, не включая критику. Для этого необходимо чтобы ее произнес человек обладающий безусловным авторитетом, менее авторитетные люди ее повторят и, стало быть, она становится нормальной и правильной. После этого активизируются эффекты зеркальный нейронов и люди, включенные в социальное взаимодействие прямо, или косвенно начинают копировать данное поведение, мышление, представление и оно становится обыденностью для всех.

На рисунке отражена схема формирования нормы в современном мире.

Рис. Механизм внедрения новых норм как эффект социального управления

О чем говорят эти процессы социального управления? О том, что наиболее действенные механизмы внедрения нового мышления, нового образа жизни включаются через повседневное взаимодействие в обыденной жизни. Не нужны громкие лозунги и директивы – достаточно показать альтернативный пример мышления, поведения, действий и общество его подхватит.

Простая схема социального управления? Да, но очень рабочая. Чем проще – тем больше виден результат.

Все опрошенные больше чем в половине случаев опираются на пример и опыт людей, за которыми следят в своем окружении, и треть ориентируются на тех, кто находится в недостижимом для них круге (кумир). Иными словами, либо на того, кто первым рассказывает или показывает что-то новое, либо те, кто уже повторяет за ним и тиражируют это новое в массы.

Среди старшего поколения (55 и старше) ориентир на окружение – 64,3 %, на кумиров – 35,7 %, у представителей среднего возраста (36–54 года) – 57,2 и 42,8 % соответственно, у молодежи (18–35 лет) – 51,1 и 48,9 % соответственно.

Механизм социального управления строится на нескольких уровнях.

1. Окружение. Люди, места вещи – определяют то, кто мы, что делаем, для чего и для кого. Для большинства именно окружение, а не ценности или собственные взгляды, выступает определяющим моментом в том, чтобы жить по каким-либо правилам и нормам.

2. Поведение. Что делает человека или не делает чтобы изменить ситуацию, вопрос, проблему. Как результаты действий влияют на дальнейшее развитие личности, социума, общества.

3. Способности. Как я выбираю. Этот тот показатель через какие способности человек принимает решения, действует, выбирает ту или иную реальность для себя. Это возможность применять умения и навыки для собственной пользы и пользы сообщества, к которому принадлежишь.

4. Ценности. Во что я верю? В возможное и невозможное. Что хорошо для человека, а что нет. Что более ценно и важно, а что нет и почему.

5. Идентичность. Кто я такой? Самооценка личности, его идентичность. Его умение видеть свои отличия от окружения. Результатом этого становится толкование событий с позиции идентичности и понимания своего места в мире.

6. Миссия. Зачем я живу? Какое мое место в мире, какой вклад в мире мне нужно оставить, с кем по жизни я иду, куда и для чего.

Каждый из этих уровней помогает механизму нормы стать обыденностью, а догмы стать способом социализации и воспитания будущих поколений. Результат социального взаимодействия строится на внутреннем процессе социального инжиниринга, где каждый выбирает свою ступень включенности и реализованности в общем процессе социального развития. Если на каком-то уровне произошел сбой – значительно легче восполнить его, направив туда внимание сообщества через лидеров мнений, социально значимых персон. И они естественным своим присутствием восполняют смыслы и значения каждого из этих уровней.

Этот механизм социального управления, построенный на последовательной модели, показывает точность взаимодействия и глубину понимания людей. Социальное управление строится на внутреннем доверии и внешнем подчинении существующему или новому порядку. Сила и слабость принимаемых решений проверяется последовательным анализом каждого из рассмотренных уровней. И конечно, требует дальнейшего изучения и исследования как вопросов принятия нового, так и этапов присвоения его себе, а также последующей трансляции во вне.

Литература

1. Журавлева И. А. Системный подход к управлению устойчивым региональным развитием // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы второго Байкал. науч. социол. симп. Иркутск, 2015. С. 28–34.
2. Полошкоевич О. А. Введение в социальную антропологию управления: учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2012. 124 с.
3. Полошкоевич О. А. Управление конфликтами через просоциальные практики // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 265–267.
4. Скуденков В. А. Кризис притязаний в условиях пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 338–341.

УДК 316.485.6
ББК С55

В. В. Попова, *Иркутск*
С. С. Московский, *Москва*

Специфика социально-трудовых конфликтов в условиях пандемии COVID-19

Рассмотрено влияние пандемии на возникновение и протекание социально-трудовых конфликтов. Обозначены конструктивные и деструктивные факторы, влияющие на динамику трудовых конфликтов. Раскрыты негативные и позитивные последствия социально-трудовых конфликтов в период пандемии. Проведен контент-анализ текстовых референтов, отражающих виды и характер социально-трудовых отношений и конфликтов, распространенных в рабочих коллективах в период пандемии.

Ключевые слова: социально-трудовой конфликт, контент-анализ, мотивация, пандемия.

V. V. Popova, *Irkutsk*
S. S. Moskovsky, *Moscow*

The specifics of social and labor conflicts in the context of the COVID-19 pandemic

The article considers the impact of the pandemic on the emergence and course of social and labor conflicts. The constructive and destructive factors influencing the dynamics of labor conflicts are considered. The negative and positive consequences of social and labor conflicts during the pandemic are revealed. A content analysis of text referents was carried out, reflecting the types and nature of social and labor relations and conflicts common in work teams during the pandemic.

Keywords: social and labor conflict, content analysis, motivation, pandemic.

Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на современное общество, вызвав массовую травматизацию на биологическом, социальном, культурном уровнях [2]. Угрозу своему физическому существованию люди ощутили, прежде всего, на бытовом уровне. Риск заразиться в общественном транспорте, магазине, на работе, необходимость постоянно находиться в средствах индивидуальной защиты, страх заразить пожилых или хронически больных родственников, стать причиной их тяжелого состояния или даже смертельного исхода, спровоцировали ограничение социальных контактов, добровольное аутсайдерство, повышенную тревожность, психосоматические расстройства.

В результате пандемии многие профессии, считавшиеся «безопасными» перешли в разряд профессий повышенного риска. В эту категорию попали не только работники медицинских учреждений, но и работники сфер образования, социальной защиты, культуры, общественного питания, торговли и пр., которые в силу своей профессиональной деятельности вынуждены ежедневно контактировать с большим количеством клиентов.

Резкий переход в марте 2020 г. на удаленный режим работы и самоизоляцию вскрыл проблемы, существовавшие и до пандемии. К ним можно отнести низкую техническую оснащенность и обеспеченность специальными компьютерными программами, необходимость перевода источников информации в цифровой формат, высокую потребность в повышении компьютерной грамотности, а также низкое качество или отсутствие интернета в отдельных муниципальных образованиях (преимущественно, в сельских населенных пунктах). Переход на оказание онлайн-услуг, призванный повысить их доступность, выявил еще одну серьезную проблему – отсутствие у клиентов доступа к цифровой среде, компьютерной грамотности, возможности получить услугу «не выходя из дома» в силу отсутствия подключения к сети Интернет и соответствующих гаджетов.

Пандемия вызвала изменение форм досуговой активности, в связи с введением режима самоизоляции и запрета или ограничения на проведение массовых мероприятий, посещение музеев, театров, концертов и пр. Для большинства людей это стало серьезным испытанием, так как современное общество признает досуг ценностью, а характер и уровень его проведения может служить основой социальной стратификации и коллективной идентичности. Особенно эта проблема затронула населенные пункты с развитой инфраструктурой, организованными сообществами по интересам.

Изменились привычные ритуалы общения, исчезли рукопожатие, объятия при встрече, возникла дистанция, появились новые правила взаимодействия с клиентами и сотрудниками. Произошло изменение делового взаимодействия: был осуществлен переход на онлайн формы проведения переговоров, консультаций, собеседований и т. д. Ряд специалистов отмечает, что такое взаимодействие имеет ряд преимуществ. В частности, есть возможность ведения видеозаписи с последующей возможностью просмотра, отсутствуют ограничения, связанные с транспортной доступностью офиса, погодными условиями, свободным временем, так как отсутствуют временные и финансовые затраты на дорогу, нет территориальных ограничений. С другой стороны, это препятствует возможности невербального общения, создания особой «атмосферы», микроклимата.

Таким образом, мы можем утверждать, что пандемия оказала огромное влияние на биологические, социальные, культурные аспекты существования как отдельного человека, так и всего общества.

С одной стороны, в период пандемии получили развитие дистанционные услуги, ускорилось развитие целых отраслей (к примеру, доставка, поч-

товые сервисы, интернет-магазины), активизировались гражданские инициативы (волонтерские движения не только на уровне студенчества, но и на уровне «взрослых» групп населения). С другой стороны, общество столкнулось с явлением ретритизма, проявившегося среди представителей разных социальных, демографических и профессиональных групп в виде игнорирования новых санитарных правил и норм, «ковид-диссидентства», участия в «коронавирусных вечеринках» и т. д.

Все эти изменения оказали прямое и косвенное воздействие на социально-трудовые отношения, в частности, повлияли на конфликты в рабочей среде. Для нас особый интерес представляет социально-трудовой конфликт как особый вид социального конфликта, который проявляется через столкновение двух или более разнонаправленных сил, интересов, взглядов по поводу социально-трудовых отношений и условий их обеспечения.

Анализируя внутренние и внешние факторы, влияющие на развитие социально-трудовых конфликтов в период пандемии, можно выделить три основные группы: объективные (внешние), личностные (субъективные) и организационные. К внешним (объективным) факторам можно отнести внезапность события, его всеобщность, высокую степень риска и неопределенности, физическую и психологическую самоизоляцию. К личностным (субъективным) факторам можно отнести отсутствие навыков действия в условиях неопределенности и риска, отсутствие навыков эмоционально-волевой саморегуляции в условиях удаленной работы, низкое качество жизни сотрудников (отсутствие интернета, технических средств). К организационным факторам можно отнести отсутствие технических возможностей для обеспечения удаленной работы сотрудников, отсутствие алгоритмов деятельности в условиях неопределенности и риска, отсутствие системы ротации кадров и взаимозаменяемости сотрудников в условиях повышения заболеваемости и высокой контагиозности вируса, отсутствие непосредственного контакта с сотрудниками, затрудняющее развитие и поддержание корпоративной культуры.

Эти факторы повлияли на изменение поведения сотрудников и руководителей: смещение с внешнего локуса контроля на внутренний, поиск новой мотивации, инновационный подход к осуществлению привычных обязанностей. Все это сопровождалось конфликтными проявлениями. Уже есть ряд исследований, в которых на основе статистических данных представлены особенности формирования социально-трудовых отношений в период пандемии COVID-19, контент-анализ сообщений из различных регионов РФ показал следующие основные проблемы: снижение заработных плат, невыплата премий, рост безработицы, принуждение работников работодателями к увольнению [1].

Нами проведен контент-анализ, целью которого является систематизация индикаторов (текстовых референтов), отражающих виды и характер социально-трудовых отношений и конфликтов, распространяющихся в рабочих коллективах в период пандемии. Выборка состоит из различного рода

форумов и сайтов, групп в социальных сетях, где велось обсуждение социально-трудовых отношений и конфликтов в рабочих коллективах. Наиболее популярными источниками обсуждений являются социальные сети (VK, FB, ОК, Twitter).

Сайты, которые попали в выборку: joblab.ru; covid19.fom.ru; rb.ru; hh.ru; pikabu.ru; polit.ru; tass.ru; presium.pro; nastavnichestvo.su; ohranatruda.ru; director.rosuchebnik.ru; otvet.mail.ru; neorabote.net; pravda-sotrudnikov.ru.

Сайты covid19.fom.ru, rb.ru, pikabu.ru, polit.ru, tass.ru, presium.pro, otvet.mail.ru являются форумами широкой тематической направленности, где обсуждают самые различные вопросы, в том числе конфликты на рабочем месте. Сайты director.rosuchebnik.ru, ohranatruda.ru, nastavnichestvo.su, hh.ru, joblab.ru – форумы сотрудников и руководителей, где чаще обсуждаются проблемы отношений в трудовых коллективах. Сайты pravda-sotrudnikov.ru, neorabote.net – форумы с отзывами об организациях.

Контент-аналитическое исследование состояло из 200 текстов, что в совокупности составило 1103 условных строк. Длина сообщений варьировалась от 1 строки до 15 и более строк. Стоит отметить, что встречались и большие по объему тексты, в которых люди рассказывали собственные истории о конфликтах в компании.

Оказалось, что наибольшее внимание коммуникаторов вызывают такие темы в организации, как ссоры по пустякам (11,9 %), конфликты с администрацией (12 %) и конфликты между работниками разных поколений (11,32 %). Особое внимание к данным темам, с нашей точки зрения, связано с выходом на удаленный (или дистанционный) режим работы, который опосредованно или напрямую влияет на все выделенные ситуации.

Наименьший удельный вес у тем, связанных с внутренними конфликтами работников (7,8 %) и формальными отношениями (8,15 %), что можно объяснить двумя факторами. Во-первых, пользователи социальных сетей неохотно делятся информацией о своём моральном состоянии, так как считают эту информацию личной. Во-вторых, формальные группы работников, с переходом на дистанционный формат работы, претерпели изменения, так как они строятся на личном общении (лицом к лицу), которое в данный период времени ограничено.

Наибольшее количество негативных оценок получено для таких тем, как «Конфликты с администрацией» (14,7 %), «Ссоры по пустякам» (13,7 %), «Конфликты между работниками разных поколений» (12,7 %), «Наставнические отношения» (9,8 %), «Внутренние конфликты работника» (9,8 %). Это связано с тем, что режим удаленной работы, введенный организациями, не оправдал многих ожиданий, которые казались логичными в начале пандемии: сотрудники на удаленном режиме стали конфликтовать больше, от этого пострадал климат в коллективах и эмоциональное состояние сотрудников.

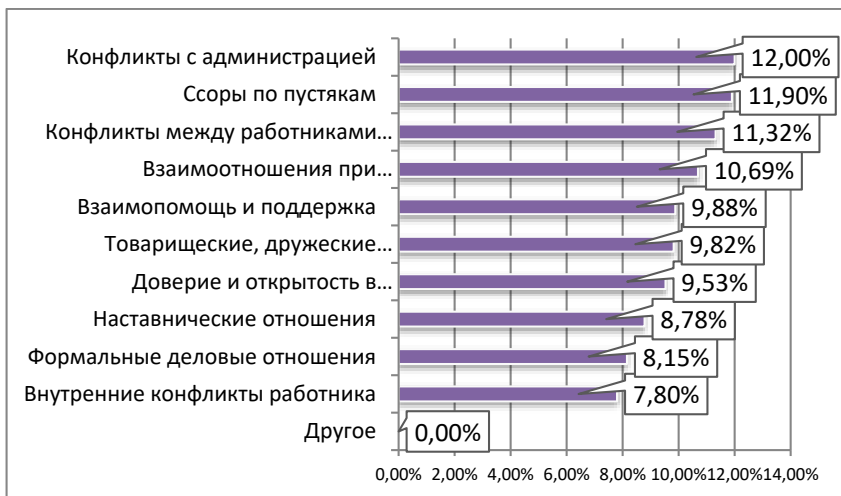

Рис. 1. Распределение полезной информации по каждому содержательному признаку (иерархия внимания коммуникаторов к содержательным характеристикам проблем организации в период пандемии)

Наибольшее количество положительных оценок выявлено по темам «Товарищеские, дружеские отношения» (21,5 %), «Взаимопомощь и поддержка» (14,7 %) и «Взаимоотношения при командой работе» (12,5 %). Многие авторы сообщений отмечали, что взаимопонимание и поддержка между сотрудниками изменились в период пандемии в лучшую сторону. Это связано с тем, что сотрудники объединились, напряглись и «подтянули пояса» перед общей проблемой, последствия которой понимает абсолютно каждый.

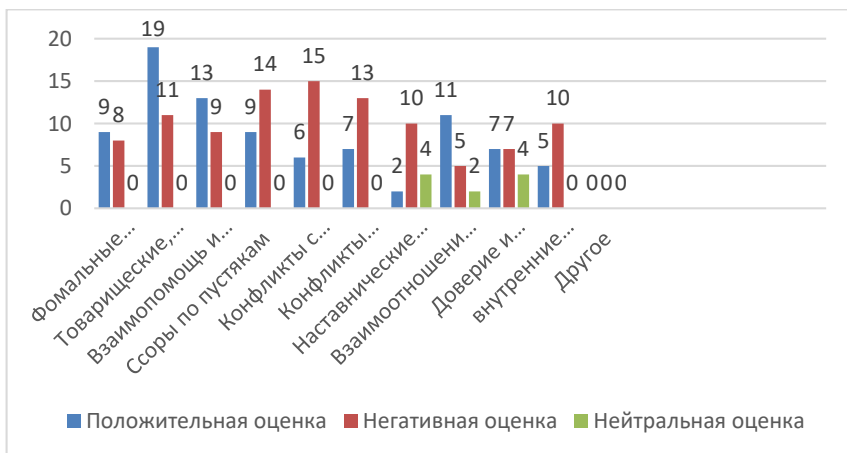

Рис. 2. Распределение оценочных характеристик по каждому содержательному признаку

В 2020 г. больше всего увеличилось внимание авторов текстов к таким индикаторам, как «Конфликты между работниками разных поколений» и «Внутренние конфликты работника». На наш взгляд, это следствие того, что в период март – май 2020 г. многие компании столкнулись с частичным или полным выводом сотрудников на удаленный режим работы, это вызвало трудности с адаптацией сотрудников взрослого поколения к новым условиям. В 2020 г. увеличился интерес к индикатору «Внутренние конфликты работника», что непосредственно связано с экономическим кризисом в организациях в пандемию и страхом сотрудников не справиться с новым форматом работы, быть сокращённым или заболеть вирусом.

Большее количество сообщений, попавших в выборку, написано авторами женского пола, поэтому количество сообщений, которые писали женщины относительно каждого отдельного индикатора, практически всегда больше сообщений, написанных мужчинами. Однако обратимся к индикаторам, где явно выражается интерес женщин к обсуждаемой тематике – это «Взаимопомощь и поддержка», «Внутренние конфликты работника», а также «Товарищеские, дружеские отношения» (разница практически в 50 % в сравнении с интересом мужчин к этим темам). Это, на наш взгляд, связано с тем, что многие коммуникаторы-женщины отмечали, что в период пандемии испытывали явные моральные переживания, связанные с боязнью потерять работу, переживания о детях, пожилых родственниках. Вследствие чего нуждались в помощи и моральной поддержке как на работе, так и дома. Женщины более эмоционально и без стеснения делились о своих внутренних переживаниях.

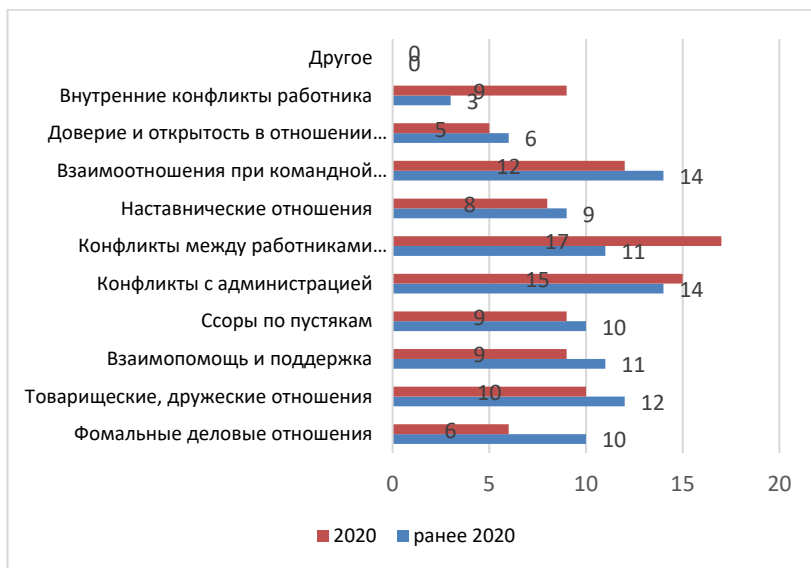

Рис 3. Динамика внимания коммуникаторов по содержательным характеристикам

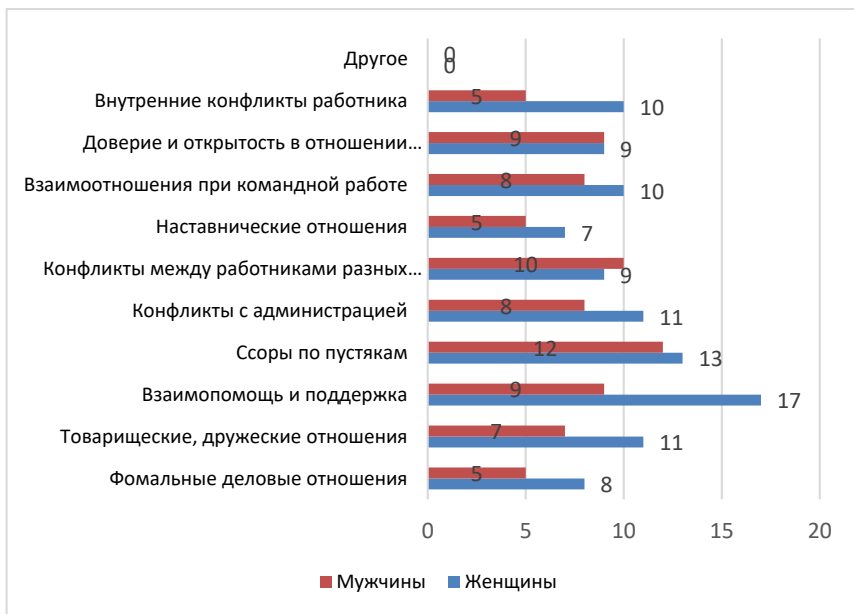

Рис. 4. Взаимосвязь между полом коммуникатора и содержательными характеристиками

Единственный индикатор, где равное количество сообщений написано женщинами и мужчинами – это «Доверие в отношении сторон (как между сотрудниками, так и между руководством и сотрудниками)». Здесь также можно сделать вывод, что женщинам и мужчинам в одинаковой степени важно, чтобы руководство от них ничего не утаивало, а в коллективе присутствовало взаимодоверие и честность.

Таким образом, результатом данного исследования стало выявление наиболее обсуждаемых тем и определение отношения индивидов к отдельным категориям социально-трудовых отношений и конфликтам в организации в целом. Изменение структуры социально-трудовых конфликтов, факторов их возникновения и последствий в условиях пандемии является темой, перспективной для научного исследования. Она имеет выраженную практическую направленность, позволяющую разработать алгоритм профилактики социально-трудовых конфликтов в формате режима удаленной работы и профессиональной деятельности в условиях риска и неопределенности, с учетом выявленных объективных, субъективных и организационных факторов.

Литература

1. Довганенко А. А. О формировании социально-трудовой обстановки в РФ в условиях пандемии COVID-19: промежуточные итоги и последствия для развития трудовых отношений

(по материалам еженедельных бюллетеней Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, www.industrialconflicts.ru) // Социальная политика и социальное партнерство. 2020. № 9. С. 6–15.

2. Попова В. В. Специфика переживания социальной травмы в условиях пандемии COVID-19 // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 15 февр. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 378–384.

УДК 37:004
ББК 74.5

П. Д. Симашенков, А. А. Торопыгина, *Самара*

О феномене «профессионального одичания»

Раскрывается понятие «дикого знания» в контексте практико-ориентированного подхода к подготовке кадров. Сопоставляя актуальные тренды HR-менеджмента, авторы подвергают критике формальную цифровизацию и увлечение образовательными технологиями, способные, по их мнению, дискредитировать профессионализм как социальную ценность. Предотвращение профессионального одичания требует комплекса продуманных и последовательных мер на уровне государственной политики, первоначально – в области образования и трудовых отношений.

Ключевые слова: кадровый менеджмент, цифровизация, инновации, профессионализм, прекариат.

P. D. Simashenkov, A. A. Toropygina, *Samara*

On the phenomenon of «professional wildness»

The article reveals the concept of “wild knowledge” in the context of practice-oriented approach to training. Comparing current trends in HR-management, the authors criticize the formal digitalization and the infatuation with educational technologies, which, in their opinion, can discredit professionalism as a social value. The prevention of professional feralism requires a set of well-thought-out and consistent measures at the level of public policy, primarily in the sphere of education and labor relations.

Keywords: personnel management, digitalization, innovation, professionalism, precariat.

Выбор темы во многом обусловлен появлением тренда, обозначенного шведским футурологом К. Нордстремом. Сами по себе его предсказания до скупного предсказуемы: «к 2025 году в Западной Европе около 50 % работ будет замещено теми или иными видами машин. Доктора, юристы, бухгалтеры. Их тоже заменят. Все, что можно оцифровать, будет оцифровано» [4]. Суть, как всегда, в моральном праве жечь глаголом. Нордический «фанки-мыслитель» [5], уверен, что таковой привилегией наделен носитель холистического знания, именуемого (брендинга ради) диким. Несмотря на претенциозность и нарочитую провокативность, высказывания футуролога продиктованы, как принято выражаться, актуальными вызовами. Обычно на вызовы пеняют, оправдывая заученную беспомощность [6], ступор. Ощущение растерянности перед информационным хаосом растормаживает в человеке защитные инстинкты, а страху никогда не стать драйвером инноваций.

Вспомним классику. По версии Л. Моргана, все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования [2]. Стало быть, открытие виртуальной реальности ничуть не менее значимо, чем, скажем, открытие Америки. Обретенный, но покуда не обетованный мир почти не исследован, а потому хаотичен и стрессо-опасен: неспроста модный термин VUCA заимствовали из лексикона американских военных, лет тридцать назад обозначавших данным акронимом боевую обстановку (нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность).

Изобилие и доступность интернет-ресурсов возрождают приметы присваивающего хозяйства: цифровые туземцы потребляют контент, падающий к ним «с облака» (cloud-service). Присвоение находки не предполагает избыточности усилий, присущей творчеству. Тут все натурально запросто: что выросло – то выросло. Вполне естественно и потребность максимально утилизировать знания: «в первобытном мышлении содержание человеческого опыта выступает как мир действий; такова первобытная диалектика» [1]. Популярные офисные забавы XXI в. (мастер-классы и воркшопы) выглядят как сеансы симпатической магии – тот же шаманизм, причем в самой убогой (миметической) форме: Mach mit, Mach's nach, Mach's besser! А надление знанием признают исключительно в форме обряда инициации с сертификацией. Невежество опасно тем, что быстро обрастает разного рода упрощениями – такое сейчас принято величать «экосистемой», чьи весомые достоинства – автоматизм и саморегуляция – очень даже user friendly.

По нашему разумению, подобные модели передачи опыта делают профанацию тотальной и фатальной, низводящей публику до электорального стада, коему потребны даже не лидеры, а вожаки. Интеллектуальное становление личности обусловлено эволюцией и суперацией (превосхождением пройденного); в этом отличие от процессов социальных, где случаются и революции, а по умолчанию действует инволюция. Выбранный нами подход к рассмотрению обозначенной проблемы – аксиологический: полагаем, он объективнее технократизма в выявлении контрастов между целями профподготовки и средствами ее цифровизации.

Описывая «Общество 5.0», исследователи склонны придерживаться одной из двух (казалось бы, взаимоисключающих) тенденций: или славословия в адрес цифровой демократии, или осторожные намеки на формирование разночинного прекариата [6] – кадрового резерва грядущего цифрового рабства. Нам представляется, противоречие здесь мнимое: удаленность и анонимность, слышущие за достоинства интернет-общения, не только поддерживают иллюзию равенства, но (что важнее) сводят на нет какие-либо попытки усюветить начальство. Новоявленное рабство обусловлено вырождением общества в рыхлую совокупность безликих интернет-юзеров, погоняемых и направляемых без всяких заморочек с управлением. Так, «владельцы» миллионной аудитории подписчиков продают их рекламодателям,

эта форма работоторговли именуется «интеграцией с инфлюенсером». Чурясь обскурантизма, рискнем заявить: засилье сетевых сервисов не только ускоряет деградацию интеллекта – одичание сначала отупляет, а затем и все расчеловечивает.

Управленческая структура в наши дни преимущественно двухуровневая: рабы и надсмотрщик, персонал и администратор [7]. Вполне в русле цифрового когнитивного примитивизма: ноль и единица (хотя начальственная каста разнообразнее по статусам при одинаковости ролей). Насажение субординации – верный симптом культурной усредненности и духовной уравниловки. Западная HR-практика интуитивно это почуяла, отсюда попытки гармонизировать ситуацию симулякрами вроде peer-to-peer и холакратии. Но если в узком кругу «своих» холакратия еще приемлема, то прочим предписан прекаритет.

Благодаря неустойчивости отношения прекария с работодателем характеризуются, как минимум, взаимным недоверием – стало быть, латентно конфликтны. Фиксировать такое средствами трудового права чревато. «Figo qua, Figo là», оперативные исполнители разовых поручений – набирающий популярность формат, где фриланс и свобода выбора на самом деле означают неустроенность и неприкаянность. Как следствие, мода на проектную деятельность и прочие «активности», мало к чему обязывающие эксплуататора и ничем не мотивирующие нанятых им поденщиков. Все-таки профессионализм – солидный повод к самоуважению, а вот волонтерство – по большей части удел фрустрированных, компенсация сомнений в собственной социальной значимости.

Отношения с потребителем уже не «человек человеку менеджер» и даже не «человек человеку клиент», так как обе модели предполагают конклюдентный, взаимообусловленный и взаимоуважительный характер. Доминирует формула «человек человеку услуга», когда стороны предпочитают удариться в амбицию, реализуя непомерные запросы и самоутверждаясь за счет ближнего. Оттого, кстати, ценится медиаторство и прочие успокоительно-переговорные навыки: они помогают если не решить проблему, то не доводить взаимные претензии до откровенного хамства. Метакомпетенции и soft skills, все эти умения уговаривать, недоговаривая – ставят обычаи трактирных половых выше любых знаний и владения профессией.

Отношение к продукту: и этот критерий ничтожен ввиду смещения фокуса на фабрикацию контента для соцсетей, информационного фастфуда, коему надлежит быть доступным, свежим и удобоваримым. Да и продают чаще уже не продукт, а услугу. Так выгоднее: оказание услуги растянуто во времени и имеет весьма абстрактные, неточные параметры оценки. Полезней изучить повадки и предпочтения контрагента (заказчика, работодателя), чем разбираться в профессии или же в свойствах поставляемого продукта.

Отношениями к обществу вообще можно пренебречь за отсутствием такового. Множатся комьюнити – сорища, столь же незатейливые, как и объединяющие интересы: чаще всего прямо или косвенно связанные с шоу-

бизнесом. Формируя вокруг себя комьюнити, бренды обеспечивают лояльность клиентуры. Нет хуже участи, чем быть фрагментом толпы и бессознательно двигаться туда, куда влекут ее инстинкты или приказы вожака. Безвыходность усугубляется нигилистической доминантой поведения: нет личности – нет и совести, нетрудно отписаться от друзей и даже от гражданства. И подписаться на новых, вливаясь в другую, тоже никчемную толпу. Вполне логично: стабильно неустойчивому VUCA-миру – гарантированно ненадежные кадры.

Без разницы, кто кем работает, важнее – на кого. Кадры готовят «для экономики», как товар на продажу. Первостепенная задача – понравиться работодателю, дабы потом удовлетворять его потребности. Такое вовсе не зазорно, наоборот, – только это и имеет значение. Мы же считаем, что пресловутые метанавыки, житейская сметка, расторопность и многозадачность, столь превозносимые сейчас, суть компетенции лакейские – для тех, кто вечно на подхвате. Если «не при делах», волей-неволей начинаешь прислуживать лицам.

Одичание – это когда главное, чтобы не было хуже, ибо лучше уже точно не будет. Умение ориентироваться в перманентно тревожной ситуации куда актуальнее владения профессией. Дикость – в господстве бытовой прагматики. Все рассматривается с позиции удобства и простоты потребления: неспроста у цифровых аборигенов в ходу словечки «годнота», «доставляет» и «зашло». В пору дикости знанию надлежит быть адаптивным, вот почему востребованы стреляные воробьи, тертые калачи и прочие бывалые профи в области безопасности (информационной или телесной – не столь важно). Они учат выживать. Существование как аналог конкурентного антагонизма: таков был некогда Дикий Запад и вообще вся эпоха первоначального накопления. Отчего ж не наступить эпохе первоначального упрощения, обнуления – коль скоро мы говорим о цифре? В некотором роде арифметика digital-капитализма. Но дорастет ли тот до высшей математики – вопрос более чем спорный.

Обозначим самые типичные, на наш взгляд, нонсенсы и противоречия концепции «дикого знания». Во-первых, оно предполагает над-технологичность, тогда так «догоняющая парадигма образования» априори технологична. Стало быть, и дикое знание будет транслироваться как технология, иначе его признают неэффективным (или недостаточно диким). В подобных условиях производитель (продукта, контента или услуги – не важно) делается потребителем готового набора семплов и фич. Ничего не нужно выдумывать, достаточно следовать алгоритму и придерживаться опробованных на практике шаблонов.

Во-вторых, дикое знание доступно лишь в «домашних» условиях. Приведенный тезис подтверждается продвижением тренда корпоративного образования. Подчеркнем: опыт, получаемый при такой подготовке, условно ценен в пределах отдельно взятой организации, без теоретического обобщения и

осмысления. Меняется руководство, и весь крепостной театр перезагружают или заставляют переучиваться заново, на вкус и прихоть нового барина.

В-третьих, и саму практику стали воспринимать как обнуление теории (расхожее «забудьте все, чему учили в институте»), а молодежь – как своего рода профессию. Коль скоро главными достоинствами считают гибкость и многозадачность, то наиболее востребованы полуфабрикаты – болванки, доводимые до кондиции на местах. Польза болванок в универсальности и, соответственно, заменяемости. Обкорнать новобранцев под ноль и приспособить для своих нужд. Все можно освоить, посетив пару-тройку мастер-классов, бессистемно и едва ли не рефлекторно. Но зачем посвящать себя профессии, которую обещают вскоре заменить искусственным интеллектом?

Самый явный симптом недообразования – самодовольство (примерно то же было описано как эффект Даннинга – Крюгера). Одичание в XXI в. – процесс скорее рукотворный, нежели естественный. Цифровизация сродни ваучеризации, и последствия примерно те же. Огульное оцифрование идет вразрез с культурой, ибо не признает нюансов. В известном смысле культуру можно уподобить парашюту: с ней ощущаешь полет, без нее быстрее опускаешься. И профессионализм опускается, сползая с концептуальных вершин к отделочным работам, где иногда обнаруживаются-таки люди, сведущие в ремесле.

С этой точки зрения любопытен еще один показатель одичания – увлечение «философией agile», примитивным вариантом «теории малых дел». Аджайл-менеджеры оперируют понятием MVP – минимально жизнеспособного продукта, предназначенного для получения отзывов потребителей (в случае одобрения продукт дорабатывается). Разумеется, установке на перфекционизм (тем паче на уважение к себе как профессионалу) здесь не место. Наглядный пример, как одичание способно дойти до теоретизации элементарной халтуры.

Назревает вопрос: если ориентиры стерты, а ценности извращены – как отличить и где найти профессионала в VUCA-зазеркалье? Думаем, поможет попытка отличить грамотного и ответственного профессионала от знающего себе цену успешного профи. Роднит обоих персонажей постоянство и осознанность выбора рода занятий. Профессия не модное поветрие, ее не меняют каждый сезон. Без постоянства профессию нельзя признать таковой, потому весьма комичными выглядят потуги наметить специальности будущего: онлайн-терапевт, игромастер (!), science-художник, биоэтик. Как видим, фантазия дизайнеров «Общества 5.0» под стать плоскости цифрового мира, в лучшем случае ее хватает на соединение двух несвязуемых терминов. В отличие от дилетанта, профессионал поглощен не только тем, что увлекательно; он не страшится ежедневной работы. Дилетант рутину игнорирует (или не замечает), профессионал ее превосходит и потому преобразует.

Профессия может служить показателем культурного консерватизма, ибо уважаемой становится не сразу – требуется признание ее социальной ценности. К тому же, приобщение к профессии несравнимо дольше, чем

вложение в руки ремесла (иначе зачем существуют ПТУ и вузы?) Компетентность – понятие синтетическое и качественное, неразделяемое на подпункты компетенций и проценты их освоения. Концептуальное осмысление предполагает творческое усвоение общих положений при безусловном знании частных и нюансов. Нет парадигмы – нет развития. Профессия требует наличия мировоззрения, но сама мировоззрением стать не может. Она скорее подобна оптическому инструменту, меняющему фокус и взгляд на действительность. Правда, в эпоху клипового мышления образ мыслей как таковой – уже редкость и своего рода эксклюзив.

Говоря о гипер-компетенциях практиков, пророки цифрозоя противоречат сами себе: то, что они называют «диким знанием», на самом деле своеобразная теория – индивидуальный подход, выработанный опытом тех, у кого хватило мужества посвятить себя делу. Истинный профессионализм – за свободу в выборе средств, тогда как ремеслу хватает техники владения приемами и орудиями. Профессионал не потерпит халтуры, причем вне зависимости от адекватности оплаты труда. Профи, всегда соразмеряющий усилия со стимулами, не прочь ограничиться халтурой, если этого не заметят несведущие. Происходит подмена совести и профессиональной чести корпоративной этикой: последняя утилитарнее интерпретирует идеалы и закрепляет стандарты вместо принципов. Итак, профи – это профессионал минус социальная ответственность. На профи «любой, кто заплатил, имеет все права».

Свобода труда требует от человека высокого уровня сознательности и культуры. Профессия есть дело общественно значимое, а сегодня важнее себя продать; в приоритете личный заработок и сугубо материальный успех. Инволюция профессионалов в профи – проблема масштабная и системная. Отдельно взятому работодателю (если тот вообще разбирается в том, чем руководит) доступно разве что попытаться оздоровить ситуацию посредством материального стимулирования настоящих специалистов. А для нематериальной мотивации – великодушно позволить самим определять формы и направления повышения квалификации (профессионалам и впрямь виднее, как лучше). Пора вернуть слогану «доверьтесь профессионалам» его истинное содержание.

Подводя итог сказанному, подчеркнем: профессиональное одичание видится нам патологией социальной – в отличие от синдрома эмоционального выгорания, где ключевая причина все же личная, психологическая. Беспорядочная «акселерация инноваций» и навязчивый поиск «точек кипения и прорыва» привели к тому, что громадное количество людей оказались не на своем месте. Предпосылками одичания мы считаем дестабилизацию и деморализацию, когда преднамеренное искажение системы жизненных координат списывается на некую «цифру», будто она – гнев Божий. То, что осталось от общества, стремительно расщепляется на элементарные частицы гаджет-зависимых особей, коим удобнее в искусственных экосистемах медиапространства.

Одичание всегда происходит «в отрыве», оно обусловлено отчуждением и изоляцией, будь то племя туземцев или опустившийся индивид. Удаленный – удаляет в себе индивидуальность. В профессии же необходимо ощущение сопричастности (а не только соучастия), принадлежности к сообществу коллег-единомышленников. Как показывает опыт, интернет-общение такого эффекта не дает: даже в специальных соцсетях для профессионалов пользователи предпочитают самовыражаться, а не делиться опытом. Наладить полезные и не показушные профессиональные коммуникации мешает еще и конфликт поколений: у молодых установки строго целевые, для советских людей еще важны ориентиры нравственные, отчего один и тот же вопрос представителями разных генераций может истолковываться противоположно. В сущности, неумные восторги, расточаемые дикому знанию – от острейшего дефицита Личностей и Подвижников, от неизбывной тоски по Учителю, имеющему свое мнение и видение предмета, идеологически убеждающему обучаемых. Расшарить и продать можно сведения, но знания – нельзя.

Рывком проблему не одолеть – невозможно игнорировать такую черту любой профессии, как обстоятельность. Предотвращение одичания требует целого комплекса продуманных и последовательных мер (а не мероприятий) на уровне государственной политики, первоначально – в области образования и социально-трудовых отношений. Не увлекаться псевдо-инновационной экзотикой, составляя хит-парады модных специальностей, а учить и готовить кадры в вузах, где проактивность навыков обеспечена серьезным концептуальным подходом – он *ipso facto* уже настроен на перспективу. Полагаем, именно так можно вернуть людям осознание смысла и места в жизни, и в конечном счете – социальный оптимизм, без которого нелепо строить планы и посвящать жизнь профессии.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1986, 639 с.
2. Морган Л. Древнее общество. Ancient society. Ленинград, 1935. 346 с.
3. Симашенков П. Д., Макарова Т. К. Искушение цифрой: цинизм под маской прагматики // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021) : сб. ст. II-й Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. 11–12 ноября 2021 г. = Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2021): collection of Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. November 11–12, 2021 / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М. : Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 172–181.
4. Nordstrom K. Urban Express: 15 Urban Rules to Help You Navigate the New World That's Being Shaped by Women & Cities. Forum, 2014. 203 p.
5. Ridderstrale J., Nordstrom K. Funky Business: Talent Makes Capital Dance. Pearson Education, 2000. 296 p.
6. Seligman M. The Hope Circuit. New York : Public Affairs, 2018. 260 p.
7. Standing G. The Precariat: the New Dangerous Class. New York, 2014. 209 p.

УДК 331.44
ББК 88.8

Я. Н. Таскова, Т. Б. Голубева, М. В. Миронова
Екатеринбург

Феномен профессионального выгорания на примере исполнителей социальных услуг

Рассмотрены процессы профессионального выгорания исполнителей социальных услуг. Охарактеризована деятельность исполнителей социальных услуг с выделением факторов, способствующих профессиональному выгоранию. Проведено исследование на базе одного из учреждений г. Екатеринбурга, предоставляющего социальные услуги. Использована методика В. В. Бойко «Диагностика уровня профессионального выгорания». Сделан вывод о сформированности синдрома профессионального выгорания у большинства сотрудников. Предложены рекомендации, способствующие преодолению негативных тенденций.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, социальные услуги, управление социальной политики.

Ya. N. Taskova, T. B. Golubeva, M. V. Mironova, Yekaterinburg

The phenomenon of professional burnout on the example of social service providers

The article discusses the processes of professional burnout of performers of social services. The activity of performers of social services is characterized with the allocation of factors contributing to professional burnout. A study was conducted on the basis of one of the institutions providing social services in the city of Yekaterinburg. The method of V. V. Boyko "Diagnostics of the level of professional burnout" was used. The conclusion is made about the formation of professional burnout syndrome in the majority of employees. Recommendations are proposed to help overcome negative trends.

Keywords: professional burnout, social services, Social Policy Department.

Сфера услуг в настоящее время является одной из самых перспективных и быстро развивающихся отраслей экономики. Одно из ключевых направлений развития сферы услуг – это социальная ориентация. Исполнители, предоставляющие социальные услуги, вынуждены подстраиваться под современные реалии. Не только стремительное внедрение новых технологий и форм предоставления социальных услуг, частое обновление нормативной базы, но и взаимодействие с клиентами социальных служб, находящимися в трудной жизненной ситуации, способствуют психологическому напряжению исполнителей социальных услуг, а вследствие чего возникновению стресса. На фоне этого возникает проблема профессионального выгорания.

Изучение темы профессионального выгорания исполнителей, предоставляющих социальные услуги, обусловливается ее высокой социальной значимостью, поскольку профессиональная деятельность этих сотрудников относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью. Эмоциональное выгорание может влиять отрицательно на качество предоставления социальных услуг.

Впервые проблему эмоционального выгорания отметил в 1974 г. американский психолог и психиатр Г. Фрейденберг, работающий в альтернативной медицинской службе. Он заметил, что при долгой и эмоциональной

работе у него и коллег возникает истощение, теряется мотивация и снижается ответственность. Данный феномен он назвал запоминающейся метафорой – *burnout* (выгорание). Синдром эмоционального выгорания – «специфический вид профессионального заболевания лиц, работающих с людьми» (медицинских работников, преподавателей, психологов, психиатров и т. п.) [3, с. 64]. Далее изучение эмоционального выгорания продолжили психологи К. Маслач и С. Джексон. В 1978 г. они опубликовали многофакторную теорию выгорания, где определили это состояние как «синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия» [2, с. 445].

Отечественные психологи по данной теме использовали различные термины: «эмоциональное сгорание» или «эмоциональное выгорание». В 1999 г. В. В. Бойко в книге «Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении» [1, с. 24]. Он определяет данное состояние как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия. Поэтому можно говорить о том, что выгорание – это приобретенный стереотип эмоционального, а чаще всего профессионального поведения. В. В. Бойко считает эмоциональное выгорание конструктивным, а дисфункциональным – его последствия.

Стоит отдельно рассмотреть профессиональное выгорание и отметить, что это частный случай эмоционального выгорания, он тоже является синдромом, который развивается вследствие истощения личностных ресурсов человека на фоне постоянного стресса и усталости, связанных с работой. Профессиональное выгорание – это нормальная реакция психики на постоянный уровень эмоционального «зашумления».

Большинство исследователей солидарны в том, что в помогающих профессиях понятия «профессиональное выгорание» и «эмоциональное выгорание» могут отождествляться. Это связано с профессиональной пригодностью исполнителя социальной сферы, одной из основных профессиональных компетенций которого является коммуникативная. Признаками выгорания могут являться снижение мотивации деятельности, отрицательный эмоциональный фон, проявления невнимания к посетителям учреждения, рост конфликтов с коллегами и клиентами, постоянные жалобы на усталость и неблагодарность окружающих людей. Но также отмечаются разногласия терминологического плана при определении «профессионального выгорания». Т. В. Форманюк оперирует термином «эмоциональное сгорание», В. В. Бойко – «эмоциональное выгорание», В. Д. Вид, Е. И. Лозинская пишут об «эмоциональном перегорании», Н. Е. Водопьянова использует термин «психическое выгорание», а Т. Н. Ронгинская – «профессиональное выгорание».

Вышеизложенное дает нам понять, что профессиональное выгорание – это истощение эмоционального, умственного и энергетического запаса человека. Развивается оно на фоне сильного и длительного стресса при исполнении профессиональных обязанностей, что, несомненно, сказывается на качестве услуг, а также на психосоматическом здоровье исполнителя услуг.

При анализе особенностей деятельности исполнителей, предоставляющих социальные услуги мы можем сделать вывод, что это работа эмоционально напряженная, от них требуются высокие моральные качества, выносливость, умение понимать проблемы клиентов, находящихся в трудной жизненной ситуации, умение выстраивать коммуникации с ними, оказывать разнообразные социальные услуги, владеть профессиональными умениями и навыками. На этом фоне может возникнуть стресс и как следствие профессиональное выгорание, что негативно скажется на оценке качества условий оказания услуг.

Можно выделить факторы, способствующие профессиональному выгоранию исполнителей социальных услуг, а именно внешние факторы (напряженная психоэмоциональная деятельность, дестабилизирующая организация деятельности, повышенная ответственность за исполняемые функции и операции, неблагоприятная психологическая атмосфера профессиональной деятельности, психологически трудный контингент) отчетливо прослеживаются в деятельности исполнителя социальных услуг, и не всегда исполнитель может повлиять на них. Внутренние факторы (склонность к эмоциональной ригидности, интенсивное восприятие и переживание, слабая мотивация эмоциональной отдачи, нравственные дефекты и дезориентация личности) во многом зависят от самого исполнителя, его психики и восприятия.

Исследование проводилось в 2021 г. в Управлении социальной политики № 23 по Орджоникидзевскому району г. Екатеринбурга по городам Верхняя Пышма и Среднеуральску – это территориальный отраслевой исполнительный орган государственной власти, обеспечивающий в пределах своей компетенции проведение государственной политики в сферах социальной защиты населения, социального обслуживания граждан, опеки и попечительства.

При проведении исследования размер выборки составил 30 сотрудников, из них 19 специалистов первой категории, 8 ведущих специалистов, два заместителя начальника отдела и один начальник отдела. Все 30 человек женщины, возраст от 25 до 63 лет, три четверти из них имеют высшее образование (76,66 %), остальные – среднее специальное. Стаж работы более десяти лет у 60 % сотрудников, от пяти до девяти лет – у 23,33 % участников исследования и менее пяти лет у 16,67 % исполнителей услуг. Таким образом, уровень квалификации достаточно высок, при этом большинство сотрудников имеют продолжительный стаж работы в учреждении, что свидетельствует о том, что работа и коллектив их устраивают.

Исследование проводилось по методике В. В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания», по которой можно определить профессиональное выгорание [1, с. 29]. Методика предназначена для измерения уровня проявления эмоционального выгорания – механизма психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия. Достоинство методики в том, что она позволяет выявить какие симптомы доминируют у исследуемого, какой симптом больше всего отягощает эмоциональное состояние, какими факторами вызвано истощение (если оно выявлено) и какие аспекты поведения нуждаются в коррекции, чтобы снизить уровень выгорания.

Суть методики – в применении опросного листа В. В. Бойко, состоящего из 84 утверждений, на которые нужно ответить «да» или «нет». Данные утверждения были введены нами в Google-форму. После заполнения опросного листа респондентом, результаты обрабатываются в соответствии с ключом в программе Wortex.

В. В. Бойко предлагает исследовать уровень эмоционального выгорания по трем фазам и двенадцати симптомам. Фаза «напряжение» включает в себя такие симптомы как: неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревогу и депрессию. Фаза «резистенция» включает: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственную дезориентацию, расширение сферы экономии эмоций и редукцию профессиональных обязанностей. Фаза «истощение»: эмоциональную отстраненность, личностную отстраненность (деперсонализацию), и психосоматические и психовегетативные нарушения.

Синдром выгорания включает в себя группы симптомов, которые проявляются вместе, но поскольку выгорание как процесс протекает у каждого индивидуально, то и симптомы у всех выражаются по-разному и имеют разную комбинацию.

Первая фаза напряжения служит предвестником и запускающим механизмом в формировании синдрома выгорания и сопровождается ощущением тревожности, снижением эмоционального фона, подавленным настроением, депрессией, равнодушием и эмоциональным перенасыщением.

Результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что первая фаза напряжения сформировалась у 12 опрошенных, в стадии формирования у 10 респондентов, у остальных 8 данная фаза не сформировалась (рис. 1).

По данной фазе мы можем сделать вывод, что она возникает, когда специалист находится в хронической психоэмоциональной атмосфере и дестабилизирующей обстановке. У него повышенная ответственность и работа, связанная с трудным контингентом. Сформировавшиеся симптомы, характерные для данной фазы (например, переживание психотравмирующих обстоятельств), отмечаются у 20 респондентов, неудовлетворенность собой – у 10, «загнанность в клетку» – у 12, тревожность и депрессия – у 10. Это позволяет сделать нам вывод, что фаза напряжения сформирована почти у большинства специалистов.

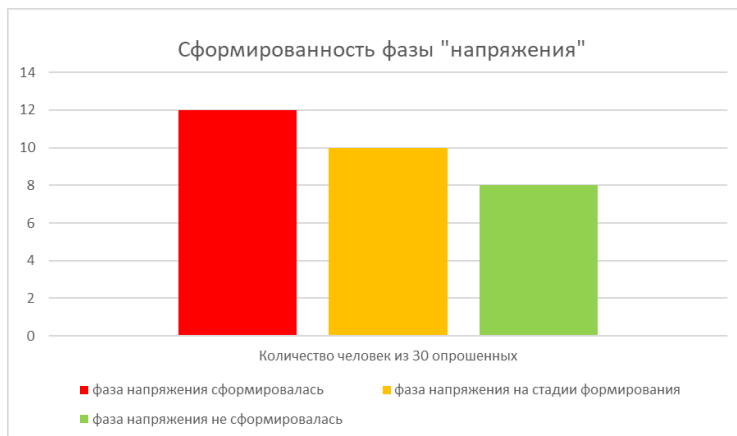

Рис. 1. Количественные показатели уровня сформированности фазы напряжения у специалистов

Вторая фаза резистенции

Резистенция (т. е. сопротивление) – ситуация, при которой человек пытается более или менее успешно оградить себя от неприятных впечатлений. Сопротивление нарастающему стрессу начинается с момента появления тревожного напряжения, т. е. первой фазы. Исполнитель осознанно или бессознательно стремится к психологическому комфорту, стремится снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в его распоряжении психологических защит.

Результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что вторая фаза полностью сформирована у 20 опрошенных, у 8 – на стадии формирования и у 2 не сформирована (рис. 2).

По фазе резистенции мы можем сделать вывод, что специалист пытается сопротивляться и предпринимает попытки оградить себя от неприятных впечатлений. Сформировавшиеся симптомы, характерные для данной фазы (такие, как неадекватное избирательное эмоциональное реагирование), отмечаются у 20 респондентов, эмоционально-нравственная дезориентация – у 10, расширение сферы экономия эмоций – у 14 и редукция профессиональных обязанностей – у 20 респондентов. Это позволяет сделать нам вывод, что фаза резистенции сформировалась у большинства специалистов.

Третья фаза истощения

Истощение характеризуется падением общего энергетического тонуса и ослаблением нервной системы. Эмоциональная защита в форме «выгорания» становится неотъемлемым атрибутом личности.

Фаза истощения сформировалась у 13 специалистов, у 8 на стадии формирования и у оставшихся 9 не сформировалась (рис. 3).

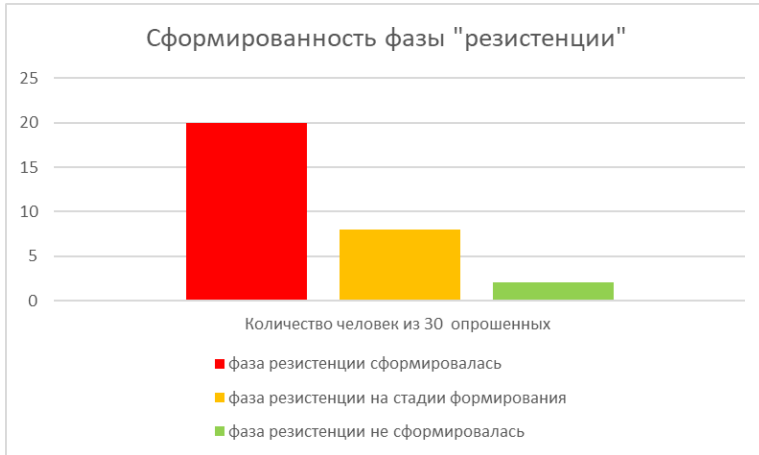

Рис. 2. Количественные показатели уровня сформированности фазы резистенции у специалистов

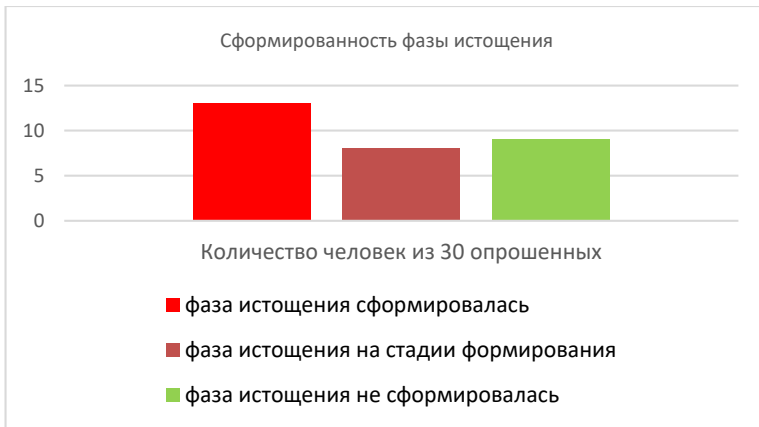

Рис. 3. Количественные показатели уровня сформированности фазы истощения у специалистов

По фазе истощения мы можем сделать вывод, что специалисты ощущают оскудение психических ресурсов, снижение эмоционального тонуса, которое наступило вследствие того, что проявленное сопротивление оказалось неэффективным. Сформировавшиеся симптомы, характерные для данной фазы (такие как эмоциональный дефицит), отмечаются у 10 респондентов, эмоциональная отстраненность – у 14, личностная отстраненность или деперсонализации – у 15, психосоматические и психовегетативные нарушения – у 10 респондентов. Это позволяет сделать нам вывод, что фаза истощения сформировалась у большинства специалистов.

Почти половина опрошенных испытывают состояние физического и психического истощения, возникшее в ответ на эмоциональное перенапряжение. Другая половина опрошенных находится в пограничном состоянии на стадии формирования эмоционального выгорания. Только у 3 специалистов из 30 отсутствуют симптомы (рис. 4). Из этого мы можем сделать вывод, что чаще всего специалист Управления переживает психотравмирующие обстоятельства, испытывает отчаянье, безысходность из-за неразрешенных проблем. Защитными механизмами специалиста являются эмоциональная черствость, неучтивость, равнодушие, он так же пытается облегчить или сократить обязанности, которые требуют от него эмоциональных затрат. Полностью исключает эмоции из сферы профессиональной деятельности. Утрачивает интерес к человеку и воспринимает его как неодушевленный предмет. Данные симптомы опасны для здоровья исполнителей социальных услуг, так как крайней точкой становятся психовегетативные нарушения (бессонница, головные боли, обострение хронических заболеваний).

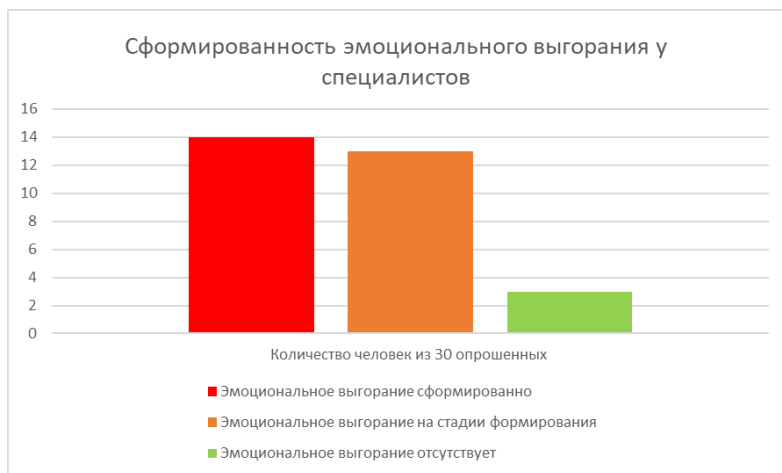

Рис. 4. Итоговый количественный показатель сформированности синдрома эмоционального выгорания у специалистов

Данные, полученные в ходе исследования, показывают, что эмоциональное выгорание наблюдается у исполнителей социальных услуг данного учреждения, а, значит, несомненно влияют на качество предоставления социальных услуг. Для противодействия нарастанию негативных тенденций необходима профилактика профессионального выгорания. Она представляет собой совокупность предупредительных мероприятий, ориентированных на снижение вероятности развития предпосылок возникновения выгорания. Программы по профилактике профессионального выгорания, наце-

лены на комплексное и многогранное решение проблем, связанных с выгоранием, ориентированные на личность и ее внутренний мир. А это означает, что профессиональное выгорание можно предотвратить на ранней стадии и проводить коррекцию, если выгорание наблюдается у индивида.

Литература

1. Бойко В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб. : Сударыня, 2009. 278 с.
2. Водопьянова Н. Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 443–463.
3. Ибраев С. А., Жарылкасын Ж. Ж., Отаров Е. Ж., Исмаилов Ч. У. Современные аспекты профессионального риска у лиц умственного труда // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3. С. 62–65.

УДК 174.4
ББК 88.5

А. Г. Терещенко, Н. Г. Васильев, *Иркутск*

Изучение адаптационного потенциала личности к корпоративной культуре организации

Показано, что уровень корпоративности влияет на адаптационный комплекс взаимосвязанных факторов: стремление сотрудников к успешной деятельности, готовность выполнять различные виды работ, стремление закрепиться в компании, характер межличностных отношений.

Ключевые слова: корпоративная культура, адаптационный потенциал личности, организационное поведение, ценностные ориентации.

A. G. Tereshchenko, N. G. Vasiliev, *Irkutsk*

The study of the adaptive potential of the individual to the corporate culture of the organization

It is shown that the level of corporatism affects the adaptive complex of interrelated factors: the desire of employees to succeed, the willingness to perform various types of work, the desire to gain a foothold in the company, the nature of interpersonal relationships.

Keywords: corporate culture, personality's adaptive potential, organizational behavior, value orientations.

Корпоративную культуру следует рассматривать как систему ценностных ориентаций и поведенческих норм. Одним из условий конкурентоспособности любой фирмы является уровень развития корпоративной культуры. Чем он выше, тем более жизнеспособна организация.

Корпоративная культура – это сложное и по структуре, и по содержанию явление [2]. В данном исследовании при изучении особенностей корпоративной культуры учитывалось влияние на поведение сотрудников определенных образцов, сложившихся в компании, использование рабочего и свободного времени, язык, логотипы. Были изучены ценности, которых придерживаются сотрудника данного предприятия, особенности коммуникаций, внешний вид, одежда, представления сотрудников о своей работе, привычки и традиции, соблюдение этических норм поведения и некоторые

другие особенности. Были отслежены следующие уровни организационного взаимодействия: организация – внешняя среда, группа – группа и индивид – организация. Для каждого из этих уровней измерялась эффективность деятельности сотрудников с точки зрения интересов организации и уровень их удовлетворенности. Исходя из этого, нами и был определен круг исследовательских процедур.

В работе использовались следующие социально-психологические методы: наблюдение, анкетирование, анализ документации, опросник Дж. Кемпбела OGAL, направленный на определение корпоративной культуры организации, методика «Луковица культуры», методика М. Рокича по изучению ценностных ориентаций сотрудников, опросник «Культура Вашей организации, а также экспресс-методики: «Оценка мотивации организационного поведения» и «Уровень социальной фрустрированности» Л. И. Вассермана. Для определения достоверности полученных результатов и выявления наиболее значимых показателей и связей использовались корреляционный (по Спирмену и Пирсону) и факторный виды анализа. Данные обрабатывались с помощью компьютерных статистических программ Exell и Statgraphics Plus for Windows.

Базой проведенного нами исследования явилась одна из организаций Иркутской области. Было обследовано 42 человека. Из них: 6 – руководители разных звеньев; 36 – рядовые сотрудники. Исследование проводилось анонимно.

В качестве интегративной модели корпоративной культуры нами была взята модель «Луковица культуры» Н. В. Михайловской [1]. Данная модель дает возможность учесть уровень регулятивного воздействия на человека.

Первым слоем луковицы являются видимые внешние факты (язык, жесты, одежда, символика). Вторым слоем «луковицы культуры» являются традиции, имидж организации. Третий слой включает нормы, правила, поведение организации. И, наконец, четвертый слой – это ценности, стержневой элемент корпоративной культуры организации.

Изучение корпоративной культуры данного предприятия показало достаточно неоднозначную и, в ряде случаев, даже противоречивую картину.

Так, по результатам наблюдения, бесед на первом этапе были проанализированы установленная форма одежды, знание и использование профессиональной символики, наличие определенной общности в употреблении профессиональной терминологии. На основании контент-анализа ответов испытуемых мы установили, что 42,8 % испытуемых используют нормативную лексику, причем на долю таких слов, как «инструкция», «положение» и т. п. приходится 53,6 % ответов по данной категории, на долю терминов, отражающих субординацию – 16,2 %, на долю терминов, отражающих понятие «деловой этикет» – 15,2 %.

35 % всех ответов отражали деловую, профессиональную терминологию. У 29,2 % опрошенных ответы явно носили неопределенный характер, их весьма трудно отнести к какой-либо категории.

Из этого можно заключить, что профессиональный жаргон данной организации еще в полной мере не сформирован, и он в большей мере отражает не рабочие (профессиональные) отношения, а отношения субординации, подчинения.

Второй уровень «луковицы культуры» характеризуется тем, что в организации сложились определенные традиции, ритуалы, церемонии, символизирующие имидж организации. Что касается «героев» организации, то здесь выявилась некоторая диспропорция, поскольку около 65 % опрошенных в качестве таковых рассматривают руководство, и лишь 35 % относят к героям организации профессионалов или опытных сотрудников (т. е. ставят во главу угла не статусные, а профессиональные характеристики). Можно предположить, что сотрудники не в полной мере осознают «героев» организации. Большинство из них считают, что успех деятельности всей организации зависит исключительно от руководства, и склонны к перекладыванию ответственности за происходящее в кампании с себя на руководство.

Третий уровень «луковицы культуры» касается существующих в организации норм и правил, определяющих поведение сотрудников в организации, и отражает их основные потребности.

Контент-анализ ответов сотрудников, касающихся правил их поведения в организации, показал, что 26 % из них стремятся к личностному развитию, 34,8 % респондентов чувствуют личную ответственность за выполняемую работу, 34,8 % – ориентированы на проблематику конкретных инструментальных средств, позволяющих добиваться успеха в деятельности. 4,4 % ответов отражают стремление отказаться от ответственности и самоустраниться от сложных проблем. Таким образом, большинство сотрудников ориентированы на развитие, готовы преодолевать трудности для достижения успеха, имеют обозначенные цели жизнедеятельности и определенный личностный потенциал. Было обнаружено, что в ответах опрашиваемых наблюдается некоторый разброс, т. е. правила, которые являлись бы общими для всей организации в целом или хотя бы для отдельных групп в организации, отсутствуют. Можно предположить, что существуют некоторые недочеты в разработке внутрикорпоративного имиджа организации, недостаточно четко сформулированы общие организационные нормы и правила, необходимые для формирования зрелой корпоративной культуры.

Изучение обязательных норм и правил, принятых в организации, показало, что 28,4 % опрошенных респондентов считают профессионализм, компетентность и образованность сотрудников залогом успеха организации; такие процессуальные качества, как трудолюбие, усидчивость, аккуратность отметили 24 % респондентов; профессионально значимые личностные качества

(настойчивость в достижении цели, ответственность, умение понимать людей, доброжелательное отношение к ним, дисциплинированность, преданность своему делу и т. п.) – 33,3 %; общезначимые личностные качества,

такие как справедливость, честность, независимость, стремление к самосовершенствованию, положительное отношение к данному виду деятельности – 23,3 %. Субъективное выделение именно этих норм и правил может указывать на то, что у большинства сотрудников существует осознание того, за счет соблюдения каких норм можно добиться успеха в данной организации, т. е. адаптироваться к ее условиям. Правда, можно предположить, что не всегда выделенные сотрудниками нормы подкрепляются на поведенческом уровне.

Анализ данных по методике «Культура вашей организации» указывает на то, что большинством сотрудников оценивают достаточно позитивно и уровень корпоративности, и уровень солидарности. При этом 35 % сотрудников отмечают для себя некоторые недостатки в функционировании организации, а часть сотрудников (19 %) оценивают эти показатели достаточно низко, что и отражается на общем групповом результате. Это означает, с одной стороны, возможность дальнейшего развития корпоративной культуры данной организации в сторону усиления уровня ее корпоративности и сплоченности, а с другой, указывает на определенную степень напряжения в коллективе в отношениях между сотрудниками, неоднозначное понимание различными сотрудниками системы отношений, складывающихся в организации и своей роли в этих отношениях.

Результаты по методике «Оценка мотивации организационного поведения» показали, что в структуре мотивации преобладают такие мотивационные (психологические) факторы, как возможность заниматься самосовершенствованием, интересное содержание работы, признание своей деятельности, уважительное отношение, желание делать работу хорошо и преуспеть в этом. Недостаточно выраженными оказались такие факторы, как возможность продвижения по службе и ответственная работа.

В то же время большое значение сотрудники данной организации придают таким факторам, как престижность работы, обоснованность правил и процедур, существующих в организации. Менее выраженными оказались такие показатели, как удовлетворенность личной жизнью, хорошие условия для работы, чувство безопасности, связанное с работой, наименьшую степень выраженности имел фактор «хороший начальник».

Результаты по методике «Уровень социальной фрустрированности (УСФ)» показали, что в целом социальная фрустрированность у обследуемых сотрудников не выражена, наблюдается достаточная степень удовлетворенности положением дел в различных жизненных сферах, т. е. можно говорить о достаточной степени адаптированности большинства сотрудников к существующим условиям работы и жизни. В целом сотрудники данной организации удовлетворены содержанием своей работы и взаимоотношениями с администрацией, они социально адаптированы и удовлетворены своим положением в обществе. В несколько меньшей степени выражена удовлетворенность такими показателями, как достигнутый уровень образо-

вания, характер взаимоотношений с коллегами по работе, условия профессиональной деятельности, материальное положение, возможность проводить отпуск. Однако отметим, что среди менее удовлетворенных этими показателями сотрудников выявляется такой фактор, как возможность выбора места работы. Это может указывать на то, что при положительном отношении к своей организации многие сотрудники, возможно, подсознательно чувствуют некоторые ограничения в возможности самореализоваться, проявить себя, добиться карьерного роста, т. е. имеют определенный запас негативизма в отношении к организации, который явно не выражается.

Полученные в ходе изучения корпоративной культуры организации данные свидетельствуют о том, что ее уровень находится еще в стадии своего формирования и обнаруживает определенные черты незрелости, и поэтому еще не в полной мере обладает необходимым адаптационным потенциалом для сотрудников (особенно новых). Также можно утверждать, что в структуре корпоративной культуры имеется ряд негативных тенденций, которые могут отразиться на положении дел организации и уже сейчас могут явиться либо факторами, мешающими необходимой адаптации работников, либо факторами, задающими неправильное направление такой адаптации (излишний конформизм, пассивность, некоторое избегание ответственности и т. п.).

Таким образом, на основании проделанного нами корреляционного анализа, мы можем сделать следующий общий вывод: чем более позитивный образ организации существует в сознании сотрудников, чем больше их участие в совместном принятии внутриорганизационных решений, более близкими и общими являются бизнес-цели, более явно и четко определяется и видится конкурент, более определенными являются правила и процедуры, которые существуют в организации, чем лучше складываются взаимоотношения с администрацией, тем, соответственно, более выраженным будет уровень корпоративности, тем более явным будет являться стремление сотрудников устанавливать и поддерживать личностные отношения, тем более позитивными, доверительными, открытыми становятся отношения между сотрудниками в организации, тем быстрее и успешнее будет проходить процесс адаптации к существующим в организации условиям и правилам. Вследствие этого усиливается стремление прилагать необходимые и даже чрезмерные усилия для успеха своей компании, готовность выполнять различные виды работ, стремление закрепить в компании. Все это, в свою очередь, может оказывать ответное влияние на взаимоотношения с администрацией (чем более позитивно человек настроен по отношению к организации, тем лучше он воспринимается администрацией) и на само восприятие организации (делает его более позитивным). Это может рассматриваться как своеобразный адаптационный комплекс взаимосвязанных факторов.

Соответственно, плохие отношения с администрацией, субъективно неудовлетворяющие сотрудника правила и процедуры, неучастие в совместном принятии решений, расхождения в понимании общих бизнес-целей

и т. д. способствуют дезадаптации работника, его изоляции, что, в свою очередь, может отразиться на отношении работника к организации, негативном ее восприятии и его нежелании работать в полную силу на благо организации.

Таким образом, адаптационный потенциал личности к корпоративной культуре организации, складывается из трех взаимосвязанных факторов: 1) отношения с администрацией, которые также подразумевают оценку правил и процедур, существующих в организации; 2) возможность самореализоваться в данной организации; 3) досуг (возможность проводить досуг и его качественная сторона).

Литература

1. Михалковская Н. В. Корпоративная культура организации: технология описания и диагностики : метод. пособие. Новосибирск: НГПИ, 2002. 68 с.

2. Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Корпоративизм как способ организации общественной жизни // Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 18–20 апр. 2018 г. / ред.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. Вып. 7. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018.

УДК 379.54

ББК 77.83

Т. Ю. Фальковская, *Иркутск*

Масленица не только для котов: социально-культурное проектирование как фактор устойчивого развития региона

Рассматриваются процессы социально-культурного проектирования, способствующие территориальному развитию. На примере празднования Масленицы показывается воздействие социокультурного потенциала на социальную динамику региона.

Ключевые слова: рандомность и сингулярность, утрата смыслов, низкая резильентность, гуманитарные практики, традиции территории, интегрированное социально-культурное проектирование.

T. Yu. Falkovskaya, *Irkutsk*

Maslenitsa is not only for cats: social and cultural design as a factor in the sustainable development of the region

The article deals with the processes of socio-cultural design that contribute to territorial development. On the example of the celebration of "Shrovetide" shows the impact of socio-cultural potential on the social dynamics of the region.

Keywords: randomness and singularity, loss of meanings, low resilience, humanitarian practices, traditions of the territory, integrated socio-cultural design.

В условиях тотальной рандомности и сингулярности процессов и событий наблюдается тотальное снижение резильентности населения, потеря навыков целеполагания, утрата смыслов: глобальная экономика, пандемия, тотальная диджитализация – источники непредсказуемости и неуверенности для большинства населения. Очередной виток технической революции

выбивает в очередной раз у большей части человечества почву из-под ног, человеческая жизнь лишается смысла и ценности. Это означает, что нужно искать новые смыслы и создавать ценности. Человек не может состязаться с машинами в анализе данных и оперативности принятия шаблонных решений, конкурировать с киберсуществами бессмысленно и бесперспективно; человек, человечество должно делать ставку в своем развитии на имманентно человеческое, на специфические человеческие качества, компетенции и практики.

Цифровые технологии, роботы настойчиво выдавливают человека из всех сфер экономики, все больше оставляя времени для досуга. Стоит задуматься о планомерном и осмысленном заполнении неограниченного досуга человека гуманитарными практиками: гуманитарные практики в условиях неограниченного досуга заменяют экономическую активность. Основные гуманитарные практики, кроме экономической деятельности, отличающие человека от биологических и киберсущест – это творчество и традиции. Причем творчество не как часть креативных индустрий, как экономическая активность, инструмент монетизации креативного потенциала, а как способ самовыражения и источник признания и успеха. А традиции – как инструмент причастности к сообществу, событию, деятельности, территории и т. п.

Эти глобальные человеческие практики имеют огромный потенциал вовлечения и укрепления резильентности, преодоления маргинализации общества; вокруг них необходимо выстраивать смыслы, сообщества, структуру осмысленной деятельности, специальную инфраструктуру.

Если творчество связано с владением специальными навыками, и потенциал вовлечения в эти сферы имеет некоторые ограничения, то традиции не имеют ограничений как таковых. Традиции идентифицируются с территориями, обусловлены национальной структурой населения, климатом, ландшафтом и, конечно, потенциалом креативности населения, акторов и администраций территорий.

Традиции – это необходимые реперные точки существования, точки опоры, горизонты планирования, которые снижают randomness и сингулярность существования человека в эпоху тотальной диджитализации, его эфемерность. Традиции позволяют предвидеть моменты будущего, готовиться к ним т. е. существовать планомерно и осмысленно по привычной и приемлемой для человека разумного схеме: цель-план-реализация-результат-удовлетворение. Кроме предвидения и планирования участие в традиционных ивентах обогащает персональную событийную историю, что также придает смысл жизни.

С точки зрения конкурентоспособности территорий и их привлекательности для проживания традиции составляют событийный ландшафт, являются аттрактором для проживания и для туризма. Традиции могут иметь самые различные источники, аспекты и причины/цели; генерировать их могут различные заинтересованные стороны. Гендерные, религиозные, национальные, гастрономические, аграрные, спортивные – далеко не все аспекты традиций.

В хронологической классификации традиции могут быть древние, новые, новейшие...

Древние традиции обрывают новыми смыслами, аксессуарами и инфраструктурой; становятся важной частью событийного календаря; вместе с новыми и новейшими поддерживают оптимальный градус эмоциональности, генерируют впечатления ... Крещение, Масленица: для поддержания социокультурной практики этих религиозных традиций дальновидные администрации территорий создают специальные условия; выстраивается специальная инфраструктура, поддерживается и развивается специфическая эстетика. Далеко не все участники этих событий сопровождают их религиозным смыслом, однако, все находят в них источник положительных эмоций, ярких впечатлений, возможность самореализации через преодоление страхов, участие в соревнованиях, хороводах, традиционных забавах; это возможность почувствовать причастность к сообществу, добавить яркую страницу в личную событийную историю. С точки зрения социальных эффектов традиционные праздники – это инструмент социальной интеграции, повышения лояльности к территории, к ее администрации, инструмент повышения эмоционального градуса, мотивации к деятельности, активному существованию. С экономической точки зрения, понятно, что подобные массовые мероприятия создают дополнительный существенный спрос на сопутствующие услуги и продукты, стимулируют экономическую активность. Яркая реализация традиционных мероприятий может создать точку притяжения не только для местного населения, но и для туристических потоков, что еще более «подогреет» эмоциональный и экономический градус в регионе.

Новые традиции также добавляют баллы в рейтинг региона... Примером может служить Красноярск: «Праздник горнолыжника» – яркое ежегодное событие закрытия горнолыжного сезона в фан-парке Бобровый лог поднимает эмоциональный градус как участникам, так и зрителям, создает точку притяжения, а следовательно, спрос на сопряженные услуги: транспорт, общепит, размещение.

В целом традиции обладают высоким потенциалом для стимулирования региональной экономики – они создают вокруг себя экономику: обслуживание событий, производство аксессуаров, сувениров, сопутствующие товары и услуги и т. д.

В ситуации, когда устоявшиеся традиции не поддерживаются, что тождественно их разрушению, проявляются многочисленные негативные социально-экономические эффекты. Неоправданные ожидания, отсутствие предсказуемости и планомерности во всех сферах жизни – снижает удовлетворенность от проживания на территории, снижает рейтинг региона и отрицательно сказывается на экономике. Низкий уровень социальной активности, отсутствие драйверов экономики; снижается эмоциональный статус населения, падает мотивация к деятельности вообще и к труду в частности.

Креативный класс уезжает, оставшиеся впадают в депрессию вместе с региональной экономикой. В условиях предстоящего роста безработицы в контексте очередного технологического переворота – это неизбежный путь к маргинализации населения и необратимым потерям.

Очевидно, что с точки зрения устойчивого развития территории, местные администрации должны поддерживать существующие местные традиции и генерировать новые, но не запрещать и отменять существующие. Быть чувствительными к запросам населения, ощущать специфику места, знать его историю, формировать предсказуемую и планомерную среду существования, снижать чуждую человеку randomness и сингулярность; осуществлять интегрированное планомерное социально-культурное проектирование, т. е. продолжать творить историю места с учетом запросов стейкхолдеров и перспектив устойчивого развития территории. И, конечно, задача местной администрации – обеспечивать доступ населения к культурным продуктам, к основным значимым событиям, поскольку на данном этапе цивилизационного развития, в эпоху экономики впечатлений культурные продукты и культурные мероприятия попадают в список первичных потребностей человека и прав гражданина.

Секция
Социально-политическая интеграция

УДК 342.553
ББК 67.400

Л. Ю. Айснер, О. Д. Наумов, *Красноярск*

**Единство системы публичной власти
и перспективы развития системы местного самоуправления:
анализ конституционных поправок**

Предпринимается попытка анализа конституционных поправок, касающихся изменений в организации государственной власти на территории Российской Федерации. Рассматривается понятие «публичной власти», ее структура, функции и назначение. Определяется место и роль органов местного самоуправления в системе публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, конституционные поправки, государственная власть, местное самоуправление, конституция, конституционные основы муниципальной власти.

L. Yu. Aisner, O. D. Naumov, *Krasnoyarsk*

**The unity of the system of public authority and the prospects for the development of the system
of local self-government: an analysis of constitutional amendments**

The article attempts to analyze the constitutional amendments concerning changes in the organization of state power on the territory of the Russian Federation. The concept of «public authority», its structure, functions and purpose is considered. The place and role of local self-government bodies in the system of public authority is determined.

Keywords: public authority, constitutional amendments, state authority, local self-government, constitution, constitutional foundations of municipal authority.

Принятие поправок в действующую Конституцию ставит перед отечественной теорией и практикой государственного и муниципального управления ряд задач, нуждающихся не только в теоретическом осмыслении, но и в практическом разрешении, посредством пересмотра действующей нормативно-правовой базы.

В частности, в свете положений действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [6] существенной перестройке должна быть подвергнута существующая сегодня система муниципального управления. Важно отметить, что призывы к пересмотру постсоветской модели организации местного самоуправления звучали и ранее, преследуя лишь одну цель – минимизировать устоявшуюся административно-управленческую дискредитацию государственных и муниципальных органов власти на местах, сложившуюся в ходе конституционной реформы 1993 г. По мнению ряда теоретиков [5; 7], причина описываемого политико-правового положения институтов муниципальной власти

обусловлена категоричностью формулировки ст. 12 Конституции РФ [3]: «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». В результате применения данного положения основного закона, возникает неустранимый прецедент отчужденности государственной власти и муниципального самоуправления. В практике современного государственного и муниципального управления описываемая ситуация оборачивается появлением и сохранением разрыва между уровнями государственной власти, что, с одной стороны, не может не сказываться на эффективности осуществляемой государственно-управленческой деятельности, с другой, на темпах достижения стратегических целей государственного и муниципального управления.

Справедливости ради, стоит заметить, что приведенной точки зрения придерживаются далеко не все исследователи. Например, С. А. Авакьян [1] отмечает, что действующие положения Конституции, во-первых, сформулированы в кризисный период становления государственности с целью защиты государственной власти от попыток ее дальнейшей дестабилизации и децентрализации, во-вторых, артикулируемая посредством норм конституционного права модель государственного и муниципального управления в вопросе взаимодействия рассматриваемых уровней власти, оказывается малоприменимой в актуальный момент социально-политического развития российского общества. В этом смысле сама логика и ход общественного развития свидетельствует о необходимости пересмотра конституционных оснований, обуславливающих деятельность органов местного самоуправления.

В связи с этим эффективным механизмом преодоления существующего между муниципальным и государственным уровнями управления оказывается введенное в ходе внесения поправок в действующую Конституцию [3] понятие «единой системы публичной власти» в Российской Федерации. Согласно замыслу законодателя, данное понятие призвано включить в себя названные уровни государственного управления с целью их последующей интеграции и эффективного взаимодействия в решении как стратегических, так и локальных – муниципальных проблем, характеризующих жизнь населения, проживающего на соответствующей территории.

Несмотря на кажущийся положительный эффект, с одной стороны, признания местного управления самостоятельным уровнем государственного управления, с другой – интеграции существующих уровней в механизм обеспечения интересов населения, некоторые исследователи отмечают риски, возникающие в связи с развитием институтов публичной власти. В частности, Н. Л. Пешин [4] отмечает, что поправки в действующую Конституцию порождают новый политико-административный прецедент, угрожающий сложившейся системе местного самоуправления ограничением ее реальной автономии и компетентности в вопросах организации жизни на территориях. Речь идет о возможности возникновения ничем не ограниченного арсенала административных механизмов государственной власти, позволяющей ей беспрепятственно вмешиваться в решение местных вопросов на

любом уровне их артикуляции и рассмотрения. Кроме того, выстраивание механизма реальной коммуникации между существующими уровнями государственной власти, создает риск вмешательства вышестоящего уровня не только в процесс принятия решений, входящих в компетенцию нижестоящего уровня, но и оказывать значительное влияние на последний в вопросах формирования органов местного самоуправления, а также назначения или избрания их должностных лиц.

В защиту существующей административной автономности муниципальной власти выступает О. И. Баженова [2], полагающая, что конституционные поправки представляют собой попытку формирования новой нормативно-правовой рамки, очерчивающей пространство взаимодействия существующих уровней государственного управления. По мнению автора, внесенный в Конституцию принцип единства системы публичной власти, является, с одной стороны, запоздалой легитимацией и признанием фактического существования разноразмерной системы государственного управления, с другой, гарантом ее стабильности и неизменности. В этом смысле, отмечает О. И. Баженова [2], принятые поправки по своему характеру являются скорее охранительными, нежели реформистскими. Продолжая мысль автора, хочется заметить, что изменение Конституции в вопросе организации государственного и муниципального управления посредством введения понятия «публичная власть» является закономерным этапом признания самостоятельности и важности государственного управления, реализующего себя на местном – муниципальном уровне.

Отметим, что предпосылки для такого законодательного механизма были заложены еще в прежней редакции Конституции, а именно в ч. 2 ст. 3, описывающей процесс реализации многонациональным народом Российской Федерации своей власти непосредственно, через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В этом смысле логичным как с точки зрения права, так и в рамках теории государственного управления, выглядит уточнение и вместе с тем продолжение приведенной нормы конституционного права: «органы государственной власти и органы местного самоуправления составляют единую систему публичной власти», что преодолевает и исключает существовавшие на протяжении долгого времени противоречия, существующие скорее в сфере теоретизирования по поводу государственного и муниципального управления.

Таким образом, принятые в 2020 г. поправки в Конституцию, пусть и с некоторым опозданием, устраняют существующее теоретическое противоречие, признавая существующее в практике государственного и муниципального управления единство двух уровней единой государственной власти.

Литература

1. Авакян С. А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы // Конституционное право России : избр. ст. 2010–2016. Махачкала : Изд-во ДГУ ; М. : Проспект, 2016. С. 112–132.

2. Баженова О. И. Поправка (и) к Конституции Российской Федерации: местному самоуправлению быть? // Местное право. 2020. № 3. С. 17–26.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.01.22).
4. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 24–30.
5. Сергеев А. А. Местное самоуправление на современном этапе // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 169–171.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 26.01.22).
7. Филиппова А. В. Конституционные поправки к местному самоуправлению: анализ проекта и проблемы правоприменения // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 27–31.

УДК 316.38
ББК 66.34

А. Т. Бирюков, Д. М. Мулюков, И. Л. Салимшин
Уфа

Демократическая консолидация в современном обществе

Представлена концепция демократической консолидации и процесса ее достижения. Рассмотрены механизмы развития демократической консолидации, риски и социальные перспективы.

Ключевые слова: демократия, демократическая консолидация, гражданское общество, политика, политический режим.

A. T. Biryukov, D. M. Mulyukov, I. L. Salimshin, *Ufa*

Democratic consolidation in modern society

One of these processes is consolidation. So this article presents the concept of democratic consolidation and the process of achieving it. The mechanisms of development of democratic consolidation, risks and social prospects are considered.

Keywords: Democracy, democratic consolidation, civil society, politics, political regime.

Сопоставление консолидации с демократией приводит к использованию комбинированного термина, который вводит в заблуждение при изучении переходных процессов. Поскольку нечто консолидированное обладает качеством кажущейся невосприимчивости к дезинтеграции, существует тенденция ассоциировать консолидированные демократии с их стабильностью и, как следствие, превращать период времени, при котором не меняется режим и отсутствие потенциально дестабилизирующих факторов. Хотя долговечность демократического режима является атрибутом консолидации, эта характеристика сама по себе не обеспечивает достаточной основы для обоснования понятия консолидации. Сохранение демократического правительства после переходного процесса не обязательно обеспечивает укрепление демократического режима. В некоторых случаях, возможно, что

демократически избранные правительства могут сменять друг друга в течение значительного времени без изменений просто в результате осторожности их руководства в том, чтобы не бросать вызов субъектам, власть которых ускользает от демократической подотчетности. В этом случае результативная стабильность не может быть приравнена к прогрессу в создании полностью демократического режима. То, что повышает стабильность, может снизить демократическое качество режима. Современная Россия переживает сложный и противоречивый процесс политических преобразований. Формирование демократических политических институтов и внедрение в общественное сознание демократических ценностей сопровождаются острыми дискуссиями об их целесообразности и возможности применения в российских реалиях. При этом адаптация демократических институтов и ценностей к российской специфике происходит в противоборстве с авторитарными тенденциями [1].

В научной литературе часто можно встретить утверждение, что наличие развитого буржуазного класса и капиталистического рынка также способствуют демократизации, это же утверждение обычно распространяется на свободных крестьян-землевладельцев. Такой вариант весьма типичен для некоторых прибрежных районов Западной Европы, в то время как низкий уровень урбанизации и наличие крепостничества создают низкий потенциал для демократизации [2]. Процесс демократической консолидации потребует пересмотра, иногда со значительным риском, институтов режима и/или отношений между политическими субъектами. Более того, консолидированные демократии не обязательно свободны от дестабилизирующих условий, таких как наличие острых идеологических разногласий между основными партиями и политическими лидерами, вооруженных сепаратистских или террористических движений, социальных волнений, которые проявляются в городских беспорядках, или расовой и этнической напряженности, приводящей к насильственным столкновениям. Консолидированные демократии также не застрахованы от процессов распада. Фактически, они могут быть уязвимы для самого восприятия их прочности демократическими элитами, которые считают существование демократических институтов, даже в кризисных ситуациях, само собой разумеющимся, и поэтому не принимают необходимых мер для предотвращения их гибели. В целом, отсутствие политического кризиса, дестабилизирующих элементов и долговечность новых демократических условий в одном смысле являются недостаточным испытанием, а в другом чрезмерно требовательным для понятия демократической консолидации. Необходимы дополнительные критерии для оценки того, препятствуют ли дестабилизирующие факторы демократической консолидации.

Отметим, что при распространении в России и других посткоммунистических странах демократии и рынка они перестают быть похожими на западные образцы. В результате их дефиниции предельно упрощаются [3] В этой связи процесс достижения демократической консолидации состоит

в устранении институтов, процедур и ожиданий, которые несовместимы с минимальной работой демократического режима. Процесс демократической консолидации завершается, когда власть справедливо избранного правительства и должностных лиц законодательных органов должным образом установлена и когда основные политические субъекты, а также общественность в целом ожидают, что демократический режим сохранится в обозримом будущем. Установление или восстановление процедур, соответствующих демократическому управлению, увеличивает число политических и социальных субъектов, активно участвующих в политике. Новые институты создают новый политический баланс сил, поскольку одни субъекты выигрывают, а другие теряют относительную долю власти, авторитета и влияния по сравнению с балансом, который преобладал при предыдущем режиме. «Консолидированную демократию» можно рассматривать как результат процесса демократической консолидации, т. е. укрепления и сохранения демократии под действием основных факторов, определяющих стабилизацию демократических режимов в этих странах [4].

Таким образом, хотя демократическая консолидация в основном заключается в устранении формальных и неформальных институтов, враждебных демократии, она принимает форму борьбы между субъектами, которые извлекают выгоду или думают, что они могли бы извлечь выгоду в определенный момент из существования этих институтов. Процесс консолидации или его срыв разворачивается через политические конфронтации, создающие прецеденты, которые изменяют или пересматривают институциональную и процедурную среду в ее порочных или благотворных аспектах. Когда извращенные аспекты формально закрепляются в конституции, законах или уставах, некоторые из этих столкновений обязательно будут связаны с их изменением. Демократическая консолидация невозможна без отмены формально установленных институтов, которые противоречат минимальным принципам демократии. Другие конфронтации могут быть связаны с инцидентами, в частности с попытками государственного переворота, в которых на карту поставлено продолжение самого переходного периода и в которых проявляется наиболее извращенный из неформальных институтов государства – представление о том, что правительства могут быть созданы путем переворотов. Но большинство столкновений происходит по конкретным вопросам, будь то повышение заработной платы, изменение налогового бремени, сокращение расходов на оборону, изменение судебной системы, реформа трудового законодательства, реорганизация администрации школ, модернизация муниципального управления и так далее.

Обсуждение, если не решение этих вопросов, может не только создать важные прецеденты, свидетельствующие о том, в какой степени действуют благотворные институты демократии, но, что более важно, это может также способствовать изменению ожиданий граждан и политических субъектов относительно их долговечности. В результате процесс консолидации может быть либо продвинут, либо приостановлен, либо сорван в результате того,

что можно увидеть в ретроспективе. Но вряд ли когда-либо в ожидании как совокупность критических событий, которые постепенно формируют институциональную и организационную среду, а также восприятие ее участниками, увеличивая или снижая в процессе относительное превосходство различных политических акторов.

Процесс консолидации не обязательно продвигается продемократическими силами, устанавливающими преднамеренную повестку дня консолидации и их целеустремленным стремлением к ее целям. Такая продемократическая повестка дня может быть создана для достижения формальных институтов демократии, но осуществление необходимых изменений для достижения этой цели не равнозначно и не обязательно гарантирует демократическую консолидацию. На самом деле объявление о существовании такой повестки дня в большинстве случаев приведет к саморазрушению. Открытое обсуждение того, способствует ли определенная мера консолидации или была ли достигнута консолидация, может помешать ее продвижению, подняв ее как сомнительную, а не как само собой разумеющуюся и, следовательно, спорную проблему. Как только демократические институты созданы, консолидация достигается, в конечном счете, только тогда, когда большинство политических субъектов считают, что они будут действовать без проблем в будущем. Консолидация происходит как реализация постфактум.

В ходе противостояний по вопросам большинство политических субъектов, независимо от того, предпочитают ли они демократизацию, ее ограничение или обновленные формы авторитаризма, будут стремиться к краткосрочным преимуществам над своими оппонентами, не обращая особого внимания на долгосрочные последствия для консолидации своих действий. Иногда те, кто выступает за демократическую консолидацию в качестве долгосрочной цели, могут стремиться к краткосрочным выгодам. Возможно, в результате их борьбы с другими продемократическими силами по политическим вопросам, которые в ретроспективе оказываются вредными для этой цели. Иногда может даже не быть ясности в отношении долгосрочных последствий их действий. Аналогичным образом, субъекты, предпочитающие возрождение авторитарного режима, вполне могут успешно добиваться краткосрочных выгод, долгосрочные последствия которых, при ретроспективном рассмотрении, благоприятны для демократической консолидации. Например, сохраняя единство вооруженных сил генерал Пиночет мог бы косвенно способствовать консолидации демократии в Чили. Такая консолидация маловероятна, если армия является нестабильной. Следовательно, хотя разумно ожидать, что краткосрочные неудачи субъектов, стремящихся сохранить порочные процедуры, и краткосрочные успехи тех, кто надеется их устранить, принесут пользу демократической консолидации в долгосрочной перспективе, трудно однозначно определить, что все их действия приведут к этим результатам. Историческая повестка дня процесса консолидации зависит от многих непредвиденных обстоятельств.

Главными акторами демократической консолидации являются политические элиты и лидеры, выражающие интересы определенных социальных слоев и групп общества, обладающие значительными возможностями в выработке политических решений [5]. Укреплению демократии также способствует создание надлежащих рамок для урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Гильермо О'Доннелл и Филипп Шмиттер отметили, что переход к демократии ведет к широкому возрождению гражданского общества. Многие группы используют новые политические обстоятельства для создания (или воссоздания) и расширения своих организаций и выражения своих недовольств, некоторые из которых, возможно, были подавлены авторитарным режимом. Новая организация может привести к конфронтации между социальными группами, а также к возрождению старой вражды между сообществами.

Очевидно, что политические и социальные конфликты тесно связаны. Во время авторитарного режима отсутствие или неадекватность институтов, через которые противники режима могут выражать свои взгляды и программы, заставляет их концентрировать свою оппозиционную деятельность в различных местах гражданского общества. Возникающие в результате столкновения между авторитарными режимами и общественными движениями и организациями могут способствовать подрыву авторитарного правления, постоянно демонстрируя его существенную нелегитимность. В ходе первого переходного периода, как утверждают О'Доннелл и Шмиттер, готовность и способность общественных организаций проявлять сдержанность могут оказаться важным вкладом в обеспечение того, чтобы он не был сорван восстановлением, возможно, все еще мощных сил жесткой линии уходящего авторитарного режима. Но успешный второй переход требует устранения этой формы политически мотивированного ограничения, и это по определению: даже если такое ограничение может помочь обеспечить стабильность переходной формы демократии, это является отражением того факта, что важные социальные и политические деятели не верят в его устойчивость в обозримом будущем.

Консолидация демократии предусматривает нечто большее, чем институционализация базовых демократических правил. Она требует утверждения специфических правил и организаций демократии. Иными словами, эта концепция консолидации переносит внимание с процедурного минимума, определяющего демократические режимы, на конкретные правила и организации, определяющие разные формы демократии [6] В этой статье предпринята попытка представить ограниченное понятие демократической консолидации. Можно сказать, что такая консолидация была достигнута, когда наиболее значимые политические деятели и информированная общественность ожидают, что демократический процесс продлится бесконечно, и когда он свободен от того, что было названо порочными институтами, а именно, опекунскими полномочиями, зарезервированными областями по-

литики, вопиющими и преднамеренными искажениями избирательной системы и политического представительства, и существованием широко распространенного убеждения, что для формирования национального правительства возможны не электоральные средства. Эти извращенные элементы концептуально основаны на минимальном формальном определении демократии. В то время как процедуры, составляющие демократический процесс, приводят к сложной институционализации добродетельного рода, поскольку именно здесь поддерживается воспроизведение этого процесса, понятие демократической консолидации нельзя оставлять на анализе этих институтов, не связывая его с идеальной концепцией особенностей, присущих демократическим политиям. Если бы это было так, то немногие демократии считались бы консолидированными. Концептуальная связь с элементами, которые отвлекают от минимальной работы демократического процесса, достаточно строга.

В этой статье также отмечается, что процесс демократической консолидации разворачивается через ряд политических противостояний, которые либо подкрепляют, либо устраняют порочные элементы, которые отвлекают от минимального демократического процесса. Эти противоречия могут быть связаны с реформами самих политических институтов или с основной политикой. В то время как субъекты, выступающие за демократическую консолидацию, и те, кто выступает против нее, как правило, будут действовать в соответствии со своими предпочтениями, и те, и другие могут фактически способствовать процессу или отвлекать от него, учитывая краткосрочные расчеты выгоды, просчеты или непредвиденные последствия. Консолидация достигается как реализация постфактум. Любой преднамеренный план ее продвижения в силу заявленной цели укажет всем заинтересованным лицам на ее отсутствие. Сохраняя понятие демократической консолидации строго привязанным к процедурному каркасу, в этой статье также проанализированы некоторые условия, которые могут способствовать (или препятствовать) ее продвижению. К тем, которые были упомянуты, можно было бы добавить другие благоприятные условия, поскольку это представляется особенно плодотворным местом для дальнейших сравнительных исследований.

Литература

1. Дюшекеев Д. С. Демократическая консолидация как тенденция политического процесса в современном Кыргызстане // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2013. № 3(26). С. 309.
2. Кот В. С. Консолидация современных демократий // Южно-российский журнал социальных наук. Политологические науки. 2006. № 1. С. 70.
3. Михайленок О. М. Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор) // Вестник Института социологии. Политологические науки. 2015. № 14. С. 77.
4. Осипов А. В. Методология исследования консолидации политической власти как принятия правил поведения демократического процесса // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 3(46). С. 114

5. Федотова В. Г. О некоторых особенностях достижения демократической консолидации и солидарности в обществе // Социологический ежегодник. Политологические науки. 2013. № 1. С. 175.

6. Шевелев В. Н., Дюжиков С. А., Магомедов М. Г. Демократическая консолидация в контексте развертывания модернизации: зарубежный опыт и российская реальность // Социально-гуманитарные знания. Политологические науки. 2014. № 3. С. 243.

УДК 321.5/8

ББК 87.6

А. А. Бобков, *Иркутск*

Принципы власти в контексте проблемы ее критики в условиях самоопределения социальной консолидации

Исследуются современные условия и формы реализации власти, анализируются процессы ее усиления и ослабления, выявляются основные закономерности и противоречия.

Ключевые слова: власть, принципы власти, критика власти, социально консолидированный субъект, философский дискурс, политическая наука.

A. A. Bobkov, *Irkutsk*

The principles of power in the context of the problem of its criticism in the conditions of self-determination of social consolidation

The article analyzes the current conditions and forms of the exercise of power. And also the processes of its strengthening and weakening are analyzed, the main patterns and contradictions are revealed.

Keywords: power, principles of power, criticism of power, socially consolidated subject, philosophical discourse, political science.

Проблема консолидации общества может быть рассмотрена с позиции философии, политической науки и политической практики. Если с позиции философии консолидация общества происходит благодаря уравнивающей социальной истине, то как происходит консолидация с позиции исследовательской. Ведь данная позиция дает только фотографию политической реальности при этом с разных ракурсов, что не позволяет говорить об истинном положении вещей с позиции целостного мировоззрения. Здесь консолидация невозможна, ибо целостное мировоззрение в данном контексте не предусмотрено, а значит и консолидации как таковой не будет. Хотя очень многие обыватели и не рассчитывают на исследовательскую и уж тем более на философскую позицию.

Политическая практика в свою очередь стремится обозначить социального врага и объединить общество с целью его нейтрализации. Для этого используется либо информационная завеса, либо внушение массам некоего образа социального врага не массы, коего необходимо линчевать в силу его не растворения в ней. Консолидация здесь весьма иллюзорная и кратковременная, ставящая вопрос о социальном порядке снова и снова.

С позиции философии критика власти может быть онтологической, гносеологической и аксиологической. Власть в контексте познания ее принципов предстает с трех позиций. Критика власти, как сущее, критика власти,

как познанное и критика власти как должное. Онтологическая критика власти направлена на несоблюдение последних принципов истинности власти. В связи с тем, что они не соблюдаются, значит им как альтернатива выдвигаются принципы симуляции власти. То есть обозначающие власть, как не сущее, отсутствующее или лишенное возможности овладения социальным бытием, а именно неспособное консолидировать общество на основании приемлемого социального порядка и поддерживающего его в состоянии преступной массы или толпы. Отсюда можно сделать вывод о том, что власть массы и масса во власти направляют свою критику в сторону поддержки тех принципов, которые не позволяют увидеть социальное бытие вне массы, без массы и без социально преступной власти. Иными словами, не позволяет увидеть власть не в условиях конца социального, а в его начале, когда целостность мировоззрения субъекта и социальная субъектность не только открыты, они еще и преодолевают массу путем ее субъектного преобразования. Преобразования через признание социальной истины первоосновой сущего власти. Социальная истина и есть истина власти.

Гносеологическая критика власти направлена на то, чтобы установить на основе какого акта познания мы можем установить истинную сущность власти. Если этого акта нет в основании критики власти, то и собственно критики власти нет. Есть вечное повторение неких общих мест, что власть такой быть не должна, а какой она должна быть не известно, поскольку не известно какая власть есть? Мы должны уйти от того, что познание власти покоится на отсутствии познания самого себя. Возможно утверждение того, что власть существует вопреки тому, что в ней чего-то нет и является отправной точкой познания власти. Индивид участвует во власти вопреки его утверждению в своей непричастности к власти, потому что найти консолидированное гражданское общество без власти невозможно или человека, который не обладал бы властью вообще. Чем больше мы решаем задачу о познании власти, тем больше мы находим в ней консолидирующее общество принципов, таково кредо гносеологической критики власти.

Наконец аксиологическая критика власти заключается в том, что идеал власти, заимствованный из вне вредит обществу еще больше, чем идеал власти выработанный обществом в результате самопознания. Когда от консолидации до идеального состояния социального субъекта общество выигрывает больше, чем от реальной дифференциации индивидуализированной массы. При этом вполне резонно согласиться с аксиологической трактовкой власти, предложенной В. В. Ильиным, полагающим, что «Задача властителя в этой связи – не деформировать перспектив ни народных, ни личностных идеалов, силой огненных мечей не отбирать правду ни у человека, ни у бога. Прямая обязанность властителя потому – не быть революционером: не ликвидировать и не инспирировать мечту, «из вечных истин строя казематы». Стремящаяся к долголетию власть должна быть жизнестойкой, долготерпимой, умеющей избегать надрывности: обструкция и насилие как таковые, по общечеловеческим масштабам, неоправданны: они не несут в себе и через

себя ни процветания, ни свободы. Отсюда – здоровый, навешиваемый опытом гуманитарного строительства оппортунизм, отдающий предпочтение постепенности, эволюционное, самоорганизованности общественного развития» [2, с. 141].

Если позиция «философ и власть» всегда покоится на невозможности подмены социального мышления политической наукой, то политическая наука наоборот стремится к этой подмене. Управлению в философии, как властвованию нельзя научить ему можно только научиться. То есть научиться. обретая целостность мировоззрения субъекта, сотворить и консолидированную социальную субъектность.

Иное дело позиция ученого. Политическая наука в данном случае стремится к тому от чего отходит философия, а именно урвать свой кусок власти. Здесь необходимо помнить о том, что власть в политической науке должна быть присуща ей, поэтому критика власти, исходящая от политической науки и сегодня во многом подпорчена тем диагнозом, который ей дал М. А. Бакунин, полагавший, что «Ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному и нравственному разврату, и главный порок его – это превозвышение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он сделается самым несносным тираном, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притеснительнее всякой другой. Быть рабами педантов – что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками» [1, с. 435].

Отсюда вполне возможная проблематизация взаимоотношений государственной власти и политической науки порождает две критики власти. Первая критика власти рождается в результате воздействия государственной власти на политическую науку, а вторая критика власти рождается в результате влияния политической науки на реальную политику и государственную власть. Если верить науке, как должному, то воздействие государственной власти на нее иллюзорно, ибо для того, чтобы воздействовать на политическую науку государственная власть должна сама быть этой наукой. Также, как и воздействие политической науки на государственную власть возможно лишь тогда, когда наука сама становится частью государственной власти.

Особенно остро переживается научным сообществом то, что эти проблемы решить крайне сложно, а порой даже невозможно. Власть идёт против идеальных принципов власти, предложенных научным сообществом. Желание сделать власть более адекватной социальным закономерностям, т. е. предложить модель соблюдения сущностных принципов власти самой властью делает критику власти научно-политическим сообществом, наиболее приближённой к истине и прогностически наиболее объективной. Это отношение политического научного сообщества выявляет критерий настоя-

щего научно-политического поиска и отделяет политические и квазинаучно-политические сообщества друг от друга. Целью подлинного поиска политической науки являются принципы, принуждающие действовать власть в интересах народа, как своих собственных. Иными словами, принципы власти позволяют отделить государственную власть для массы от государственной власти для народа. Целью подлинного научно-политического сообщества является демифологизация заботы правительства только о пользе правящих кругов, как заботы об обществе в целом. Научное сообщество, обладая знанием основных принципов жизнеспособности власти стремится с одной стороны обнаружить эти принципы в процессе принятия управленческих решений, а с другой стороны соотнести возможность их соблюдения, или несоблюдения данной социальной ситуации.

Цель нашей работы заключается в определении основных принципов существования эффективной государственной власти и их применения для консолидации современного общества. Какие принципы власти известны политической науке?

Знание сущего власти ведет к тому состоянию, когда подстанвка власти как не должного и не сущего уже не может быть эффективной. Власть реально необходимая уже не может быть только идеалом, она присутствует и живет по принципам реальности, интеграции и самокритики. В существовании такой власти можно убедиться, если подвергнуть критике способ ее изучения, называемый зачастую самой беспринципной псевдовластью. Точнее данная власть не без принципов, у нее в сущем иные принципы противоположные тем, что делают власть реальным субъектом эффективного управления¹.

Как выглядит критика власти на основе этих принципов, и как выглядит критика власти, игнорирующая эти принципы? Если дело касается социальной консолидации, то из всех принципов, предложенных В. В. Ильиным следует рассмотреть в первую очередь принципы реальности, самокритичности и интеграции. Почему именно эти принципы? Если речь идет о социальной консолидации, то нам необходимо установить, как власть конструирует консолидированную социальную реальность? Как она оценивает свои возможности относительно социальной консолидации? И наконец, в-третьих, как она предпочитает социальную интеграцию социальной дифференциации внутри себя и по отношению к обществу.

Рассмотрим принцип реальности. В. В. Ильиным данный принцип усматривается в выдвижении следующих императивов:

¹ По мнению известного отечественного философа В. В. Ильина существуют такие принципы власти как: «принцип сохранения, принцип действенности, принцип легитимности, принцип «антифортиссимо», принцип внутренней несвободы, принцип реальности, принцип предусмотрительности, принцип толерантности, принцип приставки «со», принцип конъюнктурности, принцип самокритичности, принцип принуждения, принцип культурности, принцип меры, принцип позитивности, принцип ответственности, принцип самоорганизации, принцип внутреннего величия, принцип подстановки, принцип твёрдости, принцип локальности, принцип компетентности, принцип дифференциации, принцип интеграции» [3].

Первый императив гласит: «идеальная власть полностью и прочно детерминирована изменяющимися порядками и условиями, возможностями народа, а не отстаиванием восседающими на Паладинском холме “собственной линии”» [2, с. 144].

В данном императиве предусмотрены как раз две позиции критики власти. Первая позиция отстаивает то, что власть должна быть максимально гибкой в оценке социальной ситуации и оценке социально-терапевтических возможностей народа, как высшего выражения социальной консолидации в форме субъекта. Это непреходящая цель власти должна быть провозглашена отправной точкой и её критики. Фиксация отстаивания линии власти вопреки воле народа является принципом, указывающим на необходимость второй позиции критики, но не в интересах политических сообществ, а в интересах общества в целом.

Позиция В. В. Ильина в связи с этим следующая: «атрибутивное власти чувство реальности не поощряет причастным к ней руководствоваться в действительных идеалами» [2, с. 145].

Идеал всегда оскорблён действительностью. Нельзя обойтись без идеалов, но идеализация власти, или идеализация реальности властью ведёт к тому, что неэффективность управления будет ускользать от критики власти, невозможность принятия иного управленческого решения будет не рассмотрена, а, следовательно, общественный идеал, поставленный зависимость только от власти не может быть реализован в силу того, что отрывает себя и власть от общества. Идеалист Горбачёв полагал, что введение предпринимательства в условиях социализма не приведёт к социальному взрыву. Тем самым он запустил процесс первоначального накопления капитала и принесения в жертву наиболее эффективных и конкурентоспособных социальных структур общества и государства. Консолидирующий идеал был потерян сиюминутно. Сегодня его выработки критики власти требуют от неё полагая, что иного способа обретения нет. Такая критическая позиция не является плодотворной.

Но выработка идеала консолидирующего общества лежит на интеллектуалах, отделяющих реальную власть от них. Власть не бывает идеальной говорят интеллектуалы, она бывает реальной. В. В. Ильин отмечает: «финальная цель, вождение власти – могущество – не всеобъемлюще: конечным пунктом притязаний власти выступает свобода личности – ее экзистенциальное и социальное самоосуществление, посягать на которое невозможно» [2, с. 146].

Восхищение могуществом власти, также является вредным явлением, которое необходимо подвергать критике. Однако существует две критики могущества власти: одна критика направлена в сторону могущества масс, а вторая критика направлена в сторону могущества творческой личности. Если первая критика полагает, что власть массы абсолютно не уязвима и выражает предельную консолидацию общества, то вторая критика полагает,

что принесённые в жертву объективации масс субъектность делает власть максимально уязвимой и неэффективной в управлении.

Принцип самокритичности ведёт к тому, что критика власти содержит в себе два вида критики, подлинную самокритику власти и подставную (симулятивные) самокритику власти. Чтобы их различить нужно посмотреть какие явления существуют во власти в интересующей реальности. Симулятивная самокритика власти не допускает определения экзистенциальных черт упадка власти. К этим чертам относятся: высокомерие, частые и незаслуженные победы в условиях неподлинной политической борьбы, самонадеянность, отторгающая от процесса принятия управленческих решений те группы и сообщества, которым эти решения необходимы. Как правило прогнозируемым результатом упадка власти, её деконсолидации становятся: «толпы наушников, угодников, рифмоплетов, тяга верхов к помпезным, самовозвеличивающим мероприятиям, наградозахватничеству» [2, с. 153].

Для успешной критики власти с целью актуализации подлинной, а не симулятивной самокритики власти необходимо определять разницу между нормальным здоровым чувством власти и элементарным властолюбием. Познание их различия является очень сложной проблемой. Однако основной сущностной чертой их различия будет то, что здоровое чувство власти не боится власти эксперта, открытого обсуждения проблем власти в обществе и наличия подлинной оппозиции, как результата ошибочных управленческих решений. В то время как симулятивная самокритика всё время уповает на некие объективные закономерности социального бытия не дающие возможности выработки нормальной стратегии социальной консолидации. Такова экзистенциальная плоскость принципа самокритики власти.

Теперь следует сказать о социальной плоскости принципа самокритичности власти. Чем чаще власть отрывается от социальной реальности, тем больше она мечтает об отмене всех невыгодных для себя социальных ситуаций и закономерностей. Если власть движется от жизни к мечте, то её обречённость на гибель очевидно. Однако не искать ответа на вопрос о чём мечтает власть нельзя. Ведь причина того, что власть не выступает консолидирующим началом в жизни общества кроется в том, что мечта власти и мечта общества не совпадают. Если общество мечтает о свободе от власти вне себя, то власть должна мечтать об этой же свободе, а не о том, чтобы самосохраняться.

Если же власть начинает двигаться от социальной мечты к социальной жизни, то она обнаруживает границы властных притязаний, более мелкие образы правления. Её управленческие решения становятся более мягкими. Власть благодаря этому обнаруживает свой фактический вес. Это обнаружение ускоряется, если критика власти направлена на не превышение полномочий, не вмешательство в социальную самоорганизацию, сохранение чётких рамок, своего участия в конструировании социальной реальности.

Власть в такой самокритике нацелена на реконструкцию процесса выработки управленческих решений без её искажающего вмешательства в социальную режиссуру.

Социальный принцип самокритичности власти не соблюдается тогда, когда во власти встречаются «бесконечные перетряхивания, нескончаемые преобразования, разбедающие дух персональной ответственности и превращающие социальную жизнь в реализацию вульгарных утопий массь» [2, с. 145].

Принцип интеграции заключается в том, что теория разделения властей зачастую мешает синхронному взаимодействию социальных институтов в том числе и институтов власти. Поэтому критика власти, направленная на неизбежность этого принципа также необходимо, как и критика, направленная на неправильное применение этого принципа. Власть не только должна уметь дифференцировать общество, она должна ещё уметь восстанавливать общество в целостности. Иначе говоря, власть должна защищать общество от излишней дифференциации, несмотря на то, что эта дифференциация ей выгодна. Системный и динамический строй власти ведёт к тому, что попытка ответ на вопрос, что нас объединяет является самым необходимым ответом на вопрос эффективно или неэффективно власть управляет?

Здесь важны консолидации социального пространства и социального времени. Если кто-то полагает, что власть обладает абсолютной социальной истиной, то он либо совсем не знает власти, либо сознательно создает почву для непродуктивной критики власти. Задача власти не в том, чтобы постоянно прерывать консолидирующие практики их критикой, а скорее наоборот объединять практики консолидации разных эпох в истории нашего народа и выработать модель единой линии власти в отношении социальной консолидации. Нормальная критика здесь состоит в том, что практики, объединяющие одно социокультурное сообщество не годятся для другого и наоборот. Корить русский народ за отсутствие в его культуре политической оппозиции британского вида означает только одно лишать его шанса на консолидированное присутствие в истории, как вечного корректора власти. Если властное строительство будет без народа, то власть не будет эффективной в своей интегративной сущности.

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод о том, что философский дискурс принципов власти дает возможность отмежеваться от непродуктивной разрушительной критики власти, ведущей к временной консолидации массы в интересах совершения социального самоубийства, обозначающего лишь то, что критика власти была неудачной. Именно подлинное установление принципов власти, как императивов ее должного поведения в условиях социальной деконсолидации даст возможность определения истинной консолидирующей критики и самокритики власти.

Литература

1. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989. 621 с.
2. Ильин В. В. Политология. М. : Кн. дом «Университет», 1999. 540 с.
3. Философия власти. М. : Изд-во МГУ, 1993. 270 с.

УДК 32.019.52
ББК 66.3(2Рос),41

К. А. Бовыкин, *Ярославль*

Ковид-диссидентство как форма недоверия власти в РФ

С теоретических позиций раскрывается ковид-диссидентство как форма недоверия к власти. Ковид-диссиденты представлены как люди, лишённые агентности в современных государственных СМИ. Эта лишённость свидетельствует об ином экзистенциально-онтологическом основании этих групп населения, чем тот, что желают видеть власти. Также через призму теории управления страхом смерти показано, что ковид-диссиденты выбирают иную стратегию борьбы со страхом смерти, чем та, что предлагает власть. Вкупе с достаточно высокой популярностью ковид-диссидентских настроений это свидетельствует о ценностном расколе в российском социуме между властью и обществом.

Ключевые слова: власть, ковид-диссидент, смерть, способ, ковид-пандемия, страх, ценностный.

K. A. Bovykin, *Yaroslavl*

Covid dissidence as a form of distrust of government in the Russian Federation

This article will theoretically explore covid dissidence as a form of distrust of authority. Covid dissidents will be presented as people who are deprived of agency in contemporary state media. This deprivation testifies to a different existential-ontological basis for these populations than that which the authorities wish to see. It will also show, through the lens of fear-of-death management theory, that covid dissidents choose a different strategy for dealing with the fear of death than that offered by the authorities. Coupled with the fairly high popularity of covid dissident sentiments, this indicates a split in Russian society between the authorities and society in terms of values.

Keywords: government, covid dissident, death, method, covid pandemic, terror, value.

В условиях ковид-пандемии большое значение приобрела тема инфодемии. То есть разнообразных слухов, мифов, позиций, которые часто противоречат друг другу. В этих условиях стоит отметить, что достаточно показательным выглядит разброс мнений. Кто-то предпочитает верить государственным источникам, кто-то научным, кто-то верит знакомым, а кто-то полагается на свой опыт, воображение, знания и веру. С этой точки зрения достаточно интересной выглядит тема причин, по которым люди выбирают, кому верить. В этой статье не будет попыток определить истинность тех или иных позиций. Этот вопрос остается на совести специалистов по эпидемиям. Но вот сделать предположения касательно ценностных ориентиров, диктующих тот или иной выбор, представляется возможным. Это позволит показать, иллюстрацией какого ценностного противоречия является выбор людьми разных ценностных позиций. В том числе и позиций ковид-диссидентства, которое, в сущности, стоит во многом в оппозиции государственной повестке.

Ковид-диссиденты и агентность

Интересным является тот факт, что в России ковид-диссидентство имеет достаточно большую популярность. За короткий промежуток времени было сгенерировано множество слов, подпадающий примерно под 7 смысловых групп, что свидетельствует о глубоком вхождении ковид-пандемии в культурную жизнь россиян. Особенно стоит отметить, что группа

слов, отвечающих за оценочное поведение людей при коронавирусе, включает слова в духе «ковидобесы» и «ковид-сектанты» [2]. На взгляд автора данной статьи, подобного рода оценки характерны во многом именно ковид-диссидентам. Но при этом нельзя не отметить, что подобные реакции характерны и для ковид-лоялистов, но в российских научных работах слабо раскрыта тема дискриминации антиваксеров ваксерами и ковид-диссидентов ковид-лоялистами. При этом не стоит считать «диссидентские» настроения вызванными недостатком образования или каким-либо особым культурным опытом. Убеждение о том, что опасность ковид-пандемии преувеличена в интересах определенных акторов, характера людям из слишком разных классов. Например, такой философ, как Агамбен, высказывал мнение относительно манипулятивного характера паники вокруг коронавируса. По его мнению, бояться стоит не самой болезни, но возможности установления под её предлогом биологического контроля над населением. При этом разница между корона-скептиками и корона-диссидентами заключается в том, есть ли у приверженца законченная конспирологическая система или же лишь общие умозаключения [7]. То есть, так или иначе, можно делать выводы, что присутствует попытка сместить внимание с проблем биологического характера на социальные.

На взгляд автора данной статьи, подобное поведение вызвано отсутствием агентности в столь сложной ситуации, как коронавирусная пандемия. Под агентностью при этом понимается способность индивида совершать активные действия, могущие повлиять на окружающий его мир. Иными словами, это осознаваемое чувство контроля и власти. При этом стоит отметить, что способов получения агентности существует достаточно много. Естественно, никто не в состоянии сразу понять причины возникновения коронавируса, никто не может моментально распознать симптомы, и никто не может гарантированно уберечь себя или близких в условиях пандемии. Но если человек ищет веру в свою власть в конспирологии, значит он не находит её в иных областях. В первую очередь, он не доверяет официальной медицине, науке и, соответственно, органам власти. Конспирология является сконцентрированным ментальным диссидентством, и её наличие в обществе свидетельствует о неспособности официальных структур удерживать лидерство в повестке. Можно утверждать, что стремление проконтролировать реальность вызвано стимулирующим фактором аутомортальной тревожности [4].

Экзистенциальное состояние ковид-диссидентов

Экзистенциальное состояние людей в период ковид-пандемии можно трактовать по-разному. Как вариант, это связано с теми этосами отношения к природе, судьбе и смерти, которые выработались у европейского общества на протяжении его истории. Эти этосы могут быть охарактеризованы как настроения преодоления, контроля, так и фатализма, доверения себя судьбе [3].

По мнению автора, можно выделить формы псевдоконтрольного настроения, которые выражаются в конспирологических теориях. Так или иначе, этос контроля окружающего мира характерен новоевропейской традиции мышления, а этос псевдоконтроля и подчинения – традиционной.

«Самыми популярными (и «живучими») являются инфодемические нарративы, отрицающие опасность новой болезни и подразумевающие, что карантин нужен представителям власти для своих целей, а также псевдомедицинские советы, позволяющие быстро «вылечиться» или проверить, болен ли ты. Такие истории дают человеку чувство безопасности и успокаивают его в ситуации, когда повседневная жизнь стремительно меняется – в этом их компенсаторная функция» [1].

Исходя из факта наличия в России большого числа ковид-диссидентов, а не ковид-лоялистов, можно сделать вывод, что значительная часть населения страны пребывает в некотором средневековом отношении к природе, не полагаясь на науку и рациональные способы осмысления реальности. В свою очередь, власть пытается показать и навязать противоположный этос. Поэтому ковид-диссидентство можно трактовать и как некоторое сущностное, экзистенциальное отпадение от властного дискурса.

При этом стоит отметить, что этосы власти тоже не лишены идеи псевдоконтроля. Например, маску нужно менять каждые два часа, и она пригодится только в проветриваемом помещении для защиты окружающих от носителя. Это далеко не первое средство профилактики коронавируса. Но, при этом, она все равно стала чем-то вроде амулета, фетиша, который должен защитить от болезни. Или же введение ограничений на сборы в общественных местах. С одной стороны, это и вправду могло бы предотвратить распространение болезни. С другой стороны, загруженность в общественном транспорте и учебных заведениях никто не контролирует. Отсутствует реальное понимание природы болезни и воплощение в жизнь рациональных способов борьбы с ней. И это место занимает вера в вымышленные способы воздействия на ситуацию.

Поэтому можно говорить о том, что идеи средневекового псевдоконтроля свойственны и властным органам, но они при этом ценностно противоположны идеям ковид-диссидентов, чьи верования более народны. Пусть официально не говорится о мировом заговоре, но в большинстве государственных учреждений люди носят маски, не понимая, зачем они нужны.

Во многом страх смерти угрожает человеку не просто потерей возможностей для ощущения своего бытия, но и потерей связанных с бытием ценностей и идентификаций [6]. При этом у человека есть «ценностный» и «инструментальный» пласт личности, что говорит о возможности разрешения ценностных кризисов разными средствами [9]. Например, прорывом в ТЦ без QR-кода или созданием чата в телеграмм. При этом все эти средства неизбежно будут влиять на укрепление уже существующего мировоззрения и повышение самооценки [10]. Эти два фактора являются ключевым, со-

гласно теории управления страхом смерти. Они позволяют человеку избежать врожденной культурной тревоги и психологически адаптироваться к неопределенным, проблемным, угрожающим ситуациям.

Соответственно, стимулирующая реакция перед лицом угрозы связана с тем, что происходит актуализация и усиление ценностных смыслов человека. И, как мы видим, содержание «конспирологии власти» и «конспирологии ковид-диссидентов» различно. В первом случае идет попытка подражания научному дискурсу, а во втором – актуализация проблем угнетения и дележки власти. Это во многом показывает, что власть и диссиденты видят проблему в разных областях жизни. Для власти пандемия – техническая проблема, которую можно решить формальными средствами. Или убедить население, что проблема ими решается. Для ковид-диссидентов же она – средство для установления над ними контроля. Поэтому можно делать вывод о необходимости правильного маркетингового планирования проведения мероприятий, связанных с ковид-пандемией. Им нужно создать правильный статус, который не вызовет опасений своей навязчивостью. Корона-пандемия имеет под собой не только медицинское, но и социальное основание. И определенные категории населения к нему особенно чувствительны. Игнорируя диалог с ними, можно получить в ответ лишь сопротивление, поскольку это будет реакция человека в неопределенной ситуации, чьи жизненные ориентиры находятся под угрозой.

При этом стоит отметить, что благодаря политике самоизоляции и введении ограничений на скопления у людей понизилась возможность адекватной реакции на страх смерти путем его преодоления через социальное приобщение [8]. В условиях роста популярности сетевых коммуникаций отдельный интерес могут представлять интернет-сообщества, посвященные пандемии, в которых происходит выработка уникального дискурса, основанного на, как мы выяснили, противоположных властным темах.

Стратегии совладания со страхом смерти, усвоенные ковид-диссидентами

Когда идет речь о ковид-пандемии, во время которой человек сталкивается не только с ограничениями и случайностями, но и с фактом собственной смертности, уместно говорить о стратегиях совладания со страхом смерти. Согласно *terror management theory*, человек может освоить несколько способов устранения нервозности в связи с пониманием своей недолговечности.

К. А. Чистопольская и С. Н. Ениколопов, анализируя основы данной теории и ее развитие, упоминают около 350 исследований, по результатам которых выявлены следующие факты: «люди используют предрассудки и стереотипы для собственного успокоения, что отрицательно сказывается на окружающих и даже на них самих... тело является проблемой для человека, потому что напоминает о смерти... и попытки отстраниться от него могут приводить к неприятию секса... были обнаружены посттравматические эф-

факты напоминаний о смерти» [10, с. 127]. Основными способами совладания со страхом смерти в рамках рассматриваемой концепции являются: 1) укрепление самооценки, так как «стабильно высокая самооценка сочетается со сниженным страхом смерти, низким защитным отрицанием смерти и с отсрочено повышенной доступностью мыслей о смерти» [10, с. 130]; 2) символические защиты, которые «срабатывают, только если человек твердо верит в свою картину мира» [10, с. 134] и живет в соответствии со своими стандартами; 3) саморегуляция, так как «люди с высоким самоконтролем обнаруживали значительно меньше мыслей, связанных со смертью, сообщали о более низкой тревоге» [10, с. 138]. » [5] При этом не стоит отрицать, что эти способы могут быть взаимосвязаны при наличии доминирующего вектора.

Вывод

Таким образом, использование конспирологических теорий как со стороны власти, так и со стороны ковид-диссидентов выступает способом символической защиты от ощущения близкой гибели. Из этого можно сделать вывод, что обе стороны испытывают чувство неуверенности в сложившейся обстановке, но наполнение их мифов отличается. Это говорит о разных дискурсах и ценностях, обуславливающих восприятие власти и общества (той его части, что выражена ковид-диссидентами).

Литература

1. Пути российской инфодемии: от whatsapp до следственного комитета / Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. // Мониторинг. 2020. № 6 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-rossiyskoy-infodemii-ot-whatsapp-dosledstvennogo-komiteta> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неолексикси, связанной с пандемией коронавируса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikografiya-v-situatsii-neologicheskogo-ekstrima-na-materiale-neoleksiki-svazannoy-s-pandemiej-koronavirusa> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Воронов В. М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-covid-19-kak-ekzistsentsialnoe-i-kulturnoe-sobytie-gruppy-kulturnye-granitsy-i-fenomen-nastroeniya-na-primere-rossiyskogo> (дата обращения: 18.01.2022).
4. Гаврилова Т. А., Попова С. А. Успешность и содержание совладания субъекта с аутомортальной тревожностью // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspeshnost-i-soderzhanie-sovladaniya-subekta-s-automortalnoy-trevozhnostyu> (дата обращения: 20.01.2022).
5. Горьковая И. А. Стратегии совладания со страхом смерти в зрелом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sovladaniya-so-strahom-smerti-v-zrelom-voznage> (дата обращения: 18.01.2022).
6. Горьковая И. А., Баканова А. А. Осознаваемые компоненты страха смерти в зрелом возрасте // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoznavaemye-komponenty-straha-smerti-v-zrelom-voznage> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-menya-net-straha>-kovid-dissidy-v-poiskah-agentnosti-i-pravdy (дата обращения: 18.01.2022).

8. Ленько А. В., Складнева В. В. Социально-психологические аспекты научного понимания страха смерти и способы его преодоления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-nauchnogo-ponimaniya-straha-smerti-i-sposoby-ego-preodoleniya> (дата обращения: 18.01.2022).

9. Салихова Н. Р., Клементьева М. В. Соотношение характеристик ценностно-смысловой сферы личности и стратегий совладающего поведения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-harakteristik-tsennostno-smyslovoy-sfery-lichnosti-i-strategiy-sovladayushchego-povedeniya> (дата обращения: 20.01.2022).

10. Солдатова Е. Л., Жукова Н. Ю. Теоретический обзор современных зарубежных исследований отношения к смерти // Психология. Психофизиология. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-obzor-sovremennyh-zarubezhnyh-issledovaniy-otnosheniya-k-smerti> (дата обращения: 18.01.2022).

УДК 316.4
ББК 60.561.3

Р. В. Иванов, *Иркутск*

Провинциальные российские регионы-острова с сухопутными границами

Рассматриваются условия территориального развития отдельных районов России. Выявляются деструктивные социально-экономические условия, риски и проблемы, связанные со сложностями социального воспроизводства. Намечаются основные направления исследования и моделирования территориального развития.

Ключевые слова: регион, полис, провинциальная культура, город, развитие, столица, окраина.

R. V. Ivanov, *Irkutsk*

Provincial Russian regions-islands with land borders

The article discusses the conditions for the territorial development of certain regions of Russia. Destructive socio-economic conditions, risks and problems associated with the complexities of social reproduction are revealed. The main directions of research and modeling of territorial development are outlined.

Keywords: region, polis, provincial culture, city, development, capital, outskirts.

Подобно античным полисам современные российские регионы-острова для своей территории должны становиться новыми культурными центрами, источниками развития, иначе происходит постепенный распад инфраструктурных региональных систем. Необходимость развития территориальных центров связана с поиском особенных, характерных для каждого отдельного региона культурных, национальных и социальных источников. «Современная провинция, по сравнению с центром, находится в особых социально-экономических условиях. Традиционные занятия (от ремесел дореволюционной поры до промышленного производства советского периода) практически перестали существовать в качестве необходимого и действенного ресурса развития местной культуры. Во многом утрачены связи по линии провинция – провинция, а модернизационные импульсы из центра достигают локального пространства в весьма ослабленном виде. В этой связи

можно предположить, что ныне провинциальная культура находится в состоянии кризиса и бифуркационной точке своей динамики, выходы из которой могут быть вариативны и разнонаправлены (от гибели ее отдельных типов до возможности реализации нового аттрактора, говоря языком синергетической теории)» [4, с. 88].

Античные полисы существовали сотни лет как отдельные города-государства и по-прежнему оставались носителями культуры греческого этноса. Сохранение связи с основами русской цивилизации и провинциальной культуры является обязательным условием развития современных российских полисов. Поиск направлений выхода из кризиса провинциальной культуры для населения каждого региона имеет свои особенности.

Для сибирских и дальневосточных регионов ключевое значение имеет сохранение и развитие культуры коренного населения. Для сохранения и возрождения ремесел и традиционных занятий коренных народов Сибири (охоты, выделки и обработки природных материалов, традиционных технологий строительства) необходима государственная поддержка. Без этого модернизационные импульсы и модные тенденции из центральных регионов в провинциях не находят прочного основания, культурного фундамента.

Национальные основы культуры в провинциальных регионах под воздействием глобализационных процессов нивелируются, видоизменяются в стремлении к самосохранению. «Малые города России составляют уникальную сферу провинциальной жизни. В их специфику входят городская повседневность, состоящая из жизненных социальных практик провинциальных обывателей, а также результаты их материально-духовной деятельности в виде совокупности производимых товаров и услуг, близость к сельскохозяйственному производству. Малые города формируют культурно-смысловые контексты своей среды, будучи для одних малой Родиной и сферой социализации, для других – источником вдохновения и территорией реализации планов, что в совокупности позволяет выдержать духовный натиск глобализирующегося мирового пространства. Известно, что в регионах России (к примеру, в Вологодской области) отмечается демографический спад, убыль населения в малых городах. Необходимо повышать авторитет малых городов как пространства для жизни и развития всех категорий населения, формировать инвестиционную привлекательность провинции и заниматься брендингом территорий для обеспечения их долгосрочного процветания» [3, с. 39].

Однако развитие новых брендов на местах в малых городах не способствует продвижению провинциальной культуры и усилению ее влияние в столичных регионах. Развитию территориальных брендов препятствует сложившаяся система универсальных ценностей массовой культуры. Обмен культурными традициями между центром и провинциями в современной России не происходит, движение осуществляется лишь в направлении из центра на основе внедрения повсеместно идей глобализма и элементов массовой культуры [5; 6].

Предпринимаемые попытки стимулировать развитие территорий и авторитета малых городов имеют лишь локальный результат. «Поиск альтернативных источников цивилизационного развития для каждого моногорода связан с участием в различных программах создания комфортной городской среды, ТОСЭР и других национальных федеральных проектах» [2, с. 80]. Естественные границы, связанные с рельефом, климатом и расстояниями между регионами, в России дополняются постоянным возрастанием социальных, культурных, национальных, а также транспортных и тарифных барьеров.

Жители окраинных северных, южных и восточных российских регионов в повседневном взаимодействии называют центральную Россию – Большой Землей, словно живут на островах и говорят о материке, отделенном от них водными преградами в тысячи километров. «Провинция берет из столицы новацию и развитие, в свою очередь, питая ее традицией. В территориальном аспекте провинция является периферией для центра и центром для периферии. Заимствование двух ближайших культур – стремительно развивающегося центра и спокойной безынициативной периферии – постоянно обогащает культурную сферу населения, не искореняя собственную уникальность и самобытность, т. е. система «центр – провинция – периферия» саморегулируется. Если к понятию провинциальной культуры применить системный подход, то мы получим структурированную систему культурных ценностей, элементы которой находятся в постоянной взаимосвязи и при этом всегда в равновесии. К широкому понятию культуры относятся материальные и нематериальные ценности: религия, традиции как основополагающие и не менее значимые памятники архитектуры, искусства, творчества и истории, литературы, живописи, скульптуры, зрелищные представления» [1, с. 93]. Однако развитию современной системы культурных ценностей препятствует возрастающая отделенность, оторванность, культурная и социальная отчужденность одних региональных территорий от других, что проявляется в усугубляющемся различии местных условий жизни – тарифах на транспорт, жилье, налоги, ЖКХ, медицинские и образовательные услуги.

Территориальная замкнутость жителей связана с необходимостью обеспечивать себя и свою семью в постоянно изменяющихся экономических и социальных условиях. Население регионов-островов находится внутри своих замкнутых территориальных барьеров и с каждым годом все больше отстраняется от централизуемых государственных систем, участие граждан в жизни страны ограничивается уплатой налогов и участием в выборах.

Литература

1. Агеева Е. Ю., Кораблева В. В., Ильина С. Ю. Провинциальная культура как саморегулирующаяся система // Приволжский научный журнал. 2017. № 3 (43). С. 91–96.
2. Иванов Р. В. Направления цивилизационных сдвигов и цивилизационный разлом на территории моногородов Восточной Сибири // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 78–80.

3. Касаткина С. С. Роль малых городов в социокультурном развитии современного российского общества // Научное мнение. 2017. № 6. С. 38–41.
4. Купцова И. А. Социокультурное пространство русской провинции // Обсерватория культуры. 2006. № 4. С. 36–39.
5. Пружинин А. Н. Воспроизводство человеческого капитала бизнес-структур в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Габельных. Иркутск, 2021. С. 185–188.
6. Пружинин А. Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.

УДК 332.055.2
ББК 63.5(2)

И. Г. Кильдюшкина, *Саранск*

Перспективы деятельности органов власти Мордовии в решении проблем развития республики

Проводится детальный анализ послания главы Республики Мордовия А. А. Здунова Государственному Собранию Республики Мордовия, озвученного 24 декабря 2021 г. Оценивается современная ситуация, сложившаяся в республике, с позиций качества жизни населения. Освещены основные мероприятия и направления деятельности органов государственной и исполнительной власти, бизнес-сообщества, общественных организаций и структур по развитию ключевых секторов экономики и социальной сферы Республики Мордовия, а также приоритеты работы правительства и муниципальных формирований в решении проблем развития этого региона на ближайшие годы и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: послание, депутаты Госсобрания, глава Республики Мордовия, приоритеты работы, правительство и муниципальные образования.

I. G. Kildyushkina, *Saransk*

Prospects for the activities of the authorities of Mordovian solving the problems of development of the republic

The article provides a detailed analysis of the Message of the Head of the Republic of Mordovia A. A. Zduvov to the State Assembly of the Republic of Mordovia, announced by the head of the region on December 24, 2021. The current situation in the republic is assessed from the standpoint of the quality of life of the population. The main events and activities of state and executive authorities, the business community, public organizations and structures for the development of key sectors of the economy and social sphere of the Republic of Mordovia are highlighted, as well as the priorities of the government and municipal formations in solving the problems of development of this region for the coming years and the long term.

Keywords: Message, deputies of the State Assembly, Head of the Republic of Mordovia, work priorities, government and municipalities.

Социально-интегративные процессы в России и мире проблематизировали все стороны бытия российского общества. Рефлексия в отношении уровня социальной интеграции, основных характеристик, сфер реализации, перспектив ее развития и консолидации на уровне отдельного субъекта Федерации крайне необходима на фоне современной политической и экономической дезинтеграции общества и социальных институтов, противоречивости социальных смыслов и общечеловеческих конструкторов. Не случайно, 24 декабря 2021 г. в рамках 6 сессии Госсобрания Мордовии Глава Республики Мордовия (РМ) А. А. Здунов обратился с Посланием к депутатам и жителям

РМ [2]. Оценив сложившуюся в регионе ситуацию, он выделил Инвестиционную стратегию, где предусмотрены мероприятия по развитию ключевых секторов экономики и освоению новых рынков, т. е. то, что определит дальнейшее развитие РМ до 2035 г. Особое внимание отвед сферам, влияющим на качество жизни, – экономике, финансам, социальной защите населения, образованию и здравоохранению. Несмотря на рост доходов населения более чем на 9 %, приоритетами работы правительства и муниципальных формирований являются увеличение показателей выше среднероссийского уровня и снижение госдолга, что должно заинтересовать новых инвесторов, увеличить число рабочих мест. В социальном секторе – приостановить отток граждан, повысить показатели рождаемости, привлечь трудовых мигрантов для нивелирования дефицита специалистов.

В Послании проецировался вопрос закредитованности Саранска: на начало 2021 г. – 4,5 млрд руб. (в 1,5 раза выше собственных доходов; городской мэрии впредь надлежит наращивать эффективность использования имущества). По нехватке средств на первоочередные расходы муниципалитетам в расчете на 1 жителя по налогу на имущество РМ занимает 13-е в ПФО и 68-е место по стране. Согласно данным налоговой службы и Росреестра, в 2021 г. выявлено 250 тыс. построенных объектов, но числящихся в «недострое». Предстоит поставить на учет объекты имущества и земельные участки, помочь сельхозпроизводителям в оформлении их прав. Оспрашивался уровень зарплат на предприятиях после их инвентаризации, что требует применить меры к практикующим руббли «в конвертах», «уклонистам» от уплаты налогов и страховых взносов. На контроле Правительства, Министерства труда и соцзащиты – уровень бедности, поддержка социально незащищенных категорий (почти 60 % жителей РМ) по программе социального контракта (в 2021 г. ее получили 3700 чел., четверть из них – на предпринимательство; до конца 2022 г. будет охвачено не менее 2 тыс., в следующие 3 года – 10 тыс. чел.). Резерв поддержки малозащищенных слоев населения заложен в грантах благотворительных фондов, для почти 7,5 тыс. многодетных семей предлагается предоставить льготы по транспортному налогу.

Важными в действиях всех уровней власти РМ остаются проблемы демографии. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения (2021) подтвердили естественную убыль и высокий миграционный отток населения. Ежегодно из РМ выезжает в среднем более 17 тыс. чел. (3/4 из них – в трудоспособном возрасте) из-за отсутствия работы, достойного заработка, возможности профессионального роста. Несмотря на 4-кратное снижение безработицы за год к уровню 2020 г., налицо дефицит квалифицированных кадров (в «ВКМ-Сталь», «Плайтерра», «Цветлит», «Резинотехника», «Биохимик», Саранский телевизионный и Ардатовский светотехнический заводы, и др.). Главой РМ поручено разработать план по привлечению и переселению в РМ целевых категорий граждан. Для восстановления занятости, сбалансированности спроса и предложения на рынке труда в

2021 г. создано 1 000 новых рабочих мест. На 2022 г. планка должна перевалить за 3 тыс. чел., в следующие 3 года – за 5 400 новых вакансий за счет реализации 15 новых инвестпроектов, программ переобучения, федеральных программ субсидирования найма безработных и обучения граждан, наставничества в профориентации молодежи в школах, ПТУ и формирования института самозанятых (в РМ их более 8 тыс. чел.).

Решить многие жизненные вопросы можно за счет активного участия в нацпроектах. В 2021 г. построены и отремонтированы социальные учреждения – школы, детские сады, медучреждения; велась застройка дорог и жилья; газифицировались районы. В федеральном центре одобрены 6 ключевых позиций: производство оптоволокна, радиоэлектроника, сельское хозяйство, биотехнологии, туризм и развитие инженерной инфраструктуры (в 2022 – 2024 гг. на эти цели ассигнуется свыше 50 млрд руб.). В рамках 5-летней Программы социально-экономического развития РМ до 2026 г. из Москвы будет ежегодно идти 1 млрд руб. на перезапуск производственных мощностей и создание индустриального парка «Лисмы»; субсидирование процентных ставок по кредитам на инвестпроектам; докапитализацию двух фондов РМ. В числе других векторов – ТОСЭР «Рузаевка»; выпуск гибких солнечных модулей на «Санлайте», уникальных композитов нового поколения компанией «Конструкционные композиты»; реализация проектов «Плайтерры», «Саранскабеля», «ЭМ-Кабеля», «ВКМ-Стали», группы компаний «Оптикэнерго», заводов световых приборов, Рузаевском стекольном и др.

РМ в «пилотном» режиме упрощает основные бизнес-процедуры. Статус особой экономической зоны РМ отразился на качестве деловой среды: в 2021 г. РМ впервые переломила негативный 5-летний тренд в Национальном рейтинге инвестиционной привлекательности регионов. 2022 г. руководитель РМ предложил объявить годом предпринимательской инициативы. Обновленный Совет по развитию малого и среднего предпринимательства при Главе РМ улучшит инвестиционный фон. Инициативность министерств и глав районов, Центра «Мой бизнес», наряду с поддержкой несырьевого экспорта придали импульс развитию экономики (за 9 месяцев 2021/2020 г. объем показателя превысил 245 млн долл. – рост 142 %). Продовольствие поставляется в 32 страны. В 2021 г. проектами Центра поддержки экспорта РМ воспользовались 256 малых и средних предприятий, 21 субъект работает с зарубежными рынками.

Главой РМ отмечен вклад промышленности в борьбу с коронавирусом: в кратчайшие сроки был организован выпуск необходимого оборудования и инвентаря. «Биохимик» разработал противовирусный препарат и инъекционную форму «Арепливира», выпускает субстанцию антибиотика «Ванкомицин»; «Саранский телевизионный завод» – печатные платы для телекоммуникаций (на 2,5 млрд руб.); «Электровыпрямитель» развивает новые направления и рынки сбыта; «Оптиковолоконные системы» достигли в 2021 г. самого высокого уровня продаж оптоволокна с момента запуска (органы власти РМ заинтересованы в полной локализации этого производства

и трансфере технологии выпуска преформ); запуск Фабрики знаний и умений на «Рузхиммаше» обеспечит завод кадрами и улучшит качество продукции. В целом по 2021 г. прогнозируется рост промышленности на уровне 111 % к предыдущему году.

А. А. Здунов затронул несколько щекотливых тем: 1) трудоустройство и соцгарантии предприятий (при обеспечении сотрудников и молодых специалистов беспроцентными займами на покупку жилья); 2) использование потенциала инновационной инфраструктуры (при взаимодействии с индустриальными партнерами «Газпром», «Росатом», «Россети», «Ростелеком», «Трансмашхолдинг» и др.); 3) наращивание интеллектуального капитала в промышленности (при разработке и принятии Программы рынка интеллектуальной собственности, запуске пилотного проекта создания в Саранске Суда по интеллектуальным правам как точки притяжения для регионов РФ и зарубежных стран); 4) социализация граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию (на примере исправительного центра на базе «Ромодановосахар»); 5) бесплатная юридическая помощь (при создании государственного юридического бюро, филиалов в муниципалитетах и «квартала юстиции»); 6) финансовая деятельность «Технопарк-Мордовия» (на его строительство и оснащение вложено более 6 млрд руб., содержание из республиканского бюджета РМ – св. 500 млн руб.); 7) регулирование вопросов по вкладам владельцам и менеджменту банков (факты коррупции, закрытия двух частных кредитных учреждений).

Генерации идей в реальный сектор, как считает лидер РМ, способствуют хорошая образовательная база, прикладная наука, взаимодействие научно-исследовательских команд вузов и предприятий. МГУ им. Н. П. Огарёва должен приступить к 10-летней программе развития, предмета научной деятельности, прикладных НИОКР, особенно по био- и энергосберегающим технологиям, искусственному интеллекту, цифровым решениям и медицине. Благодаря участию в федеральном проекте «Инженерия будущего» (2020), на его базе создается лаборатория. Студенты вовлекаются в гранты Фонда содействия инновациям. В 2021 г. подано рекордное число заявок (30) по программе «Умник». «Ковид» не помешал освоить дистанционный формат обучения. Соответствующие нацпроекты дали импульс в решении проблемы очередей в детсадах, открытии новых школ, материально-техническом обновлении школ и профтехучилищ, капремонте. В сельских школах открылись 30 центров образования естественнонаучной и технологической направленности. До 2024 г. не менее 90 % сельских школьников получают доступ к современному лабораторному и цифровому оборудованию. На подготовку кадров в селе нацелено открытие агроклассов группы компаний «Талина». Развивается инфраструктура поддержки талантливых детей: открыты Центр цифрового образования детей «IT-куб», первый школьный «Кванториум» и св. 14 тыс. новых мест дообразования, внедряются новые формы. В 2021 г. Республиканский лицей для одаренных

детей вошел в десятку сильнейших школ России. В РМ состоится Всероссийская олимпиада школьников по математике и первая в истории Европейская олимпиада по астрономии, на которую приедут сильнейшие зарубежные сборные, и юбилейный десятый Национальный чемпионат «Молодые профессионалы» по стандартам WorldSkills.

С целью определения эффективности целевого набора, мест работы выпускников вузов РМ требуется детализировать соответствие программ потребностям регионального рынка труда; обеспечить переход к программам обучения студентов по индивидуальным образовательным траекториям; создать в РМ образовательный кампус мирового уровня; для увеличения числа бюджетных мест – изучить потребность кадров по отраслям и направить в федеральные структуры предложения по корректировке контрольных цифр приема, синхронизируя их с работодателями. Одна из самых насущных тем – нехватка молодых учителей, особенно в сельской местности (их доля в школах РМ 21 %). Ежегодно возникает ок. 100 вакансий, большинство открыты в сельских школах. Укомплектовать кадры частично позволяет программа «Земский учитель», но при этом нужен целевой прием и привлечение к работе студентов старших курсов. Проблема дефицита кадров наблюдается и в первичном звене здравоохранения. Задача Правительства и районных администраций – создать все условия для направляемых на село медиков по программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер».

Квалифицированные работники нужны и в ИТ-секторе. С ростом цифровизации общества растет потребность в специалистах по наиболее востребованным направлениям. Заслужили внимания результаты кадрового проекта 2021 г. «Моя Мордовия». Многие из его победителей и участников получили назначения в системе управления, инициировав более 80 проектов по улучшению жизни людей, создав «Экспертный клуб». Знак для финансистов – появление Межрегионального центра обслуживания Федерального казначейства (на 300 рабочих мест). Прорабатываются темы обслуживания подразделений Федеральной таможенной службы Москвы и других регионов России, открытие центра компетенций и единого распределительного контактного центра «Сбербанка России». Глава РМ привел опыт успешного использования цифровых решений – соцвыплаты, перепись граждан на портале Госуслуг, работа Центра управления регионом, перевод в электронный вид ряда социальных услуг; в активе выполняемых федеральных проектов ИТ-компаний – «Эволента», «Эпрос», «Технологии Успеха», «Байтекс», «Инфомаксимум» и др.

Сельское хозяйство остается флагом развития РМ. С пищевой промышленностью АПК составляет почти 1/4 ее экономики. Несмотря на погоду, в целом собран неплохой урожай зерна. На 2022 г. в планах собрать более 1,5 т зерна, а за пятилетку выйти на 2 млн т. Ежегодно для полной загрузки мощностей «Ромодановсахар» нужно перерабатывать не менее 1 млн т сырья, что видится в обновлении техники, введении в оборот неиспользуемых земель и повышении качества семян. В животноводстве по

2022 г. – произвести 395 тыс. т мяса (к 2026 г. – до 500 тыс. т ежегодно); по молоку – 495 тыс. т (600 тыс. т). Целевые показатели основаны на реальных планах и запуске инвестпроектов. В 2021 – 2022 гг. на их реализацию привлечено св. 8,5 и 9 млрд руб. соответственно (это 600 новых рабочих мест). С целью выпуска экологически чистого продовольствия перед хозяйствами поставлена задача контроля применения химикатов и стимуляторов роста; в фермерстве – сельхозкооперация, сбыт продукции, стабилизация цен, поддержка граждан (проведение ярмарок выходного дня, расширение сети фирменных магазинов, сервис интернет-заказов), новые направления (садо-, пчело-, рыбоводство и др.). В 2021 г. по программе поддержки малых форм освоено 140 млн руб.; за 10 лет будет создано более 500 субъектов малого бизнеса, открыто около тысячи новых рабочих мест. С 2022 г. можно использовать гранты «Агротуризма», что снизит уровень безработицы на селе. Благодаря программе «Комплексное развитие сельских территорий» свои жилищные условия улучшили около тысячи жителей РМ. В 2021 г. построено 6 социальных объектов в районах, при участии «Газпром межрегионгаз» подключено к газоснабжению св. 700 домовладений, в очереди на 2022 г. – более 1800 объектов, содействие в оформлении документов на право собственности на земельные участки и объекты капитального строительства.

О развитии в РМ строительной отрасли: к 2030 г. планируется ввести ок. 5 млн м² (по федеральному проекту «Жилье»). В 2021 г. полученные Мордовией почти 2 млрд руб. позволили завершить строительство новой поликлиники онкодиспансера, хирургического корпуса Детской больницы, Универсального зала, детсада в 4-м микрорайоне Саранска, дороги в Николаевке и ремонт 50 км местных дорог. Возводятся школа на Тавлинской набережной столицы на 1 450 мест, Региональный центр по велоспорту в Саранске и детская поликлиника в Рузаевке, автодороги «Обход города Рузаевка» и по ул. Строительная в Саранске, реконструируется Республиканский лыжно-биатлонный комплекс. В 2022–2024 гг. предстоит привлечь в Саранск еще 2 млрд руб. на автодорогу в северной промзоне и участок дороги по ул. Пролетарская, реконструкцию автодороги на ул. Солнечная и канализационной сети на Юго-Западе города; освоить эскроу-счет в проектом финансировании. По программе ветхого и аварийного жилья за 3 последних года в РМ построено 25 тыс. м² и столько же предстоит сделать за 2022 г., расселив 1,5 тыс. чел. из 110 аварийных домов (на общую сумму 1 млрд руб.). По программе капремонта домов в 2021 г. свои жилищные условия улучшили почти 43 тыс. жителей, но ремонта ждут еще 273 многоквартирных дома (25 тыс. чел.). Требуют внимания почти 1 300 объектов «незавершенки» (на 16 млрд руб.), Саранская специальная (коррекционная) школа-интернат, Зубово-Полянский реабилитационный центр «Ясная Поляна», Лыжная база в с. Подлесная Тавла Кочкуровского района.

Амбициозные планы у дорожников и работников логистики: завершить разработку проектно-сметной документации по автодороге «Старый Го-

род – Вещерка», проработать вопросы финансирования расширения автодороги Р-158 на участке «Арзамас-Саранск-Рузаевка», модернизации дорожной сети и транспортного комплекса. По нацпроекту «Безопасные и качественные дороги» свыше 5 млрд руб. пойдут на крупные объекты, ремонт региональных и местных автодорог, создание системы весового и габаритного контроля, освещенность дорог и пешеходных переходов, безопасность движения, восстановление функционала фото- и видеофиксации нарушений ПДД, организацию участия РМ в субсидировании межрегиональных авиаперевозок. В 2022 г. воздушная гавань Саранска должна предложить 7 направлений, к 2024 г. РМ должна иметь полноценную возможность зарубежных вылетов. Следует приложить все усилия и к организации транспортно-логистического центра в Рузаевке, внедрению мультимодальных перевозок, обновлению инфраструктуры сортировочного центра Почты России.

Инвестиции Фонда содействия реформированию ЖКХ позволят решить проблемы износа коммунальной инфраструктуры, реконструкции канализационного коллектора в Саранске, модернизации систем теплоснабжения, благоустройства дворов и общественных территорий. По вопросам формирования благоприятной среды, экологии, создания современной системы обращения с отходами: к 2024 г. – довести долю обработанных ТКО до 82 %, к 2030 г. – сократить их общее число вдвое. В контексте нацпроекта «Экология» заработают мощности по их обработке в Саранске и райцентрах, будет закуплено ок. 400 контейнеров, расширена география раздельного сбора мусора и его переработки. Углеродный след снизят: современное оборудование на предприятиях – источниках загрязнения; эффективное использование лесного фонда; привлечение экологов-общественников, волонтеров и жителей к высадке деревьев; видеомониторинг в предупреждении лесных пожаров; анализ лесоустроительных работ; идентификация границ ООПТ для сохранения природы и пресечения нарушений в этой сфере.

Затрагивая развитие здравоохранения в РМ, отмечалось: система второй год борется с COVID-19, нужно соблюдать санитарные требования и рекомендации врачей; обеспечить медучреждения, аптеки и «льготников» лекарствами; повысить доступность первичной и специализированной медпомощи, комплексной профилактики и др. На особом контроле – детская медицина, работа с Фондом поддержки тяжелобольных детей «Круг добра». На модернизацию первичного звена в ближайшую пятилетку пойдет около 3 млрд руб.: уже приобретено 240 ед. оборудования, 58 спецавтомобилей, отремонтирована Пятая республиканская клиническая больница. Реабилитация коснется переоснастки медучреждений, разработки региональной программы, создания многопрофильного центра социальной и медпомощи (для оказания паллиативной помощи). Важные доминанты здорового образа жизни – правильное, безопасное питание и спорт. В 2021 г. в регионе прошли первый Всероссийский форум по школьному питанию, две крупные всероссийские спартакиады, международный матч по регби, соревнования

по ледовому спидвею, юниорское первенство России по фигурному катанию. Решаются вопросы передачи стадиона «Мордовия Арена» на федеральное обслуживание, проведения Фестиваля здоровья, киберспорта и новых профессий «Киберстарт», и др. Это новые рабочие места и загрузка объектов «наследия-2018». Поэтому нужно снять барьеры по материализации проекта пищевого кластера, организации событийных мероприятий. Все должно работать на привлечение туристов, нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства» (событийный, деловой, сельский, промышленный, детский, железнодорожный туризм).

Сфере культуры РМ, несмотря на сложности, удалось сохранить ключевую аудиторию, провести модернизацию и цифровизацию объектов (за 4 года по нацпроекту на это направляется почти 740 млн руб.). В 2021 г. после капремонта заработал Центр культуры им. Ухтомского в Рузаевке, реконструируется РДК в Торбеево, открылись виртуальный читальный зал Государственной научно-технической библиотеки и концертный зал в Рузаевской детской школе искусств, представлена программа сохранения и развития национальной культуры, государственных языков и языков народов РМ [1]. Вместе с тем недостаточно введены грантовые механизмы в работе с молодежью (их более 64 тыс. чел.). Требуют активации народно-художественные промыслы пилотного проекта Минпромторга России «ТЕТРА», проект регионального художественно-экспертного Совета, учета ресурсов фестивального движения, музеев и театров. Надо вовлекать детей к просветительской работе, социальным проектам, заботится о межконфессиональном согласии и поддержке традиционных религий (российские движения школьников, экологов, поисковиков; Юнармия; сообщество «Большая перемена»; «тимуровцы»; студотряды; Союз православной молодежи; Центральное духовное управление мусульман; казачество; волонтерство и др.). Почетный знак «Доброволец Республики Мордовия» А. А. Здунов предложил включить в перечень республиканских государственных наград. Необходимо пересмотр форматов и подходов к социокультурному наследию в целом с позиций влияния культуры на духовно-нравственные ориентиры человека и патриотическое воспитание молодого поколения.

Таким образом, на уровне региона проблемы консолидации и воспроизводства современного российского общества детерминированы, с одной стороны, внешнеполитическими, идеологическими факторами, с другой, – образовательными ресурсами, социально-коммуникативными технологиями в деятельности объектов государственного и муниципального управления, активизмом социума на любом иерархическом уровне, перспективами интеграции в контексте морфологически-содержательной трансформации структуры общественных отношений. В зону постоянной персональной ответственности Правительства, министров и глав районов входят актуальные для региона проекты и инициативы, поддержка и развитие бизнесов, создание новых рабочих мест, насыщенная событийная и туристическая повестка.

Литература

1. Об утверждении государственной программы «Сохранение и развитие национальной культуры, государственных языков Республики Мордовия и других языков в Республике Мордовия». URL: <https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/578019508?print=0> (дата обращения: 17.01.22).
2. Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия. URL: <https://e-mordovia.ru/glava-rm/poslanie-glavy-rm/24-dekabrya-2021-goda/> (дата обращения: 27.12.21).

УДК 323.22.28
ББК 66.3(2Рос),133

А. М. Пищугин, А. В. Завьялов, *Иркутск*

Особенности взаимодействия федерального центра и региональных элит в России в 1990–2000-х гг.

Рассматриваются отношения федерального центра с региональными элитами в первые 20 лет после распада СССР. Анализируются особенности изменяющейся политики федерального центра по отношению к региональным элитам: первый этап (1990-е гг.) характеризовался слабостью федерального центра, войной законов, перетягиванием полномочий, заключением различного рода договоров между субъектами федерации и федеральным центром, что явилось причиной политической турбулентности 1990-х гг., в то время как второй этап (2000-е) характеризовался укреплением властной вертикали, приведением правового поля страны к единообразию, выстраиванием взаимоотношений по одинаковым для всех принципам, что позволило стабилизировать ситуацию в стране и укрепить положение политической системы.

Ключевые слова: федеральный центр, региональные элиты, война законов, выборы губернаторов.

A. M. Pishchugin, A. V. Zaviyalov, *Irkutsk*

Features of Relations between the Federal Center and Regional Elites in Russia in the 1990s – 2000s

The relations of the federal center with the regional elites in the first 20 years after the collapse of the USSR are discussed in the article. The features of the changing policy of the federal center in relation to the regional elites are analyzed: the first stage (1990s) was characterized by the weakness of the federal center, the war of laws, the pulling of powers, the conclusion of various kinds of agreements between the federation subjects and the federal center, which caused the political turbulence of the 1990s, while the second stage (2000s) was characterized by the strengthening of the power vertical, bringing the legal field of the country to uniformity, building relationships on the same principles for all, which made it possible to stabilize the situation in the country and strengthen the position of the political system.

Keywords: federal center, regional elites, war of laws, elections of governors.

Федерация – это форма государственного устройства страны, где каждый субъект федерации пусть и не обладает полным суверенитетом, но обладает значительными полномочиями в проведении внутренней политики. Эти полномочия и права предоставляются субъектам федерации для минимизации затрат и улучшения процесса управления на собственных территориях. Для наилучшего управления регионами нужны квалифицированные и компетентные специалисты, которые зачастую и составляют региональные элиты. Но под региональными элитами не стоит понимать лишь совокупность лиц, занимающих статусные позиции в структурах власти. Это могут

быть и люди, непосредственно влияющие на эти структуры и на принимаемые ими политические решения.

Федеративная форма государства является достаточно распространенной в современном мире. Помимо Российской Федерации федерациями являются такие страны, как, например, США, Германия, Канада, Пакистан, Бразилия, Микронезия и др. США и Германия являются одними из ведущих стран мира в политических и экономических процессах, не последнюю роль в этом играет и форма территориального устройства этих стран.

Российский федерализм зародился и развивался под воздействием распада СССР и сопровождался борьбой федерального центра, который хотел сохранить единое экономическое и социальное пространство, с одной стороны, и региональными элитами, стремящимся увеличить свои полномочия и привилегии, с другой. Принятие Конституции РФ должно было направить страну на путь решения проблемы отношений центра и субъектов федерации и на снятие противоречий между различными тенденциями государственно-территориального устройства.

Для успешного функционирования государства должна быть четко построена вертикаль власти между федеральным центром и субъектами федерации, полномочия субъектов федерации не должны противоречить конституции. В 1990-е гг. в России эти условия не соблюдались, противоречия между центром и региональными элитами ставили под угрозу целостность и дальнейшее развитие страны.

Взаимодействие центральной и региональной власти в период президентства Б. Н. Ельцина в разное время изучено в работах таких авторов как В. А. Жидких [6], Г. А. Прожилов [12], А. В. Сидоренко [13], А. А. Степанова [14], Э. С. Юсубов [15] и др. Методы и реформы переустройства системы отношений между федеральным центром и региональными элитами описаны в работах таких авторов как Н. А. Анучина [1], Н. М. Беленко [2], Н. С. Груднин [4], Е. С. Коломийцев [8]. Трансформация отношений между федеральным центром и региональными элитами Иркутской области описана в работах таких авторов как М. В. Комарова [9], Л. Н. Метелкина [11], А. А. Железняков [5], А. А. Маглеев [10].

Политический и экономический кризис 1990-х гг. выявил проблемы, которые, как считалось, были решены в период существования СССР. Кризис власти привел к кризису всей системы национально-государственного устройства. Отсутствие внятной и обоснованной этнической политики государства, рост этнического самосознания и самоидентификации народов, проживающих на территории стран бывших республик СССР не как единой нации, а как отдельных этносов, определение правового статуса субъектов РФ привели к политизации национального фактора в государственном устройстве [12].

В начале 1990-х гг. в конституциях многих республик появились статьи о государственном суверенитете (к примеру, в конституциях Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии)). В основных законах республик Бурятия и

Тыва подчеркивалась особая роль титульной нации. Такое положение вещей вызвало большое количество вопросов у россиян других национальностей, например, о том, что республики занимают привилегированное положение в экономическом плане исходя лишь из особенностей своего национального состава.

Национальный принцип построения государства предусмотрен международным правом – возможностью народов на самоопределение, и служит для защиты их культуры и истории [11]. Право народов на самоопределение декларировано в ч. 2 ст. 1 Устава ООН, в п. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в п. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в других международных документах, касающихся прав человека. Резолюцией 49-й сессии Комитета ООН по уничтожению расовой дискриминации от 8 марта 1996 г., ч. «В» п. 7 признано, что «Право народов на самоопределение является одним из основных принципов международного права».

В Конституции РФ подтверждается равноправие и возможность самоопределения народов. Однако ни в государственном праве Российской Федерации, ни в международном праве нет единого мнения о сущности понятия «самоопределение народов». Зачастую под самоопределением народа подразумевается право определенных этносов и социальных групп самим выбирать форму своей организации и решать вопрос о своей судьбе. Многие исследователи начинают расширять значение данного понятия и интерпретировать его, в итоге подразумевая под самоопределением народов право каждой национальности на непринужденный выбор государственной формы своего существования, социального строя, нахождения в составе другого государства или возможный выход из него и создание собственного суверенного государства.

Чтобы более точно подойти к пониманию данного понятия, мы должны вспомнить о временных рамках, когда понятие «самоопределение народов» получило распространение. Изначально право на самоопределение народов подразумевало создание собственных национальных государств, но речь шла в то время о народах, находившихся в колониальной зависимости от иностранных государств во время процесса деколонизации [12].

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. было распространено мнение о том, что под понятием «самоопределение» можно считать возможность выхода из состава государства, несмотря на то что в историческом контексте такой вариант был приемлем лишь для колониальных народов середины XX в. Ст. 80 и 81 конституции РСФСР подтверждают главенство законов РСФСР над законами республик, краев и областей, входящих в ее состав, т. е. до принятия Конституции 1993 г. все регламентировалось законами РСФСР, но в конституции РСФСР, в отличие от конституции СССР, не был предусмотрен выход субъектов из состава РСФСР. Они могли принимать уставы (конституции), как, к примеру, Татарстан принял свою конституцию в 1992 г., но формально до принятия Конституции 1993 г. статьи о суверенитете шли

вразрез с законом РСФСР, их выход просто не был предусмотрен, равно как и не предусмотрен (более того – запрещен) сейчас.

Необходимо добавить, что данная трактовка права на самоопределение может привести к дестабилизации международной безопасности. Резкое желание множества народов создать собственное государство непременно приведет к территориальным претензиям и конфликтам на этой почве (как это было в Югославии). Даже в случае решения всех территориальных споров (что практически невозможно), так как в мире мало моноэтнических территорий (Армения, Польша и т. д.), после выхода из состава единого государства в «новообразованных» государствах может начаться деление на коренных и некоренных граждан, что может привести к открытой или завуалированной дискриминации по этническому признаку. Поскольку в мире количество народов намного превышает количество существующих стран, факт существования нескольких национальностей в рамках одного государства становится неизбежным. Но в условиях политического кризиса 1990-х гг. многие лидеры субъектов РФ (в частности, республик) и национальные элиты РФ активно использовали данную риторику для создания с федеральным центром особых условий сотрудничества, что в большинстве случаев противоречило принципам федерализма.

Советский Союз по форме государственного устройства формально являлся федерацией, что было закреплено в его Конституции 1977 г. (ст. 70, 73, 74, 75), несмотря на то что давал возможность сепарации союзным республикам (ст. 72). В состав СССР входило 15 республик (ст. 71), и все они были сформированы по национальному признаку, их полномочия и компетенции также были четко прописаны в советской Конституции 1977 г. Однако ни в одной из конституций РСФСР не определила своих субъектов. «Советская юридическая наука считала, что федерация в России особая и основывается на автономии ее отдельных частей, т. е. регионов. Однако автономные республики, области и округа, образованные в 1920–1930 гг., не были самостоятельны в решении элементарных вопросов местной жизни и фактически не были субъектами федерации, а полномочия их органов власти были регламентированы конституциями РСФСР и СССР» [9, с. 101]. После распада СССР Россия получила уникальный шанс, чтобы создать принципиально новую вариацию федеративных отношений. 12 декабря 1993 г. можно считать днем рождения российской системы федерализма (день принятия Конституции РФ на всенародном референдуме), однако до ее принятия было множество споров касательно территориально-государственного устройства страны. Национальный вопрос автоматически исключил возможность создания унитарного государства (были различные предложения по поводу создания субъектов на основе географических и экономических реалий, но они не имели поддержки).

В составе федерации на момент принятия Конституции 1993 г. находились 32 разнородных национально-территориальных образования (21 республика, 10 автономных округов и 1 автономная область), а 57 субъектов

имели административно-территориальную основу. Во время политической слабости федерального центра некоторые уступки национальным республикам были приемлемой платой за лояльность, чтобы избежать нарастания центробежных сил, которые и так были сильны после «парада суверенитетов», разрушившего Советский Союз. Национальные элиты и лидеры национальных республик решили на правовом уровне оформить свои полномочия в национальных конституциях, чтобы обезопасить себя в дальнейшем, когда кризисные явления во взаимоотношениях федерального центра с регионами закончатся [9].

Со временем такое развитие федеративных отношений стало предметом возмущений общественности и глав административно-территориальных образований, которые не обладали тем спектром возможностей, которыми обладали их коллеги – руководители национальных республик. Масло в огонь подливала практика заключения двусторонних договоров по вопросу разграничения полномочий между федеральным центром и национальными республиками, которые центр считал наиболее проблемными. Таким образом создавалась угроза превращения конституционной федерации в договорную (этот процесс проходил с 1994 по 1998 г.). Хотя изначально подразумевалось дать особый статус ограниченному числу субъектов, в результате процесс стал носить массовый характер и из 89 субъектов РФ 45 начали строить с центром особые отношения [9, с. 103].

Период 1990-х гг. характеризуется «войной законов». К примеру, Конституция Республики Саха (Якутия) предусматривала возможность приостановки действия федеральных законов и актов, которые, по их мнению, противоречат законодательству республики. Республика Тыва оставляла за собой право объявления военного положения, а также принятие решений по вопросам мира и войны. В этих же республиках были приняты законы о воинской службе. Кроме того, все природные ресурсы на территориях этих республиках становились собственностью республик. Тыва также заявляла о возможности подписания международных договоров, а Республика Бурятия устанавливала порядок введения на своей территории чрезвычайного положения без согласования с Президентом РФ [9, с. 104].

Среди тенденций и противоречий, которые ярко иллюстрируют этнополитическую ситуацию в 1990-е гг., можно выделить стремление к единству и интеграции общества в единое целое и стремление каждого народа к самоопределению, процесс получения некоторыми субъектами все больших полномочий и процесс укрепления российской государственности путем укрепления основ федерализма и равных возможностей субъектов, повышение уровня самосознания народов России, стремление к национально-культурной самобытности и историческая духовная общность народов России. Совокупность всех этих противоречий создавала благоприятную почву для возникновения межнациональных конфликтов во многих субъектах федерации, особенно на территории Северного Кавказа [9, с. 105]. Свою роль играли и экономическое неравенство между регионами, рост безработицы и

наличие взаимных земельных притязаний, что наиболее ярко было видно на территории Северного Кавказа.

Процесс развития федеративных отношений в 1990-х гг. можно сравнить с перетягиванием каната, где с одной стороны – федеральный центр, с другой – субъекты федерации. Если при Б. Н. Ельцине канат к себе перетягивали регионы ввиду явной слабости федерального центра, вызванной политическим и управленческим кризисом, то при первых двух сроках правления В. В. Путина федеральный центр вернул статус-кво. Помимо выхода из политического кризиса 1990-х гг. федеральный центр смог выстроить стабильную систему отношений между центром и субъектами Федерации на условиях подчиненности и равноправного распределения полномочий, которая не дает возможности создать в дальнейшем условия для повторения политического кризиса. Одной из главных причин этого является создание единого, непротиворечащего Конституции РФ правового пространства в регионах.

В начале 2000-х однако региональные элиты сдали свои позиции и приняли новые «правила игры», а федеральный центр получил возможность кардинально изменить проводимую им ранее политику по отношению к субъектам Федерации и национальным элитам, которые имели к тому времени достаточно большое влияние на местах. Такие два политических актора, как федеральный центр и региональные элиты состояли из нескольких коалиций и объединений, которые создавались исходя из их интересов и идеологических основ. Важно понимать, что под идеологиями здесь понимаются способы восприятия проблем в соответствии с представлениями акторов о реальном и желательном устройстве общества. Эти коалиции могли преследовать разные интересы, следовательно, могли вступать друг с другом в конфронтацию.

Федеральный центр в 1990-е гг. был представлен тремя «идеологиями»: управленческой, утилитаристской и самоуправленческой [3].

Представители управленческой идеологии рассматривают государство как единую корпорацию с четко выстроенной иерархией, где предусмотрена административная вертикаль власти. Регионы здесь оказываются низшим звеном иерархии, подчиняющимся центру, и перечень их полномочий и свобод не должен противоречить политике, которую проводит федеральный центр.

В рамках утилитарной идеологии федеральный центр исходит из экономической выгоды, снимает с себя ответственность за политику, проводимую в регионах, и считает, что региональные власти должны способствовать либерализации и улучшению экономики в собственных субъектах. Также представители этой идеологии имеют возможность спихнуть ответственность за непопулярные меры на местные власти, а проведение федеральным центром политики касательно регионов происходит лишь тогда, когда необходимо убрать регионального политического противника.

Самоуправленческая идеология основывается на основных принципах демократии – на гражданском обществе и его институтах. При этом ее представители считают децентрализацию 1990-х гг. частью незавершенного

проекта по формированию России как правового государства. «Самоуправленцы», как и «утилитаристы», пришли на политическую арену России на волне демократических преобразований 1990-х гг.

Противоречия между этими идеологиями в сфере региональной политики были в вопросах целей и средств. Если в вопросе цели «управленцы» тяготели к централизации власти везде, то «утилитаристы» лишь там, где это было необходимо. «Самоуправленцы» выступали за децентрализацию, если это не мешало развитию демократии в стране. При рассмотрении вопроса средств «управленцы» выступали за делегирование полномочий сверху вниз, а «утилитаристы» и «самоуправленцы» отдавали предпочтение разграничению компетенций между всеми ступенями власти. В результате создавались условия для создания коалиций на федеральном уровне, что мешало проведению единой целенаправленной политики [3].

Ситуация кардинально изменилась после августовского кризиса 1998 г. Активная борьба региональных элит на федеральном уровне и их интерес к думским выборам 1999 г. заставил федеральный центр пересмотреть свое отношение к региональной политике. Когда региональные элиты стали подрывать авторитет федерального центра и начали представлять для него реальную угрозу, все представители федерального центра, независимо от их идеологических соображений, решили объединиться, что способствовало проведению ими единой региональной политики. Одновременно с этим поменялась расстановка сил среди акторов федерального центра. До лета 1998 г. главенствующую роль в нем занимали «утилитаристы», но после провала экономических реформ их сместили «управленцы».

Заручившись поддержкой большинства федеральных акторов, «управленцы» начали проводить собственную региональную политику, при этом у них было то, чего не было у федерального центра в период 1990-х гг. – доверие масс к новому президенту страны. Новая федеральная реформа характеризовалась тем, что ее проводил новый президент, который имел высокий уровень доверия у населения, она основывалась на компромиссе между федеральным центром и гражданами страны, а компромисс, на который пошли федеральные элиты ради защиты от угроз региональных элит, позволил федеральному центру выступать в отношениях с регионами в качестве единого актора.

Обычным явлением в 1990-е гг. было то, что губернаторы и их региональные коалиции представляли интересы определенных социальных групп на уровне федерального центра. В основном они объединялись с олигархами и представителями левых фракций в Государственной Думе. Во время федеральных выборов 1999–2000 гг. по мере того, как блок ОВР уступал свои позиции кремлевскому «Единству», был отчетливо виден переход региональных элит в стан победителей. После поражения на федеральных выборах региональная коалиция потеряла ресурсы на свое существование. Федеральному центру даже не пришлось прибегать к радикальным мерам, так как региональные элиты были разделены, ослаблены и готовы были принять

условия федерального центра, что подтверждает поглощение «Единством» блока ОВР [3].

После тех федеральных выборов, в которых элиты федерального центра смогли консолидироваться и выступить единым фронтом против, казалось бы, имеющих огромную силу региональных элит, у федерального центра были развязаны руки для реализации своих планов по централизации государства. Могущество региональных сил только казалось видимым, элита каждого субъекта федерации исходила из своих интересов и задач и не была заинтересована в консолидации и совместном противостоянии центру для расширения власти элит всех субъектов страны. Многие же региональные элиты приняли власть центра и новые правила игры (к примеру, в феврале 2000 г. губернаторы Белгородской, Курганской и Новгородской областей выступили с заявлением по необходимости сокращения числа субъектов федерации до 20–30 и отмене выборов губернаторов, уверяя тем самым федеральный центр в своей полной лояльности).

Был применен ряд средств, посредством которых федеральный центр смог закрепить новый порядок взаимодействий с региональными элитами. Во-первых, это реформа федеральных округов с полномочными представителями президента, а во-вторых – это изменение порядка формирования Совета Федерации. Раньше в Совет Федерации входили главы исполнительной власти субъектов (губернаторы и президенты республик) и руководители региональных парламентов, что помогало региональным элитам представлять свои интересы на уровне федерального центра. Новая же система предполагала отстранение глав субъектов от нахождения в этом органе, глава субъекта выдвигал кандидатуру – представителя исполнительной власти региона, которого должны были одобрить две трети депутатов регионального парламента. Также местный парламент большинством голосов выбирал представителя в Совет Федерации от законодательной власти. Тем самым была ограничена возможность региональных элит выдвигать своих кандидатов для продвижения своих интересов.

Далее Президент был наделен полномочиями снятия с должности глав исполнительной власти регионов и возможностью роспуска регионального парламента в случае нарушения им Конституции или федерального закона. Хотя на практике последняя санкция не применялась, но она играла роль потенциально сдерживающего региональные элиты фактора от действий, противоречащих интересам федерального центра.

С первого взгляда может показаться, что ряд этих реформ направлен на формирование правового государства с верховенством закона, но на практике существует целая система санкций и поощрений, отлаженный механизм неформального урегулирования конфликтов. Центр мог «наказывать» неугодных ему губернаторов (примером может послужить курский губернатор А. Руцкой, который был не допущен до очередных выборов губернатора из-за обвинений в нарушении закона, которые, однако, имелись и у

других глав субъектов страны) [3]. Также центр мог и «поощрять» верных ему глав субъектов, разрешая им выдвигаться на третий и четвертый срок.

В условиях повсеместного нарушения формальных норм и законов использование неформальных методов решения проблем помогало федеральному центру минимизировать экономические и политические издержки для поддержания политической стабильности в регионах страны. Дальнейшие реформы и шаги федерального центра были направлены на то, чтобы закрепить сложившуюся систему и не допустить в будущем ситуации возврата к децентрализации 1990-х гг. [3]

Помимо создания административных механизмов, которые препятствуют развитию регионализма в политической жизни страны, федеральный центр решает использовать партии. В 2001 г. принимается закон «О политических партиях», который запретил регистрацию региональных партий. Теперь титаны региональной политики не могли создавать и поддерживать собственные партии, которые могли бы конкурировать с федеральными. Теперь крупные региональные политические акторы должны были состоять в одной из думских партий для продвижения своих интересов, что способствовало уменьшению автономии главы субъекта. Также центр для поднятия роли федеральных партий навязал регионам пропорциональную систему, по которой 50 % депутатов регионального парламента проходит по партийным спискам. Помимо увеличения роли федеральных партий вообще, федеральный центр преследовал цель повышения статуса «Единой России», и эта цель была достигнута благодаря поддержке данной партии многими сильными губернаторами в регионах – партия смогла создать влиятельные фракции в региональных парламентах.

Следующим шагом стало укрупнение субъектов федерации – федеральный центр хотел уменьшить число регионов за счет объединения экономически слабых регионов и экономии средств федерального бюджета на их содержание [7]. При этом центр не был заинтересован в объединении экономически сильных субъектов, чтобы не испытывать дальнейших трудностей из-за необходимости «торга» с представителями региональных элит (по этим соображениям федеральный центр заблокировал решение об объединении Тюменской области с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами) [3].

Дальнейшим шагом централизации и создания новой системы отношений между федеральным центром и региональными элитами стал отказ от всеобщих выборов губернаторов. Он позволил центру минимизировать политическую неопределенность в регионах, которую могли бы принести выборы глав субъектов страны. Также этот шаг помог укрепить свои позиции «Единой России», так как главу исполнительной власти выбирали депутаты местных парламентах из числа фракции-победительницы. Но по факту после этого мало что изменилось – на постах глав исполнительной власти остались все те же люди, что и были. Это говорит о сложившейся системе взаимоотношений между федеральным центром и региональными элитами,

в которой ведущую роль играет центр. Кадровые изменения произошли лишь в случаях открытой неприязни центра к конкретным лидерам (примерами может послужить Ивановская область и Республика Алтай). Также необходимо отметить, что в некоторые субъекты главы были назначены «извне», как в Нижегородской и Калининградской области. Такое отношение объясняется желанием центра минимизировать риски при взаимодействии с регионами.

Но доверие главы государства не означает, что назначенный глава субъекта сможет найти взаимопонимание с региональными элитами. В случае несогласованного с местными региональными элитами назначения губернатора возможны издержки в виде конфликтных отношений губернатора и региональных элит, что приводит к неэффективному управлению регионом.

Таким образом, начиная с 2000-х гг. федеральный центр начал выстраивать четкую, структурированную систему отношений с региональными элитами, сформировалась вертикаль власти, где вторые подчинялись первому. На определенном этапе даже вводилась система назначения глав регионов по указанию из центра. Практика назначения губернаторов не смогла зарекомендовать себя как панацея от недолжного управления регионом, никуда не делись конфликты между главой региона и местными элитами, которые в условиях прямого назначения из центра случались часто. Со временем недовольство населения переросло в уличные митинги (2011 г.) и правительство с целью демократизации политической системы в целом пошло на уступки, и эти уступки оказались выгодны и регионам. Институт выборов губернаторов был возвращен, но федеральный центр сохранил за собой возможность недопуска нелояльных кандидатов на пост губернатора путем введения муниципального фильтра. При этом был достигнут компромисс между региональными элитами и федеральным центром, так как каждый из акторов мог наложить право вето на кандидата в губернаторы, региональные элиты и бизнес-структуры могли с помощью своих финансовых возможностей просто не допустить до власти неугодного им губернатора. Данная система вполне устойчива, так как не претерпела изменений и устраивает как федеральный центр, так и местные политические элиты.

Необходимо отметить, что Иркутская область и ее региональные элиты пережили различные этапы отношений с Кремлем, начиная с автономности Ю. А. Ножикова, заканчивая назначением «варягов» из центра. На протяжении 30 лет важную роль играли местные бизнес-структуры, которые практически поглотили региональную власть и свободно лоббировали свои интересы с помощью лояльного губернатора, которому они оказывали поддержку. Такое положение вещей, разумеется, не устраивало центр, и в результате реформы выборы губернаторов были упразднены. С назначением губернаторов из центра обострились конфликты местных бизнес-структур и федеральных корпораций, чьи интересы лоббировали присланные из Москвы губернаторы. В результате федеральный центр нашел оптимальное

решение губернаторского вопроса, предоставляя право регионам самим выбрать себе губернатора, оставив за собой лишь право вето в качестве муниципального фильтра для избегания прихода на пост губернатора нелояльного человека. Также эта форма частично соответствовала запросу населения на демократические преобразования.

Рассмотрев развитие федеративных отношений в России, можно прийти к выводу, что их состояние прямо пропорционально системе отношений федерального центра и региональных элит. Федеративные отношения периода президентства Б. Н. Ельцина (1-й этап, 1990-е гг.) характеризуются отсутствием выстроенной вертикали власти между уровнями федерации и признания власти федерального центра и Конституции, так как множество конституций республик и уставов субъектов федерации шли вразрез с главным законодательным актом страны. Сильные и пользующиеся поддержкой в своем регионе главы субъектов вели собственную политику, идущую вразрез с центром и направленную на создание сильных региональных элит (в Иркутской области таким примером может послужить Ю. А. Ножигов). Для федеральных элит этот период характеризовался раздробленностью и неспособностью федеральных элит к консолидации и построению равноправных отношений с субъектами федерации и их элитами. Данному периоду была свойственна возможность заключения двухсторонних соглашений и появление у субъектов федерации полномочий, которые противоречили Конституции РФ и вообще принципам построения федеративного государства.

Во время второго этапа (2000-е гг.) российский федерализм значительно преобразился после становления Президентом В. В. Путина. Новый президент смог собрать вокруг себя большую часть федеральных элит и устранить их противоречия, что дало возможность выступить в роли единого политического актора во взаимоотношениях с региональными элитами. Региональные элиты, напротив, не готовы были объединяться для достижения общих целей (максимизации прав и полномочий субъектов РФ) и потеряли ресурсы для возможной политической борьбы с центром. По итогу преобразований и реформ 2000-х годов было решено множество задач, не решенных президентом Б. Н. Ельциным, такие как закрытие вопроса о выходе субъектов из состава федерации, приведение региональных законодательств в соответствие с Конституцией РФ, более четкое разделение полномочий федерального центра и субъектов РФ и т. д. Все эти преобразования в федеративных отношениях способствовали демократическому устройству общества, обеспечению относительной стабильности и согласия между всеми составляющими федеративного государства.

Несмотря на потерю прежних позиций, региональные элиты и бизнес-структуры оставались активными политическими акторами в своих регионах, лоббировавшими свои интересы с помощью законодательной власти, и способными противостоять главе исполнительной власти, назначенному из центра. Постоянные конфликты назначаемых губернаторов с местными элитами в совокупности с требованиями демократического преобразования

политической системы в целом подтолкнули федеральный центр на поиск новой системы отношений с региональными элитами, которая была найдена путем возвращения выборов губернаторов с введением важного для федерального центра нововведением – муниципальным фильтром, обезопасившим центр от прихода к власти в регионе нежелательного кандидата.

Таким образом, та система между федеральным центром и региональными элитами, которая была сформирована при двух первых президентствах В. В. Путина, обеспечила стабильность в отношениях «центр-регион». Даже после ухода В. В. Путина, при президентстве Д. А. Медведева, система не разрушилась из-за смены лидера страны, она лишь «усовершенствовалась» исходя из желания населения страны. Однако после изменений 2012 г. система только укрепилась, создав большую стабильность в отношениях губернаторов и местных парламентов, что способствует поддержанию стабильности в регионах и в стране в целом.

Литература

1. Анучина Н. А. Укрупнение субъектов Российской Федерации на этапе реформирования российского федерализма // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 11 (78). С. 63–67.
2. Беленко Н. М. Развитие федеративных отношений как фактор государственного строительства в России // Государственная служба. 2006. № 6. С. 37.
3. Гельман В. Я. Возвращение Левиафана? (политика рецентрализации современной России) // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 90–109.
4. Груднин Н. С., Майорова М. С. История развития федерализма в России // Научный вестник. 2015. № 1 (3). С. 36–46.
5. Железняков А. А. Влияние групп интересов на региональные органы власти Иркутской области (2008–2013 гг.) // Вестник Иркутского университета. 2014. Вып. 17. С. 244–247.
6. Жидких В. А. Российский Федерализм: эволюция, проблемы и перспективы развития : дис. ... д-ра пед. наук : 23.00.02. М., 2009. 264 с.
7. Завьялов А. В. Административные и политические аспекты результатов интеграции органов управления Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа после их объединения в 2008 году // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 230–236.
8. Коломийцев Е. С. Российский федерализм в контексте обеспечения территориальной целостности государства: политические технологии реформ // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 327–330.
9. Комарова М. В. Роль региональной политической элиты как социального института в развитии территории : учеб. пособие. Иркутск : Отгис, 2014. 150 с.
10. Маглеев А. А. Объединение субъектов Российской Федерации: парадоксы региональной политики (на примере Иркутской области) // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Иркутск : ИГМУ, 2017. С. 44–50.
11. Метелкина Л. Н. Трансформация модели взаимодействия федеральной власти с местными политическими элитами (на примере Восточной Сибири) // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 года : материалы. В 2 т. Т. 2. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. С. 86–99.
12. Прожилов Г. А. Российский федерализм: история и перспективы развития // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 15. С. 462–467.
13. Сидоренко А. В. Этнический вызов российскому федерализму // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 1. С. 100–115.
14. Степанова А. А. Значение национального фактора в государственном устройстве России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 3. С. 125–130.
15. Юсубов Э. С. Национальные отношения в контексте взаимодействия с российским федерализмом // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 2. С. 8–14.

Секция
Образование в процессах интеграции

УДК 371.3
ББК 74.2

А. В. Апапина, *Иркутск*

Правовое воспитание детей в школе

Исследуется роль школы в правовом воспитании детей. Дается определение терминам «воспитание» и «правовое воспитание», рассматриваются различные формы и методы правового воспитания в школе.

Ключевые слова: правовое воспитание, дети, школа, законы и нормативно-правовые акты, формы и методы правового воспитания.

A. V. Apanina, *Irkutsk*

Legal education of children in school

The article touches on the topic of legal education of children at school. The purpose of the article is to give the reader an idea of the role that the school plays in legal education. Definitions of such terms as «education» and legal education» are given, and various forms and methods of legal education in school are also considered.

Keywords: legal education, children, school, laws and regulations, forms and methods of legal education.

Образовательные учреждения являются одним из важнейших социальных институтов, которые занимаются правовым воспитанием и повышением уровня правовых знаний детей. Именно за школой заключено ведущее звено в системе правового воспитания, так как именно на неё возложена ответственность за подрастающее поколение.

Дети – особая социально-демографическая группа населения, тонкий социальный «барометр», который чётко реагирует на экологические, экономические, политические и социальные изменения и неблагоприятия в обществе. Поэтому важно заниматься правовым воспитанием подрастающего поколения. Актуальность правового просвещения заключается в том, что она обусловлена состоянием общественной жизни – экономики, культуры, политики и др., в которую вовлекается ребёнок. Следовательно, необходимо знакомить детей с правовыми актами и законами, формировать мировоззрение, которое будет основываться на уважении к правовым нормам и помогать им использовать полученные знания в жизни.

Для того чтобы рассматривать какую роль играет школа в правовом воспитании, разберёмся более подробно с такими терминами как воспитание и правовое воспитание.

Воспитание – понятие многоаспектное. Оно представляет собой процесс целенаправленного и систематического воздействия на физическое,

нравственное, интеллектуальное и эстетическое развитие личности, для подготовки ее к общественной, семейной, производственной и культурной жизни. Также данный процесс предполагает формирование у детей с раннего возраста качеств, которые значимы для общества и государства [2].

Правовое воспитание – организованное и систематическое воздействие на личность, которое формирует её правосознание и правовые установки. Обучение и правовое воспитание имеют неразрывную связь, но имеют некоторые отличия. У образования главная цель заключается в приобретении человеком знаний, развитие его способностей и познавательных стремлений. У воспитания немного иная цель – формирование человека как личности [1].

Благоприятный период для правового воспитания – это школьный возраст, так как в школьные годы ребенок становится субъектом права, так как начинает вступать в правовые отношения, в которых ему приходится делать выбор, который зависит от его гражданской позиции и социальной роли школьника. Социальная роль школьника – это нормативный образ поведения, который включает в себя набор прав и обязанностей, которыми он овладевает постепенно, но стоит отметить, что происходит их усложнение на каждом возрастном этапе. Это связано с тем, что чем старше становится ребенок, тем больше осуществляется переход в требованиях от регулирования поведения школьника со стороны педагогов и коллектива к саморегулированию, что в свою очередь ведет к изменению характера сотрудничества с педагогами и коллективом.

Выполнение социальной роли всегда связано с определенным самочувствием, в зависимости от того, в какой мере оно подкреплено положительными эмоциями, будет зависеть желаемость роли. Сущность правового воспитания в том, чтобы при достижении определенных нормативных требований, ребенок получал удовольствие и стремился к сохранению тех способов поведения, которые обеспечивают ему хорошее самочувствие.

Огромная роль в воспитательном процессе отводится классному руководителю, поэтому перед ним стоит ряд важнейших задач, таких как:

- ознакомление учащихся с правовыми актами государства;
- воспитание уважительного отношения к закону страны и убеждение в необходимости их выполнения;
- привитие навыков законопослушного поведения, умения защищать свои права и свободы в установленном порядке;
- усвоение основных норм, касающихся прав ребёнка, формирование умения применять в конкретных ситуациях полученные знания [3].

Эффективность правового воспитания в многом зависит от выбора форм, методов и средств деятельности. В школе данный процесс можно поддерживать и укреплять такими формами и методами, как тренинги, инновационные игры, семинары, дебаты, экскурсии в правоохранительные органы и др. Именно интерпретация правовых знаний посредством привлечения учеников к активной умственной и практической деятельности поможет

привести полученные знания в жизненный опыт. Также необходимо отметить, что работа по правовому воспитанию детей должна основываться на принципах уважения личности, разумных требований, заботы и внимания к интересам, искренности и открытости, принципиальности.

Таким образом, правовое воспитание школьника является одной из важнейших задач системы школьного образования. Разработка методик и комплекса мер по повышению правовой сознательности школьников необходимое условие высокой правовой культуры личности в социуме. Для любого человека законопослушность является ключевым моментом благополучной и защищенной жизни в правовом обществе.

Литература

1. Куницына С. М. Правовое воспитание в школе: теоретический аспект // The New man in Foreign policy. 2018. С. 14–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vozpitanie-v-shkole-teoreticheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 19.11.2021).
2. Образовательный портал. URL: <https://activityedu.ru/Blogs/edu/pravovoe-vozpitanie-shkolnikov-nadezhda-lish-na-pedagogov/> (дата обращения: 19.11.2021).
3. Открытый урок. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/682535> (дата обращения: 19.11.2021).

УДК 331.53
ББК 65.46

И. А. Журавлева, *Иркутск*

Перспективы образования и занятости молодежи

Исследуются смыслы и контексты получения образования, а также занятости молодежи в будущем. Делается вывод о трансформации рынка образования и рынка труда всего государства и отдельных регионов.

Ключевые слова: образование, занятость, рынок труда, молодежь, разные поколения, социальная ситуация, общественное воспроизводство

I. A. Zhuravleva, *Irkutsk*

Prospects for Education and Youth Employment

The article analyzes the results of a study of employers who have significant work experience and are able to compare different generations of young people and assess the prospects for education and employment of today's youth and their parents. Based on this, conclusions are drawn that the meanings and contexts of education are changing, and then the employment of young people, which transforms the education market and the labor market of the entire state and individual regions, in particular.

Keywords: education, employment, labor market, youth, different generations, social situation, social reproduction

Вопросы образования и занятости молодежи на рынке труда актуальный вопрос с одной стороны потому, что опирается на личные пристрастия и увлечения молодежи, как правило, соответствующие времени, с другой – возможности рынка труда, государства и других социальных институтов предоставить возможность реализовать свои знания в конкретной сфере деятельности. Ориентиры на получение того или иного образования или каки-

то навыков выступают первоочередными при анализе и прогнозе развития социального воспроизводства.

Особенно остро эти вопросы встали в период пандемии, в условиях виртуализации и процессов обучения и процессов занятости. Эти трансформации внешних условий привели к изменению мотивации, желаний, а вместе с тем и возможностей молодых людей в получении определенного образования и последующего трудоустройства.

Отдельным вопросом стоит восполнение качественного и количественного потенциала молодежи. Новые условия жизни требуют специалистов с новым мышлением, новым образом жизни, готовых осваивать новое в процессе, отказываться от старых схем, не держаться за неработающие модели, а создавать новое. Такой темп социального развития подходит далеко не всем, но является перспективой развития нашего общества.

Стало реальностью, что уровень требований к молодым специалистам в разы выше, чем аналогичный уровень требований еще 20–30 лет назад. Так отметили опрошенными нами руководители крупных и средних предприятий Иркутской области осенью 2021 г. ($n = 188$). В исследовании приняли участие руководители, занимающие свою должность более 10 лет, трудовой стаж на руководящих должностях от 15 лет. Возраст участников исследования составил 45–65 лет, 70 % мужчины и 30 % женщины.

Более того, по их субъективным наблюдениям, молодые люди больше болеют (73 %) и обладают разными физическими или психологическими отклонениями, чем их же родители, когда приходили устраиваться на работу.

Качество образования существенно упало. Более низкий кругозор и эрудиция молодых специалистов (65 %), специальные знания и вовсе на зачаточном уровне (54 %). Хотя уровень требований к профессиональной подготовке на порядок выше, чем 20–30 лет назад (85 %). Общим моментом явилось и то, что работодатели констатировали, что квалификации опыта и знаний молодежи не хватает с требованиями производства (48 %).

Образование для образования, а не для работы на производстве или работы по специальности. Это порочный круг социально-образовательных неэффективных программ и стандартов обучения. Изменение этих стандартов и принципов обучения может привести к социальному моделированию общественного развития.

Надо сказать, что социально-психологическое давление на молодых людей в современном обществе значительно выше и больше, чем их личный социальный опыт. И если для их родителей больше был актуален страх «остаться без работы», то для современной молодежи скорее страх «заниматься не той работой» (не удобной, не интересной, не востребованной или же заниматься, потому что деньги нужны, а не потому, что хочется и интересно и т. д.). То есть качественно смещены акценты (В. А. Скуденков [14, 15], О. А. Полюшкевич [12, 13]).

Страх, что не будет работы есть лишь у 20 % молодых людей, остальные выбирают из разных вариантов, но работа есть всегда. Не всегда по специальности, не всегда по интересам, но она есть. И то, что на это указывают работодатели показывает, что это уже устоявшееся явление.

Конечно, важно, как сложится судьба (86 %), но очень разные смыслы молодые люди в это вкладывают. Если для их родителей, завершение обучения и устройство на работу – это было показателем того, что «судьба хорошо сложилась», то для современной молодежи это не так. Важен уровень и качество образования, но критерий успешности не специальность или специализация, а количество денег, получаемых за свой труд.

И в идеале и вовсе не работать на привычной работе, а быть на фрилансе или получать деньги за свой блог и т. д. Когда усилия прикладываются не по своей специальности, а по тому, какой есть ты и что можешь говорить, как выглядеть и т. д. Для молодых людей – труд вступает средством для получения материальных благ, он не является ценностью самим по себе. Социальная удовлетворенность, престижность, социальный вклад стоят на последних позициях ценности той или иной трудовой деятельности. Финансовые меркантильные варианты являются основными мотивациями социального развития общества.

Данное смещение образов и смыслов занятости и образования приводит к тому, что труд как социальная категория в привычном его понимании (трудоустройстве на работу) становится не показателем «успешной судьбы», а скорее наоборот – что не получилось переломить судьбу и получать деньги за ведение своего блога или инстаграм-страницы. Успешными перспективами занятости и образования выступают не классические схемы и модели, а новые стратегии адаптации к меняющимся условиям жизни (И. А. Журавлева [1–9], Р. В. Иванов [8,9], С. В. Малых [10,11]).

Может ли воспроизвести молодежь тот опыт и багаж знаний, что накоплен через образовательный потенциал российского общества – отдельный вопрос. Потому что современное молодое поколение нацелено не на воспроизводство и развитие старого образовательного и интеллектуального уровня, а на формирование нового пространства развития в цифровом мире.

По статистике, незначительная часть молодежи к началу своей трудовой деятельности достигает образовательного уровня своих отцов (средне-специального образования – 38 %, высшего – 33 %). Это говорит о том, что будет нарастать не преемственность, а конкуренция поколений. Так как более старшие поколения будут переобучаться, переквалифицироваться, тогда как младшие будут получать опыт в альтернативных нишах и пространствах. Это приведет к социальному противостоянию.

Это же явление будет усиливаться под расширением возможности получения платных услуг, в том числе платного образования для разных поколений и результатом этого станет усилившаяся конкуренция на рынке труда.

Таким образом, мы пришли к парадоксальным выводам. Социальный ресурс и возможности современной молодежи уменьшаются в реальном мире и переносятся в виртуальный, и этим самым усиливается ее воздействие на ориентиры образования и занятости в настоящем и будущем. Включаясь в новые формы трудовых отношений, новое пространство организации труда, молодые люди больше влияют на содержание труда и трансформируют свое отношение к труду.

В будущем также материальные ориентиры развития ценности образования и занятости будут усиливаться. Наряду и с тем, что виртуальная удаленная занятость будет расти, что приведет к тому, что в целом рынок труда России качественно изменится, вовлекая в процессы собственной трансформации все работающие поколения.

Литература

1. Журавлева И. А. Ресурсы классического университетского образования для «модернистов» и «традиционалистов» // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 2021. С. 262–269.
2. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 361–363.
3. Журавлева И. А. От абитуриента до специалиста: ответственность вузов за профессиональную успешность выпускников // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике : сб. науч. тр. Иркутск, 2009. С. 111–115.
4. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
5. Журавлева И. А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 182–184.
6. Журавлева И. А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
7. Журавлева И. А. Социальные условия и психологические предпосылки образования молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Международной научно-практической интернет-конференции : в 2 ч. Вологда, ВолНИЦ, 2020. С. 315–321.
8. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
9. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
10. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Международной науч.-практ. конференции. Иркутск, 2020. С. 29–34.
11. Малых С. В. Виртуальность в сознании современников // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Международной науч.-практ. конференции. Иркутск, 2021. С. 118–121.
12. Полошкевич О. А. Образование в жизненном мире современной молодежи: региональный аспект // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века : сб. науч. тр. Иркутск, 2008. С. 69–77.

13. Полошкевич О. А. Ценность высшего образования в нелинейном обществе // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике : сб. науч. тр. Иркутск, 2009. С. 186–196.

14. Скуденков В. А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 39–43.

15. Скуденков В. А. Социопсихология здоровья в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2021. С. 64–69.

УДК 316.346.32
ББК 74.66

С. Н. Островский, М. П. Шутило, *Минск*

Привитие ценностей обучаемым в образовательном процессе

В статье анализируются цели и технологии привития ценностей, обучаемым в процессе получения знаний в образовательных учреждениях. Рассматриваются ресурсы образовательного процесса в усвоении и присвоении ценностей для полноценного личностного развития.

Ключевые слова: человеческая ценность, образование, студенты, стратегия обучения.

S. N. Ostrovsky, M. P. Shutilo, *Minsk*

Instilling values in students in the educational process

The article analyzes the goals and technologies of instilling values in students in the process of obtaining knowledge in educational institutions. The resources of the educational process in the assimilation and appropriation of values for a full-fledged personal development are considered.

Keywords: human value, education, students, learning strategy.

В этом амбициозном мире человек, похоже, пошел на компромисс со своими ценностями, честностью и характером, чтобы зарабатывать все больше и больше богатства. Для этого отмечается чрезмерная коррупция, незаконная деятельность, жестокое поведение и аморальное потребление, которое медленно ломает хребет нашего общества, нации и мира. Поэтому существует настоятельная необходимость в создании системы образования, основанной на ценностях, особенно на общечеловеческих ценностях, и для этого необходима реорганизация нашей системы образования. Разум ребенка – это мягкая глина, из которой можно вылепить любую желаемую форму. Таким образом, ранняя стадия – это правильное время для внедрения ценностей в нашу систему, чтобы правильные впечатления, сформированные в сознании ребенка, направляли его на протяжении всей жизни, к благородным целям.

Хорошо известно, что преподавание позитивных ценностей, таких как уважение, честность, сострадание, забота, смирение, ответственность и т. п. повышает качество образования в школах и вузах.

Ценности – это те принципы, которые помогают нам улучшать качество жизни, а также кодифицируют правила поведения: как поступать хо-

рошо и как поступать плохо. Кроме того, ценности формируют основы характера и развития личности. Ценности, которые возникают изнутри или из глубины сердца, такие как любовь, сострадание, признательность, сочувствие, терпение являются основой для внутренних установок личности и внешних проявлений при выполнении того или иного вида деятельности. Поведение и отношение конкретного человека сильно зависит от его культурных ценностей, которые служат широкими ориентирами на протяжении всей его жизни.

Ценности регулируют и направляют человеческое поведение и действия в нашей повседневной жизни. Они заложены в каждом слове, которое мы выбираем и произносим, в том, что мы носим, в способах общения, в нашем восприятии и интерпретации реакции других на то, что мы говорим. Они строятся на основе интересов, выбора, потребностей, желаний и предпочтений. Они составляют ядро формирования ценностей.

Значения обладают избирательным или направленным качеством. Когда предпочтения приобретают определенную определенность, интенсивность и стабильность, они становятся критериями суждений, выбора, действий и основаниями для принятия решений. Ценности включают в себя процессы мышления, познания, понимания чувств и действий. Они включают в себя чувства, т. е. сильную симпатию к чему-то, глубокое отношение к вещам, которые человек ценит, использует, постулирует и т. д.

Наиболее важной причиной ценностной ориентации является тот факт, что нынешняя модель образования способствует непропорциональному развитию обучаемых. Эта модель образования уделяет исключительное внимание когнитивной области, не уделяя внимания аффективной области, что приводит к отчуждению между разумом (когнитивными процессами) и сердцем (восприятием и чувствами). Студенты воспитываются в духе огромной конкуренции (современная модель образования строится на подготовке конкурентоспособного специалиста) и с самого начала обучаются тому, что следует прежде всего реализовывать свои собственные эгоистические стремления. Индивидуалистическая идея совершенства продвигается за счет эмоциональных и реляционных навыков. Большинство обучаемых как средних школ, так и вузов с трудом понимают, почему они изучают разные предметы и насколько таковое обучение будет полезно для них. Они едва ли знают, как им следует жить, как посвятить себя благополучию страны, заботе об окружающей среде и другим социальным и моральным вопросам. Им неясно, кем они хотят быть после окончания школы [2].

Проблема снижения приоритета нравственных и духовных ценностей является многомерной, возникающей в результате сочетания основных социальных сил, таких как глобализация, актуализация, потребительство, коммерциализация образования, угрозы человечеству из-за климатических изменений, деградации окружающей среды, насилия и терроризма. Это приводит к неуверенности, индивидуалистическому образу жизни, ускорению

желаний, неправильному использованию науки и техники, пессимизму, чувству отчуждения и другим негативным последствиям [1].

Передача ценностей – это процесс, посредством которого индивид передает ценности другим. Передача ценностей происходит в процессе социализации, которая всегда происходит в определенном контексте. Поскольку социокультурная среда одного общества отличается от другого, то легко создается возможность для построения пространства для развития ценностей. Причем привитие и развитие ценностей осуществляется через контекст. Например, существуют различные уровни контекстов в соответствии с экологической перспективой. Наименьшая часть контекста, в котором живет и перемещается ребенок, – это ближайшая семья, школьные учителя и товарищи, а также окрестности, игровая площадка и т. д. Другим уровнем контекста является непосредственное участие отдельных лиц, влияющих, например, на взаимодействие родителей с соседями и т. д. Тем не менее более широкий контекст связан с более широким сообществом, в котором живет ребенок. Хотя у ребенка может не быть прямого контакта, но различные уровни систем влияют на развитие и социализацию ребенка. Каждый слой контекста взаимодействует, создавая очень сложный контекст, в котором растет и развивается ребенок. Как люди влияют на ребенка, так и ребенок оказывает на них влияние. Ничто никогда не остается статичным. Контекст также меняется по мере роста ребенка. Это влияет на отношение, поведение, ценности ребенка и т. д. Ценности усваиваются так же, как мы усваиваем привычки из окружающей среды. Усвоение ценностей происходит довольно рано в жизни из уст в уста или по простым командам родителей и других взрослых. В ранние годы жизни запреты и родительская идентификация являются источником ценностей.

На ранней стадии дети быстро понимают, какое поведение одобряется, а какое нет, что может принести вознаграждение, а что может привести к наказанию. Они связывают понятия хорошего или плохого, правильного и неправильного с различными поступками и поведением. Награда и наказание, одобрение и неодобрение действуют как положительное или отрицательное подкрепление. Таким образом, характер ассоциации, положительной или отрицательной, и ее частота важны для формирования ценности. Когда конечный результат приводит к признательности, образуется положительная ассоциация, в то время как отрицательные ассоциации формируются из-за противоположного конечного результата. Человек склонен повторять действие или поведение, которые служат достижением желаемой цели. Когда они повторяются при благоприятных условиях подкрепления, они формируются в привычки и глубоко укореняются как сильные поведенческие тенденции. Первоначально может не быть никакой концептуализации, но позже такое обучение может быть перенесено из одной конкретной ситуации в другую.

Идея создания ценности делает акцент на автономных способностях обучаемых. Раньше педагогика создания ценностей вовлекала студентов в

обучение, способствовала развитию мудрости из знаний, опыта, дабы извлекать значимую ценность в любой из имеющихся ситуаций. Вот почему важно развивать у студентов творческий потенциал и способность сознательно применять полученные знания таким образом, чтобы это приносило личную выгоду и социальное благо. Такая жизнь, основанная на внедрении ценностей, была бы совершенной, полезной и, таким образом, в основе своей счастливой.

Конструктивная стратегия делала упор на обучающихся, а не на педагогов. Эта стратегия создания ценностей основана на философии, согласно которой дети строят свои собственные теории о том, как устроен мир, хотя их разум менее развит, чем у образованных взрослых. Этот подход означал, что не только ценности преподавались явно и систематически, но и была создана среда, которая отражала и включала предлагаемые ценности. Не последнюю роль в этой структуре играет сознательное моделирование ценностей самими сотрудниками, как в их служебных отношениях, так и в их отношениях со студентами и их родителями.

Внедрение ценностей отличается от преподавания любого другого школьного предмета. Стратегия обучения должна делать акцент на том, как думать о чем-то, размышлять, критически оценивать, ценить свои собственные ценности и ценности других, развивать лучшее общение, лучшее принятие решений, чтобы концепции в конечном итоге нашли свое отражение в поведении и действиях. Она не только ограничивается когнитивным уровнем, но также охватывает аффективный и поведенческий уровни. Отношения, ценности и навыки не могут быть развиты ни путем принуждения учащихся к запоминанию, ни путем внушения. Необходимо предусмотреть условия для усвоения таких взглядов и ценностей, которые могут сохраняться в долгосрочной перспективе. Только тогда учащийся может принять сознательное решение о применении ценностей, сознательно и ответственно [4].

Таким образом, педагогика перешла от традиционной модели к модели, основанной на опыте или участии. Эта модель предполагает, что важно не то, чему учить, а то, как учить, и в этом суть образования. В отсутствие этого создание ценностей может стать просто еще одной обязанностью, провозглашаемой образовательными учреждениями, в то время как это должно заключаться в принятии различных способов взаимодействия, взаимоотношений и общения с учащимися и использовании способов преподавания и обучения для обеспечения конкретного опыта обучения.

Можно выделить некоторые общие стратегии привития и развития ценностей в образовательной сфере. Так, например, отношения и ценности лучше всего усваиваются с помощью нескольких методов обучения, основанных на опыте и участии. Из-за сложности процесса формирования ценностей и широкого спектра ценностей, которые необходимо развивать, несколько эмпирических и рефлексивных стратегий, как показано ниже, должны быть интегрированы в учебные и совместные учебные мероприятия в образовании.

Зрительное восприятие

Зрительное восприятие – это способность интерпретировать окружающую среду путем обработки различной информации. Символы, изображения, рисунки, диаграммы, плакаты, графики, а также слуховые и кинестетические переживания – все это конкретные объекты, которые помогают понять факт по сравнению с вербальным способом обучения. Это также мощные инструменты для передачи взглядов и ценностей, формирования образов особенно в ранние начальные годы школьного обучения.

Ролевые игры

Ролевая игра относится к изменению поведения индивида, чтобы он взял на себя определенную роль, либо бессознательно, чтобы выполнить социальную роль, либо сознательно, чтобы разыграть принятую роль. В ролевых играх акцент делается не на актерских способностях, а на проекции ценностей и их анализе. Этот анализ показывает, почему человек должен или не должен принимать рассматриваемую ценность и во всех случаях действовать в соответствии с ней. Ролевые игры помогают лучше понять и усилить важность ценностей. Его можно проводить в соответствии с возрастными группами. Весь процесс ролевой игры включает в себя (а) разыгрывание истории (б) изображение определенных ценностей (в) имитацию (г) обсуждение и анализ. Последующая рефлексия является важнейшей частью ролевой игры. Искусство проведения ролевых игр и их использования, особенно эффективно как для школьников, так и для студентов [3].

Рассказывание историй

Интерактивное искусство использования слов и действий для раскрытия элементов и образов истории, которое усиливает силу воображения обучаемого, называется рассказыванием историй. Педагоги использовали методы рассказывания историй с помощью значимых повествований, которые коренятся в обычной жизни, чтобы способствовать усвоению и пониманию человеческого поведения.

Аутентичные и убедительные истории, основанные на реальном мире, должны передаваться таким образом, чтобы они были понятны и привлекательны для понимания студентами в процессе усвоения ценностей. Истории и примеры из жизни великих личностей могут включать в себя акцент на том, что величие достигается не внезапно, а благодаря терпению, настойчивости и практике. Должно быть обеспечено активное участие студентов, что даст им повод поразмыслить о различных аспектах жизни великих людей и ценностях, которые они воплощали.

Совместная деятельность

Многие ценности могут быть усвоены одновременно в ходе групповой работы или совместной деятельности. Важно совершенствование фундаментальных ценностей любви, терпения, сотрудничества, мирного сосуществования, взаимного уважения. Работая в группах, студенты учатся ценить искренние усилия друг друга, радость от того, что они делают все возможное на благо всей группы. Групповая деятельность включает в себя ролевые

игры, игры, групповые дискуссии, групповые проекты и т. д. Такие мероприятия должны быть организованы таким образом, чтобы учащимся можно было прививать ценности уважения и партнерства.

Дискуссии

Дискуссии могут служить для других студентов средством обсуждения определенных социальных, политических и моральных вопросов, где ценности как таковые сами по себе не являются предметом обсуждения, но лежат в основе темы. В нынешнюю эпоху люди сталкиваются со сложными ситуациями, дилеммами и проблемами, связанными с социальной справедливостью, правами и свободами человека, окружающей средой, контролем над народонаселением, миром и разоружением. Важно понимать, что дискуссии могут помочь студентам осознать разнообразие идей и точек зрения, быть терпимыми к различным взглядам, могут помочь им прояснить свои собственные взгляды, которые необходимо донести до других. Часто это может позволить студентам прийти к соглашению. Это заставляет студента осознать, что некоторые проблемы не могут быть решены ко всеобщему удовлетворению. За любым организованным обсуждением должны следовать рефлексивные упражнения, например, что они узнали из обсуждения.

Уточнение Ценности

Уточнение ценности в основном используется для проблемной ситуации, с конфликтующими альтернативами или одинаково конкурирующими ценностями. Эта стратегия позволяет студентам выбрать одно из двух, размышлять о том, что выбрано и что ценится человеком. Она направлена на то, чтобы помочь студентам внимательно изучить свои идеи, поведение, отношение, тем самым прояснив для себя, что они действительно ценят. Намеренно избегается навязывание собственных идей или морализация того, что преподаватель считает правильным или неправильным.

Рефлексия

Рефлексия – это процесс, с помощью которого человек обдумывает практику, сознательно анализирует процесс принятия решений, опирается на теорию и соотносит ее с тем, что нужно сделать на практике. Если учащимся предоставить возможность и пространство для обдумывания своего опыта, они смогут начать понимать, что важно, какие ошибки они совершают, где что можно изменить и так далее. Стоит помнить, что за любым видом деятельности должно следовать размышление о конкретном опыте. Одного размышления недостаточно. Важно то, как это повлияет на вас самих. Часто говорят, что действие без размышлений – это просто занятость. Реальное преимущество отражения – это величайшая сила рефлексивной практики, позволяющая видеть вещи в новом контексте.

Следует учесть тот факт, что мы живем в то время, когда наше понимание роли качественного обучения и силы воспитания ценностей рушится. Чтобы привить ценность учащимся, главное внимание всегда следует уделять качественному обучению. Сегодня, к сожалению, преподавание стало

главной заботой, а ценности теперь второстепенны. Необходимо сосредоточить внимание преподавателей и образовательных систем на основных элементах эффективного обучения, а именно на качестве обучения. Преподавателю следует сформировать такие отношения с воспитанниками, которые бы передавали свою приверженность и заботу, которые бы стали основой формирования личностных качеств и способствовали формированию необходимых и значимых для жизни в социуме ценностей.

Литература

1. Газман О. С. Педагогика свободы путь в гуманистическую цивилизацию 21 века // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 6–33.
2. Канонир Т. Н. Субъективное благополучие в школе и отношения с одноклассниками у учащихся начальной школы с разным уровнем учебных достижений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 2. С. 170–182.
3. Островский С. Н. Раскрытие субъектности: ролевая игра «Необитаемый остров» // Народная асвета. 2016. № 2. С. 90–92.
4. Островский С. Н. Формирование ценностной сферы студента средствами гуманитарных дисциплин // Машины. Люди. Ценности: когнитивные и социокультурные системы в потоке времени : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филос. наук, проф. С. М. Шалютина. Курган, 22–23 апр. 2021 г. / отв. ред. Р. Ю. Царёв. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2021. С. 206–208.

УДК 331.53

ББК 65.32

А. Н. Пружинин, А. Ю. Поджидаева, *Иркутск*

Анализ международного опыта устройства корпоративного образования

Рассматривается опыт зарубежных стран в организации корпоративного образования, а также проводится анализ стратегических ролей существующих корпоративных университетов.

Ключевые слова: корпоративный университет, внутрифирменное образование, персонал, человеческий капитал, интеллектуальный капитал.

A. N. Pruzhinin, A. Y. Podzhidaeva, *Irkutsk*

Analysis of international experience in the organization of corporate education

The paper examines the experience of foreign countries in the organization of corporate education, and also analyzes the strategic roles of existing corporate universities.

Keywords: corporate university, in-house education, personnel, human capital, intellectual capital.

Корпоративное образование в современной экономике, основанной на знаниях, стало эффективным механизмом адаптации к условиям современного рынка. Его развитие началось в середине XIX в. в США, корпорации, борющиеся за лидерство на рынке, самостоятельно стали проводить исследования, создавать уникальные технологии и продавать их, полученные конкурентные преимущества приносили большую прибыль, и это побуждало топ-менеджеров уделять развитию корпоративного образования

больше времени. С тех пор оно распространилось по всему миру и обрело множество видов и функций. В этой работе мы рассмотрим опыт нескольких зарубежных стран в устройстве корпоративного образования. Вполне возможно, некоторые элементы этих практик будут полезны другим российским компаниям, обладающими своим корпоративным университетом, а также исследователям, занимающимся изучением корпоративного образования.

Как и полагается, корпоративное образование прошло свой этап теоретического скепсиса, неприязни и критики. Сегодня забавно видеть один факт: некоторые исследователи и практики признают, что в термине корпоративный университет слово «университет» было пустышкой, таким маркетинговым ходом компаний для придания статусности их деятельности тогда ещё обучающих центров, по сути первое поколение корпоративных университетов было копией обычных колледжей и тренинговых центров, иногда с элементами настоящих университетов, но уже сегодня все иначе, корпоративные университеты корпораций Motorola, General Motors имеют право присваивать степень «бакалавра» и как утверждают исследователи их цель начать присваивать степени магистров и кандидатов наук [1].

В целом выделяют три поколения корпоративных университетов. Второе мало чем принципиально отличается от первого кроме своего постоянства и непрерывности, привлечением сторонних специалистов, как правило из университетов, для преподавания, а самое главное наличия собственных образовательных курсов по некоторым направлениям. Здесь же принято выделять наличие прикладного характера обучения, которое зависит от потребностей компании. Третье же поколение отличается принципиально тем, что имеет стратегическую роль и разрабатывает планы по развитию своей компании, вместе с этим оно уже обучает сотрудников не по факту потребности, а исходя из будущих потребностей компании. Перед тем как мы рассмотрим модели корпоративных университетов разных стран, отдельно остановимся на стратегической роли, так как она носит универсальный характер [2–4].

Выделяют 8 ключевых стратегических ролей корпоративных университетов. Корпоративные университеты, как бизнес-инициатива, предназначены для внедрения и поддержки проектов, принципиально качественно изменяющих свойства компании, например внедрение новой системы безопасности или контроля качества продукции. Корпоративные университеты, как агенты изменений, сосредоточенные на управление изменениями и внедрение инноваций внутри компании. Корпоративные университеты, формирующие кадровый резерв, в том числе и воспитание лидерского потенциала и развитие новых компетенций. Корпоративные университеты, как «визионеры», которые занимаются исследованиями расширения возможностей компаний и разработки альтернативных видов деятельности. Корпоративные университеты, управляющие отношениями, главная задача которых развитие сотрудничества с партнерами для создания наиболее долгосрочных отношений. Корпоративные университеты, как центры развития

отраслевых компетенций, которые занимаются исследованиями в развитие навыков и знаний компании в своей отрасли, как правило – это прикладные исследования, испытания, эксперименты. Корпоративные университеты, развивающие корпоративную культуру и развивающие социальную ответственность компании, эти направления необходимы для того, чтобы в первом случае сотрудник начинал воспринимать свою работу как творчество, а во втором как важная часть огромной компании, которая несет пользу обществу.

Из анализа этих ролей необходимо увидеть две принципиальные вещи, первая это то, что функции корпоративных университетов как бы обязывают их протоколировать существующие процессы, описывать их и анализировать любые возможные отклонения, как положительные, так и отрицательные. Вторая это прогнозирование внешнего рынка и развитие самой компаний, иными словами, корпоративный университет, создавая стратегию развития компании заблаговременно удовлетворяет потребности компании для этого развития.

Американская модель корпоративного образования. Практически все предприятия с численностью больше 10 тыс. чел. имеют корпоративный университет, затраты на образование сотрудников ежегодно до 35 млрд долл. В первую очередь оценивается конечный результат, оценивается также и эффективность каждой программы. Как правило, эти компании на 45 % обеспечены собственными курсами. Около 74 % подобных компаний имеют программы выпускников колледжей, подобные программы адаптации рассчитаны на 18 месяцев, но несмотря на это основной упор в подготовке делается на управленческие кадры, 50 % того, что вы будете проходить курсы корпоративного образования, если у вас есть высшее образование.

Японская модель корпоративного образования. Ключевой элемент этой системы – это обучение во время практической деятельности. Здесь обучение расписано всегда на этапы:

- 1) адаптация к условиям фирмы, 10–12 дней на знакомство с культурой компании, знакомство с коллективом и т. п.;
- 2) обучение техническим прикладным навыкам в среднем от 10–42 дней до 2 лет носит индивидуальный характер, все начинается с детального описания рабочих операций и отработка навыков до автоматизма;
- 3) обучение специальным навыкам и знаниям в процессе, это определенный этап посвящения в мастера выбранной профессии, на этом этапе сотрудники проходят тестирование на психологическую совместимость;
- 4) экзамены на выдвижение, после 5–6 лет работы обученный сотрудник имеет право на повышение должности, на этом этапе тоже предусмотрено обучение тем знаниям и навыкам на новой должности [5].

Стоит также отметить, что японские компании на 90 % обеспечивают себя необходимыми образовательными курсами и преподавательским составом, при этом, согласно закону компании, должны отчислять 0,35 % от фонда заработной платы на обучение сотрудников.

Немецкая модель корпоративного образования. Ключевой принцип – это система наставничества и обучения в профессиональных училищах, учащиеся учатся 1–2 дня в училище, а остальное время на промышленном предприятии под руководством опытного наставника. Благодаря этой системе учащиеся перенимают актуальный производственный опыт и адаптируются к специфике предприятия. Важно заметить, что училища финансируют или созданию сами предприятия, а самостоятельная разработка обучающих программ есть только в 18 % немецких компаний, так как государственная программа поддержки кадров сильно развита. Ещё одним интересным фактом является то, что одним наиболее распространенных методов обучения является метод практических ситуаций. Студенты, а это в основном руководители среднего звена и технические специалисты работают над реальной практической ситуацией компании в течении года в группах по 5–6 человек, по итогам 5 сессий предлагают решение поставленной проблемы.

На наш взгляд, из представленных моделей корпоративного образования для российских компаний будет наиболее ценен принцип опережения насущных потребностей компании. В отечественной практике сложилось, что корпорации обучают персонал по факту необходимости, т. е. мы догоняем существующие потребности. Вместе с этим элементы наставничества также широко распространены среди российских компаний, но их применение, как и других элементов нужно рассматривать исходя из структуры и потребностей отдельно взятой компании.

Литература

1. Allen M., McGee P. Measurement and evaluation in corporate universities // *New Directions for Institutional Research*. N 124. С. 81–92.
2. Пружинин А. Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // *Социология*. 2021. № 1. С. 128–140.
3. Пружинин А. Н. Ключевые этапы внедрения корпоративного образования в средний бизнес // *Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф.* / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 384–387.
4. Пружинин А. Н. Развитие корпоративного образования в среднем бизнесе // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф.* Иркутск, 2021. С. 513–519.
5. Чанько А. Д., Баснер А. В. Корпоративные университеты: анализ деятельности в международных исследованиях // *Российский журнал менеджмента*. 2015. № 13. С. 79–110.

УДК 378.01+316.63
ББК 74.5

М. И. Прытков, *Иркутск*

Проблемы развития модели частного образования в России

Рассматриваются некоторые нормативно-правовые проблемы развития частного образования в России. Подчеркивается необходимость дальнейшей системной работы над действующим законодательством в данной сфере.

Ключевые слова: образование, частное образование, образовательная система, образовательная организация.

M. I. Prytkov, *Irkutsk*

Problems of development of the private education model in Russia

The article discusses some regulatory and legal problems of the development of private education in Russia. The author emphasizes that further systematic work is needed on the current legislation in this area.

Keywords: education, private education, educational system, educational organization.

В современных условиях актуальность проблемы частного образования в России сложно переоценить. Обусловлено это прежде всего факторами стремительного роста глобализационных процессов и информатизации нашего общества, при котором некоторые образовательные модели перенимаются странами друг у друга. Россия в настоящее время находится у истоков построения современной инновационной экономики, для которой нужны профессионалы с творческим мышлением, умеющим адаптироваться к постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям. Эти люди должны инициировать новые проекты по развитию социальной среды, а также выступать в качестве креативных центров, принимающих нестандартные, но оптимальные решения. Способность реализовывать инновации и развивать различные сферы общества напрямую зависит от интеллектуальных активов и знаний, которые закладываются ещё в школе.

В программе социально-экономического развития Российской Федерации недаром специально упоминается о том, что: «необходимо актуализировать работу по воспитанию компетентных и ответственных, нравственно и физически здоровых молодых граждан в системе образования, повысить статус и значимость дополнительного образования детей, обратить внимание органов управления всех уровней на социальное развитие детей и молодежи, обеспечение их прав на качественное образование, творческое развитие, содержательный досуг» [2]. В этом отношении концепция частного образования выступает достаточно новым этапом в развитии системы российского образования в целом. Площадка новой государственно-частной образовательной среды может выступать и в качестве инновационного поля взаимодействия государства и коммерческого сектора, развивая при этом общественно-частное партнерство в условиях виртуализации социальной реальности [4].

В теоретическом и методологическом планах про образование писали различные философы, социологи и педагоги. К их числу относят: И. Канта, В. Ф. Гумбольдта, Б. Ридингса, Х. Ортега-и-Гассета, К. Ясперса. В данных трудах основной акцент делается именно на процессуальном моменте образовательной системы. В отечественной науке данная тема нашла отклик в трудах М. А. Маяцкого, А. К. Ерохина, И. А. Иванюк, В. Л. Иноземцева. В целом, не смотря на достаточную разработанность темы образования, аспект частного образования мало представлен как в отечественной, так и зарубежной литературе. Так что справедливо сказать, что данная тема малоизучена и представляет интерес не только с практической, но и с теоретической точки зрения.

Характеризуя новый тип образования, стоит сказать, что на данном этапе развития современная образовательная система в России определяется социокультурной средой. На сегодняшний день, по мнению Е. В. Устиновой [5], для которой наиболее оптимальным инвариантом является не степень системности имеющихся знаний, сколько жизнеспособность самого индивида и его способности решать постоянно возникающие жизненные трудности. Такому ценностному варианту наиболее подходит тип инновационного образования, который заключается в развитии у обучающегося механизмов адаптации к быстро меняющейся современности. В России такой тип образования реализуется в ряде государственных и частных образовательных учреждениях. Однако не все образовательные организации государственного толка стремятся отвечать на новые запросы современности по причине затяжного характера изменений материально-технической и другой учебной базы. Поэтому одним из условий формирования и поддержания инновационного образования, нами видится развитие и функционирование частной модели образования в качестве одновременно сложной, но открытой системы.

Чтобы понять основные препятствия развития частного образования в России, необходимо определить какими способами и мерами вообще регулируется образовательная деятельность как государственных, так и частных университетов. В целом с нормативной точки зрения данное поле регламентирует Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [1]. Предметом регулирования данного нормативно-правового акта являются те правоотношения, возникающие в результате реализации гражданина своего непосредственного права на образование. Несмотря на свой характер разнонаправленного воздействия на образовательную среду в законе не устанавливается конкретного определения «образовательной деятельности», которое выступает базовым понятием в рассматриваемой теме. Стоит отметить, что согласно ст. 2 настоящего закона образовательная деятельность это: «Деятельность по реализации образовательных программ» [1]. В итоге, проведя анализ закона и его основных положений, мы можем сделать вывод, что под образовательной деятельностью сле-

дует понимать прежде всего деятельность, конечным итогом которой является получение обучающимися (школьниками, студентами, курсантами и др.) новых или дополнительных знаний, умений и навыков.

При характеристике нормативных проблем частного образования необходимо сказать о предписанной законом форме образовательных организаций. Речь идет прежде всего о форме некоммерческих организаций. Исходя из данной формулировки, мы можем сделать вывод, что образовательным организациям практически запрещена любая коммерческая или предпринимательская деятельность, направленная на получение какой-либо прибыли. Отсюда мы понимаем, что все образовательные учреждения в России находятся на государственном финансировании и подотчетны ему. Отсюда возникает проблема непосильной конкуренции государственных и частных образовательных организаций, которые имеют материально-техническую базу меньшую, которая состоит из заложенного капитала и финансовых сил инвесторов. Тогда напрашивается следующий вопрос, как развиваться частному сектору образовательных организаций, если сама суть образовательной деятельности является некоммерческой и по своему назначению не предусматривает извлечение прибыли? На сегодняшний момент так и не найдет наиболее системный ответ на данный вопрос.

Преимуществом частной формы образовательных учреждений следует отметить и их нацеленность на конкуренцию с другими участниками рынка образовательных услуг. Если же государственные учреждения оказывают подобного рода услуги по причине их целевого назначения, то частные образовательные учреждения нацеливаются именно на получение прибыли. Соответственно, они в наибольшей степени заинтересованы в качественном обучении своих подопечных, так как ряд формальных показателей качества образовательных услуг напрямую будут отражаться в финансовой успешности данного предприятия.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что институт частного образования ещё не нашел целостного представления в нормативно-правовой базе российского образования. По этой причине, мы считаем важным продолжать работу по усовершенствованию именно правовых механизмов регулирования данной деятельности и развитию законодательства в данной отрасли. Детализация требований к частной образовательной организации позволит привлечь новых инвесторов на данный рынок, а также позволит повысить гражданско-правовой статус существующего социального института в глазах населения, что также является положительным следствием развития образования в России.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

2. О разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ Иркутской области: Постановление Правительства Иркутской области от 16 июля 2013 г. № 261-ПП // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/34750808/> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Маяцкий М. А. Университет называется // Логос. 2013. № 1 (91). С. 4–17.
4. Сафонов С. А. Партнерские технологии власти и общества в условиях виртуализации социальной реальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 217–219.
5. Устинова Е. В. Частное школьное образование в России в контексте новой образовательной парадигмы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13. 00.01. Нижний Новгород, 2012. 54 с.

УДК 378.4.096:364(470)
ББК 74.58(2P)

Е. В. Решетникова, Д. Е. Баева, *Иркутск*

Специфика технологий профориентации в вузах Российской Федерации в сфере социального образования (по материалам исследования)

Проводится социокультурный анализ феномена социального образования позволяет определить, что конечной его целью является развитие механизмов самореализации, саморазвития, самозащиты, толерантности – необходимых для становления личности и достойной жизни в обществе, для диалогичного и безопасного общения с людьми, взаимодействия с природой, культурой, цивилизацией. Рассматривается проблема подготовки студентов в области социального образования в вузах РФ, а также проанализированы технологии профориентации в вузах по социальным направлениям подготовки. Также обосновывается необходимость поиска новых технологичных профориентации по социо-гуманитарным специальностям с учётом реалий современного времени. Приведены данные исследования, полученные в ходе написания выпускной квалификационной работы по направлению бакалавриата «социальная работа» авторами статьи.

Ключевые слова: социальное образование, профессиональная ориентация, социальная работа, молодёжь, студенты, высшее учебное заведение.

E. V. Reshetnikova, D. E. Baeva, *Irkutsk*

The Specifics of Career Guidance Technologies in the Russian Federation Higher Education Institutions in the Field of Social Education (Based on Research Materials)

A sociocultural analysis of the phenomenon of social education makes it possible to determine that its ultimate goal is the development of mechanisms for self-realization, self-development, self-defense, tolerance – necessary for the formation of a person and a decent life in society, for dialogical and safe communication with people, interaction with nature, culture, civilization. This article deals with the problem of training students in the field of social education in the universities of the Russian Federation, and also analyzes the technology of career guidance in universities in the social areas of training. It also substantiates the need to search for new technologies of career guidance in socio-humanitarian specialties, taking into account the realities of modern times. The research data obtained in the course of writing the final qualifying work in the direction of the bachelor's degree «social work» by the authors of the article are presented.

Keywords: social education, professional orientation, social work, youth, students, higher educational institution.

Профориентация в настоящий момент, является одним из важнейших факторов правильного выбора будущей профессии. Игнорируя его, возникают существенные риски как для средне-специальных, высших учебных

заведений, так и для страны в целом. Кадровый голод и отсутствие квалифицированных специалистов во многих отраслях тормозит развитие как отдельных территорий, так и всей страны, в частности. Главная цель профориентационных мероприятий – помочь сделать один из важнейших шагов в жизни для молодого поколения – выбор будущей профессии и собственного развития и самореализации [1].

По данным Росстата, среди выпускников 2019–2020 гг. не работают по специальности более трети. Статистика наглядно демонстрирует недостатки и проблемы будущего выпускников:

Сколько выпускников не работают по специальности:

- в вузах – 31 % (634,5 тыс.);
- в колледжах – 43 % (389,3 тыс.);
- в профессиональных училищах – 50 % (224,6 тыс.).

В количественном выражении не работают по специальности 1,2 млн выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений – это каждый третий. Уровень безработицы среди выпускников вузов 2019 года почти равен 13 %, а у выпускников средних профессиональных учебных заведений – почти 18 % [2]. Все это может говорить о некачественной профориентационной работе как в школе, так и в тех вузах, куда поступали ребята. Возможно, с ними были использованы не все формы разъяснения и наглядной агитации.

Особенно усилил актуальность данной проблемы 2020 г. Год пандемии COVID-19, изоляций, ограничений, снижения реальных доходов населения и рост безработицы. Этот год показал необходимость развивать и модифицировать систему профориентационной работы на всех уровнях образования [1].

Потребность действенного управления процессами в социальной сфере определила необходимость решения вопросов социального менеджмента на различных уровнях (государства, региона и т. п.). Решение этих вопросов свидетельствует, что в ситуации переходного периода нашего общества необходим иная система управления и новые управленцы, как в целом для управления всей социальной сферой, так и отдельными отраслями: образованием, культурой, здравоохранением [5].

На рисунке 1 представлена диаграмма изменения численности обучающихся по программам высшего образования за период 2017–2021 гг. [3]

За последние пять лет наблюдается тенденция к снижению общего количества обучающихся на образовательных программах высшего образования. Снижение за последние пять лет составило 196 552 человека, что составило 4,6 %.

Ниже представлена информация по количеству мест для студентов, обучающихся по программам высшего образования на бюджетной основе по разным направлениям подготовки (специальностям), связанных с социальной сферой.

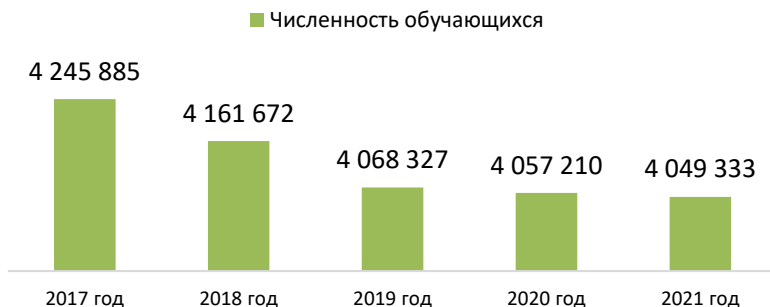

Рис. 1. Изменение численности обучающихся на программах высшего образования за период 2017–2021 гг.

В табл.1 представлена численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (уровень – бакалавриат), на бюджетной основе по укрупненной группе специальностей и направлений 38.00.00 Экономика и управление за период 2017–2020 гг. [4]

Таблица 1

Количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по образовательным программам высшего образования (бакалавриата) по УГСН 38.00.00 Экономика и управление за период 2017–2020 гг.

Направление подготовки	Годы			
	2017	2018	2019	2020
Экономика	353 247	303 166	263 085	240 692
Менеджмент	201 173	175 602	154 199	151 825
Управление персоналом	41 030	38 516	35 733	34 158
Государственное и муниципальное управление	95 723	87 460	82 537	82 523
Итого	691 173	604 744	535 554	426 675

Согласно представленным данным, за последние 4 года наблюдается тенденция к снижению количества студентов, обучающихся за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на направлениях бакалавриата по УГСН 38.00.00 Экономика и управление. Снижение за период 2017–2020 гг. составило 38 % или 264 498 человек. Резкое снижение количества «бюджетных студентов» на 110 тыс. студентов наблюдается на таком направлении как Экономика. На направлении Менеджмент снижение количества студентов составило 50 000. Также наблюдается снижение на направлениях Управление персоналом и Государственное и муниципальное управление, но в замедленном темпе.

В табл. 2 представлена численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (уровень – магистратура), на бюджетной основе по укрупненной группе специальностей и направлений 38.00.00 Экономика и управление за период 2017–2020 гг. [4]

Таблица 2

Количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по образовательным программам высшего образования (магистратуры) по УГСН 38. 00. 00 Экономика и управление за период 2017–2020 гг.

Направление подготовки	Годы			
	2017	2018	2019	2020
Экономика	45 638	42 555	37 539	33 357
Менеджмент	30 097	29 701	28 631	26 746
Управление персоналом	6 416	60 005	5 525	4 899
Государственное и муниципальное управление	17 792	18 346	17 856	17 900
Итого	99 943	150 607	89 551	82 902

Большое количество бюджетных мест было в 2018 г. В 2019–2020 гг. наблюдается тенденция к снижению количества «бюджетных студентов». На направлении «Государственное и муниципальное управление» наблюдается увеличение количества студентов, обучающихся на бюджетной основе.

В табл. 3 представлена численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (уровень – бакалавриат), на бюджетной основе по укрупненной группе специальностей и направлений 39. 00. 00 Социология и социальная работа за период 2017–2020 гг. [4]

Таблица 3

Количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по образовательным программам высшего образования (бакалавриата) по УГСН 39.00.00 Социология и социальная работа за период 2017–2020 гг.

Направление подготовки	Годы			
	2017	2018	2019	2020
Социология	11 605	11 752	11 665	11 871
Социальная работа	18 904	17 706	16 206	15 580
Итого	30 509	29 458	27 871	27 451

Согласно представленным данным, наблюдается снижение количества студентов, обучающихся на бюджетной основе. В 2019 и 2020 гг. снижение было незначительным, менее чем 500 человек. Это свидетельствует о том, что направления УГСН 39.00.00 Социология и социальная работа является одним из ключевых направлений в области подготовки кадров для государства.

В табл. 4 представлена численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (уровень – магистратура), на бюджетной основе по укрупненной группе специальностей и направлений 39.00.00 Социология и социальная работа за период 2017–2020 гг. [4]

Таблица 4

Количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по образовательным программам высшего образования (магистратуры) по УГСН 39. 00. 00 Социология и социальная работа за период 2017–2020 гг.

Направление подготовки	Годы			
	2017	2018	2019	2020
Социология	3 326	3 573	3 376	3 232
Социальная работа	2 953	3 170	2 796	2 422
Итого	6 279	6 743	6 172	5 654

Согласно представленным данным наблюдается снижение количества студентов, обучающихся на бюджетной основе. В 2018 г. увеличилось количество студентов-бюджетников, по сравнению с 2017 го. В 2019 и 2020 гг. снижение было незначительным, менее чем 500 человек. Это свидетельствует о том, что направления УГСН 39.00.00 Социология и социальная работа является одним из ключевых направлений в области подготовки кадров для государства.

На рис. 2 представлена численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (уровень – бакалавриат), на бюджетной основе по укрупненной группе специальностей и направлений 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты за период 2017–2020 гг. [4]

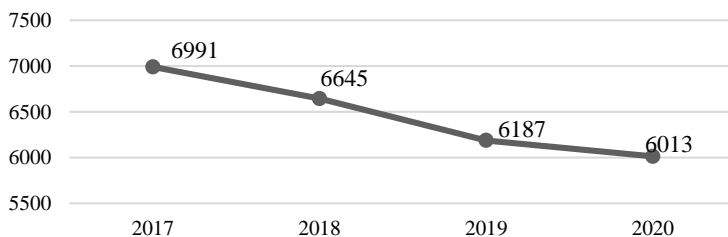

Рис. 2. Количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по образовательным программам высшего образования (бакалавриата) по УГСН 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты за период 2017–2020 гг.

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод, о том, что количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по направлениям УГСН 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты за последние снизилось на 978 человек, что составило 14 %.

В рис. 3 представлена численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (уровень – магистратура), на бюджетной основе по укрупненной группе специальностей и направлений 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты за период 2017–2020 гг. [4]

Социальная работа включает компоненты практически всех направлений профессиональной деятельности: педагогической, психологической, социально-политической, юридической, экономической, социально-медицинской, информационной, коммуникативной и др. Следовательно, в условиях индивидуализации профессиональной подготовки увеличивается возможность подготовки специалиста в соответствии с профессиональными требованиями конкретного рабочего места конкретного учреждения всех сфер жизнедеятельности человека. Это в свою очередь будет способствовать реализации таких положений Болонского процесса как повышение эффективности контроля качества образования и обеспечение трудоустройства выпускников.

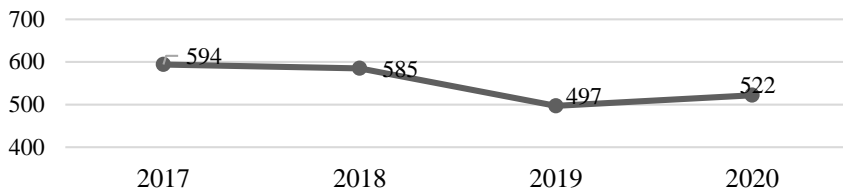

Рис. 3. Количество студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения по образовательным программам высшего образования (магистратуры) по УГСН 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты за период 2017–2020 гг.

Новые образовательные программы могут быть созданы как на базе уже внедренных в практику социального страхования новшеств, так и с учетом прогнозируемых в ближайшей перспективе трансформаций, принимаемых в государственных программах и концепциях социально-экономического развития. По нашему мнению, работники всех организаций и служб, задействованных в системе социальной работы с населением, обязаны проходить обязательную систематическую переподготовку с последующей аттестацией в качестве специалистов социальной сферы. Рационально проводить коллективное обучение сотрудников разных организаций: государственных внебюджетных фондов, органов государственной власти, страховых и инвестиционных компаний, негосударственных пенсионных фондов и т. д. В этом случае на практических занятиях и семинарах будет возможно создать необходимый обмен информацией между различными участниками всей системы социальной работы.

Мы полагаем, что необходимо обратить пристальное внимание на развитие образованности населения в социуме, особенно в части информированности их о собственном положении в общественной системе, о своих правах и обязанностях в этой сфере социального управления, возможностях получения социальной помощи от общества и государства. В нынешних условиях комплексные знания в области государственной социальной политики можно получить, только обучаясь общественным или экономическим наукам.

На рис. 3 отмечается увеличение количества бюджетных студентов в 2020 г. по сравнению с 2019 годам по УГСН 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты, что говорит о том, что направления подготовки, входящие в данные УГСН востребованы для государства.

Социальная работа включает компоненты практически всех направлений профессиональной деятельности: педагогической, психологической, социально-политической, юридической, экономической, социально-медицинской, информационной, коммуникативной и др. Следовательно, в условиях индивидуализации профессиональной подготовки увеличивается возможность подготовки специалиста в соответствии с профессиональными

требованиями конкретного рабочего места конкретного учреждения всех сфер жизнедеятельности человека. Это в свою очередь будет способствовать реализации таких положений Болонского процесса как повышение эффективности контроля качества образования и обеспечение трудоустройства выпускников.

Литература

1. Баева Д. Е. Организация профориентационной работы на примере Иркутского государственного университета. М., 2021. 10 с
2. Навигатор абитуриента // РИА Новости : сайт. URL: <https://na.ria.ru/20200604/1572466272.html> (дата обращения: 01.01.2021).
3. Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelynykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovateln> (дата обращения: 03.01.2022).
4. Сведения о численности студентов по курсам, направлениям подготовки и специальностям // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-po-kursam-napravleniyam-podgotovki-i-spetsialnostyam> (дата обращения: 03.01.2022).
5. Школьнику // Сибирский федеральный университет : сайт. URL: <https://admissions.sfu-kras.ru/training> (дата обращения: 03.01.2022).

УДК 364.446
ББК 77.46

Н. В. Рудакова, *Иркутск*

Основные проблемы в части профессионального кадрового обеспечения детских школ искусств Иркутской области

Представлены результаты мониторингов и научных исследований социологической и культурологической направленности, проведенных с целью оценки кадрового потенциала и анализа изменений, происходящих в кадровой структуре учреждений дополнительного образования детей по видам искусств Иркутской области.

Ключевые слова: учреждения дополнительного образования детей по видам искусств, Иркутская область, проблемы кадрового обеспечения, решение кадровых проблем

N. V. Rudakova, *Irkutsk*

The main problems in terms of professional staffing of children's art schools of the Irkutsk region

The article presents the results of monitoring and scientific research of a sociological and cultural orientation, conducted in order to assess the personnel potential and analyze the changes taking place in the personnel structure of institutions of additional education for children in the arts of the Irkutsk region.

Keywords: institutions of additional education of children by types of arts, *Irkutsk* region, problems of staffing, solution of personnel problems.

В соответствии с данными формы федеральной статистической отчетности 1-ДШИ в 2020/21 учебном году система дополнительного образова-

ния детей в сфере культуры Иркутской области насчитывала 94 юридических лица: 1 государственное учреждение и 93 муниципальных. Из них 20 школ находятся в сельской местности (21 %). По сравнению с предыдущим учебным годом количество юридических лиц осталось неизменным.

По типам учреждения дополнительного образования детей по видам искусств в Иркутской области делятся на:

- детские музыкальные (21 ед., из них 5 ед. расположены в сельской местности);
- детские художественные (16 ед.);
- детские школы искусств (57 ед., из них 15 ед. расположены в сельской местности).

Учреждения дополнительного образования детей по видам искусств Иркутской области в большей степени по сравнению с другими учреждениями сферы культуры сталкиваются с кадровыми проблемами. Среди наиболее острых проблем кадрового обеспечения учреждений дополнительного образования детей сферы культуры и искусства Иркутской области можно выделить следующие.

1. Четко выраженная тенденция к сокращению численности работников учреждений дополнительного образования детей по видам искусств, в том числе педагогических работников. В системе дополнительного образования детей в сфере культуры в Иркутской области работают 3090 человек (–3,1 % к уровню прошлого учебного года), доля преподавателей от общего числа работников составляет 61,5 % (1901 человек). За последние три года число преподавателей в детских школах искусств сократилось на 3,2 % с 1943 чел. до 1880 чел.

2. Сохранение дефицита кадров, подтверждаемое ростом количества вакансий. По данным мониторинга «Вакансии» по состоянию на 01.04.2021 вакансии имеют 62 % учреждений дополнительного образования детей сферы культуры и искусства региона. Общее число вакансий составило 151 ед. (в 2019 г. – 128 ед.), из них 1 ед. в государственном учреждении – Иркутской областной детской школе искусств, 150 ед. – в 57 муниципальных учреждениях в 32 муниципальных образованиях Иркутской области. Из общего числа вакансий 99,3 % относятся к основному персоналу, в том числе преподаватели – 82,0 %.

Среди учреждений дополнительного образования детей сферы культуры и искусства, имеющих вакантные должности, 64,9 % – это детские школы искусств (38 ед.), 22,8 % – детские музыкальные школы (13 ед.), 8,8 % – детские художественные школы (5 ед.), 3,5 % – прочие (2 ед.).

Из числа вакансий в учреждениях дополнительного образования детей 64 ед. приходится на городские округа (42 %), 87 ед. – на муниципальные районы (58 %). В городских округах наибольшее количество вакансий приходится на города Ангарск (17 ед.), Братск (14 ед.), Иркутск (6 ед.), Черемхово (6 ед.), Усть-Илимск (5 ед.).

В муниципальных районах наибольшее число вакансий представлено в Усольском (14 ед.), Нижнеудинском (13 ед.), Слюдянском (11 ед.) районах. На указанные муниципальные образования приходится 57 % всех вакансий в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры и искусства Иркутской области.

Общее количество свободных ставок в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры и искусства составляет 201,29 ед. (в 2019 г. – 153,75 ед.).

Наиболее востребованными вакантными должностями в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры и искусства являются:

– преподаватель музыкальных инструментов (93 ставки), в том числе по классу фортепиано (40,27 ставки); по классу баян/аккордеон (11,5 ставки); по классу гитары (10 ставок); преподаватель по классу скрипки (6 ставок); преподаватель по классу домры (3 ставки); преподаватель по классу флейты (3 ставки).

- концертмейстер (26,5 ставок);
- преподаватель теоретических дисциплин (25 ставок);
- преподаватель (15 ставок);
- преподаватель изобразительного искусства и ДПИ (7 ставок);
- преподаватель хореографических дисциплин (6 ставок);
- хореограф (4 ставки);

Требования к уровню образования по имеющимся вакантным должностям в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры и искусства распределились следующим образом:

- наличие высшего образования – 6,0 % вакансий;
- наличие среднего профессионального образования – 8,0 %;
- наличие высшего или среднего профессионального образования – 86,0 %.

Таким образом, для 94,0 % вакансий в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры и искусства допускается наличие среднего профессионального образования.

3. Старение кадрового состава, о чем свидетельствует невысокая доля молодых специалистов и высокая доля работающих пенсионеров.

По данным мониторинга «Кадровый состав» учреждений культуры Иркутской области дифференциация работников основного персонала учреждений дополнительного образования детей по видам искусств по возрасту представлена следующим образом:

- до 35 лет – 20,5 %;
- от 35 до 55 лет – 44,2 %;
- 55 лет и старше – 35,3 %.

К категории «работающие пенсионеры» относятся 32,1 % работников основного персонала школ. В детских школах искусств отмечается высокая доля специалистов со стажем работы в учреждениях культуры свыше 10 лет (73,5 %).

В 2020 г. ГБУ ДПО ИОУМЦКИ «Байкал» было проведено социологическое исследование на тему «Кадровое обеспечение сферы культуры Иркутской области», в котором приняли участие было 197 работников учреждений дополнительного образования детей – руководители и работники основного персонала. Среди кадровых проблем, которые затрагивают учреждения культуры и учреждения образования в сфере культуры, участниками опроса была выделена проблема старения кадров, связанная с ростом доли работников старших, предпенсионных или пенсионных возрастов, не восполняемым уходом молодых работников. Проблема старения кадров присутствует в ответах каждого второго респондента. На втором месте среди кадровых проблем стоит нехватка специалистов с высшим профильным образованием, на третьем – низкий процент закрепляемости и невысокая мотивация молодых специалистов. Каждый четвертый респондент выделил в качестве кадровых проблем сокращение штатных единиц (25,9 %), низкую мотивацию специалистов к обучению и повышению квалификации (25,6 %), а также нехватку специалистов со средним профессиональным образованием (24,0 %).

На вопрос «Какие меры, на Ваш взгляд, будут в большей степени способствовать решению кадровых проблем в учреждениях культуры и учреждениях образования в сфере культуры вашего муниципального образования?» респондентами было дано 1125 ответов. В среднем каждый участник опроса указал 6 ответов на данный вопрос.

Большинство опрошенных в качестве мер, которые будут в большей степени способствовать решению кадровых проблем в учреждениях дополнительного образования детей, указали следующие: предоставление жилья молодым специалистам (79 % респондентов), повышение заработной платы (76 % респондентов), укрепление материально-технической базы учреждений (61 %), создание в Иркутской области учреждения высшего образования в сфере культуры и искусства (47 %), выделение квот в учреждениях культуры на трудоустройство молодых специалистов (47 %), внедрение программы «Земский работник культуры» (47 %), формирование кадрового резерва из студентов и выпускников образовательных учреждений (41 %), формирование комфортной среды обитания (дороги, детские сады, досуг и т. п.) (39 %).

Таким образом, кадровые проблемы влияют на эффективность управления образовательным учреждением. Они формируют проблемные зоны в образовательном потенциале региона и в целом негативно сказываются на образовательный потенциал жителей. Поэтому, органам власти необходимо уделять пристальное внимание на развитие данной сферы образовательного пространства Иркутской области.

Авторская справка

Агеев Алексей Викторович – заместитель начальника факультета заочного обучения Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, e-mail: ageeva-lexx@yandex.ru

Айснер Лариса Юрьевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Центра международных связей и бизнеса Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, e-mail: stud.ui@kgau.ru

Апанина Алена Владимировна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: aapanina7@gmail.com

Баева Дарья Евгеньевна – студентка 5-го курса направления «Социальная работа» факультета дополнительного образования Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: baeva_isu@mail.ru

Батьянова Людмила Николаевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Бибердов Мансур Сар-Алиевич – студент 2-го курса профиля «Физика и экономическое образование» физико-математического факультета Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, e-mail: amirbespalov46@gmail.com

Бирюков Александр Тимофеевич – студент 4-го курса направления «Социальная работа» факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: alekss2000rus@yandex.ru

Бобков Александр Иванович – доцент, кандидат философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Бовыкин Кирилл Александрович – студент 4-го курса направления «Публичная политика и социальные науки» Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, e-mail: bowykin.kirill2011@yandex.ru

Булуктаев Юрий Очирович – доцент, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Республика Казахстан, г. Алматы, e-mail: buluktaev49@mail.ru

Васильев Николай Гаврилович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, e-mail: ngv@bk.ru

Голубева Татьяна Брониславовна – кандидат технических наук, доцент кафедры сервиса и оздоровительных технологий Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, e-mail: golubevatab@mail.ru

Данакари Лилия Ричарди – кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, e-mail: liliya.danakari@yandex.ru

Ермоченко Константин Павлович – студент 5-го курса направления «История и обществознание» Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, г. Брянск, e-mail: ermochenko.konstantin@gmail.com

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, г. Иркутск, e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Заварзина Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: julia661@mail.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: zavialovandrijo@yandex.ru

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: history2002@bk.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юристконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», член РФО, г. Казань, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Карпенко Ольга Анатольевна – кандидат экономических наук, студент 2-го курса направления «Юриспруденция» института права Самарского государственного экономического университета; консультант и методист общественного проекта «Фабрика будущих профессионалов»; волонтер общественного движения «Люди дела»; ведущий специалист АО «Самарагорэнергосбыт», г. Самара, e-mail: oiga180008@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна – доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, e-mail: irakil1967@mail.ru

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, г. Хабаровск, e-mail: stosorok2005@yandex.ru

Кошечкина Елена Александровна – доцент, кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Лужского института (филиала) государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», г. Луга, e-mail: sea7helena@mail.ru

Кривобок Софья Алексеевна – студентка 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: krivobok98@list.ru

Лещенко Ярослав Александрович – профессор, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, г. Ангарск, e-mail: yalshenko@gmail.com

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Маркова Елизавета Александровна – студент 3-го курса направления «Менеджмент» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Миронова Марина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, e-mail: 279113@e1.ru

Москвитина Наталья Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: natalikm@mail.ru

Московский Сергей Сергеевич – магистрант 2-го курса направления «Социология» (профиль «Современные технологии социального управления») Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, e-mail: Sergey.moskovskiy.98@mail.ru

Мулюков Данил Марсович – студент 4-го курса направления «Социальная работа» факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: daniel2000@mail.ru

Наумов Олег Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и кадровой политики Института экономики и управления АПК Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, e-mail: stud.ui@kgau.ru

Нежкина Лариса Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, e-mail: n.l.y@mail.ru

Островский Сергей Николаевич – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: ostrova@tut.by

Пищугин Александр Максимович – бакалавр политологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: pishugin97@gmail.com.

Подавайкина Мария Петровна – кандидат социологических наук, доцент, Харьковский национальный университет, Украина, г. Харьков; стажер программы обменов АРА, e-mail: podavaykina@yandex.ru

Поджидаева Анастасия Юрьевна – студент 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: sei135@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: 900320@mail.ru.

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – аспирант направления «Социальная философия», ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Прытков Максим Игоревич – магистрант 1-го курса направления «Менеджмент в образовании» Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: pmi22ss@mail.ru

Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, e-mail: olgapr07@rambler.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: eres80@mail.ru

Романова Полина Михайловна – ООО «Теттикс», г. Москва, e-mail: polinarom1208@yandex.ru

Рудакова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск, e-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Салимшин Ильнар Ленарович – студент 4-го курса направления «Социальная работа» факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: ilnarsalimsin@gmail.com

Салимшин Ильнар Ленарович – студент 4-го курса направления «Социальная работа» Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: ilnarsalimsin@gmail.com

Сафонов Сергей Андреевич – магистрант 1-го курса Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, г. Красноярск, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Симашенков Павел Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры ГМУ и правового обеспечения государственной службы Самарского университета «МИР», г. Самара, e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – магистр психологии, г. Иркутск, e-mail: vskudenkov@mail.ru

Тайсумова Халимат Вахаевна – старший преподаватель кафедры экономики и управления в образовании Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, e-mail: vashstroy@mail.ru

Таскова Яна Николаевна – студентка 1-го курса магистратуры по направлению «Технологии услуг в сфере спорта и отдыха» Института физической культуры, спорта и молодежной политики, кафедры сервиса и оздоровительных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, e-mail: Yana.Lazovskaya@mail.ru

Терещенко Анна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, e-mail: 89025119540@yandex.ru

Торопыгина Анастасия Алексеевна – студент 3-го курса направления «Управление персоналом» Самарского университета «МИР», г. Самара, e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор МАУ «ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ – «Дзержинские ведомости» – общественно-политическая городская газета), г. Нижний Новгород, e-mail: treskin-ne@ya.ru

Труфанов Алексей Валерьевич – магистрант 2-го курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: al.tru13@mail.ru

Удалых Станислав Кузьмич – доцент, кандидат экономических наук, заместитель руководителя Иркутского регионального отделения Российской академии естественных наук (ИРО РАЕН), г. Иркутск, e-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Фальковская Татьяна Юрьевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, руководитель НПЦ «Креативный город», г. Иркутск, e-mail: dear_dear@inbox.ru

Фергу Фера Олонсо – доктор философии Института гуманитарных наук Университета Альгарве, Португалия, г. Фаро, e-mail: fergoo@yahoo.com

Хайдарова Хилола Хислатовна – докторант направления «Социология», Национальный университет Узбекистана, Узбекистан, г. Ташкент, e-mail: hilolahaydarova@mail.ru

Хошин Има Сыыл – доктор философии, Монгольский государственный университет, Монголия, г. Улан-Батор, e-mail: hochinis@yahoo.com

Цемба Наталья Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, информатики и математики Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Старый Оскол, e-mail: nataliatsemba@mail.ru

Чебунин Виктор Петрович – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: chebvik@mail.ru

Шмонин Георгий Юрьевич – курсант 3-го курса специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, e-mail: g-shmonin@mail.ru

Шутило Мария Павловна – студентка 1-го курса направления «Социология» Белорусского государственного экономического университета, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: m15020041@gmail.com

Янгайкина Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве РМ», старший научный сотрудник лаборатории информатизации отдела информационно-аналитического обеспечения исследований, г. Саранск, e-mail: sudakova2007mail.ru

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы
VIII Международной научно-практической конференции

Иркутск, 21 февраля 2022 г.

Материалы публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки: П. О. Еришов

Темплан 2022. Поз. 9

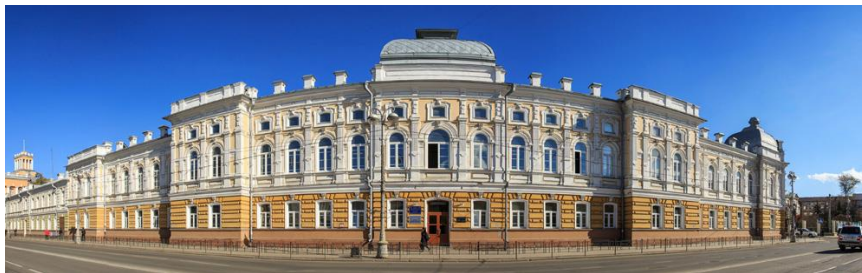
Уч.-изд. 20,5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ

664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. (3952) 52-18-53

e-mail: izdat@lawinstitut.ru

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук — учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по четырем направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

В Институте действует Совет по защите докторских диссертаций по философским и социологическим специальностям. На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, инновационное пространство региона, социология образования, политическая социология, социология символа и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных для проведения совместных научных исследований, хозяйственных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211

Телефон/факс: (3952) 243 748, (3952) 200 205